

Ю. Моргунов

**ВЗГЛЯД
В ПРОШЛОЕ**



Содержание

От автора.....	5
СТАРОМАЙСКАЯ ВОЛОСТЬ.....	7
Старая Першинская мельница.....	17
Посёлок Труженик.....	57
Посёлок Сталина.....	58
Посёлок Андроновка.....	63
Монастырь – Коммуна – колхоз «Молодая Гвардия».....	63
Посёлок Потаповка.....	70
Деревня Нижняя Матросовка.....	71
Деревня Верхняя Матросовка.....	73
Хутор Смирнова.....	75
Село Красная Река.....	76
Посёлок Ильменский.....	86
Посёлок Новая Жизнь.....	86
Посёлок Сухая Речка.....	86
Посёлок Плуг.....	87
Посёлок Красная Поляна.....	88
Посёлок Садовка.....	89
ЖЕДЯЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ.....	92
Деревня Арчиловка.....	92
Село Аристовка.....	95
Село Жедяевка.....	97
Деревня Айбаши.....	107
Село Матвеевка.....	114
Деревня Пяти Озёрки.....	123

Деревня Шмелёвка.....	125
Деревня Берёзовка	128
Деревня Старая Зеленовка	131
Деревня Никольский Выселок.....	133
Село Волостниковка	135
Посёлок Валдай.....	144
Деревня Парашино.....	146
Село Волжское	147
Деревня Новая Грязнуха	152
ЮРТКУЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ.....	156
Село Русский Юрткуль.....	156
Деревня Подлесные Мордовские Юрткули	168
Деревня Средние Мордовские Юрткули.....	169
Село Базарные Мордовские Юрткули	171
Деревня Васильевка.....	173
Деревня Приютное.....	174
Деревня Шингалеевка.....	176
Деревня Михайловка	177
Деревня Умовка	179
Деревня Грибовка	180
Деревня Бекетовка	186
Деревня Алашеевка.....	187
ПОМРЯСКИНСКАЯ ВОЛОСТЬ.....	191
Село Новиковка.....	193
Село Ясашное Помряскино.....	201
Деревня Русское Урайкино	207

Деревня Горное Урайкино	209
Деревня Татарское Урайкино	210
Село Бряндино.....	214
КАНДАЛИНСКАЯ ВОЛОСТЬ.....	221
Посёлок Лесная Поляна.....	223
Село Большая Кандаля	224
Село Малая Кандаля	236
Деревня Ертуганово	243
Посёлок Откормсовхоза	245
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ	246
Село Лесное Никольское.....	247
Село Старое Рождественное	253
Деревня Чащик	264
Деревня Кологреевка	264
Деревня Сартоновка	266
Деревня Большая Ивановка	269
ЧЕРДАКЛЫ, ДМИТРИЕВО - ПОМРЯСКИНО	272
Село Дмитриево-Помряскино.....	275
Вместо эпилога.....	281

От автора

Уже название книги – «Взгляд в прошлое» говорит о том, что в реальной жизни нельзя быть абсолютно объективным, потому что этот труд лишь определенный взгляд на прошлое, с которым можно не согласиться, спорить или добавлять что-то упущенное, значительное. На мой взгляд – эта работа лишь черновой набросок для дальнейшего поиска исторических истин.

Признаться, писать о прошлом очень трудно, ибо, чтобы написать книгу, необходимы глубокие знания истории, дарование и вдохновение. У меня же ничего не было, кроме естественной человеческой любознательности, которая с накоплением массы услышанных у старшего поколения воспоминаний, наконец-то, перешла в желание сохранить собранное для потомков, попытаться передать им всю накопившуюся боль старших поколений за не сложившуюся нормальную жизнь, за трагедию Отечества на разных исторических этапах и наконец, о наступивших переоценках многих стереотипных восприятий, однажды навязанных обществу в интересах идеологического диктата ...

О прошлом наших селений, как правило, нет готовых летописных материалов, потому их историю мы чаще познаем из устной народной памяти, которая передает от поколения к поколению свое бесценное наследие. К сожалению, этот богатый на воспоминания источник былого ныне безучастно угасает, редеют ряды старшего поколения – очевидцев многих событий, безвозвратно уходит время, а краеведение, удел энтузиастов – одиночек, практически топчется на месте, находясь в большом запустенье без должного внимания и материальной поддержки, часто не выходя из накатанной колеи идеологических интересов.

Между тем, время неумолимо, и каждый из нас должен понять, что в повседневной суете и при общем равнодушии может безвозвратно потеряться очередной пласт прожитого, который позже будет трудно правдиво восстановить.

Я ожидал, что о прошлом наших селений напишут более подготовленные люди, но шло время, и никто эту тяжелую и спорную ношу на себя не взял, а посторонние люди, даже с именем, о нашем прошлом правдиво написать не смогут...

Из множества кинофильмов, статей, очерков и книг Советского периода прошлое изложено столь неверно, столь превратно, что невольно пытаюсь что-то исправить, что-то восстановить, заставить задуматься, чтобы прошлые ошибки стали уроком для потомков, чтобы они сумели избежать повторения заманчивых утопий того идеологического миража, от которого больше потерь и разочарований, чем исполнения желанного светлого будущего...

Откровенно, этот труд можно считать коллективным, ибо в нем, кроме текущих событий, собраны мысли и мнения многих людей, а также использован накопленный краеведческий материал, потому я благодарен всем статистам, библиографам, краеведам и всем, кто бескорыстно помогал и делился своими воспоминаниями ради этого общего труда.

К читателю

Не торопитесь читать эту книгу, она скучна для обычного чтения, ибо это не художественная книга, а скорее справочник или малая энциклопедия Старомайнского района, изложенная в форме простого последовательного рассказа, потому история каждого селения – самостоятельный рассказ и его можно читать выборочно. Уверен, что в вашей жизни наступит момент, когда книга вам может понадобиться, и вы с надеждой будете искать нужную вам страницу в поисках нужного вам ответа. Хорошим подарком книга будет вашим детям, внукам, чтобы они знали и любили свой край, свою малую Родину!

С уважением к вам, *Ю.Н.Мордвинов.*

СТАРОМАЙСКАЯ ВОЛОСТЬ

Историческая справка

Старомайнская волость образована в 1861 году с центром в селе Старая Майна. Административно волость относилась к Ставропольскому уезду Самарской губернии. В волость входили села Старая Майна и Красная Река. По данным 1883 года, в волости было 888 дворов и 5217 жителей. Во владении крестьянских обществ было 8799 десятин земли, из них 7094 десятины пашни. Во владении частных лиц было 8068 десятин, из них 2666 десятин пашни. Всего же за волостью с казённой и остаточной землей числилось 16997 десятин. О промыслах и другой деятельности населения говорят данные за тот же 1883 год. По Старомайнской волости было: 14 горшечников, 21 извозчик, 4 кабатчика, 43 лесопромышленника, 8 мельников, 4 кирпичника, 2 кровельщика, 6 кузнецов, 6 кучеров, 8 лакеев, 5 пастухов, 14 пильщиков, 26 плотников, 46 поденщиц, 9 портных, 21 приказчик, 67 пасечников, 9 сапожников, 22 торговца, 171 подвозчик к пристани, 11 человек уходили на отхожие работы, 52 человека считались нищими. Кроме двух селений из дореволюционного периода известны в пределах волости несколько хуторов: Пешкова, Елизаветинский, Дебу Застенный, Майнские Нарезки, Гославского, Смирнова, несколько пчельников и женский монастырь. В 20-е годы вокруг Старой Майны и Красной Реки был образован еще ряд поселков. В советский период прежняя волость была укрупнена за счет присоединения бывшей Кремёнской волости. В 1928 году Старомайнская волость была упразднена, вместо неё был образован Старомайнский район. К концу 20 века на территории прежней Старомайнской волости сложились Старомайнская поселковая и Краснореченская сельская администрации. По территории бывшей волости протекает река Майна, с неё и начинаем рассказ о прошлом и настоящем бывшей волости.

С невысокой Богульминско-Белебеевской возвышенности, с крохотного ручейка близ деревни Налейкина берет начало река Майна, одна из многочисленных кормилиц Великой Волги. Много веков петляет Майна среди лесистого Заволжья, собирая многочисленные слабые роднички, ручейки и малые речушки, чтобы своими спокойными водами приумножить могущество знаменитой реки. Много поколений селян купались в ее светлых водах, ходили с удочкой на скромного пескаря, и мало кто обратил внимание на ее название - почему Майна? Даже самые любознательные и памятливые старики как-то неуверенно искали происхождение названия реки от слова маяться, привычно ссылаясь на ссыльных да беглых, что были здесь в старину.

Наши современники, люди начитанные, эрудированные, ассоциируют название с применяемыми в такелажных работах словами майна-вира, логически предполагая, что название связано с низом, низменным местом, ямой и т.д. Листая толстые томики всезнающей энциклопедии, находим подходящие значения: есть птица майна, есть растение майник, но вряд ли они стали основой для образования названия реки. Отметим, что название Майна довольно распространенное - так называется река в Германии, есть река с аналогичным названием в Сибири и даже на Правобережье в той же Ульяновской области, но каждая из них получила свое название в разное время и при разных обстоятельствах. Важно знать, кто же мог дать такое название?

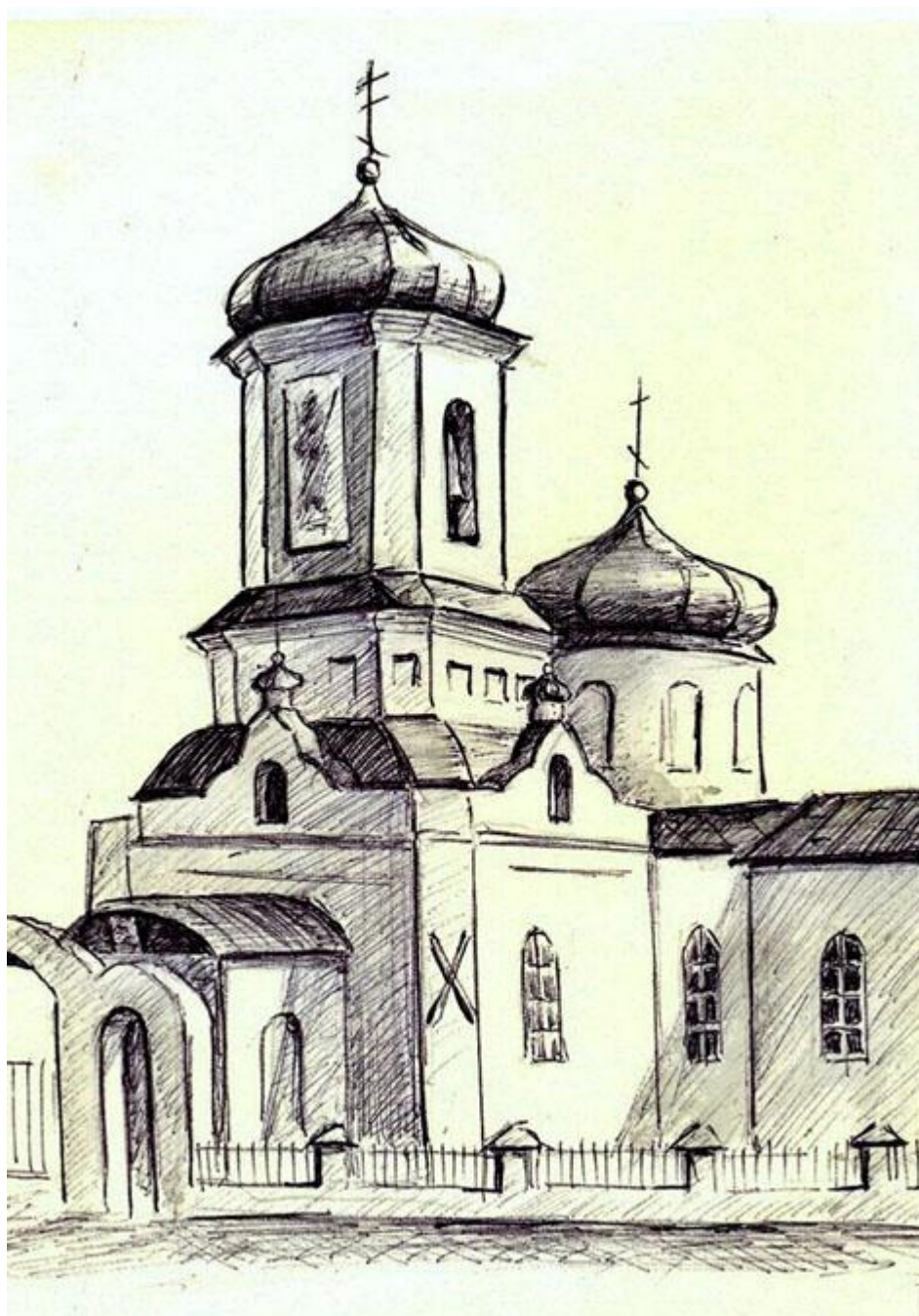
К сожалению, скупые строки истории не могут раскрыть нам, как называли древние жители этих мест свои городища, реки, озера и переняли ли перекочевавшие сюда другие народы эти названия. Возможно, частью измененные или искаженные, как это бывает обычно при перезаселении. Известно, что, путешествуя в 921-22 годах по Волжской

Булгарии, арабский путешественник и секретарь посольства Ахмед ибн Фадлан, описывая свой путь по нашему краю, в частности писал: «и мы... переправились через реку Джарамсан (Черемшан), потом через реку Уран (Урень), потом через реку Байнах (Майну), потом через реку Вутыг (Утку)...» Но после нашествия татар и при присоединении края к российскому государству названия могли измениться. Кто же дал рекам современные названия, приходится только догадываться. Безусловно, в огромном смешанном татаро-монгольском войске было много разных племен: так на кобальском языке майнаж - медвежий угол, а на ягнобском майн - кочевье, жилище. И все-таки предпочтение в авторстве надо отдать русским, даже если это и напоминающее его название перешло от татар. Майна на русском языке имело свой смысл, хотя и здесь единого мнения нет. Некоторые историки истоки названия связывали от будничного майданного производства (поташа, дегтя и т.д.), что было распространено вдоль реки. В своей работе по топонимике В.Ф. Барашков считал, правда, без определенной аргументации, простую трансформацию болгарского названия Байнах в русское Майна, с заменой первой буквы Б на М. Исследователи из географической экспедиции в середине 19 века утверждали, что Майна имеет болгарское происхождение, находя сходство со словом майкина - что на дунайско-болгарском языке означает мать (основная река). Убедительно, но нельзя сбрасывать и то, что слово Майна было очень распространено в Древней Руси как название полыньи или промоины в неподвижном льду. Если мы, к примеру, в настоящее время говорим, что кто-то провалился в полынью, то в старые времена говорили - провалился в майну, что было естественно. Вероятно так и было, при заселении края кто-то из первопроходцев провалился в полынью-майну и указав другим на реку, стал объяснять, что искупался в майне. Спутники посчитали, что майной называют реку, что и определило название. Это могло произойти в местах, где били теплые родники, и где лед на реке был обманчив и непрочен. Впрочем, какое бы происхождение названия реки не имелось, русские в то время ассоциировали его непременно с майной-полыньей.

Надворный советник Т. Г. Масленицкий, давая топографическое описание Симбирского наместничества, в 1785 году писал, что длина реки Майна - 55 верст, но позже ее длину оценивали в 70 верст. Сила реки Майна - в ее многочисленных притоках, ручейках и родничках, впадающих по всей ее длине. Начиная с истоков, в Майну впадает Малая Майна, затем Ильинка, Хмелевка, Кандапка, Красная - все левые притоки. Правым притоком была Утка - самый большой приток, хотя надо считать правым притоком и Старый Баран. Этот небольшой ключ на дне большого оврага весной преобразуется в решающую для реки Майна силу. Как только по склонам гор мощными потоками начинает скатываться талая вода с полей, скромный ручеек превращается в быструю стремительную реку, резко поднимавшую уровень воды в Майне, после чего начинается ледоход по всей длине реки. Кроме основных притоков, Майну пополняло множество ручьев (ключей) - Сомовий, Борковский, Исток, Зумор и другие. Интересно, что правый приток Майны - река Утка по длине не уступала основной реке, многие приверженцы Утки считали ее основной рекой, а Майну притоком. В народе часто употреблялось компромиссное название Майна-Утка. Свое название река Утка получила потому, что на своем пути она несколько раз ныряет, как утка, в землю и как бы пропадает, выбиваясь на поверхность иной раз через несколько километров. Пойма реки Майна была значительно скромнее волжской, однако разнообразный, меняющийся вдоль русла ландшафт был по-своему привлекателен. Пойма Майны славилась ягодными угодами. На Майне и ее притоках издавна люди строили водяные мельницы, крупорушки, шерстобойки и маслобойки. Подпор, создаваемый плотинами, увлажнял луга, что обеспечивало высокий

урожае трав. Многолетний опыт научил мастеров выбирать напор так, чтобы он не вызывал заболачивания поймы. На левом берегу Майны, в 8 верстах от ее впадения в Волгу, расположилось село Старая Майна. С созданием Куйбышевского водохранилища длина реки Майны уменьшилась в зависимости от уровня на 15-18 верст, и теперь река против Старой Майны скрылась под водами образовавшегося Старомай некого залива, и нынешнее поколение селян выросло на берегу залива, и уже не может представить реку в ее первоначальной красоте.

Центр Старомайского района расположен в 60 километрах к северо-востоку от Ульяновска. В поселке 26 промышленных предприятий, районный Дом культуры, Богоявленская церковь, райбольница, почта, телеграф, профессиональное училище, сельскохозяйственный техникум, две школы с общим числом учащихся в 1999 году 1184 человека.



Богоявленская церковь

В 1999 году в Старой Майне 7088 жителей. Сегодня Старая Майна - с 1967 года рабочий поселок, условно разделяется на две части: старую часть с ее тесными грязноватыми улочками и новостройку, более обихожённую, состоящую из заново построенных строений и частью перенесенных сюда из затопляемой зоны старого села при строительстве Куйбышевского водохранилища. Жители привыкли к тому, что есть в поселке - это ржавая надломленная баржа на берегу залива, старая церковь и новые трехэтажные школа, больница, почта и другие, в общем-то, привычные места общения селян, ставшие своеобразными ориентирами. Новое поколение выросло с этими приметными местами и настолько свыклось, что без них поселок им трудно представить. Вот почему трудно вспоминать прошлое Старой Майны, ибо исторический рассказ о селе практически возвращает нас в малоизвестное селение, в котором для каждого поколения были свои, понятные только им ориентиры, уважаемые люди, известные фамилии, добротные примечательные здания и связанные с ними исторические случаи. Однако со временем все меняется и многое уходит в глухое забвение. Чтобы разобраться в прошлом, листаем странички истории старого села.

Сегодня многие считают, что Старая Майна основана в 1670 году, впрочем, об этом говорят и официальные справочники, потому без доли сомнения в 1970 году жители уже рабочего поселка Старая Майна торжественно праздновали его трёхсотлетие. Районная и областная газеты посвятили не одну полосу юбилею, были выпущены по этому случаю сувениры. В общем-то, впервые дань историческому прошлому Старой Майны была торжественно соблюдена. В последующие праздники рабочего посёлка торжество практически было приурочено к той же дате. Впрочем, это понятно: для организаторов праздника нужна конкретная дата. Однако внимание заслуживает другая дата основания села – **1655 год**.

Ещё только достраивалась Закамская укреплённая линия, а уже первые миссионеры делают попытки освоить беспокойное Заволжье. По одной из основных версий, село Майну (Богоявленское) основал игумен Костромского Богоявленского монастыря Герасим «со своей братией», который в 1655 году нашёл вдоль Волги «порозжую землю», но отхлопотал ли он именно здешние земли, сказать трудно, ибо конкретных подтверждающих документов найти не удалось. Сложно найти подтверждение и в самом монастыре, ибо монастырь пострадал от большого пожара... Однако то совпадение названий Богоявленского монастыря и образованного селения Богоявленского (Майна) невольно заставляет обратить внимание на эту, в общем-то, привлекательную версию. По другой версии, село Майна (Богоявленское) основал непосредственно сам Московский патриарх Никон, который в том же 1655 году основал несколько селений в наших краях, потому и селение Майна часто называли патриаршим. В любом случае село было образовано в 1655 году. Если учесть, что поселенцы в первую очередь строили себе избы, дворы, распахивали нови, на что ушло 3-4 года, а уже затем, окрепнув, они стали строить здесь церковь Богоявления, которую из-за занятости и малочисленности строили 2-3 года, то к 1661 году село было отстроено. Однако к тому времени влияние патриарха значительно упало, потому нетрудно догадаться, что после окончательного отстранения Никона в 1666 году поселенцы лишившись столь влиятельной опеки, из-за угрозы нападений кочевников покинули село, которое большей частью было растащено и разрушено, но ненадолго....

Московское правительство было обеспокоено тем, что с сооружением Закамской укреплённой линии была достигнута лишь относительная безопасность, так как

продолжались нападения башкирцев, калмыков и даже самих «воинских людей», которые и поселены-то были здесь с целью предохранения и защиты края от нападений.

Чтобы обеспечить безопасность поселенцев, царь Алексей Михайлович старается привлечь сюда на охранную службу не только своих ратных людей, но и иностранцев. В 1667 году после Андрусовского мира с Польшей, по которому часть земель с городом Полоцком была возвращена Польше, полоцкая шляхта во главе с полковником Гаврилой Гославским отказалась служить польскому королю, перейдя на сторону России. Шляхтичам отвели земли в Старомайнской стороне, но из 532 шляхтичей сюда переселилась лишь часть.

С самого начала все они были разделены на две группы. К первой, небольшой группе из 31 шляхтича с полковником во главе, относились те из них, которые вместе с землей и угодьями получили и крестьян; вторая группа получила только землю с угодьями. В начале 1668 года (год начинался с 1 сентября) из Казанского приказа, находящегося в Москве, отправлена была грамота в г. Казань, на имя воеводы, с наказом – разобрать всех шляхтичей по статьям и устроить их землями по Закамской черте и на ту землю взять крестьян из Казанского, Свияжского и других уездов из дворцовых сёл Великого Государя. Весной того же года из Казани были отправлены служивые люди в дворцовые села указанных уездов. Они переписывали крестьян, «собирали средней по зажиточности статьи» и заставляли от 20 дворов тянуть жребий – неудачник «с женой, детьми и со всеми их животы и хлебом» становился крепостным польской шляхты.

В апреле того же года в Казань из Москвы был отправлен указ, чтобы послать на реки Утку и Майну дворянина да доброго подьячего из приказной палаты и на тех землях всё переписать и измерить, и положить в четверти и на чертёж. И отмерить землю полоцкой шляхте – полковнику 100 четвертей (50 десятин) в каждом поле, ротмистру – 80 четвертей, поручику – 70, остальным – по 60 четвертей в каждом из трех полей. И на «тою землю Государева жалованья крестьян» полковнику – 12 дворов, ротмистру – 10, остальным – по 6 дворов.

Указано: лишних земель шляхте не давать, не отводить мест, где в старину были укрепленные города, старые городища и валы, потому что в тех местах будут построены по-прежнему города и всякие крепости.

В августе 1668 года из Казани, сюда, на реки Утку и Майну, прибыли с подробным наказом служивый дворянин Михаил Бараков и подьячий Анисим Чередеев. Предполагалось на всю шляхту (532 человека) отмерить по 24675 четвертей в каждом поле, однако не все из них захотели взять землю без крестьян, и к приёму земель прибыло только 66 человек, которым было отведено лишь 4160 четвертей в каждом из трех полей.

Здесь, у реки Майны, у разрушенного села Богоявленное, прежние освоенные земли, сенные покосы и всякие угодья были отмерены шляхтичам. По левой стороне, над рекой, на месте прежнего села, предварительно было отмерено земли под церковь Божию, где и прежде всего была церковь Божия, и попу с причетники под усадьбы. После этого, уже от церковной земли, на низ по Майне реке, отмерена была земля полковнику и некоторым его товарищам (до 18 человек), затем – по другую сторону церковной земли, вверх по Майне, отведены были усадебные земли одному из ротмистров с товарищи.

Всего здесь было поселено 43 шляхтича. В полях рядовым и двум сыновьям Гославского было отведено лишь по 50 четвертей вместо 60, на церковь (попу и причетники) по 40 четвертей в каждом из трёх полей.

Пахотная земля во всех трёх полях отведена была с ряду вверх по Майне к Краснореченским мордовским пашням. Отмерено им по дубравам и по низким непаханным местам и болотам подле Майны на выпуск (выгон) 236 десятин.

Сенные покосы простирались с одной стороны от устья Майны вниз по Волге до конца шляхтецких пахотных земель, а с другой стороны по Майне до грани полей с краснореченской мордвой.

Лесные угодья отведены от Майны в гору в сторону реки Утки на три версты.

Практически вся земля вокруг села оказалась у шляхтичей, а село заселено как шляхтой, так и данными им русскими крестьянами. Село Богоявленное (или Полоцкая слобода) было опоясано рвом, но этого явно не хватало для безопасности поселенцев.

Впрочем, и другие поселения требовали защиты от кочевников и разбойничьих шаек из беглых крестьян, потому правительство было вынуждено принять решение о строительстве дополнительных крепостей, для чего в начале марта 1670 года из Казани на Утку и Майну были посланы служивый человек Андрей Чернов с подъячим Галактионовым, которым поручено было приехать на Майну, взять у полковника Гославского и начальных людей, а на Утке у ротмистра Петра Костенецкого и у шляхты сказки (грамоту, донесение), чтобы знать заранее, где построить на Майне и Утке в крепких местах, описать и измерить, и осмотреть, в котором месте около слободы Полоцкой шляхты построить остроги.

В августе того же года на Майну прибыли спецы: «в смете и по сказке подмастерья Казанских стрельцов Николки Захарьева да Фетки Вожевина надобно на Майнское острожное дело и на катки, и на мосты, и на иглы, и на подпоры, на всякую сажень по 20 брёвен, итого на строжное дело 42 тысячи брёвен трёхсаженных, в отрубке по полупята и по пять и шесть вершков, да на проезжие, на шесть башень по 300 брёвен, да по 100 тесин на башню, затем на глухие...»

Всего на строительство Майнского острога требовалось 80 тысяч сосновых брёвен и 1800 тесин...

Вот составление плана и сметы на строительство Майнского острога в августе 1670 года и взято за дату основания острога, хотя у острога не было построено ни одного укрепления, не вбито ни одного столба. Более того, в дальнейшем в официальной справочной литературе эта дата ошибочно взята за время основания села...

Поскольку название села Богоявленное к острогу явно не подходило, то его назвали по реке Майнским. Острог имел 900 сажен в длину (1800 метров) и 200 сажен в ширину (400 метров). Он был опоясан земляным валом с глубоким рвом. Острог имел 12 глухих и 6 проезжих башен, соединенных частоколом.

В остроге, который называли ещё городком, были построены приказная и съезжая избы. В пахотных полях до озера Яик (Булгак) были построены на трёх дорогах три караульные башни.

Небольшое село Богоявленское (Полоцкая слобода) так и осталось за чертой построенного острога, но новые поселенцы селились уже непосредственно в остроге. Довольно быстро село Богоявленское и Майнский острог слились в один населенный пункт, и оба названия, изначально обозначавшие конкретную его часть, постепенно становятся общими, под названием Майнский городок (Богоявленское тож)... Изначально в остроге несла службу польская шляхта, но гарнизон пополнялся стрельцами из посадских и свободно гулявших людей.

Первым воеводой Майнского острога был назначен Матвей Савельевич Салов.

Значение Майнского острога для большей части нынешнего Старомайнского района было значительно. Острог имел гарнизон, который при надобности мог оказать военную помощь другим селениям, воевода был наделен властью решать текущие вопросы, вершил суд, следил за исполнением повинностей, он же решал раздел земли, её передачу, продажу (потому его иногда называли мэрщиком).

Во время колонизации края вся территория государства административно разделялась на уезды, их число в конце 17 века доходило до 250. Большая территория из нескольких уездов входила в приказы. Село Богоявленское и Майнский острог в то время относились к приказу Казанского дворца Казанского уезда Ногайской дороги Закамской стороны...

В начале 18 века, по мере продвижения русских всё дальше на восток, стратегическое значение Майнского острога как оборонительной крепости упало, потеряли значение ров, вал, деревянные стены, башни которые стали разбираться... к сожалению, ныне от старого острога не осталось следов, к тому же, с образованием Куйбышевского водохранилища значительная часть села попала в зону затопления и была перенесена на новое, более высокое место. И всё же, если посмотреть сегодня на оставшуюся часть сверху, то в плане можно угадать контуры прежнего острога, а подтопленные и огибавшие село овраги с северо-запада и юго-востока – не что иное, как размытые следы бывшего крепостного рва...

С тех пор, как Майнский острог, потеряв военное значение, превратился в обычное село, часть шляхты, в желании продолжить службу, покинуло село. Их земли приобрели другие состоятельные люди - часто, просто из-за престижа, не думая о доходности здешнего владения, переселяя сюда лишь небольшую группу крестьян, начиная с одной или нескольких семей. Переселенцам вменялось больше следить за владением, потому они нередко пользовались землёй без отработки барщины, откупаясь от владельцев хлебосольным гостеприимством и продуктовыми «подарками».

К 1771 году в Майне числилось 28 помещиков, а из знатных вельмож здесь имел владение граф Петр Иванович Панин, у которого значилась 181 душа мужского пола. Здесь же владение генерал-майора Александра Ивановича Миллера, генерал-майора Нефёда Кудрявцева и других. Постепенно владельцы были вынуждены определиться со своими дачами: то ли продолжать их дальнейшее освоение или просто продать их. Неудивительно, что к 1795 году в Майне (Богоявленском) осталось лишь 14 помещичьих общин.

Интересно, что к этому времени общие владения имели в селе известные всей России братья Орловы: Иван и Владимир. Здесь же были владения молодого, на то время лишь надворного советника, Дмитрия Николаевича Блудова; прапорщика Петра Петровича Юдина; Александра Логиновича Лихачёва; статского советника Ивана Николаевича Ретова; девицы Анны Петровны Татищевой; подпоручика Григория Фёдоровича Борисова; подпоручика Николая Михайловича Гославского; Елизаветы Ивановны Гославской; Анны Тимофеевны Барсуковой; Анны Ивановны Страховой; Степана Андреевича Языкова; подпоручицы Аграфены Фёдоровны Тимофеевой, и ещё одна община состояла из казённых крестьян и однодворцев. Всего за селом было 12811 десятин земли, из них 5388 десятин пашни. В селе было три господских одноэтажных дома, 1833 жителя, торг по понедельникам, пристань...

Не трудно заметить, что из 14 помещиков лишь трое жили в Майне, большинство же из них имели свои усадьбы в других местах. В последующие годы многие из этих помещиков продали здесь свои земли и крестьян другим владельцам, вместо них в селе замелькали новые дворянские фамилии: Ховриных, Едашевских, Чураковых, Сахаровых, Варламовых, Немидовых, Черноруцких, Лентовских, Дебу и Половцевых...

Примечательна связь Старой Майны с другими селениями. Например, подполковница Анна Васильевна Черноруцкая имела землю и крестьянские общины в Старой Майне и Жедяевке, штабс-ротмистр Алексей Иванович Сахаров имел землю и крестьян в Старой Майне и Русских Юрткулях, а граф Блудов – в Старой Майне, Жедяевке и Анненской слободе (Танкеевка).

Если брать во внимание основание села в 1655 году, то к его 200-летию в 1855 году в селе 472 двора и 2681 житель. К сожалению, в этом юбилейном году в селе свирепствовала оспа. В этом году здесь родился 161 младенец, а умерло 179 человек, из них 84 - дети до одного года. Трудным для селян был и 1860 год, когда в селе родилось 152, а умерло 235 человек, из них 166 детей в возрасте до 5 лет.

С 1861 года село Старая Майна становится волостным. В селе намечаются положительные перемены; в том же 1861 году в селе открылись две общественные школы. Этот открытый обнадеживающий родничок просвещения вдохновил передовых людей всех сословий в желании просветить свой народ. В феврале 1862 года в Старой Майне открылось училище для подготовки сельских учительниц. Училище просуществовало сравнительно недолго, да и существовало оно на частные пожертвования, однако мы должны по достоинству оценить те хлопоты и душевные порывы первых учредителей Н.Н. Поповой, генерал-майора В.А. Половцева и других за старание и усердие на благо Отечества.

Послереформенная Россия делала первые, но твердые шаги в просвещении, хотя, безусловно, уровень тех школ трудно сравнить с современными школами. Тогда не хватало средств, не было опыта, учителей. Первые школы были одноклассными, т.е. в одном классе у одного учителя занималось до трёх групп учащихся, т.е. первый, второй и третий классы в одной комнате, что было тесно и неудобно. На каждого учащегося по нашему Ставропольскому уезду Самарской губернии выделялось в год 9,4 рубля. Оклад учителя в то время зависел от количества учеников, так за 20 учеников учитель получал 80 рублей в год, за 25 учеников - 90 рублей, за 30 учеников - 100 рублей и т.д. Много это или мало, можно понять в сравнении: на 80 рублей на сельских базарах можно было

купить более 250 килограммов коровьего масла, или 4 тонны ржаной муки, или около 660 килограммов говядины первой категории.

Реформа 1861 года была значительным событием в стране, она коснулась практически каждой деревни, каждого крестьянина. Забегая вперед, отмечу, что до конца двадцатого столетия из всех реформаторов России, пожалуй, наиболее логичен в своих деяниях был Александр II, освободитель и преобразователь. Сам Александр II остался в тени своих реформ, но нет в истории России человека, который сделал бы для крестьян больше, чем он. Сколько мужества, настойчивости надо было проявить ему, чтобы свершить великий в русской истории акт – отмену крепостного права. Александру II было нелегко найти нужные компромиссы между крепостниками и крестьянами, чтобы смягчить накопившиеся противоречия. Демагоги разных поколений любили критиковать его старания, но больше всего ему досталось от революционеров, которые, как всегда, жаждали большой крови, призывая крестьян к топору, к бунту....

Реформа 1861 года практически стала началом бескровного преобразования Отечества, ибо за ней последовали и другие реформы во всех областях государственной и общественной жизни... Александр II проводил реформы не спеша, обдуманно, последовательно, доводя одну, затем берясь за другую, что позволяло проследить их ход и где-то подкорректировать.

За время правления Александра II открылось множество школ, библиотек, читален, число газет возросло от 20 до 700. В 1864 году появилось земство, введен новый суд, равный для всех. В 1870 году города получили самоуправление, были прекращены преследования старообрядцев. В 1874 году была проведена военная реформа, вместо рекрутчины была введена всеобщая воинская повинность сроком до 6 лет. Были основаны Государственный банк, Сберегательные товарищества, Земельный банк, быстрее стала развиваться промышленность, много строилось железных дорог. Задумывались ли мы всерьез о том, как бы мы могли жить сегодня, если бы неугомонные революционеры не убили Александра II, как и следующего, значительного реформатора, Столыпина?...

Увы, какой-то злой рок подталкивает многострадальную Россию на сомнительные пути смут, убийств, переворотов, словно вся нация больна иллюзиями и утопическими идеями о сказочном счастье непременно на развалинах старого мира...

После отмены крепостного права по Ставропольскому уезду, куда входили Старомайнские земли, бывшие помещичьи крестьяне получили в среднем по 3,9 десятины, что чуть больше, чем по стране. По «Положению 19 февраля» крестьяне должны были выкупать свои наделы, а до выкупа они считались «временно обязанными» и продолжали отбывать барщину или переходили на оброк, и лишь после утверждения выкупной сделки крестьяне переходили в разряд собственников.

Отмена крепостного права и свободный труд не избавляли крестьянские семьи от разорений и нищеты. Периодически повторяющиеся низкие урожаи значительно ухудшали материальное положение крестьян. Так по нашему уезду отмечались: в 1875 году урожай незавидный - соломы много, умолот плохой, в 1876 году урожай плохой от бездождья и ветров, в 1877 году плохие озимые, в 1879 году - неурожай, в 1880 году - полный неурожай, в 1881-83 годах озимь плоха...

Большое значение для жителей Старой Майны имела пристань. Ещё в 1840-х годах от Старомайнской пристани отходило до 30 судов с рожью и мукой на сумму 110 тысяч рублей. В четырёхлетие 1859-62 годы с пристани отправлялось ежегодно в среднем товаров (хлеб, поташ и другие) до 1230794 пудов на сумму 578858 рублей... Надо отметить то, что шефскую помощь над Майнской пристанью взяло товарищество «Самолет», организованное в 1852 году и с навигацией 1854 года открывшее специальное пассажирское дело по Волге.

С каждым годом значение пристани возрастало: сюда свозили хлеб 67 крестьянских обществ. С наступлением навигации безземельные, безлошадные так и жили на пристани, занимаясь набивкой в кули муки и переноса их на баржи, получая за набивку 6-пудового куля овса по 2 копейки, 8-пудового куля крупы - 3 копейки, за набивку муки в 9-пудовый куль - 3,5 копейки, ежедневно зарабатывая 35-40 копеек и до 10 рублей в месяц, на которые свободно можно было купить пару овец. Лошадники за подвоз зарабатывали за день до 1 рубля и более. Для хлебопашца такой заработок – большое подспорье, вот почему крестьяне, закончив полевые работы, охотно стремились на пристань. Так по Старомайнской волости в извозе участвовало более 170 подвод. В иные годы в половодье уровень воды был настолько высоким, что баржи заходили даже до села. В этом случае жители села охотно продавали свои излишки и изделия, чтобы купить нужные в хозяйстве вещи.

Через важный для села водный путь село развивалось, становилось более культурным.

Впрочем, через Старую Майну проходил и сухопутный путь - Симбирский коммерческий тракт, связывающий Симбирск с Казанью, через который поддерживались торговые отношения круглый год.

Из пересказов матери : самый короткий путь в Татарию из села пролегал вдоль края Монастырской горы (ныне Коммунальной), по сосновому, вперемежку с берёзой и осиной, лесу, мимо топкого клюквенного болота. Дорога у болота сужалась настолько, что нельзя было разъехаться со встречным возком. Тяжёлый, сырой, прелый воздух топкого болота, полумрак чащи, густой, таящий коварные неожиданности, непролазный кустарник и предупредительно-напряжённая, настораживающая тишина, прерываемая лишь иногда внезапным криком одинокой вороны или хрустнувшей веткой под ногами дикого зверя - все это необъяснимой тяжестью ложилось на впечатлительные души проезжавших. Здесь, у топкого болота, лихие разбойники поджидали свои жертвы, здесь встречали, грабили и убивали проезжавших, а затем, разогнав испуганных лошадей с повозками и трупами, загоняли их в бездонную топь болота, где в серой жиже скрывали следы своих жестоких преступлений. Даже позже, когда дорога стала проходить в стороне от Клюквенного болота и о разбое стали забывать, грибники старались обходить это глухое, с дурной репутацией место. Старики утверждали, что там, в глубинах заросшего болота, если прислушаться, можно было услышать звуки, напоминающие стоны душ загубленных здесь людей. Разбойники были из здешних селений, в том числе и из Старой Майны.

Село привлекало деловых людей со стороны, которые при всяком удобном случае скупали усадебные участки, на которых строили себе добротные каменные дома. Цены на усадебную землю колебались в зависимости от удобств и расположения, хотя, при удобном случае, можно было купить землю почти задаром. Так, например, в 1880 году крестьянин И. Подтипохин продал усадебное место купцу второй гильдии Клеченову за 275 рублей. Вдова Аверьянова из Удельной части продала усадебное место крестьянину

Игнатичеву мерою 5х15 сажен за 300 рублей, а крестьянин Е.Елистратов из Блудовской части села продал усадьбу в 160 квадратных сажен и всю надельную землю мещанину Логинову всего за 35 рублей...

Для сравнения: в то время, в среднем рабочая лошадь стоила около 30 рублей, а корова - 20-22 рубля.

Так уж исторически сложилось, что всё село было разделено на части, каждая из них принадлежала какому-то помещику, где жила его община крестьян, каждая община имела своего старосту, стадо и свои традиции. Еще при проведении реформы 1861 года в селе из 15 общин были сформированы за счёт объединения мелких общин одиннадцать обществ, десять из них были расположены по главной – Большой улице (ныне Советская).

Безусловно, историю селения лучше познавать, если пройтись по селу и всё, что достойно интереса, само обратило бы внимание. Но сегодня от Большой улицы сохранилась лишь часть, что затрудняет предметное восприятие прошлого, и всё же тот, кто хочет лучше познать историю Старой Майны, будет вынужден хотя бы мысленно пройти по старому селу с конца на конец, вспоминая историю каждой её части, осмысливая каждую её пядь...

Бразанцево. Началом Старой Майны считался юго-восточный конец села под названием Бразанцево. Своё название конец и здешняя крестьянская община получила по фамилии своего помещика, правда полное название конца и общины было Амбразанцево, однако в народе употреблялся лишь укороченный вариант названия - Бразанцево или его мягкая трактовка – Брязанцево.

Бразанское крестьянское общество имело порядковый номер один и было сравнительно небольшим. Вытянувшись вдоль Большой улицы, Бразанцево с трёх сторон было огорожено плетнём, а крайней избе в конце улицы обществом была возложена обязанность следить, чтобы ворота из села были закрыты с тем, чтобы скотина не попала на поля.

На закате 20 столетия от прежнего Бразанцево осталось всего три дома, и то в них живут новые люди, которые вряд ли знают о прошлом конца. В 1990 году было разрушено одно из старейших зданий села –

Старая Першинская мельница

В народе считали, что изначально это трехэтажное здание было тюрьмой, правда, документальных подтверждений об этом пока не найдено, но о достоверности этой версии говорили веские аргументы: в здании оставались фундаменты тесных камер, тёмный подвал, части кованых решеток. С четырёх сторон основное здание окружала внушительная, высотой в 5 метров каменная стена метровой толщины, по которой вполне могли ходить неприветливые стражники. Здесь, у толстой стены мрачного острога, с северо-западной стороны было тюремное кладбище, где нашли последний покой множество непокорных людей с разных концов притеснённой России, здесь оборвался их последний, живой след, обезличив под толщей земли их безвестные души... Безусловно, тюрьма была отдельной частью села, но поскольку она плотно примыкала к Бразанцево, дало повод объединить их в одну историческую связку... Предположительно, что тюрьма была построена в последней четверти 18 века, взамен бывшего Майнского

деревянного острога. Для её строительства сюда съезжались мастера кирпичного дела с разных уголков страны. Многие из приезжих мастеров жили на квартирах в Бразанцево, со временем передав здешним крестьянам секреты своего ремесла. Когда же строительство тюрьмы закончилось, спрос на кирпич резко упал, потому с конца 18 и начала 19 веков большая часть ремесленников-кирпичников в количестве 56 семей переселилась на речку Малый Авраль на строительство этапной тюрьмы. Вместе с техникой кирпичного дела ремесленники перенесли на новое место жительства и название – Майна, так назвав свое новое поселение. Но поскольку оба селения были в одном уезде, потребовалась разъясняющая приставка к обеим Майнам – вот так новое селение стало называться Новой Майной, а более старое село – Старой Майной.

К середине 19 века здание тюрьмы опустело, но ненадолго, дальнейшая его судьба связана с предприимчивым купцом Першиным.

Першин переехал в Старую Майну из города Коврова, изначально он приобрел на реке Майне против села деревянную водяную мельницу, которая стояла рядом с Вершником – небольшим круглым озерцом. При запоре реки уровень воды выше по реке значительно поднимался, заливая озерцо и подтопляя мостки вдоль берега, с которых крестьянки полоскали бельё. Ниже плотины река в это время очень мелела, и её можно было свободно переходить на большом расстоянии. Но как только по лоткам на большое деревянное колесо мельницы устремлялись сильные потоки воды, русло реки восстанавливалось, и речку приходилось переходить по временному мосту, собранному на лето.

Першин умел найти и не упустить выгоду, вот он и приобрёл опустевшее кирпичное здание бывшей тюрьмы, приспособив его под мельницу. Внутри здания разберут перегородки тесных камер, снимут частью кованые решётки с небольших окон, поставят английский локомобиль и соответствующее мельничное оборудование, подстроят к главному корпусу и рядом подсобные помещения, и с 1866 года мукомольный завод Першина начал производить продукцию. Окружавшая бывшую тюрьму высокая кирпичная стена со стороны реки под своей тяжестью значительно просела на слабом грунте крутого склона, потрескалась и потому была разобрана и заменена деревянным забором. Со стороны улицы стену тоже пришлось разобрать, ибо здесь втиснули необходимые строения, здесь же на углу с западной стороны в 1870 году Першин построил большой двухэтажный кирпичный дом для своей семьи. По вере Першины были сектанты, в доме на втором этаже у них была своя молельня, кстати, и хоронили они своих усопших на своей земле, в Дубочках...

В советский период в доме Першиных продолжительно была школа, и несколько поколений селян свои школьные познания постигали в крепком купеческом доме, и для многих эта школа стала примечательным ориентиром в селе. Продолжая историю дома, отмечу, что в конце 20 века его уже больше знают как бывшее общежитие...

Бразанцево запомнилось тем, что в большинстве здесь были кирпичные дома – это признак относительной зажиточности и неистового труда. Напомню, что после реформы 1861 года крестьяне Бразанцева получили 232 десятины земли, из них 152 десятины пашни. У самого помещика, коллежского советника Сергея Николаевича Амбразанцева осталось 584 десятины. к 1884 году в Бразанцево в 35 дворах был 151 житель, на этот период у здешних крестьян было 33 лошади, 20 коров, 45 овец...

Большим подспорьем было для местных жителей производство кирпича и гончарных изделий. Местный красный кирпич пользовался хорошей репутацией и отличался хорошим качеством. Труд кирпичников был, безусловно, тяжёлым. В начале рыли круглую большую яму, то есть снимали слой земли до глины, вдоль края ямы по периметру делали винтообразный спуск. Яму заливали слоем воды, выдерживали, а затем месили обычно тремя лошадьми, связанными за хвосты и ходившими по кругу ямы. Доводили глину сами люди, уплотняя её ногами, далее нарезали глину кусками и носили на себе в сараи, где доводили в формах до нормального вида, затем подсушивали, вновь правили и далее обжигали в горнах. Горны – те же ямы, стенки которых выкладывали кирпичом, оставляя окна, через которые закладывали в горн сырец и дрова; после того, как дрова разгорались, окна замуровывались, сверху горна оставался только небольшой продух. Мастера по обжигу не пользовались термометром, но умело поддерживали нужную температуру за счёт точного количества и качества дров... Местные умельцы отправлялись изготавливать кирпич по другим селениям, на 1883 год в селе числилось 4 семьи, которые занимались этим ремеслом профессионально, обычно роль подсобников при небольшом спросе выполняли члены семьи самого мастера. Кирпич стоил 8-10 рублей за тысячу.

Здесь же, в Бразанцево, занимались и гончарным ремеслом. На местном базаре они имели свой ряд, где всегда имелся большой выбор гончарных изделий: кирпич, квашни, кувшины, плошки, жаровни, балакири, горшки и горшочки различной окраски, калёные, сырые...

Цена изделий колебалась незначительно, так, например, мелкие горшки стоили 1-2 копейки, варейные 3-5 копеек, жаровни 5-7 копеек, миски 3-4 копейки, кувшины 5-8 копеек...

К югу, на задах Бразанцево, после кирпичников и гончаров оставалось много выработанных ям – это место так и называлось – Ямы, со временем они несколько стерлись и заросли коноплей. Ныне это место большей частью затоплено водами водохранилища, и название Ямы практически забывается, как и другие местные названия: Льяная Лука, Шишова Яма и т.д.

В 1912 году Першин установил на мельнице новую машину «Вольф», для установки которой приезжал представитель фирмы, немецкий инженер. В том же году на мельнице была построена высокая кирпичная труба в 18 сажень (36 метров) высотой. Квадратное основание трубы 3,5 x 3,5 переходило в округлое, сужаясь к вершине до 90 сантиметров и где стояла решётка с ячейкой 15 x 15 сантиметров... Издали, подходя к селу, первое, что появлялось на горизонте для путников – это церковные купола, как оплот нравственности и веры, и мельничная труба, как символ трудовой деятельности.

Из других строений в Бразанцево выделялся добротный одноэтажный каменный дом здешнего помещика, сзади дома был сад, пруд, подсобные помещения, тополя, двор был вымощен кирпичом. В советский период в этом доме размещался лесхоз. Ещё в 1924 году в Бразанцево было 35 дворов и 115 жителей.

Часть здешних крестьян образовали в 1923 году на бывшей Лентовской, Смирнова и части бывшей надельной земле сельхозтоварищество «Исток» в составе 20 домохозяев с 97 едоками. В товариществе состояли Михаил Копыров, Филипп Шеянов, Василий Хахалин, Дмитрий Черкасов, Фома Быков, Гаврила Поздеев и другие. Товарищество

получило землю без переселения по 1,5 десятины на едока. Название товарищество получило по ручью Исток, что проходил примерно через середину участка.

Во время коллективизации в Бразанцево была образована артель «Красный кирпичник». К сожалению, считавшееся прибыльным кирпичное ремесло сразу стало нерентабельным, ибо ремесленник вынужден был обрабатывать кучу нахлебников в лице председателя артели, счетовода, сторожа, технички и других штатных единиц по всей вертикали отрасли...

В период подготовки ложа Куйбышевского водохранилища Бразанцево было снесено, осталось лишь три кирпичных здания. Осталось напомнить, что в Бразанцево жили семьи Муравьевых, Копыровых, Логинчевых, Хахалиных, Корчагиных, Волковых, Быковых и других..

Ныне на месте Бразанцево построена Головная насосная станция Старомайнской оросительной системы.

К западу от Бразанцево, по Большой улице располагался Удел.

Удел – это часть села Старая Майна между Богоявленской церковью и Першиным домом. Название Удел произошло от слова удельный, то есть в этой части села жили удельные крестьяне, относившиеся непосредственно к царскому дому Романовых. Ещё по 6-ой ревизии, в селе не было ни одного удельного крестьянина, да и по седьмой ревизии (1816 год) в селе из удельных числилось всего 6 душ мужского пола, самый старший из них был Иван Дмитриев - в возрасте 52 года, а его жене Анне было 55 лет. Иван жил с сыном Василием и внуками, а его соседу Андрею Васильеву было 22 года...

В короткий срок Удельная контора приобретает здесь земли и крестьян, и Удел становится в селе самой многочисленной общиной. Практически удельная община оказалась в центральной части села. Дома и дворы стояли здесь очень плотно, хлеб же в снопах свозили на гумно, что были с южной стороны Удела. Изначально удельная часть состояла из небольших деревянных изб, крытых соломой, например, мой дед Илья Григорьевич Мордвинов жил в небольшой избёнке с двумя окошечками по лицу...

Сравнительно хорошо обеспеченные землёй, удельные крестьяне довольно быстро укрепились материально, и уже со второй половины 19 столетия здесь, в Уделе, начали интенсивно строить кирпичные дома и амбары, их строительство велось вплоть до революции...

После реформы 1863 года, касающейся удельных крестьян, крестьяне Удела получили по 7 десятин на каждую ревизскую душу, а всего община получила 1696 десятин, из них 1450 десятин пашни.

К 1884 году в Уделе 175 дворов и 782 жителя, на этот период в Уделе было 228 лошадей, 137 коров, 1315 овец, 9 дворов занимались пчеловодством, имея 226 ульев. В Уделе было 7 кабаков, 150 человек считались здесь грамотными, из них 49 женского пола...

Удел имел удачное расположение – с западной стороны он примыкал к базарной площади, потому в Удел к базарному дню заранее съезжались люди со всей округи,

подыскивая ночлег поближе к базару, и Удел на время превращался, как и соседняя, Кудрявщина, в большой постоялый двор.

С северной стороны Удела, вдоль реки, стояли бани. Река Майна подходила к селу с востока под углом где-то к середине Удела, именно здесь река делала поворот, смещаясь к западу, вдоль села, потому берег на повороте размывался и был крутым яром (кручей). В половодье уровень воды в реке значительно поднимался, мутные потоки волокли с верхов всякий мусор, вырванный где-то кустарник, коряги, бревна, лёд, и вся эта масса с разбега таранила слабый унавоженный берег яра. Но особое беспокойство вызывал спускаемый с верховья лес. Брёвна за счёт центробежной силы прижимало на повороте к левому берегу и они, наскакывая на яр, обваливали его. Жителям Удела не раз приходилось по тревоге перетаскивать свои бани. Бывало, что в бане ещё мылись беспечные хозяева, когда после очередного обвала баня опасно зависала над бурным потоком, и людям приходилось в панике выскакивать из натопленных бань...

В 1901 году с южной стороны Удела была построена земская больница, состоявшая из нескольких рубленых корпусов общей площадью более 1000 квадратных метров, для того времени это было очень неплохо и своевременно...

В 1913 году была образована пожарная дружина, председателем которой был Константин Петрович Олсуфьев, членами были Владимир Васильевич Васильев, Петр Александрович Першин и Евгений Матвеевич Пядышев. На случай пожара в Уделе посреди Большой улицы стоял деревянный сарай с необходимым инвентарем: багры, лопаты, вёдра...

В Уделе были свои приметные люди, среди них Сергей Иванович Былинкин, мелекесский купец, у него здесь был двухэтажный каменный дом (в советский период в нём размещался военкомат).

Из крестьян выделялась семья Пчеляковых, очень сметливая и хваткая. За два, три поколения Пчеляковы заметно преуспели, они имели пчельник, двухэтажный каменный дом (ныне магазин «Виктория») и ещё один двухэтажный каменный дом, в котором размещались магазин и кондитерская (напротив церкви, бывшая редакция). Известна основная составляющая династии Пчеляковых: Дмитрий Иванович, Иван Дмитриевич, Петр и Александр Ивановичи... Их деловые качества могли пригодиться в любую историческую эпоху, кроме советской, когда преуспевающие люди были не в почёте и подвергались преследованиям.

Прижились в Уделе и мещане, так семья Симбирских мещан Чубаровых имела здесь двухэтажный каменный дом (в советский период здесь размещалась милиция). Чубаровы занимались торговлей, известно семейное колено Чубаровых: Василий Михайлович, Николай и Алексей Васильевичи...

Двухэтажные каменные дома в Уделе имели Шишовы, Кисловы...

Большинство домов в уделе каменные - это признак дореволюционной зажиточности здешних жителей. Нужна ли была революция непосредственно благополучному Уделу? Сомневаюсь, хотя и здесь были свои неудачники, которые надеялись с помощью каких-то чудесных перемен изменить своё положение...

Кудрявщина. За Уделом по Большой улице располагалась Кудрявщина, она и ныне частью уцелела: с востока она начинается от площади перед церковью и переулка Глухова, с юга от улицы Кирова, с запада и севера она урезана водохранилищем. Здесь, в Кудрявщине, ныне самой старой сохранившейся части села, каждый дом, каждая улица хранят ещё облик прежнего дореволюционного села, творения и старания предков, их замыслы, прикосновения и тот незримый след душевной энергии, что поддерживает ныне хрупкую нить людской памяти...

Кудрявская община крепостных крестьян была в селе уже на грани 1700-х годов, она принадлежала стольнику и воеводе Никите Алферьевичу Кудрявцеву, вот по его фамилии и получила название эта крестьянская Майнская община. Интересно, что Никита Кудрявцев был ближайшим сподвижником Петра и в деле строительства судов для Каспийского и Балтийского морей. Так, в 1710 году из Казани при участии Кудрявцева были выведены 5 кораблей: «Орел», «Солнце», «Полумесяц», «Северная Звезда» и «Казань»...

Со второй четверти 18 столетия община и земля перешли от Никиты к его сыну, Казанскому вице-губернатору Нефеду Никитичу. В 1774 году, при взятии Казани генерал-майора Нефеда Никитича Кудрявцева вместе с сыном Яковом, адъютантом Казанского ополчения, убили пугачёвцы.

Ныне трудно понять смысл прокатившейся волны Пугачёвского восстания, ибо, оценивая и домысливая через столетия, мы невольно пользуемся логикой своего времени, подавленной идеологическими штампами, из под которых мы выходим с деформированным пониманием. Впрочем, давно замечено, что русская душа терпеливо сносит обиды, унижения, накапливая тот внутренний заряд недовольства, который в душевном порыве выливался в необузданный гнев, скорый суд и мятежное безрассудство...

Может быть, после пережитых событий, в успокоение и примирение, в Майне в 1777 году была построена деревянная двухпрестольная церковь с главным престолом во имя святителя Николая Чудотворца Архиепископа Мирликийского.

После трагической гибели Кудрявцева его майнская община перешла во владение другим помещикам, но первоначальное название Кудрявщина сохранилось до наших дней...

Знакомясь с историей села, невольно замечаешь, что кроме дворян Гославских, которые оставались в селе бесменно до 1917 года, остальные владельцы довольно легко приобретали, продавали свои майнские вотчины. Потому следующая страничка истории Кудрявщины требует дополнительного исследования, ибо если брать во внимание границы поздней Кудрявщины, то она принадлежала частью дворянам Татищевым, Чириковым, Блутовым и другим ...

К 1840 году Кудрявщина отошла в совместное владение Надежде Дмитриевне Половцевой и её мужу, тогда ещё советнику Михаилу Андреевичу Половцеву. Примечательно, что Надежда Дмитриевна стала единственной владелицей рыбной ловли, что простиралась на пять вёрст по всей Волге напротив Щучьего затона, раньше принадлежавшего Татищевым, Гославским, Блутовым. Надежда Дмитриевна

первоначально отдавала рыбную ловлю в аренду за 80 рублей серебром, позже - крестьянам, беря за право ловли 5 рублей серебром в год с тягла.

Считалось выгодным волжскую рыбу – осетров, стерлядь и прочую, кладя её в пробуравленные для протока воды лодки, живьём отправлять посредством парохода или коноводных машин до Санкт-Петербурга.

В Старой Майне барская усадьба Половцевых находилась в середине села и состояла из незначительных построек, наличие скота при усадьбе было весьма малое, потому что помещик сам в имении не проживал. В 80 дворах Кудрявщины числилось 329 ревизских душ (мужского пола), составляющих 144 тягла, из них 60 оброчных, остальные 84 барщинных, в том числе 21 тягло должностных: три под управляющим, два под головою, четыре под нарядчиками и двенадцать под мельниками.

Половцев, приобретя здесь земли, обратил внимание, что обработка земель производилась нерадиво. Весь земледельческий инвентарь несовершенен: русская соха и борона с железными зубьями, колосовой хлеб по народному обычаю жнётся, гречиха же косится. В основном здесь сеяли рожь, овёс, гречиху и горох, изредка просо и белотурку, об овощах народ и понятия не имел, редко сеяли лён и коноплю... Скотоводство находилось на низком уровне, и о доходности его крестьяне не имели понятия.

Лошади из башкирских пород, крепкого телосложения, употреблялись для обработки земли и на извозы. Рогатый скот мелковат, но молочный содержался в ограниченном количестве и только для домашнего употребления молока. Овец русской породы содержали мало, потому шерсть прикупали со стороны. Свиной чудской породы содержали на мясо.

В нашем сознании укоренилось, что при крепостном праве крестьянам жилось очень плохо, но вот кудрявские крестьяне жили зажиточно, хотя и занимались земледелием с некоторой неохотой, предпочитая заниматься побочными приработками. Управляющий из здешних крестьян управлялся самопроизвольно, был сметлив и умён, доставляя помещику в среднем 11000 рублей серебром ежегодного дохода, умея соблюсти благосостояние крестьян и сохранить доходы от мельниц, которые содержались в хорошем состоянии. Одной из статей дохода помещика и крестьян была промежуточная пристань, которая относилась в то время к Кудрявскому помещику. Этот участок чуть более 2 десятин на берегу Майны в 4 верстах от села и в 5 верстах от Волги. На этом месте складывалось до 40 тысяч кулей хлеба в амбары, принадлежавшие Кудрявским крестьянам. Этот хлеб погружался в волжские суда во время половодья. Крестьяне получали по полторы копейки серебром с куля с торговцев хлебом, складывавших в амбары свой запас, это выходило до 600 рублей серебром. Помещик из этой суммы отводил на содержание амбаров 200 рублей. Остальная сумма чистого дохода делилась пополам, то есть почти по 200 рублей крестьянам и столько же помещику.

Старожилы села должны помнить «Щучий остров», находившийся у Волги в 8 верстах от села. К северу он отделялся Кутумовым истоком, к востоку и югу – Щучьим Затоном. Лесу строевого и дровяного здесь 756 десятин, покоса чистого 471 десятина. При половодье луга заливались, потому были отменные, средний рост травы в пояс человека, а бывали места, где трава выше роста человека, господствующие породы трав пырейные, перемешанные с породами дикого горошка, клевер, лисий хвост, рябинник, вязель, ковыль. Вообще трава мелкая и превосходная для корма скота.

Покос производился в основном в пользу крестьян, накашивающих на этом участке до 80 тысяч пудов сена, из которого часть поступала в пользу помещика. Лес в Острову был в единственном владении помещика.

Нет надобности описывать все участки, ибо земли во владении были везде хорошие.

Постепенно Половцев убеждается, что для повышения доходности имения нужны значительные вложения и переориентация всего хозяйства. Он отправляет 20 рублей серебром в Москву для покупки книги «Рациональное сельское хозяйство», сочинение Тезра, переведённое на русский язык С.А. Масловым, в 5 частях с присоединёнными к ним рисунками земледельческих орудий. Он обязал управляющего прочесть эти книги и сделать выписки и замечания о тех статьях, которые могли быть приспособлены к старомайнскому хозяйству. Половцев распорядился послать надёжного мужика в Ростов (Ярославской губернии) для покупки там 10 сошков ярославского плужка и нанять в селе мужика, который мог заготовить 10 станков и пустить плужок в ход. Он же выписал из Гамбурга у братьев Буссе 5 фунтов озимого и столько же ярового рапса (сурепицы) с тем, чтобы в первый год обзавестись своими семенами.

Основным направлением в хозяйстве помещика становилось овцеводство. Для закупки 300 племенных тонкорунных овец и их перегонки потрачено было 900 рублей серебром. Осуществить свой план Половцев приглашает известного специалиста барона Унгерн Штернберга. Пример Кудрявского хозяйствования распространяется по всей России

Под овцеводство был заменён трёхпольный севооборот на шестипольный.

Интересно: чтобы овцы помёт свой не роняли по лесам, и драгоценность эта не гибла, надо было удерживать их как можно больше на полях.

В среднем с каждой овцы брали 3 фунта шерсти, что продавалась по 10 рублей серебром за пуд. Овца же продавалась по рублю, овчина по 25 копеек за штуку.

Считалось, что на каждую овцу на зиму требовалось 18 пудов сена, но в практике часто половину заменяли соломой. Хорошо в корм шёл жмых от боя сурепицы, пуд жмыха равнялся по питательности пуду ячменя. И ещё из той старины. Для удобрения 1 десятины рекомендовалось содержать одну корову или 10 овец.

Веточный корм на зиму заготавливали за 4-5 недель до Иванова дня и столько же после него, чтобы лист оставался зелёным и не опадал.

Пожалуй, поучительно было то, что Половцев при преобразовании своего хозяйства с трёхполя на шестипольный севооборот не стал навязывать принудительно переходить на этот севооборот крестьян, покуда они не переймут его, поняв для себя пользу, добровольно смотря на барский посев.

При барщине (издольщине) крестьяне три дня работали на своем поле, три дня – на господском и один день оставался для отдыха.

В Кудрявщине на одно тягло (мужчина от 17 до 55 лет и женщина от 16 до 50 лет) приходилось 6 десятин пашни, по две десятины в каждом из трех полей. Такой же по

размеру участок тягло должно обработать и на барской земле своим инвентарем и своей лошастью. В зависимости от количества ревизских душ семья могла иметь 2 и более тягол.

Обычно обработка проходила, как в будущем колхозе, бригадным методом, только вместо бригадира был нарядчик.

При барщине сложились определенные нормы выработки: косец должен скосить за один рабочий день (урок) полдесятины, или при уборке серпом ржи и пшеницы на 1 десятину требовалось 12 человек, а овса и ячменя – 10 человек. Молотить без очистки зерна, но с уборкой соломы за 1 урок до одной копны (60 снопов) и т.д. Рабочий день на барщине начинался с 4 утра. С 8 до 9 часов давалось время на завтрак, с 13 до 15 часов – на обед, потом работали до заката солнца. В осенние и зимние дни время определялось длительностью светового дня с обедом с 12 до 14 часов.

Надел земли, которым крестьянская семья пользовалась, часто был основным источником существования. Если, например, семья теряла кормильца и его нечем было в семье заменить, то семья, чтобы не потерять тягло, вынуждена на барщину нанимать работника. В урожайные годы надел вполне обеспечивал крестьянскую семью, и даже в неурожайный год крестьянина трудно было поднять на бунт, ибо за счёт сокращения потребления внутри семьи он мог как-то перетерпеть, но в России часто отмечались неурожаи по два, три года подряд, что порождало стихийные крестьянские волнения.

О крепостном праве в народной памяти остались лишь отдельные эпизоды, больше наше сознание воспринимает крепостное право из школьных учебников, художественной литературы да кинофильмов, которые сполна подчеркивают бесправие крестьян, их трудную трудовую жизнь, их серый непритязательный быт, рекрутчину, неурожай, самолечение, безграмотность, и это всё верно. Всё это легко понимается, потому что наш советский колхозный строй, мало чем отличался от крепостного права, а по степени бесправия и эксплуатации колхозный строй был куда суровее. Все-таки при крепостном праве крестьяне имели приличные наделы, например в Кудрявщине по 6 десятин на ревизскую душу и за это отработывали три дня в неделю на барщине, то в колхозе на всю семью приходилось всего по 25-30 соток за что приходилось работать всю неделю, часто без выходных.

Крепостничество не решило проблемы и с контингентом, не способным вести хозяйство, лентяев и бездельников, часто перекладывая эти заботы на всю общину, что встречало определенное недовольство.

Самоуправление при крепостном праве начиналось с крестьянской семьи. Вся семья подчинялась старшему по дому, который беспрекословно распоряжался членами семейства, как своими работниками. В случае недоимок или каких-то значительных нарушений старшинство по дому могло передаваться другому члену семьи.

Из числа старших по дому, не замеченных ни в каких проступках и не имеющих недоимок, выбирались на три года десятники и голова (староста), на этом демократичность крестьянской общины кончалась, выше был назначенный помещиком управляющий или сам помещик, на которого возлагалась функция поддержания полицейского порядка в крестьянской общине. Практически крестьянин мог быть наказан без суда по воле помещика.

Структура правления при крепостном праве была рассчитана на порядочность помещика, но от самодурства помещика крестьянин не был застрахован. Если вся община продавалась вместе с землей другому помещику, то это в нашем понимании означает лишь смену председателя в колхозе.

Тяжело было, когда помещик в своем гневе разделял крестьянскую семью, продавая их отдельно.

Передовая общественность того времени открыто осуждала бесправие крестьян и признавала крепостное право национальным позором.

После реформы 1861 года Кудрявские крестьяне по земельному обеспечению на ревизскую душу делили 3-4 места по селу Старая Майна. Кудрявщина получила 1150 десятин земли, из них 1023 - пашни.

К 1884 году в Кудрявщине было 132 хозяйства, где проживало 647 жителей, это почти четвертая часть села. Однако к этому времени Кудрявщина уже уступала и по численности, и по материальному положению, быстро растущему Уделу. Если считать землю не на ревизскую душу, а как при советской власти – на каждого едока, то в Кудрявщине выходило на каждого едока более чем 1,58 десятины пашни.

Забегая вперед, отмечу, что при советской власти норма на едока по Старой Майне не превышала 1,5 десятины. Общество имело своё стадо, в котором было 126 коров и 89 овец, не считая молодняка. Например, в 1883 году за пропуск в Кудрявское стадо коров из других обществ в общественную кассу Кудрявщины поступило за сезон 33 рубля. Крестьяне кудрявщины имели 158 рабочих лошадей, 13 хозяйств занимались пчеловодством, имея 296 ульев. В Кудрявщине за 10 лет с 1873 по 1883 сгорело 155 дворов, это значит, что за этот период некоторые горели не раз. Примечательно, что в 1883 году в школах училось из Кудрявского общества 31 мальчик и 18 девочек.

Кудрявщина относилась к 3 разряду, что определяло, например, долю оброка за усадебную землю в размере 3 рубля 35 копеек.

В Кудрявщине было 4 кабака, от которых в общественную кассу поступало в год 300 рублей и 8 вёдер водки.

В пользу Кудрявских крестьян было и то, что усадебные земли общества примыкали к базару, который был в селе по понедельникам и на который заранее съезжались люди со всей округи, подыскивая ночлег ближе к базару, и Кудрявщина на время превращалась в большой постоялый двор. Кроме того, в течение всего года в селе проживало много деловых людей, купцов, иногда их число переваливало за 90 человек. Впрочем, и сами крестьяне, которым по российским законам разрешалось производить свободную торговлю без всяких торговых свидетельств и без платежа пошлин, не ограничивались базаром, а пробовали открывать мелочные лавки, отводя для них часть своего дома или амбар. Разжиться торговлей пытались многие, но преуспевали в ней лишь единицы... Практически Кудрявщина была торговым и купеческим центром села, здесь жили большинство богатых людей села. Большой одноэтажный каменный дом у реки Майна имел помещик Н.И. Пешков, у которого было 600 десятин земли, из которых 550 - пашни, остальные лес на Пешковой горе. При советской власти в доме Пешковых был ветеринарный техникум, затем школа животноводов, а еще позже школа механизаторов.

На Большой улице имел двухэтажный каменный дом сын тульского купца, купец первой гильдии Павлицев, имевший известный конный завод на хуторе Застенный и водяную мельницу. У Павлицева 500 десятин земли. При советской власти в доме Павлицева продолжительно был Госбанк.

Из Кудрявских воротил заметно преуспевал казанский мещанин Васильев, имевший около 250 десятин арендованной земли, в том числе и лес за рекой, на прозванной народом Васильевой горе, где у него был хутор. В двухэтажном каменном доме Васильева в советский период продолжительно находился детский дом, ныне здесь СПТУ. К западу от дома Васильев построил вторую в селе большую каменную паровую мельницу, вольно заброшенную и разобранную при Советской власти.

Добротные двухэтажные каменные дома в Кудрявщине имели Юсовы, Самсоновы, Бадылины, Свистуновы, Сушины... Впрочем, здесь было немало и одноэтажных крепких каменных домов, и у каждого дома, как и самих людей, свои сложные частные истории, которые трудно вместить в общую историю села.

Из сложной, трудной и обыденной сельской жизни стоит обратить внимание на извечное ожидание непредвиденного случая, в особенности пожара, что заставляло жителей села предпринимать определенные меры безопасности. Те, кто имел деревянные дома, старались рядом строить каменные амбары, причем часто в таких амбарах хранили свои вещи несколько домов (родственники или соседи). Впрочем, ни толстые каменные стены, ни металлические двери не могли спасти от этого разорительного огня, потому в сухое летнее время жители села часто ложились спать, не раздеваясь, а ночью по селу ходили по очереди с трещётками выбранные на сходках люди – для предупреждения жителей.

На селе поговаривали, что пожары возникали неслучайно, бытовала версия, по которой люди страховали свои старые, обветшалые дома, а потом нанимали или поджигали сами, получая приличные деньги и не переживая за других. Эта версия укоренилась, и теперь тень подозрения, как правило, сопровождала каждый несчастный случай...

Поскольку усадебная земля в селе оставалась прежней, а население увеличилось, то дома, особенно в центре села, в том числе и в Кудрявщине, уплотнялись, кроме того, имелось много подсобных деревянных построек, заборов, способствующих быстрому распространению пожаров, к тому же почти все дворы были покрыты соломой. Угроза пожаров заставляла почти у каждого дома предупредительно ставить бочку с водой. В Кудрявщине посреди улицы был поставлен второй в селе пожарный сарай с необходимым инвентарём. Жители села, обычно несколько обособленные, при пожаре как бы оживали, принимая самое активное участие в тушении пожара, по тревожному звону колокола торопливо захватывали с собой вёдра, багры, лопаты, а кто мог, запрягал лошадь, спешно ставя на телегу бочки, кадки для перевозки воды. Несчастье одной семьи участливо разделяли все жители села. Обычно погорельцам несли кто что мог, так несчастьями сплачивалось население села.

До революции в селе было четыре школы, три из них были в Кудрявщине. Женская школа была на южном краю Кудрявщины, в кирпичном доме. Здесь в 1912 году училось 140 девочек. Учителями здесь были Коробицына Надежда Ивановна, преподававшая с 1884 года. Окончив Вятскую гимназию, она была самой высокооплачиваемой – 600 рублей в год. Поздышева Пелагея Петровна с окладом 360 рублей в год и с тем же

окладом Левкова Нина Ивановна. Закон божий вёл здесь довольно строгий Весновский Николай Степанович с окладом 90 рублей в год. В школе была швейная машинка и особая учительница рукоделия с окладом 120 рублей в год. На материалы выделялось 50 рублей. Кроме кройки платья простых фасонов, было вязание чулок, шитьё белья, вышивание, вышивали гладью. Например, в 1912 году было продано работ учеников на 50 рублей.

Мужская школа была рядом, через дорогу, в деревянном здании. В 1912 году здесь училось 140 мальчиков. Учителями здесь были Сергеева Елизавета Фёдоровна с окладом 480 рублей в год, Пядышева Анна Христофоровна с окладом 360 рублей, Баюсова Мелания Алексеевна с таким же окладом. Закон Божий вёл Ливанов Христофор Иванович с окладом 90 рублей в год.

В этой школе была бесплатная библиотека-читальня, в которой было 855 книг. Библиотека получала газеты: «В школе и дома», «Голос Самары», «Нива», «Природа и люди», «Родная речь», журналы «Пчеловодная жизнь», «Вокруг света», «Солнышко», «Светлячок», «Биржевые ведомости». Читателей в библиотеке было 233 мужчины и 60 женщин, библиотекарь получал скромно – 60 рублей в год.

Кроме того, при церкви Богоявления, в кирпичном приделе, была церковно-приходская школа, где обучались славянско-русскому чтению, счислению, чистописанию, церковному пению, рукоделию и Закону Божию.

Надо отметить, что детям в то время тоже уделяли внимание. Летом в селе Старая Майна для детей устанавливали карусели, качели, но особенно любили в селе, когда сюда приезжал цирк, который располагался на Большой улице, в Кудрявщине, между пожарным сараем и часовен-кой.

В советский период, с созданием района, Кудрявщина – административный центр села и района, здесь были райком партии, райисполком, почта, библиотека, сельский Совет и даже районный дом культуры, устроенный в Богоявленской церкви... Здесь же, в бывшем доме Васильева, располагался детский дом имени 15-летия ВЛКСМ. Этот грустный трагический след – последствие голода 1932-1933 годов, когда по стране от голода умирали тысячи людей, оставляя бесчисленное количество сирот. Вторая массовая волна сирот приходится на военные годы. Для многих из них старомайнский детдом стал родным домом. Детский дом имел своё подсобное хозяйство, трактор, машину. В 1972 году к старому зданию был пристроен новый двухэтажный спальный корпус. В 1976 году старомайнский детский дом был закрыт, а оставшиеся дети были размещены по другим детским домам области. Сегодня, в связи с переносом центра села на площадь Ленина, Кудрявщина – стареющий уголок села. Многие здания, в том числе бывшее здание почты, построенное в 1844 году, наводят на грустные размышления, заброшен небольшой парк напротив церкви...

Блудовщина – третье по величине крестьянское общество, находилось по Большой улице за Кудрявщиной. Свое название общество получило по фамилии помещика Якова Блудова. Затем это владение перешло его жене, Фёкле Савишне, у которой в 1771 году в майнской общине числилось 58 душ мужского пола. Позже её владение перешло к единственному сыну, Николаю, а затем к внуку Дмитрию, который стал крупным землевладельцем. Центр его имения, Аннинская слобода, что была через овраг и озеро от Танкеевки, где у Блудова было 2550 десятин земли и 272 крепостные души. Кроме того, Блудов имел земли и крестьян в других местах. Примечательно, что часть крестьян в его

Старомайнской общине были переселенцы из Аннинской слободы, так известная в селе династия жестянщиков Рословых была именно оттуда. Безусловно, высокие посты на государственной службе здешнего помещика поднимало престиж Блудовского общества. Известно, что Дмитрий Николаевич Блудов родился в 1785 году, образование получил домашнее. В 1826 году был пожалован в статс-секретари, назначен Товарищем Министра народного просвещения и главноуправляющим Духовных Дел иностранных исповеданий. В 1832 году Блудов – Министр внутренних дел и член Государственного Совета. В 1839 году – министр юстиции, произведен в Действительные тайные советники, что соответствовало воинскому званию генерала от кавалерии или адмиралу флота. В 1842 году Блудов возведён в графское достоинство, а в 1855 году назначен Президентом Академии наук, в 1857 году – членом Главного Комитета по крестьянскому делу, а в 1862 году – он Председатель Государственного Совета и комитета министров. Умер в 1864 году.

Вспоминая о графе как чиновнике высочайшего ранга, хочется выделить то, что именно граф подмечал, что идея «законы писать неясно, чтобы народ чувствовал необходимость прибегать к власти для их растолкования», принадлежала ещё Николаю I, впрочем, и сегодня на разъяснении законов кормится огромная масса чиновников и судопроизводителей...

Граф Блудов, несмотря на то, что в селе была сносная деревянная церковь, строит в 1823 году в Кудрявшине другую, каменную, тёплую двухпрестольную церковь с главным престолом во имя Богоявления Господня и вторым престолом во имя Казанской Божией Матери. Ныне эта церковь после длительного перерыва действует, но её первоначальный вид неоднократно изменялся, в дореволюционный период из-за добавления третьего престола, во имя Николая Чудотворца, а в советский период из-за варварского к ней отношения ...

Кстати, Дмитрий Николаевич за свою долгую жизнь построил и вторую церковь, в селе Танкеевка, в 1859 году, пяти-престольную, каменную, с главным престолом во имя Пресвятой Троицы, которая и ныне стоит в своей красе, правда, используется она не по назначению...

После отмены крепостного права у бывшей Блудовской общины осталось 352 десятины земли, из них 331 - пашни. к 1884 году в Блудовщине 49 дворов и 223 жителя. В Блудовском стаде было 32 коровы, 110 овец, кроме того, у здешних крестьян было 55 лошадей. За 1873-83 годы в обществе сгорело 16 дворов.

Интересно, что сын Блудова – граф Андрей Дмитриевич Блудов, вступив в наследство, имел только в наших местах 1381 десятину земли, здесь, не далеко от Старой Майны у Блудова хутор, водяная мельница.

Между Блудовщиной и Гославщиной по Большой (Советской) улице втиснулись ещё три небольшие бывшие помещичьи общины под официальными номерами 7, 8, 9... История этих общин после реформы мало чем примечательна.



Двухпрестольная церковь



Церковь в с. Танкеевка

Общество №7 в народе называли Лихачёвщиной, это название сохранилось по первому её владельцу – Александру Логиновичу Лихачёву (1754- 1814 г.г.), затем община перешла по наследству его сыну Семёну (1774- 1821 г.г.), который больше жил в Петербурге,

хозяйством занимался плохо, был расточителен, и старомайнскую общину крестьян и земли, как и другие свои владения, он продал, однако название крестьянской общины осталось прежнее – Лихачёвщина...

К 1884 году в этом обществе всего 15 дворов и 60 душ. За обществом числилось 70 десятин земли, из них 54 - пашни, в общественном стаде 14 коров и 54 овцы, здесь же 21 лошадь. Для сравнения: к 1924 году в обществе 24 двора и 114 едоков, на которых приходилось 171 десятина пашни...

Общество №8 – Гудимское. Это название общество получило по фамилии помещика, Гудим-Левковича, которому принадлежала община до 1857 года. Впрочем, в обиход вошло и другое название – Болховское, по фамилии новой его владелицы, княгини Болховской, при которой и произошла реформа 1861 года, после которой крестьяне общины получили 104 десятины удобий, из них 78 десятин пашни, кроме того, общине (обществу) досталось и 22 десятины неудобий. к 1884 году в обществе 13 дворов и 63 души. Общество имело 20 лошадей, 16 коров, 56 овец. За последние 16 лет здесь сторело 11 дворов, почти всё общество. к 1924 году в обществе 32 двора и 138 едоков. Общество получило во временное пользование 235 десятин, из них 220 - пашни. В обществе жили семьи Ланцевых, Старостинных, Савиновых, Рогожкиных, Сорокиных, Румянцевых и другие. В народе 8 и 9 общество называли чаще Чурбановщиной, здесь действительно была распространена фамилия Чурбановых...

Общество №9, как и восьмое, официально имело название Болховское. к 1884 году в обществе 12 дворов и 48 жителей. У общества 80 десятин земли, из них 57 пашни. Общество имело 19 лошадей, 8 коров и 17 овец. После революции, к 1924 году в обществе 15 дворов и 78 едоков, на которые давалось во временное пользование 117 десятин пашни. В советский период общество ещё называли Зуевкой. Здесь жили семьи Зуевых, Томзовых, Боговых и другие.

Гославка (Гаславка). Сама по себе Гославка довольно скромный, непримечательный северо-западный конец Старой Майны, всего в одну улицу. Гославщина деревянная, бедноватая, но в Гославщине заложена скрытая, глубокая привязанность, которую трудно объяснить. Возможно, что это связано с тем, что Гославщина ближе к Волге, её богатой пойме, к Яику и вообще, к более девственной, природе, к тому же Гославщина самая старая часть села. Именно здесь, на месте Гославки, изначально костромскими монахами было образовано село Богоявленское, а затем, в 1668 году, здесь была поселена Полоцкая шляхта, и с тех пор 250 лет здесь держалась династия дворян Гославских, и лишь революция заставила их покинуть Старую Майну. Но и после их отбытия, до самого затопления в 1956 году, название Гославка прочно держалось в употреблении, и даже на исходе 20 столетия, когда давно уже не осталось следов от той загадочной Гославки, в народной памяти она продолжает держаться, только с той нескрываемой грустью, словно селяне потеряли что-то важное, близкое. Впрочем, так оно и есть, село безвозвратно потеряло бесценную часть своей истории...

Та Гославщина, что ныне еще сберегается в кусочках теплых воспоминаний, практически состояла из трех бывших крепостных общин: Дебовской, Гославской и Лентовской, правда, в былые времена она полностью была Гославской, потому, несмотря на изменения владений, она полностью сохранила название в своих прежних границах...

В отличие от Гославских, родословные дворян Дебу и Лентовских появились в селе незадолго до реформы 1861 года. Дебу в масштабах села считался крупным помещиком, до реформы в Дебовской общине был 61 двор, в которых числилось 150 душ крепостных мужского пола. У помещика было 1693 десятины земли, в том числе 808 десятин леса. После реформы численность Дебовской общины значительно уменьшилась, так к 1884 году в 38 дворах проживало 136 человек, из них 73 мужского пола – это почти половина от прежней общины.

За бывшей Дебовской общиной осталось 90 десятин земли, из них 72 - пашни. В небольшом Дебовском стаде были 21 корова и 56 овец, кроме того, было 33 лошади. В общине считался лишь один грамотный, и еще 9 мальчиков учились в школе.

Сам Дебу с семьей жил в Петербурге, потому о нем мало что известно, хотя в селе поговаривали, что он был замешан в революционном движении и даже привлекался к ответственности. Впрочем, многие дворяне мечтали переустроить Россию, улучшить жизнь своего народа, но красивые прожекты и праведные намерения в реальной жизни рассыпались, а их авторов народ часто не понимал и быстро забывал...

В 1872 году в Дебовском обществе была построена вторая в селе каменная церковь с престолом Александра Невского, однако в селе её называли Гославской, как и деревянную, крытую железом шко лу, построенную в 1898 году. Забегая вперед, отмечу, что в этой школе, преобразованной в четырехлетку, в 1926 году училось 70 учеников, а учителями в ней были Елизавета Федоровна Авакумова, Александра Ивановна Кочергина и Наталья Дмитриевна Григорьева, закончившая Самарский чертежно-художественный курс...

По данным 1910 года у В.А. Дебу в Старой Майне оставалось 666 десятин земли и хутор. Интересно, что ныне где-то в 2- 2,5 километрах восточнее села виднеется поросшая с северной стороны лесом высокая по нашим меркам гора, с трех сторон омываемая водами Куйбышевского водохранилища. Еще с дореволюционных пор она называлась Исаевой горой. История происхождения этого названия простая: здесь были Дебовские земли и хутор, которыми управлял Исай Петрович Жарков, вот по его имени и была названа гора. Последнее время это название употребляется реже, чаще её называют Заготскот, ибо в советский период сюда из села был переведен заготскот, а ныне здесь турбаза. Трудно предсказать, какой выбор сделают селяне и как будет называться гора в будущем, но название Исаева, гора имеет более насыщенную предысторию.

В отличие от Дебовского общества, Гославское и Лентовское общества сходны тем, что их крестьяне после реформы 1861 года отказались от выкупного надела, а согласились лишь на четвертной дарственный надел, что соответствовало одной десятине на ревизскую душу, потому земельное обеспечение обоих обществ было довольно низким. к 1884 году в Гославском обществе было 30 дворов и 126 жителей. В обществе было 25 лошадей, 13 коров и 37 овец. Из 71 десятины земли лишь 13 было под пашню. Нетрудно заметить, что при малом обеспечении землей и отсутствии доходных промыслов общество считалось бедноватым.

У самих дворян Гославских после реформы осталось 688 десятин, причем, количество земли у них с годами несколько менялось. Восточнее села, в полторы-две версты, у Гославских был хутор, где у них стоял двухэтажный каменный дом, здесь был парк, сад и пруд, вдоль которого стояли осокоря. Это был чудный, обихоженный уголок дворянской

культуры, к сожалению, сегодня нам не суждено любоваться дворянской усадьбой. Революционный клич – «мы старый мир разрушим до основанья...» – подверг дворянское гнездо руками крестьянской толпы полному разрушению. Двухэтажный каменный дом был разрушен и растащен до основания, и ныне трудно найти его место расположения. Не осталось ничего от сада и от парка. Ныне это место называют «Барский куст», бывший пруд стал заливом Куйбышевского водохранилища, который знает каждый рыболов-любитель.

Партийные идеологи гордились революционным переворотом, но самое многое, что смогли сделать хвастливые преобразователи, – это построить животноводческую калду на месте барского имения, а еще позднее рядом с Барским кустом начал работать асфальтный завод. Ныне от обихоженного Барского куста осталось несколько деревьев, дышащих заводской гарью...

Каждый раз, когда мои собеседники загораются в своем помысле об очередном революционном переустройстве, мне невольно вспоминается революционная стихия 1917 года, когда, сатанински настроенная толпа быстро превращала дворцы в груды развалин, а обихоженные цветущие сады и парки – в пустынное бросовое место, в экологически опасный гадюшник... Не дай Бог моим потомкам пережить дикую необузданную разрушительную смуту, в которой ищут выгоду черные вдохновители, корыстные карьеристы и холодные распорядители...

Из последних Гославских наиболее известен был действительный статский советник Петр Васильевич. Его чин приравнивался к военному званию генерал-майора. Оставались в селе до революции братья Сергей, Владимир и Александр Евгеньевичи да преклонных лет потомственный дворянин Александр Васильевич Гославский... Интересно, что Александр Евгеньевич был женат на Софье, дочери Людовика Станиславовича Яблонского из Варшавской губернии Гостинского уезда. Софья была старше Александра на 4 года. О дальнейшей судьбе дворян Гославских ничего неизвестно. Впрочем, может, и хорошо, что эта династия покинула село, чтобы не видеть экономического упадка селян и столь бесцеремонного к ним отношения властей, унижительной колхозной зависимости, бедности и духовного падения.

В Гославчину входило и Lentовское общество. к 1884 году в этом обществе в 38 дворах было 130 жителей. За обществом имелось 72 десятины земли, из них 36 - пашни. В Lentовском обществе было 35 лошадей, 25 коров и 29 овец. Общество было сравнительно бедноватое. Родословная Lentовских в селе появилась незадолго до реформы 1861 года. Известна вертикаль родословной: старший Александр Егорович, дворянин из Спасского уезда Казанской губернии, получил дворянство в 1846 году, в нашем Ставропольском уезде имел к 1866 году 134 десятины земли, а его сын, Михаил Александрович – 801 десятину. У Lentовских – с западной стороны села усадьба и прекрасный фруктовый сад. Если в 1866 году у Lentовских было более 900 десятин земли, то по данным 1910 года у них осталось 250 десятин. Из Lentовских более известен Михаил Михайлович, который по воспоминаниям старожилов был инженером-электриком, он первый в селе купил автомобиль, и его обычно сопровождала толпа зевак и ребяташек. Михаил Михайлович был членом губернского земства. На средства Lentовского построена каменная сторожка на сельском кладбище, которую ныне изрядно разорили...

Михаил Михайлович Lentовский после революции земельным наделом не пользовался, был под бдительным присмотром у новой власти, лишился всех владений, был вынужден

жить на квартире. Умер он в 1925 году в возрасте 57 лет от перерождения сердечных мышц. В 1928 году вдову Екатерину Лентовскую лишили избирательных прав как бывшую дворянку... После ликвидации сословий и провозглашения равенства в стране практически возникло обласканное властью новое сословие бедняцкого происхождения, которому повсеместно отдавали предпочтение...

В стороне от Большой улицы, с южной стороны, к Кудрявщине примыкало **общество Новиковщина**. Здесь, в Новиковщине, находилось сельское кладбище с богатыми фамильными склёпами имущих и скромными могилами крестьян, помеченные деревянными, потрескавшимися от времени крестами. Кладбище утопало в свежей зелени кустов и деревьев, надежно охранявших покой нескольких поколений предков. Пожалуй, ровесником кладбища было и Новиковское общество, имеющее старую запутанную историю. После отмены крепостного права произошло образование общества из соединения двух общин. Большая часть образованного общества состояла из бывших государственных (казенных) крестьян, в составе которых были потомки служивших здесь пашенных солдат (немудрено, что в селе встречалась фамилия Солдатовых). Здесь же - потомки крестьян Спасо-Ефимьевского монастыря, которые после секуляризации в 1764 году монастырских владений перешли в разряд экономических, а затем казённых крестьян. к 1884 году в этой части общества в 23 дворах проживало 106 душ, из них 59 мужчин и 47 женского пола. Возможно, потому, что здесь преобладали мужчины, Новиковщину за глаза называли Кобелевщиной, ибо их парни вынуждены рыскать по всему селу (как кобели) за девками... Крестьяне этой части имели 250 десятин земли, из них 133 десятины собственной пашенной земли, то есть общество было сравнительно хорошо обеспечено землей, здесь же было 39 лошадей, 23 коровы и 64 овцы...

Примечательно, что название Новиковщина к обществу пристало после его образования и перешло от другой малой части, которая прежде принадлежала Анне Исаковой – она переселила сюда группу крестьян из владений своего отца, Саввы Новикова, из села Новиковка (ныне Новотроицкое, Татарстан). Потому и название – Новиковщина. В дальнейшем это владение перешло к братьям Орловым - Ивану и Владимиру, община официально стала называться Ивановской, однако в народе сохранилось прежнее название – Новиковщина. Из-за своей малочисленности община при формировании обществ была присоединена к бывшим государственным крестьянам. Кстати, после реформы здешние крестьяне получили норму надела – по 7,6 десятины на ревизскую душу, а всего 85 десятин. к 1884 году здесь было 7 хозяйств и 36 душ.

В советский период к 1924 году в объединенной общине было 41 хозяйство и 174 едока. Здесь жили семьи Саврасовых, Ушаковых, Долматовых, Кочетковых, Солдатовых и другие...

Незадолго до революции в Старую Майну переселяется группа крестьян, образовавшая общество №12 под названием Ивашевское - по фамилии помещика, которому они когда-то принадлежали. к 1924 году в этом обществе числилось 16 хозяйств и 80 едоков. Здесь жили семьи Егоровых, Серовых, Ивановых, Куприяновых и другие.

В советское время в селе было образовано еще два общества – 13 и 14. Практически они не имели обычной скученности, а их хозяйства были разбросаны по другим обществам, они объединяли людей, которые до революции не имели надельной земли. Так общество №13 объединило мещан и к 1924 году состояло из 24 хозяйств и 111 едоков.

В общество входили семьи: Бородиных, Чижиковых, Левочкиных, Скобелевых, Клементьевых и других.

14 общество, под названием Проживающие объединяло кустарей и ремесленников села. В общество входили семьи кузнецов Степана Мачкасова и Якова Емельянова, печника Сергея Скрипина, сапожника Михаила Федотова, мельника Михаила Межевого, столяра Курепина, печника Вохрина, кровельщика Рослова и других, всего 49 дворов и 265 едоков. Это общество известно было еще под названием Ульяновка...

Надо отметить, что эти общества были слабее подготовлены к крестьянской деятельности, у них практически не было навыков, не было семян, инвентаря, рабочего скота, тем не менее, они получили ту же норму земли на каждого едока, что и коренные крестьяне. Эта норма колебалась по годам до полуторы десятины на едока. Это была популистская и не совсем удачная попытка новой власти уравнивать всех селян. Новые преобразования, проводимые в деревне, не способствовали подъему отечественного сельского хозяйства – это и вынужденные ежегодные переделы земель, это и отвод части земель людям, не способным её обработать, это и не стимулирующая крестьян продразвёрстка...

Истари в России сложилось правило: давать землю тем, кто её мог обработать, даже при крепостном праве надел давался мужчине в зрелом возрасте; подросткам или старикам давалась лишь часть надела или совсем не давалась. После революции новая власть считала, что свой надел может обработать любая старушка или младенец... Нетрудно представить, что при прежней-то многодетности, в молодой семье могло быть до десятка и даже более детей мал-мала меньше, и каждого наделили землей, а в семье практически один взрослый мужчина, которому еще и за детьми следить надо. Естественно, он не мог хорошо обработать землю, не мог хорошо вести хозяйство, ибо в семье одна пара рабочих рук. И давать такой семье много земли – это просто издевательство над людьми и землёй. Через десяток лет в такой семье дети подрастут и станут посильными помощниками родителям. Вот такой семье и надо давать землю, ибо наступил период, когда семья может реально рассчитывать на зажиточность, до тех пор, пока семья не будет дробиться, когда из одной зажиточной семьи образуется несколько более бедных молодых семей, которым приходится повторить обычный цикл крестьянского восхождения...

Пройдя по селу и познакомившись коротко с каждой её частью, стоит вернуться к общей истории села. В советский период длительное время считалось хорошим тоном принижать и даже чернить все дореволюционное, тем самым, бросая неблагодарные камни в своих же трудолюбивых предков.

По переписи 1897 года в Старой Майне было 814 дворов и 4052 жителя, в селе было две церкви, три школы, почта-телеграф, библиотека-читальня, базар, хлебная пристань, паровая мельница, водяная, 4 обдирочных, 2 солемойки, земский начальник, суд, управление удельным имением, земское страховое агентство, земская амбулатория, фельдшер, акушерка, волостное управление...

Дореволюционная Старая Майна успешно развивалась, строилось много частных каменных домов, что было признаком зажиточности и достатка здешних крестьян. В 1901 году в селе была построена добротная земская больница, состоявшая из нескольких

деревянных, рубленых корпусов, кроме того, в селе были: кредитное товарищество, на случай голода земское зернохранилище, случный пункт, склад земледельческих орудий...

Для сельской молодежи была открыта ремесленная школа, в которой заведующим был Александр Евдокимович Рыбакин, а учителями Яков Иванович Мельников и Николай Федорович Родионов. Школа подготовила не одно поколение отличных мастеров кузнечных, столярных, печных и слесарных дел, которые многие годы прославляли своим высоким профессиональным мастерством наш Старомайнский край...

Странички истории, как и человеческая память, выделяют из всего прожитого лишь что-то значительное, примечательное, постепенно освобождаясь от незначительного груза обыденности. К сожалению, в памяти приходится держать и трудные периоды, связанные с глубокими людскими переживаниями.

Перебирая самые тяжёлые для селян годы, придётся вернуться в 1866 год, когда в селе родилось 180 человек, а умерло 389. Только в августе умерло 114 человек, из них 89 от дизентерии, в этом году здесь была и холера. Если обычно смертность падала в основном на детей, то в этом году смерть косила людей всех возрастов...

Очень тяжелыми были 1869, 1871, 1880, 1883, 1890 годы, когда высокая смертность объяснялась ставшими типичными для села болезнями: оспой, холерой, корью, скарлатиной, дизентерией...

Как правило, эпидемии и высокая смертность были в неурожайные годы, когда систематическое ограничение в еде значительно ослабляло организм, вследствие чего и возрастала смертность.

Характерным примером может служить 1891 год, когда в Среднем Поволжье был полный неурожай, правда до конца года старомайнцы выстояли за счет прежних запасов, но переступив порог 1892 года, запасы стали уменьшаться, и смертность стала возрастать. В 1892 году в Старой Майне родилось 161, а умерло 467 человек, из них только в июле умерло 184 человека. Столь значительные людские потери были из-за эпидемии холеры – примечательно, что не было потерь непосредственно от голода...

По сравнению с этим обвальным годом другие неурожайные годы, как 1901 и 1911, выглядели менее трагичными...

Например, в 1911 году, учитывая тяжелое положение крестьян, царское правительство оказало им трудовую помощь, и старомайнские крестьяне имели возможность заработать на расчистке озера «Мочалище» и на устройстве подвозного пути до пристани. Старожилы помнили, что низкие места до пристани были выложены бульжником, на что правительство потратило 8231 рубль. Так до 1 июня 1912 года пешему работнику, принимавшему участие в строительстве дороги, платили 50 копеек в день, конному – 1 рубль. С 1 июня 1912 года плата увеличилась пешему – до 70 копеек, конному – до 1,5 рубля. Правда, правительственная помощь помогла крестьянам сравнительно мало. Так за 1912 год в селе было 11 пожаров, от которых сгорело 46 дворов на сумму 21657 рублей...

Так уж получилось, что история села, как и всего Отечества, разделилась на дореволюционную и послереволюционную.

Великий Октябрь... Привлекательные лозунги, большие надежды...

Безусловно, у каждого человека сложился свой взгляд на революцию, и даже ныне, спустя десятки лет, мнения о ней довольно разноречивы и зависят они от объёма и точности наших знаний исторических фактов, глубины народной памяти, своих представлений, домыслов и личных пристрастий...

Учебники истории не скрывают, что революционеры шли к цели продолжительно, расшатывая всю державу, сложившиеся устои. Революционеры сделали все, чтобы Россия, их родина, проиграла две войны, чтобы на ослабевшем теле империи совершить желанный вооружённый переворот. Такая стратегия воспринимается с трудом, и вряд ли ей найдется нравственное оправдание, но победителей не судят, и победа любой ценой стала печальной Российской традицией. Та чистота помыслов и стремление преобразовать Отечество захлебнулись во всплесках страстей, террора и невежества. На волне смуты, погромов и заблуждений революция довольно триумфально прокатилась по всей России. Советская власть установилась вначале в губернских и уездных городах, а после более спокойно распространилась по всем населённым пунктам.

В селах нынешнего Старомайнского района Советская власть была установлена в начале 1918 года с созданием повсеместно сельских Советов. Примечательно, что такой важный переломный момент, как установление новой власти в нашей сельской глубинке, в народной памяти практически не сохранился, так же, как погромы дворянских имений, рубка лесов – все было как сон, как наваждение. Возвращаясь к тем историческим дням становления Советской власти, невольно складывается впечатление, что революционеры были настроены на длительную и тяжелую борьбу за власть, и потому быстрая победа стала для них большой неожиданностью. В опьянении радости, восторга и гордости они оказались не готовы управлять страной, в их действиях была элементарная импровизация, поспешность и та нерастроченная энергия борьбы, породившая чрезвычайное желание все насильственно переустроить, что с энтузиазмом встречалось одной частью народа и опровергалось другой.

С установлением Советской власти в Старой Майне был образован сельский Совет, первым председателем которого был избран считавшийся грамотным Александр Петрович Багрянов. Новая власть была непонятна для селян, потому мало кто открыто поддержал и признал её. Сложившиеся традиции в селе были столь сильны и глубоки, что порвать с ними решились не все. Жители села – люди по себе сдержанные, осторожные, политически консервативные, были просто не готовы к резким переменам, например, свержение царя для них было большим шоком, потому большинство крестьян в нескрываемой тревоге замкнулись, предупредительно ожидая дальнейших событий...

Многие умные, деловые люди села в эту смутную пору не стали испытывать судьбу и вовремя бежали, чтобы где-то переждать или приспособиться в новых условиях. Покинул село, бросив большой кирпичный дом и новую трехэтажную кирпичную мельницу, расчетливый Владимир Васильевич Васильев. Незаметно исчезла из села семья Гославских, за ними потянулись в бега и другие имущие...

С лета 1918 года страну охватила бессмысленная кровопролитная Гражданская война. В нашем регионе Гражданская война развивалась стремительно, это говорит о массовых недовольствах новой властью. 8 июня восставший Чехословацкий корпус и белогвардейцы захватили город Самару и поднимались вверх по Волге, к Симбирску. Для

ориентации в обстановке командование красных послало из Симбирска на разведку два судна Волжской флотилии. Судно «Дело Советов» направилось вниз по Волге, к Сенгилею, а пароход «Лев» - вверх, в район Старой Майны.

Колёсный пароход «Лев» принадлежал обществу «Тер-Акопов» и обычно водил наливные баржи из Астрахани до Нижнего Новгорода. В грозное лето 1918 года пароход переоборудовали в военное судно, установив на нем полевые трехдюймовые пушки и пулеметы, а команду усилив отрядом моряков. К вечеру 20 июля пароход, не доходя Старомайнской пристани, остановился. Высадили разведку, но противника здесь не обнаружили, когда стемнело, пароход подошел к пристани. Ночью группа моряков ушла в глубокую разведку в село Старая Майна.

Утром отряд осторожно вошел в село. В первом же доме моряки узнали, что белых в селе нет. Нашли представителя власти – заместителя председателя волисполкома Меркулова Григория, от него подробно узнали обстановку в селе. Дальнейшие действия вооруженных моряков необъяснимы: вместо того, чтобы вернуться на судно, небольшой отряд, разделившись на группы, разбрелся по богатым домам...

По-разному пересказывали селяне события того трагического дня. Трое красных моряков направились к дому Першиных и начали стучать в дверь. К тому времени по селу стремительно распространился слух, что моряки пришли грабить старомайнцев. Не учли разведчики, что селяне своих в обиду не давали, к тому же в этот день в селе был престольный праздник – Казанская, и естественно, в поле никто не поехал, настроение у жителей, несмотря на тревожное время, было приподнятое, некоторые с утра были навеселе. Кроме того, в село съезжалось много крестьян со стороны загодя, на местный базар – вот почему морякам надо было быть вдвойне осторожными, ведь против чужаков было легко собрать агрессивную толпу. Когда к Першинскому дому стали подходить местные мужики, моряки сочли это как должное любопытство, неосмотрительно подпустив их вплотную, не обратив внимания, что подходившие были возбуждены и некоторые из них что-то прикрывали от прямого взгляда моряков. Нападение на пришельцев было внезапным, растерявшиеся моряки не оказали сопротивления...

Впоследствии рассказывали, будто вышедший на балкон Глеб Першин призвал собравшихся мужиков расправиться с остальными красноармейцами. Многие из крестьян были зависимы от Першиных, имевших большое влияние на селян, достаточное, чтобы разжечь ненависть к пришельцам. Подстрекаемые и вдохновлённые успехом, мужики стали окружать оставшуюся часть моряков. Словно затравленные гончими, красноармейцы укрылись в здании почты (ныне переулок Глухова). Этот дом был двухэтажный, нижний этаж выложен из красного кирпича, а второй этаж – деревянный. Окружавшие дом крестьяне пытались залезть в дом через чердак, но моряки это заметили и открыли стрельбу. После рассказывали, что моряки убили Петра Калинина, потому крестьяне в ярости взломали запоры на дверях мочального склада, что был напротив, обложили здание почты мочалом и подожгли его. Задыхаясь в едком дыму, моряки приняли, наверное, единственно правильное решение – спуститься вниз и разбегаясь в разные стороны, попытаться спастись хотя бы кому-нибудь, чтобы добраться до своих. Первый же вышедший красноармеец был убит, другим удалось пробежать дальше, но их ловили и убивали...

Позже на селе поговаривали, будто зачинщиками и исполнителями расправы были подкупленные Вараксин, Шишов, Чекмарев и другие. Но кто мог их подкупить, если вся

расправа произошла стремительно, стихийно, в необузданном деревенском духе, в том самом революционном порыве, который воспевали сами революционеры разных мастей, когда этот гневный всплеск был направлен против самодержавия, а вот когда он был направлен против самих революционеров, то его, естественно, красные не одобрили...

Впрочем, после того как страсти улеглись, и разгоряченные участники расправы поостыли, в селе стали осознавать и сожалеть о содеянном...

По рассказам старожилов, восемь красноармейцев из десяти были убиты в тот трагический день в Старой Майне. Одного, скрывающегося на сеновале в сарае, взяли в плен пришедшие в село белые, и лишь одному из моряков, по тем же рассказам, удалось добраться до своих на пристань. Пароход тотчас отчалил от пристани, но еще долго ходил вдоль берега, подавая гудки в надежде, что кто-нибудь еще вернется...

На следующий день после расправы в село пришли белогвардейцы и белочехи. На центральную Большую улицу чехи вошли пышно, с духовым оркестром, но лица у рослых, стройных солдат были чужие, хмурые...

В тот день, 22 июля 1918 года, в 10 часов красные части оставили Симбирск и чехи спешили на пристань Майна с целью закрыть отход военных судов красных на Казань. Им удалось перехватить пароход, на котором отходила в Казань команда бронепоезда «Свобода или смерть» под командованием А.В. Полупанова и отряд мадьяр-интернационалистов. На пристани разыгралась новая трагедия, около пятидесяти венгров и красных моряков были расстреляны белочехами...

Власть на селе сменилась, был арестован председатель Совета А.П. Багрянов. Белые мобилизовали группу молодых парней, которые были вынуждены уйти с частями белых...

Вот так Гражданская война втянула и разделила селян, и не только по идейным мотивам, но и в силу сложившихся обстоятельств...

В двадцатых числах сентября 1918 года на пристани Майна высадился десант красных – пятый отдельный Курский полк Железной дивизии и части пятой армии с артиллерийской батареей и кавалерийским эскадронам Боревица. Белые отходили через деревню Малиновку на Чердаклы, минуя Старую Майну.

Ещё издали подходившие части красных предупредительно ударили из пулеметов - по железным крышам домов словно горох рассыпался. Жители испуганно прятались в домах, в амбарах, а кто бежал из села, подвергаясь большей опасности, потому что разезды красных могли принять мирных крестьян за бежавших богатых или белых и перестрелять. Так в Грачёвом Кусте были убиты БекрENEвы и Захаровы... В селе началось разграбление богатых домов. Жадные до чужого, растаскивали имущество Васильевых, Першиных...

В селе большинство жителей осуждали поведение тех односельчан и тех красноармейцев, которые сами участвовали в грабеже и погромах купеческих лавок и домов и призывали к этому других. Правда, беспорядку и мародерству быстро пришел конец – командование красных вынуждено было принять жесткие меры. За организацию погромов и компрометацию Красной Армии в глазах народа мародеров-красноармейцев расстреляли у часовенки на Большой улице. Вообще, мирным крестьянам красные не

причинили вреда, но участвующим в расправе над красными моряками в июле пришлось расплачиваться. Ревтрибуналом были расстреляны 37-летний Александр Чекмарев, 65-летний Михаил Гусев, 28-летний Пётр Шишов, 20-летний Дмитрий Маслёнников, 30-летний Степан Борисов, 78-летний Павел Мотаев из Красной Реки. Расстреляли и Глеба Першина, которого похоронили на родовом кладбище, за рекой, в Больших Дубочках. Моряков похоронили на Лыняной Луке за Бразанцевом. Десятки лет идеологи устраивали у скромного деревянного монумента митинги, называли моряков героями революции и даже клялись на их могиле отомстить врагам. Когда эта братская могила попала в зону затопления, захороненных торжественно перенесли в парк. Что характерно, были снесены десятки селений, были брошены на вымывание десятки кладбищ, и никто из партийных идеологов об их переносе не настаивал, ибо их нельзя было использовать в политической игре. Но вот к концу 20 века от искусственных идеологических идеалов общество стало освобождаться, и памятник морякам потерял пропагандистское значение. Без поддержки власти захоронение потеряло интерес, ибо здесь захоронены совершенно чужие неизвестные для селян люди, которые защищали интересы новой власти, а народ, как мог, защищал себя и от красных, и от белых, и от других соцветий, вот только оценка их поступков зависела от интересов власти. И если бы при тех же обстоятельствах крестьяне в порыве гнева расправились с белыми, то в глазах идеологов они стали бы национальными героями... Как важно в реальной жизни попасть в нужную колею.

Еще одна запутанная история времен Гражданской войны – это смерть Александра Ивановича Глухова, в память о котором назван переулочек в старой части села. Александр родился в г. Ровно, в 1901 году поступил в техническое училище, а в следующем году был исключен. Говорили, будто он был участником преднамеренного уничтожения царского портрета. Такой непристойный жест в то время среди городской молодежи считался за проявление смелости, а стать героями-революционерами в душе мечтали многие из пролетарского происхождения...

В 1906 году Глухов был направлен в Старую Майну телеграфистом, затем, по воспоминаниям Галины Андреевой, работал в селе Сосновка Бугурусланского уезда. С 1915 года Александр вновь в Старой Майне с дочкой Валею. Здесь он был заместителем начальника почты, а начальником был надворный советник Георгий Георгиевич Шубин. Впрочем, старожилы рассказывали, что к 1918 году Глухов был уже начальником почты.

Какую роль играл в селе Глухов в период Гражданской войны, установить не удалось. В народе бытовала версия, будто он как работник почты вызвал сюда отряд моряков, за что здешние кулаки подняли его на штыки... Версия, безусловно, красивая, но спорная. Оказалось, что те, кто рассказывал эту трагедию, не были очевидцами, а лишь пересказывали то, что слышали из уст тех же идеологов...

Впрочем, были и другие мнения.

Из рассказа Анны Лёвочкиной: при подходе красных её семья, подогреваемая слухами, собралась уехать из села, и проезжая Бразанцево, она видела, как молодой Аресов (уличное) ударил Глухова ножом в бок. Казалось, что версия вполне приемлемая, ибо Аресов действительно был расстрелян красными...

Но вот главное несоответствие всех версий, считавших, что Глухов был убит до прихода красных – это свидетельство о смерти, на которое никто не обратил внимания. В

нём говорится, что Александр Иванович Глухов, 1888 года рождения, был убит 14 апреля 1919 года толпой на площади...

К тому времени в наших местах Гражданская война закончилась, и естественно, оружия у селян просто не могло быть, значит, на штыки его никто не поднимал. Остаётся не ясным, чем же не угодил селянам Глухов, если его убили, и почему он стал героем для Советской власти? Ответ на этот непростой вопрос из-за давности лет найти будет трудно, возможно, это останется одной из тайн времен становления Советской власти...

Советский период истории наших селений описывать очень трудно и даже не потому, что общественное сознание деформировано продолжительной массивированной партийной пропагандой, и потому у этого периода есть ревностные защитники, которые фанатично оправдывают провалы любимых вождей и их утопических теорий, а тяжело потому, что с трудом осмысливается то, что, понеся те огромные людские, материальные и духовные потери, народ практически не получил той реальной свободы и благополучия, а завяз в бесчисленных, неудачных экспериментах.

Школьные учебники – толкователи партийного мировоззрения – всех нас вели по одной отработанной идеологами колее патриотического воспитания, не давая возможности для сомнений, критики и обсуждения.

Сегодня, когда несколько снята цензура мышления, у каждого появилась возможность к самостоятельному анализу, к своему независимому мнению, настала пора горького пробуждения от засилья идеологических догм, лжи и лицемерия, и теперь стоит разобраться в истинности наших знаний и убеждений.

Гордость большевиков – Декрет о земле. Трудно передать настроение крестьян, когда до них дошел в полном понимании этот декрет, по которому вся земля была национализирована. Значит, землю потеряли не только помещики и кулаки, но и все крестьяне, которые на протяжении длительного времени выкупали ее, и она стала их собственностью. Еще согласно указу от 9 ноября 1906 года, каждый крестьянин мог требовать закрепления за собой в частную собственность свою наделную землю и выделения на хутор или отруб...

По закону 14 июня 1910 года крестьяне получили землю в собственность и могли свободно распоряжаться ею, то есть продать, отдать в аренду, заложить и т.д. От революции крестьяне ожидали увеличения своих наделов за счет помещичьей земли, а получилось, что потеряли и свою, получив землю лишь во временное пользование.

Пожалуй, крестьянство при новой власти оказалось наиболее обделённой и притесняемой частью общества, и постепенно крестьяне вернулись в жёсткое крепостное право новой модификации потому стоит вспомнить и задуматься над всеми этими этапами советской истории.

В мае 1918 года ВЦИК принял директивы, которыми установил продовольственную диктатуру в стране. Владельцы хлеба обязывались все излишки зерна сдавать государству практически за бесценок. Укрыватели хлеба объявлялись врагами народа и подлежали суду. Нетрудно заметить, что эти чрезвычайные и жёсткие меры распространялись именно на крестьян.

Вожди революции, на словах много обещавшие крестьянам, придя к власти, стали бесцеремонно распоряжаться результатами их тяжелого труда и крестьянские хлебные запасы посчитали излишками. Крестовый поход продотрядов, комбеды, на мой взгляд, и стали одной из основных причин гражданской войны.

Трудно усваивается и политика военного коммунизма. В январе 1919 года правительство ввело продовольственную развёрстку. Без заинтересованности, без стимулов крестьянский труд становился рабским, а новая власть, решавшая возникающие проблемы с помощью силовых решений, становилась диктаторским режимом.

В Старой Майне продразверстка проходила довольно просто и жестко: каждого крестьянина вызывали в сельский Совет и называли, какое количество хлеба он должен сдать; если он это количество не сдавал, то шли к нему в хозяйство и искали хлеб – никого не интересовало, излишки это или последнее.

Уже весна 1920 года показала пагубность продразвёрстки: крестьяне сеяли без настроения, а часть вообще оставили свои участки незасеянными. Осенью стали повсеместно не выполняться хлебозаготовки, на что власти ответили расширением репрессивного аппарата и ужесточением.

4 ноября 1920 года в селе Старая Майна Мелекесским укомом партии было организовано учреждение по заготовке продуктов – Райпродком. В нем была своя партийная организация, члены которой были распределены по селам Старомайнской волости и должны были обеспечить заготовку хлеба любой ценой, даже с применением силы.

В числе членов Райпродкома были Бауэр, Гурьянов, Максимович, Курганов и другие.

Несмотря на жесткие меры, «великий эксперимент военного коммунизма» провалился, вожди революции, убедившись в абсурде своей политики, вынуждены были отступить, заменив продразверстку на продналог, однако запоздалое послабление не спасло Россию, в том числе и Поволжье, от голода.

Летом 1921 года условия для посевов были очень неблагоприятные. Злой сухой безжалостно уничтожал посевы. Часто с «гнилого угла» (юго-запад) собирались, заволакивая небо, тёмные большие тучи. Крестьяне с надеждой ждали дождя, но тучи проносились мимо с сильным сухим ветром, бурей, поднимавшей большие пыльные облака и злобно тревожа сельские крыши...

Крестьяне села были очень озабочены, ибо не было привычных запасов, пресловутый военный коммунизм опустошил крестьянские сусеки, обрекая их семьи на голод. Первыми ощутили голод городские жители. К первому августа 1921 года, как сообщила газета «Коммуна», на рынках города Мелекесса цена пуда пшеницы поднялась до 140 тысяч рублей, картофеля - до 60 тысяч, фунт (400 г.) масла - до 13 тысяч. По осени стало еще хуже, теперь даже корень лесного конопляника продавался по 60 тысяч рублей за пуд. Во многих местах ели кошек и собак.

Но беда не приходит одна, вместе с голодом в Поволжье распространялась эпидемия тифа, холеры, оспы. В этот год посевы и луга высохли. Старомайнцы собирали чуть ли не по травинке для себя и скота скудные запасы на зиму. Многие селяне, поняв свое тяжёлое

положение, покидали село надолго или навсегда, другие направлялись в хлебные губернии покупать или выменивать хлеб на вещи.

В пищу шла лебеда, коновник, липовый лист. За долгую зиму в селе резко сократилось поголовье скота...

Примечательно, что шансов выжить было больше у бедных, которых власть благодотряды выбрали весь хлеб и они оказались в худшем положении... От голода умирали люди всех возрастов: младенцы - от того, что у матерей не было молока, преждевременно умирали старые. Приведу известные случаи. 19 февраля 1922 года от голода умерли Николай Логинов, 58 лет, Анастасия Рогожкина, 70 лет, Дарья Матренина, 80 лет, 25 февраля –Серёжа Николаев, 5 лет, 3 марта - Никифор Дементьев, 43 лет, 7 марта - Пётр Филиппов, 5 лет, Пётр Рассадкин, 57 лет, 13 марта - Никифор Сушин, 45 лет, 15 марта - Мария Курепина, 9 лет... Этот список можно продолжить, хотя всех их не перечислить.

О голоде говорить тяжело, даже спустя годы. Кто сам не голодал, вряд ли может понять всю глубину трагедии, когда совершенно нечего есть, а то, что употреблялось в пищу – это обман для желудка, ведущий к полному истощению организма в надежде на выживание. Удивляет, что этот голодный мор не оставил в людской памяти особых сопереживаний, это можно объяснить тем, что за голодом шли очередные испытания: это насильственная коллективизация, воинствующий атеизм, шантаж властей, необоснованные репрессии, которыми стремились предупредить все нежелательные настроения. Потому в отечественной истории о голоде вспоминается как бы вскользь, без лишних подробностей, а народ завалили хвастливыми рассказами о триумфе революции, о победах в Гражданской войне, о борьбе с кулачеством, о своих достижениях, а вот голод отошел на задний план.

Выжить селянам помогла Америка. В селе были организованы столовые для детей до 14 лет. Старожилы вспоминали, что детей кормили американским хлебом, варили рисовую кашу, щи, какао, выдавали полкилограмма хлеба на одного ребенка в день...

Партийная идеология пыталась задним числом принизить и даже очернить американскую помощь, обвиняя их в шпионаже и корыстных целях, однако в народе о своевременной дружеской помощи сохранились более тёплые воспоминания. Достаточно напомнить, что в помощь голодающим Международный комитет рабочей помощи собрал 3 млн. пудов продовольствия, Международный Красный крест собрал 5 млн. пудов, а американская административная помощь (АРА) 28 млн. пудов продовольствия. К сожалению, не могу привести примеров помощи голодающим со стороны новой власти, хотя повсеместно шло разорение храмов под предлогом помощи голодающим...

Весну 1922 года ждали с большим нетерпением. И у взрослых, и у детей, исхудавших за длинную голодную зиму, настроение заметно повышалось с каждой новой проталинкой, а как только сошёл снег и появилась первая зелень, все облегчённо вздохнули. В пищу пошли крапива, щавель, а дикий лук с «Острова» носили мешками. Впрочем, истощение людей было столь велико, что количество потерь от голода продолжало пополняться, а к осени свирепствовала эпидемия «возрастного тифа»...

Практически голод довел все сельское население до одной нищенской черты – даже тот чудом сохранившийся скот был в таком жалком состоянии, что на нем было невозможно

работать, потому часть полей просто не засеивалась, к тому же не было семян и не было сил...

Начиная с 1924 года, крестьянам были сделаны значительные уступки – свободная торговля, подравнивание цен, аренда и другое, что резко сказалось на настроении и благосостоянии крестьян. В селе стало восстанавливаться поголовье скота, местный базар стал разнообразнее, в лавках появились необходимые товары – одежда, обувь, мыло...

В селе заработала паровая мельница Васильева, арендуемая Ревякиным.

Понятно, что методом военного насильственного коммунизма страна еще очень долго бы выбиралась из разрухи, НЭП позволил это сделать в короткий срок. НЭП показал, что главным действующим стимулом в деятельности крестьян является не столько собственность на землю, сколько возможность распоряжаться результатами своего труда.

К 1928 году на каждого жителя в Старой Майне, по данным селькома, приходилось по 1,4 га земли, и теоретически все имели равные возможности. Однако на деле часть крестьян вела свое хозяйство безалаберно, неумело, другая часть, получив землю, не имела своего рабочего скота, инвентаря и охотно отдавала свои участки исполу коренным крестьянам, а осенью без особых забот получала свою долю урожая. Неудобный для лодырей и неспособных, НЭП для старательных, трудолюбивых был довольно перспективен, но вопреки здравому смыслу, НЭП в 1928 году практически закончился. Он был задушен налогами, штрафами, поборами. Практически правительство вернулось к продразверстке...

В 1928 году в Старой Майне на 4592 жителя было 635 голов рабочего скота, 661-голова рогатого и 1817 мелкого. По оценкам селькома, из 1062 хозяйств села было 46 батрацких, 420 бедняцких, 570 середняцких, 120 зажиточных и 6 кулацких. Сегодня такого учета не ведётся, а в то время попасть в ту или иную категорию имело решающее значение, ибо сумма налога зависела от материального уровня, причем кулаки и зажиточные крестьяне должны были вносить налог в первую очередь. Чтобы покончить с НЭПом, в стране стала разжигаться компания о классовой угрозе, и следуя старому принципу «разделяй и властвуй», стали натравливать завистливую бедноту против более удачливых и способных, чтобы руками бедноты уничтожить лучшую часть крестьянства. Вождю нужна была безграничная власть, ему не надо было ни бедных, ни богатых, ни умных, ни талантливых – ему нужны были только послушные и исполнительные.

Уже к 1928 году в Старой Майне были лишены избирательных прав 130 хозяйств (163 человека). Тучи нелюбви к крепким, деятельным и самостоятельным крестьянам сгустились, в ходу была 107 статья Уголовного кодекса о конфискации излишков хлеба, по которой беднота за элементарную наводку получала до 25% конфискованного хлеба. Это обстоятельство подогревало часть бедноты возможностью легкой наживы.

Часто применялась и статья 61 УК за срыв хлебозаготовок и неуплату налогов, по которой провинившегося могли штрафовать до десятикратного размера причитающегося налога и даже до конфискации всего имущества.

Например, Пётр Осипович Самсонов за невыполнение хлебозаготовок был оштрафован в пятикратном размере. Сумма штрафа и самого налога составила 720 рублей, а его

двухэтажный, добротный каменный дом со всеми постройками оценивался в 700 рублей...

Каждый раз, когда государство пыталось пополнить свою казну за счет увеличения налогов, наступало экономическое торможение или спад.

1928 год запомнился селянам большим пожаром. До того злополучного для селян дня установилась подходящая для полевых работ погода. Свежий теплый ветер подсушивал землю, и почти все трудовое население села работало в поле. Миновало время обеда, солнышко настойчиво припекало. По одной из версий, бесшабашные юнцы, накупавшиеся в еще холодной воде, пытались согреться, разведя костер на берегу. Однако усилившийся ветер, раздув кострище, перебросил огонь на близ стоящие, крытые соломой постройки.

Подсушенные теплыми днями смолёвые строения воспламенялись моментально, застилая голубизну неба зловещей тучей из дыма и пепла. Тревожно и беспрестанно бил колокол. Люди в поле, бросая работу, в беспорядке бежали к пылающему селу. Пожар буйствовал, перекинувшись на другие порядки села, причём уничтожал не всё подряд, а словно искал своё, неожиданно перескакивая через дом или два, оставляя их в целости. К разбушевавшемуся пожару нельзя было подступиться из-за невыносимой жары и разлетающихся головней.

Пожар прошел полосой от берега до самых гумен. В пожаре сгорело 118 домов, а если считать тех, кто пострадал лишь частично, то цифра вырастает до 125 хозяйств. На тлеющем пепелище долго слышались вопли и причитания. Пострадала не только Кудрявщина, но и другие общества. Утешением погорельцам было то, что почти вся скотина была в стаде и сохранилась.

Организованный в 1927 году СККОВ (сельский комитет крестьянского общества взаимопомощи), или как его в селе с улыбкой называли «тощий комитет», оказал погорельцам помощь на 200 рублей, 100 из них без возврата, выдал хлебом 65 пудов с возвратом и 15 пудов без возврата. Кроме того, было собрано 200 рублей и 40 пудов хлеба, которые были распределены между погорельцами, но и без учёта селяне приносили погорельцам, кто что мог.

4 сентября 1928 года райкомиссия только что образованного Старомайнского района приняла решение об отчислении однодневного заработка в пользу погорельцев.

Но все это была лишь незначительная помощь. Основная ноша затрат на восстановление хозяйств легла на самих крестьян.

Более расторопным районное руководство выглядело в следующем, 1929 году, когда к 12 годовщине Октября решило вывезти красный обоз со сборкой хлеба в количестве 800 пудов, чем хотело выразить солидарность рабочим центрам и Сталинграду.

Нынешние неудачи в сельском хозяйстве невольно возвращают нас к началу коллективизации, и если в центральной прессе в какой-то степени признают и анализируют прошлые грубые ошибки и перегибы, то в нашей районной газете это непечатый пласт, если не считать прежних угодливых хвалебных статей. Настоящей колючей правды о нашем обиженном многострадальном крестьянстве и о

коллективизации еще не сказано, ибо наши идеологи, историки, краеведы в чрезмерном старании отметить достоинства и достижения советского периода многое стыдливо умалчивали или искажали, создавая иллюзию исключительности социалистической системы. Ныне поучительно вспомнить наше недалекое трудное прошлое с тем, чтобы, сделав нужные выводы, искать реальные пути из экономического и нравственного кризисов. К тому же надо возвращать справедливые слова обиженному и терпеливому сельскому труженику.

Конец 1929 и начало 1930 года проходили в бурных сходках обществ, где представители власти навязывают два основных вопроса: о создании колхозов и сбора задаточных средств на трактора.

На сходы привозили агитаторов, которые твердили заученные фразы, уверяя, что видели, в каком довольстве живут колхозники и что надо всем вступить в колхоз единогласно.

На село была спущена разнарядка, по которой 40 процентов крестьянских хозяйств должны в этот год вступить в колхоз. Но селяне в колхоз не шли, они знали, что соседний колхоз им. Красина разваливается. Да и какой крепкий самостоятельный крестьянин будет добровольно объединяться с неисправимыми лодырями?

В начале февраля 1930 года ЦК ВКП (б) принимает чудовищное по своей сути постановление, предоставляющее право местным Советам принимать в районах сплошной коллективизации все необходимые меры по борьбе с кулачеством, вплоть до конфискации скота, инвентаря и выселения, что дало на местах ретивым исполнителям большой рычаг тотального давления на всю массу крестьянства.

Насильственная коллективизация, проводимая с помощью жестокого террора, стала одной из самых черных страниц Российского государства.

Получив практически безграничную власть, неблагоприятные организаторы, чтобы сломить сопротивление крестьян, создали атмосферу шантажа, страха и беззакония, ибо трудно найти объяснения тому, что без вины разоряли лучшие крестьянские хозяйства, самых способных, самых трудолюбивых лишь за неуёмное желание свободно работать на земле.

Насильно отбирая лошадей, коров, хлеб, вещи, организаторы и активисты принуждали селян против желания вступить в колхоз.

22 февраля 1930 года на сходке крестьян Кудрявщины и Удела, состоявшейся в доме Максимовых (где впоследствии была сберкасса), был организован колхоз «Труд».

Вступающим обещали сложить все штрафы за нарушения законов о налогах, приостановить исполнение судебных приговоров, прекратить дела о привлечении к уголовной и административной ответственности, освободить от принудительного взыскания целевых вкладов, воспретить также принудительный сбор вкладов в сберегательную кассу.

В колхоз вступило 127 хозяйств, из них только 66 крестьянских, в том числе 4 батрацких, 34 бедняцких и 28 середняцких, председателем колхоза стал Мархотский Павел Иванович.

О первых шагах колхоза говорить трудно, ибо успехи его зависели, прежде всего, от заинтересованности самих крестьян и от уровня материально-технической базы, то есть от наличия различных сельхозмашин, а также от наличия денежных средств. Во время коллективизации таких условий не было, они только создавались из расчета на простое сложение крестьянского инвентаря и их рабочего скота. И уже здесь была заложена основная и решающая несправедливость: кто-то вступал в колхоз ни с чем, другие же должны были сдать в общее пользование самое дорогое для себя – лошадь. Надо учитывать и то обстоятельство, что вступившие не видели для себя ясной перспективы.

Как известно, опорой проводимой властью политики на местах была услужливая беднота. Не хочу клеймить весь контингент бедняков, ибо были среди них способные и трудолюбивые, попавшие в этот разряд в силу непредвиденного случая или сложившихся обстоятельств.

Были и другие – тоже трудолюбивые, но для успешного ведения хозяйства у них не хватало инициативы и деловой хватки, потому труд их, чаще бестолковый, не приносил им желанной отдачи.

Но были бедняки откровенные лодыри, которые кроме красноречия ни на что не были способны.

На Руси бедность была обречена на бесславие, только в Советский период бедность стала до абсурдности престижной, так бедным происхождением стали гордиться, бедняков выдвигали в актив и органы власти. Что это было – бесовское наваждение, заблуждение или действительно идеологи власти верили, что бедняки могут поднять Отечество на более высокий уровень, чем трудолюбивый, способный и самостоятельный слой крестьян? Именно бедняк в своей устойчивой чёрной зависти, не колеблясь, шёл раскулачивать своих односельчан, радуясь установлению коллективной нищеты

Если вступивших в колхоз и сдавших туда своих лошадей оставили в покое, то остальных крестьян, кто не хотел идти в колхоз, обирали, разоряли и даже высылали.

Трудно воспринимается политика власти, направленная на борьбу с теми, кто честно, своим умом, своим неустанным трудом пытался добиться какого-то улучшения материального положения, еще хуже, если крестьянская семья приобретала какую-то сельхозмашину для облегчения труда, то непременно попадала под раскулачивание.

На первом этапе раскулачивания в колхоз «Труд» было передано конфискованного у старомайнцев имущества на сумму 5871 рубль. Лошади оценивались в 50-70 рублей, корова в 30 рублей, овца по 3 рубля, а например, дом Максимовых, каменный, с амбаром, за 600 рублей, но чаще были старые и поношенные вещи из скромного крестьянского быта, валенки, тулупчики, тумбочки, зеркала с отбитыми краями, которые отбирали чаще с тем, чтобы досадить.

2 марта 1930 года вышла известная статья Сталина «Головокружение от успехов», где говорилось о перегибах, после чего из колхоза «Труд» вышли 27 крестьянских хозяйств, а

также 2 батрацких и 3 бедняцких хозяйства. Можно заметить, что середняки оставались в колхозе, ибо практически их обобщественное имущество было конфисковано, и выходить из колхоза – значит, было потерять всякую надежду вернуть его.

Изначально основное, ведущее направление в колхозе – свиноводство. В колхозе 1 счетовод, 3 бригадира, 6 плотников, 1 кузнец, 1 шорник, 1 скотник, 1 доярка, 4 свинаря и т.д.

В первый год построены: временный свинарник в 50 кв. м, конюшня 60 кв. м, овчарня 150 кв. м, силосная башня.

В колхозе были в наличии 2 конные молотилки, 5 сеялок, 2 сенокосилки, лобогрейка. Из 60 лошадей 48 - обобществлённые, все 28 свиноматок также обобществлённые, то же 40 овец, 8 ульев пчел и т. д.

Может быть, будет интересна урожайность первого года колхозной деятельности. Так пшеницы с одного гектара собрали 6,5 ц. овса 9,5 ц. гречихи 2 ц. картофеля 66 ц.

К концу 1931 года число хозяйств в колхозе «Труд» сократилось до 45.

В одном из докладов в крайкоме партии того времени говорилось, что у крестьян, вступивших в колхоз, доход возрос в три раза, можно сказать и больше, но в реальной жизни все было намного скромнее. Так, по итогам 1931 года, на трудодень пришлось 1245 граммов ржи, 85 граммов пшеницы, 211 граммов проса и деньгами 5,7 копейки, всего трудодень составил 15,05 копейки. Вот на эти деньги надо было суметь накормить всю семью, и одеть, и обуть, да еще сэкономить на непредвиденные расходы...

Вслед за колхозом «Труд» в селе в том же 1930 году был образован колхоз «Большевик», в котором на 1 января 1931 года состояло 41 хозяйство с 184 едоками. Интересно, что на трудодень в этом колхозе пришлось: 2 кг ржи, 0,2 кг проса, 0,13 кг гороха, 2 кг картофеля, то есть всего на 18 копеек...

К февралю 1932 года колхозы были объединены в один под названием «Вторая Пятилетка», в который входило 296 хозяйств с 1104 едоками. Председателем колхоза стал 28-летний Владимир Арефьев. Нетрудно заметить, что трудодень в колхозах был мизерный, однако идеологи и многие из великих считали, что партия и правительство осчастливили крестьян проведенной коллективизацией.

Из статьи Максима Горького (1935 г.): «...пролетариат, следуя учению Маркса-Ленина и руководимый Иосифом Сталиным, освободил крестьянство от идиотической «власти земли», от покорного подчинения капризам природы, от уродующего влияния собственности, где пролетариат сделал собственника коллективистом».

Вот она, стратегия большевиков: главное - сделать всех безропотными коллективистами. Везде ходить строем или стадом, превращая каждого в бесправного исполнителя приказов, изымая почти задаром результаты его труда. Вождь народов, проводя жёсткие репрессии и чистки, подбирал на все этажи власти людей покладистых, исполнительных, умеющих держаться в духе соответствующих деректив.

В 1931 году в селе была образована машинно-тракторная станция (МТС). В отличие от колхозников, чей доход зависел от урожая, рабочие МТС за выполненную работу получали денежную оплату по твёрдым расценкам, потому в иные годы услуги МТС съедали более половины колхозных доходов. В 1933 году при МТС был образован политотдел, задачей которого было укрепление колхозного строя, выполнение гособязательств, а также бдительное наблюдение за настроением и перевоспитанием колхозников. В обязанность политотдела входила борьба с кулацкими явлениями и мелкособственческими пережитками.

Еще одна известная страничка истории нашего отечества – великий скачок в индустриализации страны, который требовал значительной рабочей силы, больших средств, в частности, в виде хлеба, цветного металла, для чего повсеместно стали снимать колокола с церквей, попутно нанося удар по «проклятому прошлому» и «опиуму народа», пренебрегая людьми, их верой и творением их рук.

Церкви были во всех селах, как правило, имели они свои достопримечательности. С церквями, с религией связано прошлое наших предков – в них с малых лет внушали веру в Бога, что держало их в течение всей последующей жизни в рамках нравственной чистоты и почитания. Старомайнская церковь Богоявления не блистала особой архитектурой, хотя внешне выглядела опрятной и пожалуй, увязывалась с селом. Гордостью села был большой 300-пудовый колокол, обладавший очень мелодичным звоном. Знатоки утверждали, что такого неповторимого по звучанию колокола не было даже в соседних губерниях.

В пургу, метель этот колокол непрерывным, тревожным звоном помогал нашим предкам находить дорогу, выручая сбившихся путников. Старожилы рассказывали, что в благоприятную погоду его звон доносился до Симбирска. Вот почему был дорог селянам этот колокол, разделявший с ними трудную судьбу.

Такие уникальные вещи надо было сохранить как народное достояние, чтобы чудным звоном осчастливить не одно поколение. Однако варварство бездумно, а угодливые не понимали, что их безответственное усердие держится на отсутствии сознания того, что ничто не проходит бесследно. Нетрудно догадаться, что предложение о снятии колокола выразили по подсказке на сходке 3 января 1930 года Глотов и Ключников.

Затем это развернулось в настоящую кампанию. Особенно рьяно выступал учитель здешней школы (в доме Першиных) Нестеров Александр Лазаревич. Нестеров, 1894 года рождения, работал полгода рассыльным на фабрике Саввы Морозова, окончил Владимирскую духовную семинарию, а здесь, в чужом для него селе, Нестеров стал воинствующим атеистом.

Из воспоминаний матери: колокол снимали утром в пятницу, когда часть села была на работах, а те, что сбежались, были ошеломлены происходящим, проклинали снимавших колокола Корчагина и Ключникова.

И вот, сброшенный с высокой колокольни, колокол упал с глухим захлебывающимся звоном, глубоко вошёл в землю, словно в самые глубины отзывчивых человеческих душ расстроенных односельчан. В толпе плакали и негодовали. Нельзя сказать, что жители села не пытались отстоять колокол, ставший частью их повседневной жизни. Хотя это был отчаянный шаг в пору начавшихся репрессий. На следующий день, в субботу, 21

марта, в селе прошла стихийная сходка всего села. Представители власти с несколькими своими приверженцами пытались успокоить разбушевавшееся село...

Зам. председателя РИКа Лукина говорила, что колокола снимали с разрешения верующих, на что Курепина Степанида говорила, что тех, кто хотел защитить религию, вызывали в милицию, грозили арестом. Пастух Дмитриев подтвердил, что его вызывали в милицию, Чижикова Александра говорила, что уполномоченный РИКа созывал граждан в сельский совет и угрожал.

Бородин говорил, что нет протокольного постановления верующих. Минеева говорила, что не было согласия граждан и что во всем виноват учитель Нестеров.

Общее собрание граждан села Старая Майна постановило: оставшиеся целыми колокола, в том числе и 300-пудовый, оставить на месте, а поломанные при снятии – сдать государству.

В воскресенье взволнованный народ собрался около церкви. В душах селян было беспокойно, уже стало привычным, когда опричники, активисты колхозного движения, вдохновлённые партийными постановлениями, вели себя хуже чужеземных завоевателей.

Ситуация поражала явным пренебрежением к мнению простых людей, никто не хотел считаться с обычаями и верой наших предков, никто не хотел защитить их собственность, их традиции.

Несколько мужиков приволокли лебедку, что применяли при лесозаготовках, и предприняли попытку поднять колокол на место, но им помешали подоспевшие из города чекисты. Несколько человек были арестованы.

Из рассказа Александра Ильича Рассадкина: 300-пудовый колокол увезти было сложно. Тогда его решили разорвать взрывчаткой, для чего просверлили в колоколе отверстия, но заложенные снаряды оказались слабы, и колокол устоял. Тогда с холодной расчетливостью сколотили треногу с блоком и металлической бабой, стали разбивать его на куски. Каждый удар тупой бабой отбивал последние, жутковатые, скорбные мотивы колокола-исполина, словно предупреждая селян о нашествии бездуховности, наперед оплакивая многочисленные сломанные людские судьбы.

Колхозный строй. С ним связана вся оставшаяся известная история нашего отечества. Ныне перейти на другую форму сельского хозяйствования очень сложно, ибо нет своей прогрессивной отработанной системы, нет соответствующей технологической базы и главное вымыт слой инициативных, независимых крестьян.

С помощью колхозного строя государство подавило остатки самостоятельных крестьян-единоличников. Идеологи старательно вкладывали в образ одиночника язвительные интонации, но по иронии судьбы сегодня сами оказались под прессом упреков общества за недалёковидность, за чрезмерное усердие, за пустое красноречие, за то, что с холодной принципиальностью ломали человеческие судьбы, за ложь и потерю духовности.

Из воспоминаний матери: Старомайнскую церковь Богоявления закрыли в 1933 году. Было всё просто: в бывшей церковно-приходской школе с верующими предварительно

провели беседу, а после предложили подписаться, кто верует. Никто толком не знал, для чего это делается. Собравшиеся, напуганные репрессиями и шантажом, ожидали очередного подвоха, потому подписались лишь немногие, готовые за веру ко всему.

Затем руководство района (тогда Чердаклинского) объявило, что верующих в селе мало, и церковь закрыли.

Последующая судьба церкви известна, она пережила суровые времена: её превращали в склад, в автомастерские, клуб. Может быть, за варварское отношение к вере и духовному наследию общество было наказано и послушно тащилось по неведомому тернистому пути испытаний и лишений, не осознавая своей предательской вины.

1933 год для Волжского левобережья выдался очень трудным.

Из воспоминаний матери: В этот год жуткий суховей высушил посевы и луга, словно природа мстила людям за их нравственное падение. В этом году не хватило запасов кормов для скота тех селян, у которых он ещё имелся после массового раскулачивания, но особенно страдала колхозная скотина, где начался падёж. Чтобы как-то спасти колхозный скот, собирали с крыш почерневшую солому и пересыпая ее солью, давали ослабевшей скотине.

Голодали и люди. Ту пайку печёного хлеба, что выдавали в колхозе на выход, съедали кто тут же, на работе, а кто оставлял её для голодных детей.

В трудные голодные дни каждый пытался выжить по-своему. Так мать с соседкой рано утром ещё затемно, до работы в колхозе, пока мороз поддерживал твердость снежного наста, торопливо шли в темнеющий за селом перелесок к Яику за берёзовыми сережками, а вечером, после работы, толкли серёжки в ступе и пекли из них рассыпчатые лепёшки...

В тот трудный год, чтобы пресечь всякие недовольства, в селе при МТС был создан политотдел, вследствие чего среди селян исчезли открытость, искренность и правдивость.

Учебники по истории признают, что валовые сборы зерна в стране продолжительно оставались на дореволюционном уровне вследствие низкой урожайности, но благодаря колхозам, которые практически сдавали государству все, что производили, возросла товарность хлеба. Так, в 1937 году в стране было заготовлено 2300 млн. пудов хлеба, на 1 млрд. пудов больше, чем получено товарного хлеба в 1913 году. Этот миллиард пудов колхозники недополучили на свои трудодни, потому-то трудодень был удобной формой расчёта. Между тем учебники отмечают, что победа социализма в СССР принесла крестьянам подъём их жизненного уровня. Что это - ошибки или ложь?

В 1937 году по Самарской области (куда относилась и Старая Майна) было получено 36879 центнеров мяса, из них на нужды колхозов попало 129 центнеров, то есть 0,3 процента, в основном на кормление колхозников во время сева и уборки урожая. Если эти 129 центнеров разделить на 2911 колхозов, что были в области, то эта цифра становится совсем ничтожной. Не лучше была и оплата труда колхозников. Так, в денежном отношении, из 2911 колхозов без выдачи на трудодень приходилось в 689 колхозах; с выдачей в денежном значении по 20 копеек – в 1204 колхозах; от 20 до 40 копеек – в 598 колхозах и т. д.

Впрочем, в 1937 году распределение доходов на трудодень совпало с периодом предвыборной кампании в Верховный Совет СССР, и потому на трудодень во многих колхозах выдали до 8 килограммов зерна. Однако в основном это было несортное или даже забракованное зерно, и всё же этот факт внимания запомнился на долгие годы и стал лучиком надежды на улучшение жизни. По уставу сельхозартели, колхозники большую часть своего рабочего времени должны были уделять общественному хозяйству. По уставу артели предусматривался и небольшой участок земли в 25-30 соток для личного хозяйства с таким расчётом, чтобы колхозники от него не имели экономической независимости и не растрчивали много сил, сохраняя их для колхозного поля. В реальной жизни этот небольшой участок земли стал основным средством существования колхозной семьи. Фактически именно за этот участок да пустой трудодень приходилось работать с утра до позднего времени, без отпусков и часто без выходных – чудовищная эксплуатация, уйти от которой было непросто, ибо колхозники не имели паспортов, за ними фактически закрепилась самая настоящая крепостная зависимость.

Советское колхозное крепостное право держалось на жестоких репрессиях, которые были настолько необоснованны и суровы, что даже спустя много лет трудно осмыслить это безумное по сути и преднамеренное истребление самой трудолюбивой части нации. Что-то в этом терроре было сатанинское, и он еще официально не признан преступлением против человечества, потому инквизиторов террора не мучают угрызения совести и общественный суд им не страшен, а безнаказанность порождает новые желания к массовому перевоспитанию.

Карьеристы, угодники и просто маньяки только и ждут соответствующих директив, чтобы, прикрываясь высокими идеями и интересами народа, начать хладнокровно мордовать свой народ.

Все это не ново в нашей истории, что-то подобное уже было в нашем отечестве, достаточно вспомнить опричников Ивана Грозного, которые стали карательным инструментом в руках правителя.

Жёсткий террор, казни, грабежи были направлены на удержание безграничной власти. Опричники, успешно расправляющиеся со своим народом, были несостоятельны в борьбе с внешним врагом, и это до боли знакомо.

Великая Отечественная война по-своему вошла в каждый дом. О потерях селян в Великой Отечественной войне говорит Книга Памяти, в которую занесены имена 5229 старомайнцев, на этих цифрах надо задержаться и обратить внимание на великие для нас потери. Победа в этой тяжелой для Отечества войне складывалась не только из успехов на фронтах, но и в тылу, за счет титанического напряжения, и прежде всего наших женщин, неприметных героинь, оставшихся в основном без заслуженных наград.

Сколько ими было пережито за годы войны! Кроме тревог, мучительных переживаний и невозможных потерь на их плечи легли все заботы на работе и дома.

Из воспоминаний матери: На фронт забирали не только людей, но и технику, лошадей, фронту отдавали последнее: тёплые вещи, продукты, надо было платить налоги, поставку молоком, мясом, шерстью, а на трудодень ничего. Дома не было дров, надо было чем-то кормить и во что-то одевать семью, а работа – без выходных с утра до вечера.

Из официальной хроники: продолжительность рабочего дня в колхозе в период сельскохозяйственных работ (сев, обмолот, прополка, хлебозаготовка) установлена с 4 часов утра до 21-30 с перерывами на завтрак с 9 до 9-30 и на обед с 13 до 14 часов. В осенне-зимний период с 15 октября рабочий день начинался с 6 часов утра до 19 часов вечера с перерывом на обед с 12 до 13 часов.

В этом утвержденном постановлении была значительная добавка: в случае необходимости бригадиры производственных бригад могли по своему усмотрению задерживать членов артели на работе дольше указанного времени и имели право отзывать на работу раньше установленного правилом!!! Последнее надо не просто пробежать глазами, а задержаться, внутренне представить, пережить и прикинуть, сколько же времени оставалось людям для личной жизни, а у основной рабочей силы – женщин – были еще и дети.

Ослабленные войной колхозы не могли обработать свои поля, потому при вспашке часто использовали скот колхозников. Норма вспашки на корову в день была очень велика - 5 гектаров, за что на корову выдавалось 0,7 центнера сена и 3 центнера соломы, самому хозяину до 2 кг хлеба.

Не легче сельскому труженику было и после войны. Если фронтовиков встречали с радостью, старались им подыскать достойную для победителей работу, то самая тяжелая и низкооплачиваемая работа, как правило, оставалась на долю женщин.

Весь послевоенный период в памяти старожилов запомнился большими налогами, займами и низким жизненным уровнем.

В 1950 году колхозы им. Сталина, «Молодая Гвардия» и «Вторая Пятилетка» объединились в один колхоз им. Сталина. В том же 1950 году средний по Старомайнскому району трудодень составлял лишь 870 граммов хлеба. Крестьяне до революции жили скромно, это правда, но пройдите еще раз по селу, почти всё здесь построено до революции. В советский период местная власть десятки лет ничего не строила, а для своих нужд просто отбирала подходящие дома.

Заботливый, работающий крестьянин для себя, для своей семьи и потомков в работе не щадил ни себя, ни других членов семьи, находя для каждого посильную работу. Большая семья всегда давала какие-то надежды на улучшение материального положения. При крепостном праве - это добавочное тягло, в начале Советской власти – это большой надел. При колхозном строе большая семья стала обузой, ибо на трудодень прокормить её достойно не было возможности.

Впрочем, в 1950 годы жизненный уровень селян стал обнадеживающе повышаться. Улучшение благосостояния шло за счёт снижения налогов, за счет периодического понижения цен. Например, в 1953 году цены на продукты хлебопечения, рыбу, яйцо, сахар понизились на 10 процентов, на мясо и пиво – на 15 процентов, керосин и бензин – на 25 процентов, стройматериалы – на 10-25 процентов.

Несколько повысился трудодень. Так к 1956 году в колхозе им. Сталина на трудодень выдавали по 2 килограмма хлеба и по 2 рубля денег. Тогда этот трудодень считался приличным, хотя 2 рубля стоил билет для взрослого в здешний кинотеатр, а если весь

трудодень перевести в более известное исчисление после денежной реформы 1961 года, то трудодень оценивался не более 40 копеек. И все же это лучше, чем ничего.

Может показаться странным, что, несмотря на нищету, бесправие, униженность, люди продолжали жить, верить, мечтать, радоваться, веселиться.

Прежнее село непременно вспоминается в неразрывном сочетании с окружающей природой, той скромной речушкой Майной, местами очень глубокой, а местами не замочишь колен.

В пору моего детства у села уже не было атрибутов старины – водяных мельниц, лишь на правом берегу напротив села остался от них след – круглое озеро Вершник, заросшее по окружности кустарником. Ниже по реке – чудная тенистая роща, где селяне проводили праздники, а в поле за рощей играли в футбол, проводили лошадиные бега.

Старожилы должны помнить Большие и Малые Дубочки, что были к северу от села, где начинались грибные места. Впрочем, грибных и ягодных мест здесь не перечислить. Майна - река хоть и небольшая и тихая, но во время ледохода могла показать свой нрав, потому мост через нее на это время разбирали. В трудный 1943 год из-за стратегического военного значения через реку был построен крепкий постоянный мост, оснащенный ледорезами. Построенный в тяжёлое время мост стал гордостью для селян и на многие годы местом встреч и прогулок.

Селяне любили половодье, и весенними днями

на берегу всегда было многолюдно. В половодье вся роща затоплялась, и селяне, особенно молодежь, с удовольствием катались на долблёнках по затопленной роще. Особенно впечатляющим было зрелище, когда в поздний вечер на носу лодченок зажигали пучок смолистых лучин, и в спускавшейся темноте по роще, играя бликами живого огня, проплывали лодочки, выхватывая из темноты загадочно освещенные фигуры людей, стволы деревьев, причудливые узоры голого кустарника, а по водной глади слышались весёлые голоса. Все это было большим праздником весны, очищения, и может быть, именно природа снимала у людей накопившееся напряжение, и многое пережитое отходило на второй план.

Со строительством ложа для Куйбышевского водохранилища многое изменилось, снесли значительную часть села, деревянные дома перенесли на новое место, каменные просто ломали. Люди были поглощены своим обустройством, и как-то всем было не до природы, а её просто уничтожали.

Помню Островок – так называли участок леса северо-восточнее села, который обычно в полою воду отделялся как остров. Громадные осокори валяли взрывами, вырывая могучие деревья с корнями, беспорядочно роняя их, образуя сплошной завал из толстых стволов, корней и веток. В то время я и мои друзья были ещё совсем юными и ещё не осознавали действительного значения водохранилища, всё решалось без обсуждений, да признаться, мы верили в ту важную необходимость создаваемой ГЭС, верили и доверяли.

Первое время мы с интересом играли в зеленом нагромождении, но вскоре поваленный лес стал желтеть, затихло пение птиц, лишь ветер срывал засохшие листья, оголяя стволы,

ветки становились твердыми, цепкими, ободранные стволы уже нагнетали уныние, и всякие игры потеряли свою прелесть вместе с увядающим лесом...

В 1956 году Куйбышевское водохранилище было затоплено лишь частично, уровень подъема воды не превышал даже отметки половодья 1926 года. Вода прибывала, подтопляла неубранный кустарник, и крепкий, не размытый ещё дерн, не давая мутиться воде, потому вода была очень прозрачной, чистой, и всё, что было под водой, далеко просматривалось. Да, первоначально это было сказочно интересно! Послушный лёгкий ход долбленки, под днищем которой хорошо видны знакомые тропинки, зелёные полянки, кусточки, где среди зелёной травы тревожились стайки бойкой рыбёшки. Трудно передать необычайное ощущение редкой диковинной особенности плавать на лодке среди подтопленного зелёного леса, где при желании можно укрыться от постороннего взгляда за густой кроной и подыскать удобное место для рыбалки.

В 1957 году, в половодье, Старомайнский залив полностью очистился от кустарника, который вырывался с корнями толстым льдом и плавал вместе с ним под порывами ветра. Через два года после затопления острота впечатлений от водохранилища заметно угасла, не стало великолепных лугов, и рыбы стало меньше, и природа как-то поблекла, а вот берега были непривычно устланы мёртвой рыбой. Рыбу не только морили сбросами в реку химикатов, но изводили и весенними резкими сбросами воды, когда ее уровень очень быстро понижался, и икра, оказавшись на суше, засыхала.

Новое поколение старомайцев выросло при Куйбышевском водохранилище, они уже не могут представить себе прежнего великолепия окружавшей село природы, Волжской поймы, и небольшую речушку Майну, что подходила к селу. Они живут в новом измерении, и всякие воспоминания о былом воспринимаются с трудом или вообще не воспринимаются.

С созданием водохранилища районное руководство надеялось использовать дешёвый водный путь, для чего к северо-западу от села был построен порт. Уже в 1957 году намечался грузооборот порта 14 тысяч тонн, а к 1960 году он должен был возрасти до 95 тысяч тонн. Однако порт не оправдал надежд. То, что до старомайского порта судам приходилось отклоняться на 16 километров, сделало пассажирское дело невыгодным, правда, сюда стали заходить туристические суда, что было выгодно населению села, ибо в районе порта шла бойкая торговля овощами, картофелем, мёдом и другими товарами, но в последнее десятилетие 20 века порт практически бездействует.

Обычно каждый год к весне воду из водохранилища сбрасывают, подготавливая его к стоку паводковых вод, в это время уровень в водохранилище значительно понижается. В 1976 году уровень в водохранилище упал до отметки 45 м 58 см (по Балтийской системе), в 1982 году - до 45 м. 71 см. В эти годы у села к весне от водохранилища оставалось лишь узкое русло реки...

Надо отметить, что с созданием водохранилища несколько изменился здешний климат, если прежде среднегодовая доля осадков колебалась от 320 до 400 мм, то теперь она составляет более 500 мм в год.

Из последних лет 20-го столетия наиболее необычным был 1979 год. В конце 1978 и начале 1979 года стояли сильные морозы – от 38 до 40 градусов. Практически встал транспорт, повсеместно от неготовности в подъездах и жилых домах разморозилась

отопительная система. В эту зиму вымерзло много садов. Необычной была и весна этого года. Снеготаяние проходило бурно, стремительно, потому почти по всей области в реках быстро поднимался уровень воды. Талые воды проникали в подвальные помещения, заливали огороды, улицы, а с полей талые воды превращались в бурные потоки, размывая на своем пути участки дорог, на реках сносило мосты...

В Старой Майне из-за высокого подъема уровня водохранилища - до 53 м. 94 см (наивысшая в истории водохранилища) создалась угроза прорыва воды в село в старой её части (около дома Першиных). По тревоге, через военкомат, была мобилизована часть населения для создания дамбы, для чего разобрали остатки кирпичной стены у бывшей мельницы. Вдоль берега была сделана дамба из брёвен, бетонных плит и земли. Ситуацию облегчало то, что стояла тихая ясная погода.

Примечателен и конец 1979 года: весь декабрь не было снега, стоял лишь морозец, так на бал-маскарад 31 декабря люди шли в лёгкой обуви. Снег выпал лишь 15 января следующего, 1980 года, такого случая в народной памяти не отмечалось...

Из дождливых лет запомнился 1987 год. 29 июня с 7 до 8 часов, то есть почти за час выпало 59,7 мм осадков. Все началось с того, что с северо-запада угрожающе надвигалась тяжёлая тёмная туча, которая постепенно закрывала всё небо. Было жутко и тревожно, поднялся сильный ветер, который с каждой минутой усиливался, в заливе поднялись большие волны, но вот ветер слился в единый, мощный порыв, он был настолько сильным, что в заливе исчезли волны – ветер прижал воду к берегу и не отпускал её для очередного разбега. Это было редкое зрелище, вода была похожа на гладкий ровный лед, по которому стремительно скользили воздушные потоки... По улицам и переулкам поднимало тучи пыли... и хлынул ливень... Казалось, что вода низвергается с высоты сплошным потоком. Туча полностью перекрыла небо, стало сумрачно. Ливень шёл около часа почти без перерыва. В конце часа дождь ослабел, в заливе опять были волны, а на западе появился просвет. В течение часа выпало почти 6 вёдер на квадратный метр. Такого яркого на впечатление ливня мне не приходилось видеть. Между тем, ливень и сильный ветер в селе ущерба почти не принесли.

Ещё о погоде... Год 1990. Апрель тёплый, солнечный, осадков около нормы. Май дождливый, причём вода не успевала впитываться, потому в низинах образовались болотины. За июнь выпало 161 мм осадков, что более чем в 3 раза среднемесячной нормы за июнь. Дожди порядком всем надоели. Июль - погода несколько установилась, но вот 22 числа при казалась, тихой и ясной погоде, к 12 часам появилась клиновидная, тяжёлая туча. В 12 часов 10 минут начался сильный дождь, переходящий в сплошной ливень при небольшом ветре. Во второй половине часа во время дождя ветер стал усиливаться, и дождь сопровождался градом диаметром 12- 14 мм. К концу часа ветер с юго-западного резко сменился на северный. к 13 часам дождь закончился, за 50 минут ливня выпало 50,2 мм осадков. Ливень прошёл полосой, побив посевы. За июль выпало 116,7 мм осадков.

Мой рассказ неспроста остановился на погоде, ливневые дожди помогут всем отвлечься. Облегчить тяжесть прожитых лет. Очистить душу от обид и горьких воспоминаний...

Впрочем, те трудности, та несправедливость и унижения, что пережило старшее поколение очевидцев многих свершившихся событий, ныне воспринимаются с трудом.

Ибо жизнь постепенно меняется в лучшую сторону, и надо признать, что, начиная с 1960-ых, а особенно в 1980-ые годы в рабочем посёлке много строилось, в том числе и жилья.

В 1969 году в Старой Майне построено здание КБО, в 1971 году - маслозавод, в 1975 году сдан в эксплуатацию РДК, в 1981 году построен

детский комбинат на 140 мест, в 1984 - гостиница «Волна», в 1989 году - военкомат, в 1990 году закончено строительство средней школы, кроме этого в посёлке был расширен больничный комплекс, построены административные здания и много других значимых для селян строений.

Можно еще продолжать рассказывать о селе, о каждом доме, о людях, ибо история, как и вселенная, не имеет конца, но продолжать её будут уже другие люди, а я продолжу свой рассказ о других селениях волости...

Посёлок Труженик

В своё время Столыпин заметил наступающую диспропорцию на селе: количество земли оставалось постоянным, а число сельского населения несоизмеримо увеличивалось, к тому же на пороге был технический прогресс с новыми производительными сельхозмашинами. Реформатор пытался предупредить назревавшее напряжение на селе за счёт разрушения общины и за счёт естественного отбора, то есть, пытаясь оставить на земле более крепкие, более жизнеспособные крестьянские хозяйства, частью хуторного типа. Идея эта вполне здоровая, предполагалось, что слабые, неспособные хозяйства или просто лодыри должны были искать для себя другие пути для выживания, например, уходить в город, где нужна была рабочая сила...

Во время Столыпина к его реформам отнеслись выжидательно, но вот при Советской власти после голодных лет Столыпинские идеи неожиданно нашли своё воплощение. Так в двадцатые годы вокруг Старой Майны образовалось несколько посёлков, о которых сегодня редко вспоминают. Так с юго-запада в 4 верстах от Старой Майны был образован посёлок под названием Труженик. Посёлок как хутор был заселён еще в 1921 году, хотя официально он был зарегистрирован в 1923 году. Посёлок располагался на восточном берегу озера Яик, земли для поселенцев отвели на бывшей удельной и частью Наумовской землях. В 1930 году в посёлке было 11 хозяйств и 53 жителя. Здесь жили семьи Степана Савинова, Михаила Шалунова, Матвея Никитина и других.

После коллективизации посёлок Труженик стал относиться к колхозу имени Сталина. Постепенно состав посёлка менялся, сюда из-за Волги переселились семьи Павла Романова, Ксении Яргункиной, Андрея Юманова, Тихона Краснова, Архипа Князькина, сюда же переехал из Чердаклинского района Егор Иванович Афанасьев, получивший здесь за трудовые успехи орден Ленина.

Дома в посёлке все деревянные, крытые частью соломой, частью тёсом, воду для своих нужд брали из колодцев.

В пятидесятые годы, в связи со строительством Куйбышевского водохранилища, посёлок Труженик был снесён, а жители посёлка переселились в Старую Майну...

Посёлок Сталина

С полверсты от посёлка Труженик, на западном берегу озера Яик, в 4 верстах к юго-западу от Старой Майны располагался другой посёлок – Сталина, ныне его тоже нет. На его месте широко разлилось Куйбышевское водохранилище, и сегодня вдаль, за синевой противоположного гористого волжского берега, можно наблюдать, как меркнет вечерняя заря, играя золотистыми отблесками в широкой глади водохранилища. В тихую погоду рукотворное море привлекательно и безмятежно. Под толщей зеленоватых вод укрылось золотое дно – волжская пойма, в прошлом источник стабильного животноводства. Вместе с поймой на дне водохранилища исчезают и следы посёлка Сталина, чью короткую историю пытаюсь сохранить.

История посёлка Сталина имеет предысторию и практически воплотила прошлое нескольких посёлков. Посёлок Сталина в народе часто ещё называли «Трубой», ныне это название многие старожилы объясняют тем, что посёлок-де вытянулся в одну улицу, словно труба, но это странное название за посёлком закрепилось от названия обширного участка Заволжской поймы, на котором расположился посёлок. Участок, дача или как он прежде назывался, земельная оборочная статья №1 под названием «Труба» была образована из изменений земли, отрезанной по уставной грамоте от села Старая Майна и Удельного леса, и расположена была между озером Яик и Щучьим Затоном при впадении реки Майна в Волгу. Площадь оборочной статьи составляла 765 десятин. Пролегающая примерно через середину участка довольно глубокая ложбина, занятая отчасти травяным болотом, а отчасти цепью озер, разделяла площадь участка на две части - Восточную и Западную. В Восточной, ближней к селу части было 328 десятин, в том числе 154 десятины под лесом. Эта часть занимала ровное, более возвышенное место, почва здесь пригодна к сельскохозяйственному пользованию...

Западная часть, расположенная между Тростяным озером и Щучьим затоном, включала 437 десятин, в том числе 317 десятин леса. Местность здесь волнистая, с ложбинками и рытвинами, заливаемыми весеннею водою.

До 1882 года оборочная статья «Труба» состояла в аренде у крестьян Старой Майны по трёхпольной распашке с правом расчистки леса из платежа оброка по 726 рублей в год. Правда, расчистка была необязательна, потому производилась лишь в Восточной части. Крестьяне пользовались здесь лесом, сенокошением и пастьбою скота. Почти весь крупный лес здесь был вырублен и теперь состоял из молодого лиственного леса в возрасте до 20 лет, потому после 1882 года арендовать участок не было охотников, и было решено разделить статью на две части: Западную часть, непригодную для распашки, переводили в лесную, присвоив ей название «Трубенской лесной дачи», и Восточную, отдав её в аренду с расчисткой в Удельное управление. Охрана дачи с 1882 года была возложена на сторожа 6-го обхода Большекандалинской дачи. С 1885 года охрана дачи была вверена особому сторожу с жалованием 6 рублей в месяц, проживающему в Старой Майне.

За период 1882-1886 годов от этой дачи поступило дохода 1402 рубля. Кроме того, за особую плату разрешалась ловля рыбы и устройство пасек, отчего поступило еще 32 рубля...

В 1886 году на имя Окружного надзирателя первого округа, поступило прошение товарищества из 14 крестьян сел Старой Майны и Красной Реки, которые желали взять

Восточную часть оборочной статьи №1 на 12 лет в арендное содержание под трёхпольную распашку с обязательством расчистки лесной площади в угодыя, с оплатой оброка в первые шесть лет по 476,6 рубля в год, а вторые шесть лет - по 714,6 рубля в год. Кроме того, товарищество включило в условие обязательное продление срока аренды на третье шестилетие, в течение которого соглашались платить ежегодно по 1009,7 рубля, при этом краснореченцы просили дозволения построить временно на снимаемом участке свои дома...

Таким образом, уже в конце прошлого века было желание основать здесь поселение. В Западной части дачи во многих котлованах вода сохранялась круглый год, образуя или озёра, или болота. В разлив Волги эта часть представляла собой несколько островов, отделенных друг от друга временно образующимися рукавами Волги. Половодье реки Волги здесь начиналось обычно 14-16 апреля. Волга вставала с шумом, треском льдин и заторами, мутная полая вода, разливаясь по обширной пойме, заливала низины, озера, поднимаясь в среднем на 11 метров. Пожалуй, самый малый известный подъём воды отмечался в 1891 году – чуть более 7 метров. При такой небольшой высоте половодья волжская пойма почти не затоплялась, и даже не во все пойменные озера приходила волжская вода. Около месяца происходил подъем воды, средней же датой пика половодья считали середину мая. Пик держался от 2 дней, как это было, например, в 1889 году, и до 107 дней, как это было в следующем, 1890 году.

В народе ходило поверье, что Великая река ждала жертвы, и лишь после того, как кто-то тонул, что бывало не раз, вода начинала спадать, после чего наступал период межени, когда на Волге обнажались обширные отмели, песчаные острова и опасные перекаты...

В период Столыпинской реформы Трубенская дача была передана во владение Крестьянского Поземельного банка и разбита на отруба...

Коммуна Заря. Большие изменения произошли в Трубенской даче после Октябрьской революции. Новая власть, столкнувшись с выжидательной позицией крестьян, искала себе поддержку в деревне. На первом этапе это были непопулярные, скомпрометировавшие себя комбеды, которые вместе с продотрядами стали одной из основных причин гражданской войны.

Ещё продолжалась Гражданская война, а идеологи революции взамен комбедов искали новую форму опоры в деревне, проводя пропаганду одной из своих утопических идей – создание в деревне для низкого сословия трудовых коммун казарменного типа. Вот строки, взятые из уездной газеты «Знамя Коммунизма» от 29 декабря 1918 года: «Для защиты своих классовых интересов и для более успешной борьбы с попами и кулаками деревенской бедноте необходимо организовать трудовые коммуны. Чтобы организовать коммуну, нужно, прежде всего, собрать около себя группу, хотя бы небольшую, единомышленников из среды деревенской бедноты для беседы о необходимости организовать коммуну. Обменявшись с ними мнениями, нужно совместно набросать устав её, тщательно обсудить каждый пункт устава, в основу которого, прежде всего, нужно ввести пункт, который бы ясно говорил, что коммуна является трудовой, и что там не будет места тунеядцам, жившим за чужой счёт, кулакам, попам и крупным земельным собственникам».

Далее в статье идут рекомендации, как проводить собрания и что говорить в выступлениях. Безусловно, вожди революции понимали, что коммуна – это иллюзия и как

ни объединяй бедняков в группы, они так и останутся бедняками, ибо бедняки - люди частью откровенно ленивые или не умеющие дальновидно мыслить. Порой бедняк и урожай хороший собирал, да распорядиться им не умел, и так часто его тяжелая работа шла впустую, без надлежащей пользы...

Создавая трудовые коммуны, власть очередной раз обнадеживала бедняков, надеясь, что они станут новой опорой в проведении политико-экономических кампаний как готовое исполнительское, идейно сплоченное ополчение против остальной массы крестьян – других выгод от коммун не было, ибо коммунары в лучшем случае могли лишь кое-как прокормить себя, не принося доходов казне. Впрочем, идеологи власти не скрывали, что коммуны им нужны не для ликвидации бедности, а для успешной борьбы с кулаками, то есть для продолжения противостояния в деревне.

Снизу, со стороны беднейших крестьян, такая утопическая идея, в общем-то, находила своих сторонников; они верили, что стоит объединиться, и на их улице будет долгожданный праздник...

Первая старомайнская сельскохозяйственная коммуна получила земли еще в 1919 году, в Трубецкой даче, в количестве 131,5 десятины, но утвердилась 3 июня 1920 года. В её составе было 14 дворов и 148 душ, коммунарам отвели, согласно количеству едоков, 305 десятин на земле бывшего удельного ведомства под названием «Труба», переданного до революции во владение Крестьянскому Поземельному банку и разбитому на отруба, а теперь отошедшего коммуне. Трудовая коммуна получила обнадеживающее название «Заря» – заря светлого счастья, начала исполнения надежд и желаний...

Однако общественная обработка земли и жизнь коммуной, когда всё общее и ничего своего нет, быстро привели коммунаров к разочарованию, ибо каждому из них в душе хотелось иметь самостоятельность и что-то своё сокровенное, потому жизнь коммуны была скоротечной. Её члены возбудили ходатайство о предоставлении им права перехода на устав сельхозкооперативного товарищества. Ходатайство было удовлетворено.

Посёлок сельхозартели «Молот». Почти одновременно рядом с коммуной создается сельхозартель «Молот», утвержденная коллегией УЗС отделом от 14 июня 1920 года, в составе 19 дворов и в количестве 98 едоков на площади 225 десятин на части Трубенской дачи и части земель помещика Наумова под названием «Заяик», перед озером Кривое. Сюда же вошли лесной колок Елховский Репьёвского лесничества – 50 десятин и лесной колок Медвежий – около 5 десятин. Однако через 2 года обе артели, «Молот» и «Заря», согласно их общему протоколу от 20 июля 1922 года, соединились в одну сельхозкооперативную артель под названием **Трубенское объединение** в количестве 33 домохозяев на площади 600 десятин, из них 100 десятин неудобий (вода, солонец, овраги). Новая артель имела 17 лошадей, 16 жеребят, 3 быка, 21 корову, 4 овец, 40 ягнят, 3 свиньи. Из инвентаря у артельщиков было 17 плугов, 23 бороны, 3 жатки, 4 молотилки. Среди артельщиков были и старомайнские, и краснореченские крестьяне: Праксин Сергей, Морозовы Тимофей, Яков, Никифор, Алмакаевы Алексей и Петр, Жирнов Максим, Кирилин Василий, Кильянов Василий, Цибульский Иван, Чуваев Лазарь, Кокнаев Андрей, Чугунов Пётр...

Надо отметить, что количество земли за сельхозартелью постоянно менялось в зависимости от числа едоков с нормой 1,79 десятины на каждого. Севернее земель Трубенского объединения, так же между озерами Яик и Тростяным, образовалась

новая **сельхозартель «Заря»**, названная так, видимо, потому, что некоторые из членов артели были членами коммуны «Заря». Впрочем, переходы из артели в артель были обычными, каждый искал для себя лучшей доли...

Усадьба артели «Заря» расположилась у озера Тростяное, сюда переселилось 17 дворов и 102 человека, среди них мордва и русские из Старой Майны и Красной Реки. На каждого едока здесь приходилось по 2,19 га пашни, а всего 340 га. Воду для нужд брали из озера и колодцев глубиной 6- 8 метров с хорошей питьевой водой. У артели было 20 лошадей, 15 коров, 45 овец, 20 свиней. Из инвентаря у артельщиков было 28 плугов, 2 железные бороны, 3 веялки, 3 молотилки... Ходатайство о создании артели заведено 12 июля 1924 года. Среди артельщиков были: Румянцев Степан, Чугунов Иван с семьей, Терягов Максим, Семёнов Федот, Березин Прохор, Браньков Прокофий, Чуваев Василий, Румянцев Алексей, Ежов Андрей, Козины Пётр и Иван, Кузнецов Фёдор. Ныне мало кто вспоминает Гусиное болото, или Чуваево, или Максимово, Маврино, Ильино, Подстепное и другие болота и озёра, названия которых со временем менялись...

Поскольку в то время артели создавались на добровольных началах, то неудивительно, что неудовлетворенные своим положением, в 1928 году из сельхозартели Трубенское объединение выделились часть артельщиков, образовавших артель **«Новый быт»**, в числе 12 хозяйств и 55 едоков, среди них: Праксины – Андрей, Николай, Никита, Петр, Морозов Яков, Кильянов Андрей, Чугунов Петр.

Кроме этих артелей здесь были образованы ещё несколько посёлков, но их права, хотя и утвержденные советской властью, на практике оказались довольно шаткими...

Колхоз имени Сталина. 5 июня 1929 года состоялось общее собрание сельхозартелей «Заря», «Трубенское объединение», «Новый быт», «Труженик», на котором присутствовало 74 члена, с повесткой об объединении артелей в один колхоз. В ходе собрания предлагалось объединить ещё посёлки Яик, Пчельник и Андроновка. Надо отметить, что коллективизация проходила в атмосфере беззакония и неудержимого подавления человеческих прав, и поскольку эти поселки вклинивались в будущие колхозные земли, то на них стало оказываться грубое бесстыдное давление. Догадливый Ионов вовремя подал заявление об отказе от своих законных земель, потому избежал преследований. Посёлок Пчельник, состоявший из 8 хозяйств, был просто ликвидирован... Впрочем, землю отбирали под разными предлогами: ввиду того, что сзади пчельника колхоз предполагал построить скотный двор, а пчёлы могли их искусать, было решено Бадылинскую пасеку убрать. О посёлке Андроновка и Яик было объявлено, что они не могут называться посёлками, потому что это труба и что они будут тормозом в мероприятиях артели, а чтобы пользовавшиеся этой землёй не возникали, их стали лишать избирательных и гражданских прав. Так в списки лишенцев за 1929 год были внесены Бадылин Василий Васильевич с женой Еленой (семья из 6 человек) как бывшие эксплуататоры трудового населения, торговавшие в трактире. Были лишены избирательных прав братья Андроновы: Дмитрий Иванович, Константин и Сергей как сдававшие свою землю исполу... Таким образом, земля за новым колхозом имени Сталина увеличилась на 71 гектар. Но на этом аппетит организаторов колхоза не ограничился, им не давал покоя участок, относившийся к Старомайнскому 11 земельному обществу. Землемером Глебовым было установлено, что желанный для колхоза участок не использовался надлежащим образом (что при желании можно было сказать о любом участке) и что 11 общество в большинстве состоит из кулацкого, зажиточного элемента, усвоившего привычку пользоваться землей с целью лёгкой её эксплуатации. Земля же

предполагалась быть использованной под колхозное строительство, потому требовалось изъять 15 га из 11 общества на учёт ГЗИ с последующим переводом в артель имени Сталина на укрупнение. Нажим на крестьян был настолько впечатляющим, что многие из опасения лишения избирательных и гражданских прав поспешили подать заявление об отказе землепользования, потому у общества отрезали 65 гектаров вместо 15...

Колхоз получил 738 гектаров пашни. Если учитывать, что на первом этапе колхозы получали землю, согласно нормам социалистического сектора, то есть на каждого едока, то полученная площадь соответствовала для 323 человек, и выходило, что для сохранения данной площади требовалось доукомплектовать колхоз еще 66 едоками. Всего же земли у колхоза имени Сталина было 1198 гектаров, а первым председателем колхоза был Максим Андреевич Ежов.

При объединении в колхозе оказалось 52 головы рабочего скота, 49 коров, из инвентаря - 32 плуга, 16 борон, 7 сеялок, 4 жнейки, 4 молотилки и 1 трактор. Почвы здесь - преимущественно супесчаный чернозём с примесью суглинка. Земледелие с 1930 года - пятиполье. Средний урожай пшеницы - 6 центнеров с гектара, ржи - 8 центнеров, картофеля - 90, гороха - 7 центнеров. Лучшими урожаями были: пшеница - до 12 центнеров, рожь - до 11 и т. д.

С созданием объединённого колхоза усадьбы «Зари» и «Нового быта» свезлись на усадьбу Трубенского объединения, расширенный посёлок получил название имени Сталина, правда, в народе посёлок часто назывался «Труба», а условно он разбивался на концы - Заря, Центр, Труба, Быт... В центре был один двухэтажный дом, где жили Ведьмановы и Нечаевы...

Начиная с 1933 года, сюда из-за Волги начинают переселяться чуваша, поселяясь как в Трубе, так и в посёлке Труженник. Первое время каждый конец имел свое стадо, но в 1937 году вся частная скотина была сведена в одно стадо. В посёлке имелись колхозная столовая, ясли, деревянная начальная школа, крытая железом, построенная в 1925 году, учительницей здесь была Андреева Екатерина Александровна (в 1926 году было 27 учеников).

В 1938 году, по воспоминаниям Матрёны Масловой, в посёлке случился большой пожар. Она же помнит, что трудодень в колхозе был небольшой - 1,5- 2 кг хлеба, лишь однажды, в год выборов в Верховный Совет, получили по 8 кг хлеба.

Среди жителей посёлка были семьи Егора Морозова, Петра Жаркова, Николая Яковлева, Григория Андреева, Василия Микка, Евдокии Легковой, Дмитрия Маслова, Фрола Шлёнкина, Владимира Гаврилова, Никифора Храмова и других. С войны в посёлок не вернулось 26 человек.

В 1950 году произошло добровольное объединение колхозов имени Сталина, «Молодая Гвардия» и «Вторая Пятилетка» в один под названием имени Сталина. В 1961 году колхоз был переименован в колхоз «Волга», но до этого, с созданием водохранилища, посёлок Сталина («Труба») был переведён в Старую Майну.

Воспоминания о посёлке остались довольно разноречивые. С одной стороны - богатая пойма, раздолье для животноводства, разнообразные уголья; с другой - нищета, большие

налоги, пустой трудодень, здесь же - назойливый гнус, в избах тараканы да клопы, а земли-то – всего 30 соток на семью...

Посёлок Андроновка

В той же Трубенской даче за Яиком к середине двадцатых годов был образован небольшой посёлок Андроновка, состоявший из 6 дворов и 24 жителей. Название посёлок получил по фамилии Андроновых, составляющих костяк посёлка. Здесь были семьи: Дмитрия Ивановича Андропова, его братьев Константина, Сергея и сестры Елизаветы (Трубецкой), здесь же семья Василия Кочеткова и другие. Поселенцы получили земельные наделы на общем основании. В 1926 году на 25 жителей приходилось 79 гектаров земли, из них - 47 пашни...

Поселенцы имели 12 ульев пчелосемей и потому посёлок называли еще Андронов пчельник.

В тревожную пору коллективизации возник вопрос о присоединении посёлка к создаваемой артели, но затем посчитали, что самостоятельность братьев могла быть тормозом в мероприятиях артели, потому на братьев было оказано грубое давление – вместе с женами их лишили избирательных прав, вспомнив, что до революции братья занимались торговлей, имели добротные каменные дома, а Константин был ещё и женат на дочери купца Лазаря Петровича Забиякина – Марии, что при Сталинском режиме считалось недопустимым. Посёлок был ликвидирован, но братьев в покое не оставили, их репрессировали, а имущество конфисковали. В домах Андроновых сегодня живут другие люди, и вряд ли они знают печальную участь своих предшественников. С грустью размышляя о трагической судьбе отдельного крестьянина, невольно осознаешь трагедию всего Отечества...

Андроновым не повезло, они попали в жёсткую волну очередной войны партийного режима со своим народом. Чтобы в неистовой борьбе скрыть свое неумение, бездарность и за счёт тотального преследования извести всякую критическую оценку их негативного правления, чиновники искали и «находили» врагов народа, чтобы свалить на них свои промахи. А таких как Андроновы, старательных, инициативных, Отечеству и сегодня не хватает...

Монастырь – Коммуна – колхоз «Молодая Гвардия»

К северу от Старой Майны, за образованным водохранилищем Старомайским заливом, виднеется покрытая лесом гора, которую называют Коммунской, на ней виднеется высокая костлявая конструкция створа - маяка, который ныне бездействует. Здесь нет строений, берег почти на всем протяжении обрывистый, при небольшом уровне здесь образуется пляжная полоса из чистого речного песка. Поднимаюсь на гору и ищу следы от прежних построек. Сегодня с трудом верится, что 100 лет назад здесь был женский монастырь. Возможно, он мог быть и сегодня, но рожденная революцией грубая, бессмысленная энергия борьбы, которая в своих высоких помыслах должна была бороться за счастье своего народа, в своей увлеченности переросла в волну злобы и ненависти ко всему, на что укажут перстом её вдохновители...

Ступая по пустынному берегу, пытаюсь понять этот сложный необъяснимый окружающий нас мир, мир глубоких противоречий и неудержимых пороков, ищущих себе

удобную идеологию, чтобы чувствовать себя комфортно в атмосфере зла и насилия и иметь возможность оправдаться за счет очернения истинных духовных начал...

С грустью и волнением мысленно возвращаюсь в прошлое...

1928 год... Майнский Успенский женский монастырь... Слабый живой огонёк под безмолвными образами беспокойно трепетал, боясь каждого неосторожного дуновения. Притихшие в глубокой тревоге сестры неустанно молились, сгрудившись за матушкой игуменьей. На её обычно строгом лице не было растерянности, но во взгляде и движениях чувствовалась необычная озабоченность и напряжение. В решающий для обитателей монастыря час от неё ждали тёплых, обнадеживающих слов напутствия. Настойчивые слухи о том, что монастырь закроют, а их, ищущих праведного пути к Господу и душевному покою, грубо разгонят, перерастали в очевидную реальность...

Приученные к смирению, монахини принимали грядущие испытания за волю Божию и ждали, что в любой час через монастырский порог переступят услужливые, обманутые активисты, посланные и наученные идеологами диктаторского режима. Грубая толпа крикунов, угодников и хриstopродавцев в каком-то бесовском торжестве будет хватать святые реликвии, растаптывать, разорять крохотный островок веры, нравственной стойкости, сдержанности и вечной российской терпимости. Против вандализма властей и безумствующей толпы женская обитель была беззащитна, и в этом море смуты, жестокости и невежества сёстры продолжали жить слабой надеждой на хрупкую людскую справедливость и благоразумие...

В роковые для монахинь часы невольно прокручивалось в мыслях всё прожитое, всё выстраданное, и в этом стремительном потоке мучительных воспоминаний, оттесняя прежние душевные раны и потерявшие смысл результаты своего тяжелого труда, чётко и обидно пробивалось лишь одно – ЗА ЧТО?...

Майнская женская обитель возникла не от хорошей жизни, этого требовала назревшая необходимость всего сурового крестьянского сосуществования и непредвиденных житейских обстоятельств, потому имела большое значение для всей старомайнской стороны.

В женской обители находили приют в основном люди брошенные, одинокие, чем-то обездоленные, обиженные, сироты, старые девы – те, чья несложившаяся судьба привела их в монастырь, чтобы обрести здесь надежду, защиту, душевное успокоение, укрепление в вере.

Чтобы не обременять селян и уберечь сестер от мирских пороков и суеты, основатели монастыря подыскали для него отдаленное, возвышенное место за рекой в двух верстах севернее Старой Майны. Обитель с её высоким нравственным предназначением и относительным уединением как-то осмысленно прижилась в этом чудном, девственном уголке среди соснового леса, наполненного целебными запахами хвои и трав. К тому же, при довольно скромной ежедневной трапезе сестер большое значение для них имели здешние щедрые грибные и ягодные угоды. Сложнее было с водой, которую приходилось брать под горой, спускаясь по крутому высокому склону к небольшой реке Майна, будто преднамеренно делавшей большую петлю от Старой Майны к западному склону Монастырской горы и далее уносившей свои тихие воды к Лысой горе и деревне Новая Грязнуха...

Первоначально монастырь из-за нехватки средств был довольно скромен, но с годами сестры своим неустанным трудом и любовью поднимали свое хозяйство, ибо сестры-монашки не только молились, как это любили подчеркивать наши вандалы-идеологи, разжигая костер ненависти к обители, а не покладая рук, работали, практически берясь за любую работу – среди них были пекари, плотники, землепашцы. Монастырь имел свой скот, а за двором и перед монастырём был заложен фруктовый сад. Селян поражала удивительная работоспособность монашек, даже когда они шли через село в свое дальнее поле (Монашкин куст, южнее Старой Майны), руки их были заняты вязанием. Только за счёт умелого, настойчивого труда и скромного потребления хозяйство монастыря крепло год от года.

Безусловно, селян интересовала жизнь монастыря, многие сельские женщины поддерживали с монахинями дружеские отношения, хотя для многих из них было трудно понять психологию монахинь, решивших посвятить себя столь воздержанной, строгой, аскетической жизни. За стенами женской обители собрались десятки человеческих судеб с большим диапазоном характеров, страстей и желаний, втиснутые в строгие правила монастырского устава, не нарушая которого, человеческая душа за повседневной сдержанностью и исполнительностью искала простого человеческого общения. Может, потому монашки всегда приветливо относились к селянам, охотно брались выполнять для них любые просьбы или работы, например, стегали одеяла, вязали, вышивали, ходили отпевать покойников или читать, как принято, поочерёдно сменяясь, пока не захоронят...

Впрочем, монастырь не отказывался от пожертвований. По преданию, недалеко от монастыря в реке Майна утонула малолетняя дочь купца Сергея Ивановича Былинкина. Родители девочки были потрясены трагической гибелью дочери и очень оплакивали свою утрату. В память о дочери состоятельные Былинкины построили монастырю новое просторное деревянное здание церкви, сами же Былинкины, уступив в селе свой дом Першиным, покинули Старую Майну. Позже в их двухэтажном каменном доме, что в Удельной части села, будет продолжительно располагаться райвоенкомат.

В советский период, как правило, районом управляли люди со стороны, которые обычно были безразличны к здешней истории и оставленному нам старательными и трудолюбивыми предками наследству. Не удивительно, что власти довольно вольно относились к дореволюционным строениям. После постройки нового здания для военкомата прежнее здание было брошено, разобрано, растащено, ибо первые лица района не смогли, а может, не захотели найти ему применение... Впрочем, еще раз оглядываясь в прошлое, люди, набравшись житейской мудрости, будут пытаться разобраться, кто был кто в нашей истории, задумываться, как сами ошибались, будучи молчаливыми свидетелями прошедших событий...

Светлыми днями в жизни монастыря были церковные праздники, к которым тщательно готовились, это были желанные дни отдыха, богатой трапезы и какой-то душевной удовлетворенности.

Особо здесь отмечали престольный праздник Рождество Богородицы, когда в монастырь приезжали благочинный и другие священнослужители. В этот день сюда многочисленной толпой шли женщины соседних селений: некоторые помолиться, а некоторые просто полюбопытствовать на жизнь монахинь, пройти по монастырю, посмотреть на скромные, разделённые на двоих кельи... Мирян удивляли исключительный порядок и чистота в монастыре – двор зеленел ковром немаятой, сочной

лужайки, чётко разделённой ровными, аккуратными тропками. Да и внутри деревянных строений была та же безупречная чистота. Сложившиеся понимание и дружеские отношения с селянами женская обитель стремилась закрепить, желая иметь свою часовенку в селе Старая Майна, но вся усадебная земля в селе была уже распределена, а строить часовенку на окраине не было смысла, потому монастырь выкупил у купца Самсонова скобяной магазин у базарной площади, в центре села, и перестроил его под часовню, где по воскресеньям монастырский батюшка стал служить молебны. Ныне в этом здании в переулке Глухова продуктовый магазин...

Привычный для обители ритм жизни был нарушен Великим Октябрем. При новой власти революционная идея преобразований с какой-то бесшабашностью рушила все старое, навязывала людям новые непродуманные правила жизни. Не один день провела женская обитель в тревоге. Но здесь, в сельской глубинке старые традиции были еще крепки, а новое руководство было нерешительно, потому женский монастырь в первую революционную волну не тронули. Кроме того, в 1919 году по установленной в Старомайнской волости норме земли на каждого едока монастырю на 86 едоков пришлось добавить по 14 десятин в каждом из трёх полей...

Тем не менее, рассудительные монахини понимали, что их духовная независимость не даёт покоя чиновникам разных рангов. Идеология новой власти не терпела присутствия монастыря, его обособленности и набожности...

Большевитская власть любила, чтобы народ был у нее наизнанку, постоянно доказывал свою преданность коммунистической идее, во имя которой все обязаны к самопожертвованию. А от закрытого от мирских взглядов и от во многом воздержанной, строгой жизни монастыря веяло непокорностью, достоинством, верностью старым устоям и строгим соблюдением нравственных принципов, потому во властных кабинетах непременно должны были зародиться тайные задумки против них.

Эти догадки спланивали и беспокоили монахинь и заставляли их идти на уступки властям. Официально монастырь был преобразован в трудовую общину, что-то вроде женской коммуны, а настоятельница стала называться заведующей общины, но в округе все понимали, что это простая формальность, потому община воспринималась по-прежнему как монастырь...

К 1926 году в женской трудовой общине было 74 женщины и за разные заслуги четыре мужчины преклонного возраста: Решетову Николаю Федоровичу было 76 лет, Виноградову Поликарпу Александровичу - 61 год, а Морозову Ивану Матвеевичу - 84 года...

Заведующей общины, игуменьей здесь была Тамара Ивановна Бычкова (Быкова), 57 лет. Возраст монашек имел большой диапазон. Например, Агаповой Серафиме было 66 лет, Пугачёвой Евдокии - 36 лет, Шлёнкиной Устинье - 16 лет, Дворянцевой Александре - 20 лет, а послушнице Демидовой Валентине - всего 8 лет...

В том же 1926 году, по воспоминаниям старожилов, ночью на монастырь напали цыгане, увели лошадей. До Старой Майны отчетливо доносились с монастыря крики отчаяния, тревожный плачущий звон колокола, но селяне на помощь монастырю идти не решились, боясь попасть под гнев партийных идеологов, которые сами настраивали податливых, неразборчивых в средствах отпрысков на грабёж женской обители...

Вся сила новой власти зиждилась на разжигании низменных чувств и интересов у вечных неудачников, у неустойчивой молодежи, которые на почве чёрной зависти объединялись в злобную агрессивную толпу. Если бы Христос не был распят ранее, то при Советской власти его точно бы распяла безумствующая, бесовски настроенная толпа угодников и заблудших, которая жаждала разоблачений, погромов, не задумываясь, что своими руками уничтожала духовное наследие своих же предков, и что каждый из них сам мог стать очередной жертвой безумных решений... Молодежь-комсомольцы без колебаний шли выполнять чёрные замыслы своих партийных наставников, которые при молчаливом выжидании большинства чувствовали себя довольно безнаказанно.

В жизни бывают необъяснимые чудные знамения, которые словно предупреждают людей о надвигающихся грозных событиях. Год 1928 стал прелюдией к трагической истории российского крестьянства, хотя в этот год здесь, в сельской глубинке ещё сохранился обычный ритм жизни, но тревожные предчувствия надвигавшихся перемен уже витали в умах людей, будоража их воображение.

На Успенье, 26 августа, как оказалось, на последний престольный в монастыре праздник, собравшиеся со всей округи на молебен люди невольно обратили внимание на то, что на праздник, считавшийся в народе проводами лета, необычно пышно расцвёл монастырский сад. В этой дивной безвременной красоте было что-то тревожное, предупредительное, а может прощальное, ведь до закрытия женской обители оставались считанные дни...

Активисты, словно матёрые чужеземцы-захватчики, завладели монастырем. Беззащитные женщины-монашки были насильно выселены из обжитой обители, а их нажитое трудом и потом имущество было конфисковано, или как любили говорить идеологи, оно перешло народу. По их мнению, трудолюбивые монахини и многие другие категории населения страны к народу не относились...

Идеологи ликовали о победе, не задумываясь, что же будет с лишёнными очага женщинами, некоторым из них некуда было податься, и они, разойдясь по селениям, искали приют в церковных и кладбищенских сторожках, у добрых людей, дальних родственников. Там, на местах нового приюта, они стали верной опорой православной веры, защитниками церквей и церковного имущества. Другая часть сестер осталась в Старой Майне, где пытались сохранить монастырские устои. У села, на крутом склоне горы, рядом с Першинской мельницей, монашки обустроились в просторной землянке, где продолжали тайно молиться и совершать обряды под руководством регента-матушки Анны, обладавшей прекрасным низким голосом. Однако и эту импровизированную богадельню власти закрыли.

В период необоснованных репрессий многие из монахинь пострадали за веру. Тройками ОГПУ по статье 58-10 (призыв к свержению или ослаблению советской власти) были репрессированы Вишнякова Варвара, Носова Гликерия, Порватова Прасковья, Чихирева Елена, Балахонцева Мария... Безусловно, когда Российское общество очистится от смуты, от идеологических и революционных наваждений, о монастыре вспомнят как о большой нравственной потере...

В отвоеванном у беззащитных женщин монастыре идеологам власти не терпелось создать показную коммуны, что соответствовало бы высоким революционным идеалам новой жизни для беднейших слоёв общества. К сожалению, в своих поспешных

начинаниях власти постоянно и хладнокровно переступали нравственную грань. Бесцеремонно отобрав из мозолистых сиротских рук с большим старанием и трудом нажитое имущество для передачи его коммунарам, идеологи беззастенчиво нарушали естественные стимулы труда, поощряя в легкомысленных умах потребительское отношение к жизни и наперед скомпрометировав зарождающуюся коммуны. Простой и разбойничий способ перераспределения для властей стал нормой их бездарного правления...

Даже спустя много лет, мнения о коммуне остались довольно разноречивые. Нетрудно догадаться о негативном суждении о коммуне несправедливо обиженных монахинь. Другая, независимая категория, местные жители – люди труда, знавшие как трудно поднимать и вести хозяйство, в большинстве сочувствовали монашкам за их трудную судьбу, за их трудолюбие и терпение, а к коммунарам – людям со стороны относились сдержанно, с выжиданием и недоверием...

Сами же коммунары по своей молодости верили в то, что они новаторы новой правильной жизни, и позже довольно восторженно вспоминали короткую жизнь коммуны. Они так и не поняли, что были лишь подопытным материалом в очередном эксперименте властей...

Идея создания коммуны была подброшена идеологами в сельскохозяйственную школу, что была образована в селе Рязаново Мелекесского района. Вот оттуда в монастырь была поспешно направлена группа романтиков-добровольцев, из них 5 человек Лабзовых. Председателем коммуны был избран Александр Морозов, а секретарем комсомольской организации – Владимир Евдокимов.

Старомайнцы с интересом следили за коммуной и частенько откровенно посмеивались над молодыми коммунарами, которые горячились по всякому поводу - достаточно было плохо приготовить обед, как на бурном собрании они решительно делали перестановки в своих рядах. По признанию самих коммунаров, их было трудно собрать на работу, чаще работали самые совестливые из них, а вот на обед собирались непременно все.

Любили коммунары попеть, помечтать, слушали лекции, ставили спектакли, высмеивали кулаков, а жили с опаской, под охраной...

Коммунары пользовались льготами, им передавалось конфискованное в разных местах помещичье имущество, к тому же им досталось все монастырское хозяйство, да и строения обители были предусмотрены для коллективного проживания - ведь монастырь был по существу той же трудовой коммуной, но с высокой степенью нравственности и предназначением. Здесь были столовая (трапезная), прачечная и ряд других необходимых строений.

Благодаря хорошей, готовой базе, коммуна численно разрасталась. Слухи о привольной жизни в коммуне потянули сюда людей разных национальностей.

В начале 1929 года в коммуне было уже 75 человек, однако показательного ведения хозяйства у коммунаров не получилось, к тому же постоянное внимание и помощь коммуне лишь расхолаживала ее пестрый состав, который по меркам крестьян жил легко, на широкую ногу, постепенно разбазаривая без труда доставшееся имущество. Впрочем, и власть разочаровалась в своем детище - коммуне, члены которой все, что производили,

проедали сами, и от них государству не было никакого проку. Потому 22 апреля 1929 года коммуна была преобразована в колхоз «Молодая Гвардия», хотя некоторое время бывшие коммунары пытались еще жить сообща... Вот так быстро и просто оборвалась короткая, на шумевшая история коммуны, оставив в памяти довольно неоднозначный глубокий след.

Впрочем, впоследствии о коммунарах было сказано немало теплых слов. Достаточно вспомнить вдохновенные очерки краеведа Л. А. Борисовой и других исследователей. Но свое трудовое и жизненное признание коммунары получили не в скоротечной коммуне, а позже, на ее основе созданном колхозе, где они оказались в том же трудном положении, что и все российское крестьянство.

Пожалуй, в сознании посторонних людей колхоз «Молодая Гвардия» остался навсегда коммуной, потому и Монастырскую гору ныне называют Коммунской. В реальной жизни бывшие коммунары стали жертвой сплошной коллективизации, и их мечты и надежды быстро растаяли в жестких тисках крепостного колхозного строя, хотя в начале все было обнадеживающе...

В том же 1929 году молодогвардейцы получили трактор «Фордзон», и первым трактористом стал Иван Краснов. В следующем году им подарили жнейку, сепаратор, швейную машинку. В 1930 году здесь было 30 семей и 116 жителей.

В колхоз «Молодая Гвардия» влился и соседний колхоз «Маёвка» из деревни Нижняя Матросовка. В 1935 году колхоз объединял 48 хозяйств и имел 881 гектар земли.

Среди молодогвардейцев было немало интересных и способных людей. Из далекой Белорусской деревушки Ларчёнки попала в Рязаново семья Никифора Кожаева. Чтобы добраться из Рязаново до Старой Майны, они запрягли корову, но далеко не проехали, скатившись с обрыва в речку, после чего вернулись назад, обменяли корову на лошадь, на которой и добрались до «Молодой Гвардии»... Те, кто знал Фрузу Кожаеву, удивлялись ее удивительной работоспособности, нетребовательности и живучести: бывало, что в сильный холод она одевала обувь на босую ногу...

Сюда же из Белоруссии попала и Ульяна Гречишникова, вышедшая здесь замуж за Краснова. В «Молодую Гвардию» перебралась большая трудолюбивая семья Степанковых: Василий, Матвей, Иван, Александр, Трофим...

Запомнился и Николай Иванович Иванов – прекрасный человек и собеседник. Основную часть своей трудовой жизни он был пчеловодом, в войну вёл военное дело в школе. Примечательно, что в свои 80 лет, купив по случаю в букинистическом магазине книгу о творчестве художника Щербакова, он – в таком то возрасте! – увлекся рисованием. На его любительских карандашных рисунках с натуры чудные уголки родного края. К сожалению, его творения вряд ли сохранятся, но успокаивает то, что в своем запоздалом творчестве он нашел для себя определённый смысл и духовное удовлетворение...

Работал в «Молодой Гвардии» и Сергей Петрович Коробцов – самобитный мастер-умелец. В общем-то, в колхозе он был простым кузнецом, и ныне мало кто его помнит, но в своё время он был кудесником, палочкой-выручалочкой и мог сотворить маленькое чудо, оживив любой сложный механизм. Это он восстановил достопримечательность

молодогвардейцев - ветряк-насос, с помощью ветра поднимавший из глубины питьевую воду, это он мог искусно отрихтовать помятые части автомобиля, отремонтировать и настроить швейные машинки, музыкальные инструменты, выполнить жестяные работы, это он собрал из брошенного металлолома автомобиль, который тут же у него отобрали, передав в детский дом...

Колхозный строй за счёт элементарных преград, запретов и скромной оплаты труда держал людей в «чёрном теле», чтобы жили они поднадзорно и бедновато...

Бывшая церковь монастыря, приспособленная под клуб закрылась в связи со строительством Куйбышевского водохранилища. Колхоз влился в колхоз имени Сталина (Старая Майна). Здания монастыря, которыми пользовались молодогвардейцы, перенесли в Старую Майну. Бывшую церковь монастыря приспособили под клуб («Волга»), одно из строений приспособят под школу (затем интернат, а ныне под квартиры). Часть строений перенесли под дома колхозникам...

О монастыре ныне мало кто вспоминает, бесславно ушли в забвение те, кто рьяно глумился над храмами, похваляясь набегам на монастырь, на кулаков или на простого крестьянина. Народная память очистилась от иезуитов, настала пора осмысления и покаяния за греховные наваждения.

Ныне уже исчезают последние следы монастыря, еще недавно можно было полакомиться яблочками из заброшенного монастырского сада, но в суровую зиму 1979 года здесь вымерзли последние яблони...

Сегодня мутные волны рукотворного моря кропотливо размывают крутой лесной берег Коммунской (Монастырской) горы, потому стоящие на краю обрыва деревца неминуемо ждёт очередной обвал, после чего привычный вид берега обновится. Вот так просто на каждом отрезке времени берег запоминается по-своему, и ему не вернуть прежнего вида, как не вернуть людям прошлого, может потому душу и сердце волнует необъяснимая грусть и боль за каждую обиженную душу...

Посёлок Потаповка

Менее трёх вёрст к северо-востоку от Старой Майны располагался небольшой посёлок под названием Потаповка, ныне это место скрыто под водами водохранилища. На пороге нового 21 столетия остались единицы очевидцев, кто еще помнит этот небольшой посёлок, но в основном Потаповку знают лишь понаслышке, ибо история посёлка очень коротка.

В начале двадцатых годов из Старой Майны, где норма земли на каждого едока составляла 1,5 десятины, выделились 9 хозяйств с 55 едоками. Цель их была проста: прежние наделы, разбросанные по разным местам, свести в одно место и быть ближе к земле. Система севооборотов оставалась прежней – трёхпольной. 1 октября 1921 года выделенцы обращаются с просьбой прирезать им бывшей Дебовской, а еще бывшей Лентовской и Васильевской земли от реки Майны и просили ещё леса на постройку посёлка, бесплатно или за небольшую плату, и часть лугов братьев Першиных, хотя первоначально предполагалось взять землю без переселения.

Среди выделяющихся были семьи братьев Николая Васильевича и Порфирия Васильевича Потаповых, живших около церкви (одно- и двухэтажные дома, где позже был винный магазин). По их фамилии и назван поселок, поскольку они были инициаторами переселения, хотя поселок мог бы называться и Бугровкой, поскольку Бугровых здесь было больше – семьи Ивана Дмитриевича Бугрова с сестрами, а также семьи Дмитрия Ивановича и Кузьмы Ивановича Бугровых. Кроме них, были семьи Александра Багрянова, Павла Чевырова и другие, все из Кудрявского земельного общества.

Всего у выделенцев около 100 десятин земли, из них 93 - пашни, земля здесь по качеству ниже средней: почва - тяжелый суглинок, переходящий в северной части в супески и голый песок, подпочва – глина. Практически с 1922 года выделенцы пользовались здесь землей, однако их хозяйства, считавшиеся крепкими, были значительно ослаблены засухой 1921 года, уже к октябрю у них оставалось лишь 4 лошади, 3 коровы, у каждого сохранился лишь рабочий инвентарь – плуги, бороны... Скот кололи по двум причинам: нечем было его кормить и нечего было есть самим... В феврале 1922 года от голода умерла одна из выделенок – Мария Дмитриевна Бугрова... Из-за финансовых трудностей приостановилось строительство посёлка, после голодного года восстановление хозяйств шло медленно.

В 1930 году в посёлке было 10 хозяйств и 57 жителей, у поселенцев было 10 лошадей, 9 коров и даже в одном хозяйстве 6 ульев пчёл. Несмотря на то, что земли здесь не отличались высоким качеством, неприхотливая рожь, по словам очевидцев, родилась отменная...

Посёлок полностью так и не сформировался, хотя часть строений была построена, с началом коллективизации посёлок был ликвидирован...

Из младшего поколения Потаповых некоторую известность получил Пётр, он был активистом, комсомольцем (с 1923 года), впоследствии он юрист, работал судьей в г. Челябинске...

Ныне бывший участок посёлка Потаповка затоплен водами Куйбышевского водохранилища...

Деревня Нижняя Матросовка

К северо-востоку от Старой Майны, за широкой гладью залива на дальнем возвышенном берегу виднеются турбазы, до которых можно добраться на небольшом катере. При низком уровне воды в водохранилище катер вынужден плыть строго по фарватеру - притопленному руслу реки и оврагу. Восточнее турбаз – обширное мелководье, при определенном уровне до берега больше полверсты, а подъехать к берегу даже на простой лодке невозможно... Сегодня вряд ли кто на этом обширном пространстве отыщет место небольшой деревушки, снесенной из-за создания рукотворного моря. Невольно взгляд с грустинкой скользит по водной глади залива, безнадежно пытаюсь отыскать какой-нибудь след от тихой приветливой деревушки, о которой время настойчиво уносит из памяти все воспоминания.

История глухой маленькой деревушки коротка и драматична. Ещё в конце 19 века на реке Майна, на её правом берегу в пяти километрах выше по течению от Старой Майны

был хутор князя Ю. С. Хованского под названием «Елизаветинский», удобное место для охоты и отдыха. Впрочем, здесь у князя было 292 десятины земли и водяная мельница. На хуторе проживало до 12 рабочих. В 1914 году хутор Елизаветинский через посредство крестьянского Поземельного Банка приобретают переселенцы из села Анненково Пензенской губернии (ныне Мордовской республики). При образовании поселения здесь было 12 домохозяев, среди них русские и украинцы, потому в округе за деревней закрепилось название Нижние Хохлы, в отличие от соседней деревни, расположенной на горе (Верхние Хохлы)...

Переселенцы на прежнем месте жили бедновато, место там степное, дров практически не было, топились соломой да кизяками, потому из экономии мылись не в бане, а в печи, для чего из протопленной русской печи выгребали остатки жара, сверху и снизу выметали помелом, стелили плетёнку из камыша или соломы, по очереди залезали в прогретую печь, достаточно пропотев, вылезали, скачивались над тазом или корытом (в котором также ещё стирали) или выбегали во двор, где скачивались из ведра, захватив его из дома (зимой - подстелив под ноги солому), на чём процедура мытья заканчивалась...

Переселившись сюда, переселенцы невольно почувствовали преимущество здешних мест - после степной стороны они оказались в чудном, райском уголке. На новом месте переселенцы были рады каждому сучку, каждой вязанке валежника, хотя к деревне почти вплотную подступала стена Казённого леса...

Земля у деревни – супесчаный чернозём, к северу переходящий в песок, подпочва – суглинок, земля считалась среднего качества. На участке имелись болота и выволочки, в северной части участок имел довольно крутой склон к югу.

После Октябрьской революции здешние крестьяне практически лишились купленной ими земли, ибо по декрету о земле вся она была национализирована, а крестьяне теперь получали землю лишь во временное пользование...

В 1919 году деревня официально получила новое название – Нижняя Матросовка. В 1921 году в деревушке 14 дворов и 67 жителей, среди них были семьи Егора Полякова, Ивана Сафронова, Павла Чернышкова, Михаила Кузовенкова, большая семья Федяновых и другие. Земельный надел в деревне при новой власти получили из расчета 1,5 десятины на едока, кроме того, на всех 13,4 десятины луговой, 2,2 десятины выгона, а всего 116,4 десятины удобий. В деревне было 20 лошадей, 17 коров, а из инвентаря 17 плугов, 18 борон, 2 молотилки. Пока не было колхоза, жилось здесь крестьянам привольно, все под руками, богатые грибные угодья, лес, ягоды, речка, хотя воду для питья брали из колодцев. Дома здесь добротные, деревянные, крытые тёсом. В деревне не было бедняков – 12 хозяйств считались середняками, а два зажиточными.

Следуя велению времени, в деревне в 1928 году было образовано мелиоративное товарищество – Нижняя Матросовка, в которое вошли все 14 хозяйств, однако товарищество не состоялось... 29 июля 1929 года в деревне был образован колхоз под названием «Маёвка». Интересно, что сельхозартель «Маёвка» вскоре влилась в колхоз «Молодая Гвардия», а вот простое и популярное у революционеров название Маёвка перешло от бывшей артели к деревне, практически оттеснив из употребления официальное название Нижняя Матросовка...

Колхозный строй не принес материальных благ жителям Нижней Матросовки, к тому же чёрной страницей в истории деревни была война, с которой из небольшой деревни не вернулись 11 человек.

Нелегко жилось в деревне и после войны, и все же чудные места удерживали её жителей на месте в надежде на улучшение жизни, потому неожиданным психологическим шоком для них было вынужденное переселение в начале пятидесятых в связи с созданием Куйбышевского водохранилища, на чем и закончилась короткая история деревни Нижняя Матросовка (в народе Нижние Хохлы, Маёвка), население которой в основном переселилось в Старую Майну, а следы бывшей деревушки навсегда исчезли под зеленоватыми водами рукотворного моря...

Деревня Верхняя Матросовка

По прямой деревня располагается в 7 километрах к северо-востоку от Старой Майны, правда современный объездной путь немного длиннее. По осени в эти места съезжается масса грибников и бывает трудно найти свободное место вдоль дороги, впрочем, грибов здесь хватает всем. Чудные, красивые места влекут и радуют своим разнообразием, здесь чередуются белоствольные березы, липа, сосна, здесь же заросли красно-зелёного папоротника. В эту пору приятно побродить по тронутому пёстрой осенней палитрой лесу, ощущая под ногами хруст веток, шелест опавшей листвы, слышать весёлые голоса и призывное: «Ау!»...

О прошлом в этом земном раю вспоминают редко, здесь люди отдыхают душой и рады каждому найденному груздочку, боровичку или подберезовику, до деревни, как правило, не доходят. Потому о ней мало знают, но вот углубится осень, с деревьев спадет последний лист, обнажая их костлявые остовы, померкнут краски, небо закроется свинцовыми тучами, подует сырой, пронизывающий ветер, и настроение невольно меняется на меланхолические раздумья и грустные воспоминания о былом, о людях, об их суетливой жизни, наступает черёд заводить разговор о прошлом небольшой деревушки, перебирая каждую запомнившуюся деталь...

История деревни начинается от небольшого хутора под названием Майнские Нарезки, в быту чаще просто Нарезки. Ныне и названия такого никто не знает, а в своё время этот хутор графа Блудова знали все в округе именно под этим названием. Хутор стоял к северу от реки Майна на плоскогорье, прикрытый с юга и востока плотной стеной смешанного леса. По переписи 1897 года за хутором числилось 210 десятин удобной для сельхозработ земли и 39 десятин неудобий, здесь был колодец и трое жителей, впрочем, троим такой клин было не обработать, потому в сезон здесь жили наёмные рабочие. С годами количество земли за хутором увеличилось, так по данным за 1910 год здесь уже 600 десятин удобной земли и 250 неудобий... Земли здесь бедноватые – супесок с небольшим количеством перегноя от 2 до 4 вершков, а к деревне Арчиловка – 4-5 вершков супесчаный чернозем, переходящий в слой серого оподзоленного супеска до 3 вершков, потому отношение десятин по качеству считалось 1:1,5, то есть полторы десятины против одной...

В 1914 году в Старомайнскую волость в поисках лучшей доли прибыли посланцы с далёкой Воронковской волости Козельского уезда Черниговской губернии. Из продававшихся через Поземельный банк земельных участков им приглянулся этот хутор, сходный по цене, а были бы еще деньги, можно было купить продаваемый рядом лесной

участок Щитухина... В тот же год из Черниговских сел Воронки и Вепряки сюда, на Старомайнские земли отправился обоз из украинских крестьян в количестве 30 семей. Переселенцы были старательны и трудолюбивы и на всё сметливые, они быстро и основательно прижились на новом месте. Новые места привлекали разнообразной красотой местного пейзажа, богатейшими грибными угодьями, относительным привольем, воду для своих нужд поселенцы брали из колодцев...

Октябрьскую революцию переселенцы встретили настороженно, естественно жаль было потраченных денег, поскольку вся земля была национализирована или попросту отобрана и теперь давалась крестьянам лишь во временное пользование...

В 1919 году хутор Майнские Нарезки был переименован в деревню Верхняя Матросовка, но в округе новое название употреблялось редко, её чаще называли Верхние Хохлы. Административно деревня относилась к Старомайнскому сельскому Совету. В 1920 году здесь построена начальная школа, в которой в 1926 году занимались 26 учеников, а учительницей была Кочеткова Лидия Алексеевна. В 1929 году в деревне 43 хозяйства и 193 жителя, с учётом числа едоков к деревне относилось 457 гектаров земли, из них 384 - пашни, за что платили налога по 60 копеек с гектара, то есть всего 280 рублей 25 копеек, или один рубль 43 копейки с едока. Здесь была трёхпольная система земледелия, сеяли рожь, овёс, картофель, этим и жили, другой кустарный промысел практически отсутствовал.

Интересно, что в том же 1929 году в деревне на 43 хозяйства было 34 лошади, 36 коров, а из инвентаря – 31 плуг, 2 молотилки, 2 веялки, 1 жнейка... 11 хозяйств в деревне считались бедняцкими. Безусловно, новых поселенцев выдавал их украинский говор, да и фамилии у них для нашей местности были приметными: Суховой, Васько, Чиж, Чайка, Костюк, Дерей, Рудник, Гуца, Шутов и другие...

Согласно исторической справке, колхоз в деревне был создан в 1932 году. Колхоз назвали имени Шевченко. Интересно, что название колхоза практически перешло к деревне, и сегодня её больше знают под названием Шевченко и лишь немногие под официальным её названием – Верхняя Матросовка...

Коллективизация значительно ухудшила материальное положение матросовцев, правда, власть старалась оставить для деревушки необходимый минимум: начальную школу, магазинчик... Не избежала деревня и репрессий. Так 21 августа 1937 года был арестован, а затем расстрелян Горовой Варфоломей Васильевич... Довольно ощутимые потери понесли матросовцы в годы Великой Отечественной войны, к родным очагам не вернулись 15 человек.

После объединения колхоза имени Шевченко с колхозами Арчиловки и Аристовки началось постепенное разорение деревеньки, а с созданием в 1956 году Куйбышевского водохранилища значительно ухудшилось сообщение с районным центром, что тоже негативно сказалось на жизни матросовцев. Впереди были новые объединения, которые привели матросовцев к полной потере самостоятельности...

В 1959 году в деревне было 127 жителей, но колхозников было уже трудно удержать здесь, уже не радовала и красота здешних мест, не влекли грибные и ягодные места, ибо где-то в центральных усадьбах решалась судьба деревушки. Так разобрали и увезли

конюшни в село Аристовка, в Волостниковку перевезли здание здешней школы, перестал работать магазинчик...

В 1979 году от деревеньки остались два двора и два жителя, и вот спустя 20 лет, здесь те же два двора и два жителя...

Пока от деревушки остается хоть один дом, сохраняется душа деревни, теплится хоть какая-то память о прошлом, хотя в любой день терпение последних жителей иссякнет, и тогда придет тот трагический миг начала тихого забвения...

Хутор Смирнова

Хутор Старомайнского сельского Совета, в 4 километрах восточнее Старой Майны, ныне здесь садоводческое товарищество «Вишенка».

Сегодня, проезжая по автомагистрали Старая Майна – Красная Река, невольно обращаешь внимание на множество разнообразных дачных домиков на фоне красивой природы к северу от трассы. Эта чудная красота заставляет задуматься о том, что нет ничего постоянного в нашей жизни, и время непредсказуемо играет людскими судьбами...

Еще задолго до революции, здесь, у небольшого ключа под названием «Исток», заросшего деревьями и кустарником, стоял хутор, впрочем, до революции его чаще называли выселком под названием Новопольцы, видимо хуторок имел забытую предысторию. Интересно, что по переписи 1897 года за хутором числилось 343 десятины собственной земли, здесь же на время переписи было 7 жителей. Владельцем хутора считался помещик Степан Андреевич Смирнов, который родился в знаменательный 1861 год, потому крепостником быть не мог. Жил он довольно скромно и можно сказать уединённо, потому о нём мало что известно, однако среди крестьян он пользовался уважением.

Из воспоминаний Антонины Мордвиновой: «Я ещё девчонкой была, ехали мы с отцом на лошади в поле, навстречу нам попался пожилой мужичок. Поприветствовав друг друга и перекинувшись короткими фразами, мы разминулись, я спросила отца, кто это. А он уважительно сказал: это помещик Степан Андреевич, и добавил: всем помогает, дает хлеба в долг, часто без отдачи, вот идет пешком из хутора в село...»

Из воспоминаний Вениамина Бугрова: «В смутную революционную пору, когда грабили богатых, краснореченские мужики собирались разорить хутор, но прознав об этом, старомайнцы добровольно пришли на охрану хутора, организовав цепочку сигналов от хутора до Старой Майны...»

После революции землю у Смирнова отобрали, оставив ему лишь установленную для всех норму надела. Половина отобранных земель в течение нескольких лет не обрабатывалась. Часть из них была отведена кооперативному товариществу «Исток».

В 1925 году на хуторе жили семьи Николая Чурбанова, Михаила Волкова и другие. В пору разжигания классово-борьбы Смирнова не спасли ни старость, ни доброта, ни уважение простых крестьян – нашлись активисты, которые не забыли, что он барских кровей, и в 1928 году его лишили избирательных прав, а позже дали 10 лет заключения.

Старожилы рассказывали, будто на суде он сказал, что уже умирать собирался, да вот советская власть прибавила ему ещё 10 лет жизни...

Смирновские земли очень хорошие, и в дальнейшем большая часть из них отошли в подсобное хозяйство Старомайнского промкомбината.

На месте разоренного хутора поставят деревянный трёхстенок, крытый железом, и построят несколько подсобных строений. Здесь был заложен прекрасный фруктовый сад. Невольно вспоминаются крупные поздние плоды антоновки, играющие солнечными бликами красный и розовый анис, здесь же увесистые грозди чёрной рябины и пламень плодов вишни. В 1965 году газета «Ленинская искра» писала, что в саду 2700 яблонь в возрасте от 3 до 5 лет, здесь же 1400 кустов вишни, 5000 кустов смородины, кроме того, в этом же году было высажено еще 1000 молодых яблонь...

В очень холодную зиму 1979 года после сильных морозов сад практически вымерз, сохранилась черноплодная рябина и часть вишни...

Часть участка подсобного хозяйства засеивалась огородными культурами. Огурцов и помидоров здесь созревало в любой год очень много. Получалось, что успевали убирать только ближние грядки, ибо на убранных подрастали новые огурцы, и до дальних грядок, как правило, не доходили. Часто в сезон заготовок районное начальство снимало рабочих с подсобного хозяйства в помощь колхозам и совхозам, а в своем хозяйстве часть выращенного пропадала. Может, недостаточное внимание старших по власти и привело подсобное хозяйство в упадок и к его ликвидации. Относительно дешёвая продукция подсобного хозяйства значительно уступала по доходу производству вина, потому никто не забил тревогу, когда подсобное хозяйство ликвидировалось.

После ликвидации хозяйства часть земель отвели под дачи, часть - рыбколхозу под пасеку.

Село Красная Река

Красная Река – центр сельской администрации, расположено в 12 километрах восточнее Старой Майны. В селе полуразрушенная Покровская церковь, средняя школа, Дом культуры, правление колхоза имени Чапаева. Родина Героя Советского Союза Константина Андреевича Ежова и Героя Брестской крепости Алексея Фёдоровича Наганова. В 1999 году в селе 503 хозяйства и 1277 жителей.

Разбросанное по обоим берегам реки Красной, старое село под названием Красная Река всё больше привлекает к себе внимание своей непринуждённой красотой, преданиями, самобытной культурой, обычаями... Еще издали, невольно замедляя ход, любуешься тем, как большое село удачно вписывается в местный ландшафт, словно преднамеренно расставленное вдохновлённой рукой художника. Взгляд, почти одновременно минуя ближнюю часть построек, скользит выше на дальнюю, правобережную часть села, разбросанную по горе на фоне примыкавшего с востока стены смешанного леса.

Свое название село получило по реке Красной, тихой небольшой речушке, что неторопливо несёт свои прозрачные воды с юга на север, впадая недалеко за селом в реку Майна.

О названии самой речушки в народе бытует несколько занимательных предположений. Привлекает старейшее из них, связанное с древним городищем. Исстари северная правобережная часть села называлась городком, многие селяне не вникали в смысл старого названия, но однажды археологи открыли здесь древнее городище времён Волжско-Камской Болгарии, куда входили здешние земли. Древние люди прежде всего заботились о безопасности своих жилищ, потому умело подбирали естественные, удобные для защиты и обороны места. Краснореченское городище - полуовальной формы, занимало мыс высокой надпойменной террасы на правом берегу между двумя оврагами. Со стороны реки городище было укреплено двумя рвами и валами. Очевидно, что все городище было окружено деревянным частоколом. Предположительно и то, что русло реки в то время проходило вдоль горы, частью омывая городище, со временем русло стало смещаться на запад, образуя привычную сегодня широкую долину... По левому берегу, ниже села, археологи нашли остатки еще пяти селищ именьковской и болгарской культур. При появлении кочевников жители этих селищ скрывались в лесу или спасались за укреплениями городища, пережидая беду. Штурмовать городище кочевники (хазары, половцы, татары), как правило, не решались, но вот в роковом 1236 году нападавшие татаро-монгольские отряды были как никогда настойчивы и многочисленны...

Взять городище со стороны реки было сложно, потому опытные татарские воины штурмовали его с противоположной стороны, отрезав защитников от леса, в котором при случае можно было укрыться. Когда татары ворвались в городок, оставшиеся защитники - старики, женщины, дети, открыв ворота, в которые они обычно ходили за водой, спасаясь, бежали к реке. Здесь настигали их татарские сабли, устилая берег окровавленными телами. Кровь погибших ручейками стекала в речушку, окрашивая воду в зловещий кроваво-красный цвет. Потрясенные таким зрелищем татары, много повидавшие на своем ратном пути, значительно назвали эту речушку Кызыл-Су, то есть красная вода. Следуя этой трагической легенде, река с тех пор носит название Красная. В достоверность легенды заставляют верить и древние курганы вдоль реки, перепаханные и от времени почти стертые, и хотя археологи относят их к более раннему – бронзовому веку, но старые могильные курганы в людском воображении легко вписываются в любую историческую эпоху, что, в общем-то, только усиливает интригу какой-то загадочности, таинственности в истории старого села...

Впрочем, у старожилов есть и бескровная версия, по которой название реки произошло по красному (сосновому) лесу, что с давних пор рос вдоль реки... Убедительную версию имеют и топонимисты, объясняющие название реки по красному цвету глинистых пород, слагающих берег реки, отчего вода приобретает красноватый оттенок, потому и название реки – Красная...

После разрушения татарами Краснореченского городища здешние места надолго обезлюдилась, лишь через 420 лет, с завершением строительства первой очереди Закамской укрепленной линии (1656 год), делаются попытки освоения нашего Заволжья. Одновременно с русскими поселенцами здесь селятся и инородцы. Надо отметить, что русские выбирали места около Волги и недалеко от устьев рек, между тем инородцы селились по среднему течению рек или в верховьях. При выборе места для поселения русские, в основном занимающиеся земледелием, предпочитали местность открытую, свободную от леса, инородцы же предпочитали места у лесных опушек или полянах.

Однако вскоре оказалось, что Закамская укрепленная линия не смогла обеспечить безопасность первых поселенцев, потому вследствие угрозы нападений кочевников русские поселения исчезали, а вот инородческие, в частности, Краснореченское поселение, заселенное мордвой-мокшей, сохранилось. Ориентировочно, село Красная Река возникло в начале 60-х годов 17 века... Мордовские поселенцы оказались уживчивыми, очень работящими и на все способными. Они старательно обрабатывали землю, занимались бортничеством, гнали смолу, дёготь и на всё находили время и желание. Мордовские инородцы умело пользовались секретами народной медицины, знали тайны колдовской силы, породившие множество захватывающих преданий...

Жили мордовские поселения справно, часто не зная границ своих владений, но по мере освоения края, у краснореченцев появились соседние поселения, и земли стали закрепляться строже. Во второй четверти 18 столетия сюда, к укоренившимся инородцам, стали подселяться русские поселенцы, постепенно заселяя левую часть берега. Именно на левом берегу в 1773 году в селе была построена деревянная церковь с престолом Покрова Пресвятой Богородицы. Интересно, что с того времени село пытались назвать по престольному празднику – Покровское, но это название за селом не закрепилось.

В 1795 году в селе Красная Река (Покровское) было 180 дворов и 1013 жителей. В 1858 году в селе (где ныне новая школа) тщанием прихожан была построена новая деревянная, крытая железом на каменном фундаменте церковь с тем же престолом Покрова Пресвятой Богородицы. Свой престольный праздник краснореченцы всегда отмечали довольно загульно, празднуя его не менее недели. Объясняется это тем, что Покров 14 октября по новому стилю практически завершал сельскохозяйственный год, и крестьяне, приуставшие за напряженный сезон, позволяли себе отдохнуть, сходить по обычаю в гости к родным, приобщаясь к общему веселью. к 1859 году в селе Красная Река 207 дворов и 1894 жителя.

После реформы 1863 года крестьяне села, как бывшие удельные, получили по 7 десятин на ревизскую душу и оказались обеспечены землей намного лучше, чем, например, в среднем крестьяне из Старой Майны. Всего Краснореченские крестьяне получили 4081 десятину земли, из них 3437 десятин пашни.

Аграрная реформа всколыхнула всю Россию, везде - на базаре, на улице, в кабаке или семейном кругу люди с горячностью обсуждали будущее крестьянства и судьбу своего Отечества... Передовое дворянство, разночинная интеллигенция, купечество загорелось желанием чем-то помочь своему вечно униженному и угнетённому крестьянству. Такое доброе искреннее стремление дошло и до краснореченских крестьян. В сплошь неграмотном селе было открыто училище для крестьянских детей. Это знаменательное открытие произошло 19 февраля 1866 года и было приурочено ко дню одиннадцатилетия восшествия на престол государя императора, пятилетию уничтожения крепостного права в России и четырехлетию основания Старомайнского женского училища. Это событие сопровождалось простым деревенским торжеством. Пресвященный Герасим, Епископ Самарский и Ставропольский, на пути своем из Санкт-Петербурга в Самару, и пресвященный Евгений, Епископ Симбирский и Сызранский, благословили наставницу Старомайнского училища на открытие Краснореченского училища... Богослужение краснореченского причта в квартире, избранной для первоначального помещения для училища, сопровождалось православным пением старомайских наставниц, приехавших нарочно ради торжества открытия. Училище существовало на частные пожертвования,

собранные в Самарской и Симбирской губерниях. К сожалению, дальнейших сведений о краснореченском училище пока нет.

С 1875 года в селе открывается земско-общественная одноклассная школа площадью 112 квадратных метров, по тем временам вполне просторная. Но крестьяне, привыкшие к старому укладу жизни, ещё не понимали большого значения просвещения, потому учиться детей грамоте пускали с неохотой. Часто дети, не освоив даже части учебной программы, бросали учиться. В крестьянских семьях ценились трудовые качества, потому детей больше приучали к тяжелому крестьянскому труду. Все же постепенно крестьяне свыклись с тем, что детей надо учить, потому в 1894 году в селе открыли дополнительно церковно-приходскую школу. Обе школы стояли рядом, в Гореловке, так что ученики имели возможность общаться между собой.

Административно село Красная Река относилось к Старомайнской волости Ставропольского уезда Самарской губернии. к 1884 году в селе было уже 460 дворов и 2558 жителей. О том, как жили краснореченцы, лучше всего говорят цифры: в крестьянских дворах насчитывалось 730 лошадей, 495 коров, 1847 овец... Продолжали краснореченцы заниматься и пчеловодством, так 43 крестьянских хозяйства имели 953 улья. Кроме земледелия и животноводства, краснореченцы занимались производством саней, дровней, полозьев, колёс, бочек, кадешек, лаптей, ступней...

Производство саней, дровней и полозьев производилось в основном зимой. Дерево распаривали в герметически закрытой печи, где обкладывали кучами сырого навоза, который прел. Иногда парники устраивали отдельно, во дворе, для чего в вырытую яму ставили деревянный сруб. В центре сруба делали большую печь из битой глины с замазанным в нее котлом, над ним укрепляли жерди. Сруб сверху прикрывали досками с расчетом, чтобы между жердями и потолком оставалось пространство с аршин, которое закладывалось заготовками, после чего потолок засыпали землей или навозом. Технология распаривания проста: при топке печи вода в котле испаряется и распаривает полозья в герметически закупоренном пространстве, затем полоз накладывался на мчал, между деревом и железной шиной надевалась веревочная петля, сквозь которую продевался рычаг и полоз, завертываясь петлей, загибался...

Свои изделия краснореченцы продавали на соседних базарах, потому копеечка у них водилась, но понапрасну её не тратили, жили очень бережливо и скромно. К своим жилищам крестьяне относились неприсохливо, ибо за повседневными заботами у крестьян, как правило, не доходили руки до избы. Потому ограничивались малым – в обычной деревянной избе, крытой соломой, битая из глины печь, широкие лавки да грубо сколоченный стол. Спали зимой на печи или полотах. Летом - на полу, на ватоле, прикрывшись чапаном...

Носили краснореченцы исключительно домотканую одежду, для чего сеяли лён и коноплю. Лён дёртали с корнями и вязали в снопы, когда лён высыхал, его свозили на гумно и молотили вальками. После молотбы лён расстилали тонким слоем на лугу, пока от влияния рос, туманов и дождей наружная корочка не начинала лупиться и отпадать свободно, после чего его досушивали в бане и мяли в мялке, трепали...

В июне, когда зацветала конопля, начинали дергать посконь-коноплю без семени. Выдерганную посконь вязали в снопы, сушили и раскладывали по лугам, пока она не улежится, потом посконь толкли в ступах, очищая её от кострики. В августе, когда

созреет конопляное семя, выдергивали и коноплю, сушили её и обмолачивали, а потом снопы связывали в виде плота и топили в старице, засыпав сверху землей. Через две недели коноплю вынимали и сушили, а затем мяли... Конопля-моченец белее и прочнее, чем посконь, но посконь мягче, и холсты из него употреблялись для одежды.

Сотканые за долгую зиму холсты отбеливали на солнце, частью красили. Краснореченские женщины любили носить одежду с оборками, свободную и разноцветную, да и обувь у них была простая - лапти да ступни – дешёвая и удобная.

Большим подспорьем в хозяйстве селян были щедрые дары примыкавшего к селу Казённого леса. Кроме естественной чудной красоты, лес, в котором росли в основном сосна, берёза, липа, осина и дуб, имел благодатные грибные и ягодные уголья, которыми не возбранялось пользоваться. Заботливые хозяйки в достатке запасали груздей, опят, рыжиков, боровиков, малины, клубники, калины, рябины, черёмухи и орехов. На радость редкого охотника, здесь можно было встретить куницу, белку, волка, зайца или здешнего великана - лося. Для любителя-рыбака в глубоководной в то время речушке Красной водилась рыба, хотя проще её было купить на Старомайнском базаре. Своего же базара в селе Красная Река не было.

Не знавшие зависимости от помещиков, краснореченцы отличались независимым характером и вольностью духа, потому не терпели унижений. В народе поговаривали, что за обиду здесь могли и «красного петуха» запустить, поджигая порой, не задумываясь, что могли пострадать невинные...

Всё село разделялось на «концы», так примыкавшая лесу правобережная часть села, расположенная на склоне горы и где в основном жили мордва, разделялась на Зелёный дол, Старую деревню и Городок. Степная, левобережная часть села начиналась с Лайкино, прозванная то ли за громкий говор здешних женщин – разговаривали на мордовском и на русском вперемежку языках, словно лаяли, то ли за большое количество здесь собак, что лаем провожали всякого путника... За Лайкино, ниже по течению до церкви – Гореловка, а за церковью - Новая деревня. Часть села, расположенная между рекой и старицей, часто называли Грязнухой.

Как только подступал вечер и сумерки прерывали работу до следующего дня, молодёжь, приодевшись, собиралась на вечеринки, посиделки, и допоздна в селе заливалась звонкоголосая гармошка, слышались песни, частушки... Несмотря на скромный сельский быт и тяжёлый крестьянский труд, у людей была какая-то удовлетворённость, неподдельная радость в жизни. На праздники девчата ходили на «Девичью поляну» водить хороводы, парни обычно ерепенились, задирались, пробу сил искали в лихих драках, сходясь стенка на стенку, конец на конец. Обычно бой заваривали юнцы, потом на подмогу подходили парни повзрослее, а заканчивалось всё схваткой бородатых мужиков. В этой жестокой свалке разгоряченные мужики тешили свою душу, испытывали свою силушку, удаль и умение. Расходились обычно беззлобно, с помятыми боками, разбитыми носами, синяками, а то и недосчитавшись зубов... Конечно, участие в драке было не обязательным, но неучастие без уважительной причины могли посчитать за трусость. Иногда противостояние «концов» затягивалось, и потому пройти через «чужой» конец было небезопасно...

Интересно, что в селе были широко распространены клички, метко характеризующие определённые качества человека, его ремесло, привычки, а иные без смысла и даже

насмешливые. Часто клички переходили от поколения к поколению, бывало, что даже коренные жители не знали фамилии своих соседей, в то время как по-уличному знали все село...

Квалифицированной медицинской помощи в селе практически не было, здесь больше надеялись на знахарей. В 1883 году в селе родилось 121, а умерло 195 человек, из них 107 - дети в возрасте до 5 лет; только в марте и апреле умерло 65 человек, из них 54 - от кори. Из трудных для селян лет можно отметить и 1901 год, когда в селе родилось 218, а умерло 253 человека, из них 223 - дети до 5 лет. А вот из наиболее благоприятных был 1908 год, когда родилось 303, а умерло 119, то есть естественный прирост населения составил 184 человека. Наибольшей известной численности село Красная Река достигло в предвоенные годы, так, по данным 1910 года, в селе было 652 двора и 3960 жителей. Нетрудно заметить, что семьи здесь были большие, но тесноты не замечали, потому что все были при деле.

Село было огорожено с тем, чтобы скотина не выходила на поля, а по окраине располагались гумна.

Надо отметить, что рост населения при прежних размерах наделных земель сказывался на благосостоянии крестьянских семей в сторону их постепенного обеднения, потому здесь дорожили землей, относились к ней внимательно и бережливо настолько, что из-за межи могли взяться за колья...

Трудолюбивые краснореченцы часто уходили подрабатывать к помещикам Наумовым, Пешковым, купцу первой гильдии Павлицеву. Пешков, предпочитавший нанимать именно краснореченцев за их трудолюбие, приговаривал: «Краснореченцы хотя и хабалки, но жать мастера». Зависимое от многих факторов крестьянское благополучие оставалось довольно шатким, нестабильным, достаточно вспомнить неурожайный 1906 год, затем 1911 год, что вынуждало крестьян приспособляться, жить осмотрительно, оставляя запасы с дальним расчётом...

Большое разорение приносили селянам и пожары. Смолевые, крытые соломой избы было трудно уберечь от огня. Например, только в 1912 году в селе было 10 пожаров, от которых сгорело 73 двора на сумму 17825 рублей, для того времени это были немалые деньги...

Перед первой империалистической войной село оставалось еще довольно крепким, зажиточным. Перебирая данные о селе перед войной, следует отметить, что в селе 39 хозяйств имели по три и более лошадей, в то время как безлошадных было всего 12 хозяйств... Об относительном благополучии краснореченцев говорит и тот факт, что в селе в 1912 году закончили строительство на средства прихожан большой каменной церкви, строившейся, по воспоминаниям старожилов, 18 лет. В строительстве участвовали многие селяне, так Никите Тихонову было лишь 12 лет, а он таскал кирпич по лесам наверх. Однажды работающие на стройке церкви перестарались, сложив на одном месте много кирпича, под тяжестью которого леса не выдержали и провалились, покалечив несколько человек. Новая церковь, с куполами из белой жести, стала гордостью каждого сельчанина. Прежнюю деревянную церковь разобрали...

Достигнутое неустанным трудом относительное благополучие позволяло вносить в сложившийся сельский быт новые веяния. В селе стали появляться дома из красного

кирпича, заметно изменилось и отношение селян к просвещению. Для сравнения: если в 1884 году в здешней сельской школе было 28 учеников, из них лишь одна девочка, то в 1913 году здесь только в земской школе училось уже 132 ученика, из них 44 девочки!...

По краям села были две частные лесопилки, была в селе и ветряная мельница, но большей частью краснореченцы мололи хлеб на Застенной, на Солодовниковой водяных мельницах или в Старой Майне.

Осторожные и осмотрительные на новшества, краснореченцы с недоверием восприняли Столыпинскую реформу, лишь единицы рискнули оторваться от привычной общины, переселившись за Яик на новые земли, расчищая место под поля и посёлок, получивший название Труба. Старожилы вспоминают о небывалых урожаях на новых землях...

Революционные ветры, пронесшиеся над страной, разбудили безудержные страсти и пороки у части краснореченских крестьян. Собираясь группами, они ходили громить усадьбу Пешкова, где раньше подрабатывали, но богаче от этого не стали... Весной 1918 года в селе был образован сельский Совет.

Первым председателем сельского Совета был Иван Прокофьевич Козин, который обустроил в селе клуб-читальню, где ставились спектакли, участвовал в создании сельхозартели «Новый Быт», позже уехал в г. Ашхабад. При своем стремлении к справедливости, он в своей деятельности отличался резкостью, жёсткостью, потому оставил в памяти старожилов определенный отрицательный осадок.

От новой власти желаемого облегчения крестьяне не получили, более того, грабительская продрозвёрстка подавила всякое желание заниматься хозяйственной деятельностью. Продотряды беззастенчиво очищали крестьянские сусеки, беря на себя исключительные права: распоряжаться, сколько взять, а сколько оставить крестьянину хлеба, часто злоупотребляя и нарушая сложившуюся традицию – оставлять часть урожая на «черный день». Обобранные таким образом, селяне остались беззащитными ко всякому непредвиденному случаю, потому с наступлением засушливого 1921 года в селе и Поволжье начался непомерный голод, а с ним эпидемии тифа и оспы. За трудную, долгую зиму в селе резко сократилось поголовье скота, многие селяне, не выдержав голода, покидали село в поисках сытых мест или с целью выменять что-нибудь на продукты. Старожилы с теплотой вспоминают об американской помощи, когда для детей в селе были организованы три специальные столовые, где готовили рисовые супы, кашу, давали куски настоящего белого хлеба, тем самым как-то облегчая участь селян. Тем не менее, потерь от голода избежать не удалось, предположительно, от голода за 1921-1922 годы в селе умерло 150 человек... Но о массовых потерях и страданиях селян идеологи власти старались не вспоминать, пытаясь глухим молчанием стереть этот голодный мор из людской памяти...

При НЭПе, с введением продналога и свободной торговли у крестьян, наконец, появились стимулы. Надо было видеть, с каким усердием, старанием и любовью краснореченцы взялись за землю. В 1922-23 годах они образуют на дальних землях несколько небольших посёлков: Новая Жизнь, Ильменьковка, Сухая Речка, Садовка, были краснореченцы и в Плуге, и Красной Поляне, Трубе...

Впечатляло трудолюбие, ухватистость краснореченских крестьян, кроме своих наделов, они охотно берут земли в аренду, исполу, успевая вовремя убрать с них урожай и еще

успеть подработать, убирая урожай в других сёлах, и это при прежнем, примитивном инвентаре...

От заинтересованного крестьянского труда при НЭПе сельские базары отличались изобилием, а в лавках повсеместно появились разнообразные товары... к сожалению, всё хорошее бывает непродолжительно. Начиная с 1928 года, практически была введена продразверстка, и прилавки надолго опустели...

Коллективизация началась с небольших посёлков, где проводить её казалось проще, но с этим не хотели соглашаться жители этих посёлков, потому они в панике возвращались назад в село, где тоже было уже беспокойно. Сбежал, бросив все, владелец лесопилки Мотаев, хозяин другой лесопилки Прокопий Васильевич, в беспокойстве погрузив на телегу свой небогатый скарб, тоже покинул село...

Коллективизация, открывшая трагическую страницу наших сёл, сопровождалась раскулачиванием тех, кто упирался, сомневался, не хотел вступать в колхоз. У них отбирали нажитый тяжёлым трудом скот, инвентарь, одежду, хлеб, ткань. Конфискованные вещи складывались в подвал к принимавшему участие в раскулачивании Михаилу Ежову, а потом бесконтрольно продавались за бесценок. Как правило, раскулачивались самые старательные, самые умелые и самостоятельные крестьяне.

Коллективизация дискредитировала идеи революции и породила в обществе атмосферу доноительства, взаимной враждебности и напряжённости. Прискорбно, что раскулачивали свои же сельчане, по своему недомыслию или наивности верившие, что делают правое дело, и этим до недавнего времени гордились. Были среди них и такие, которые вершили зло от черной зависти, из мести, из принципа или наживы...

Колхоз в селе Красная Река был образован в 1929 году и изначально назывался имени Ленина, а председателем колхоза был Быков. На другой год колхоз разделился на колхоз имени Гая, куда вошли крестьяне Старой деревни, Лайкино, Грязнухи – здесь председателем стал двадцатипятилетний Алаёмков, и колхоз имени Чапаева, в который вошла оставшаяся часть левобережной части села. Здесь председателем стал Пётр Федорович Самсонов – чапаевец, человек широкой души, он воевал взводом против Махно, Врангеля и в Польше. Именно под впечатлением его вдохновенных рассказов о легендарном начдиве селяне и назвали колхоз имени Чапаева.

Тридцатый год стал началом разгула воинствующего атеизма, когда вопреки воле и желаниям народа «активисты» и их вдохновители в своем невежестве повсеместно варварски разрушали храмы. По воспоминаниям Павла Ефимовича Плешакова, колокола с краснореченской церкви сняли в 1930 году. Большой 150-пудовый колокол, отличавшийся мелодичностью звона, упав с 36-метровой колокольни, раскололся на куски. Снимали колокол свои: Бояркин Сергей, Семёнов Александр. В том же году церковь закрыли. Построенное на крестьянские деньги здание церкви в дальнейшем надругательски использовали под склад, позже - под спиртзавод. Чтобы селяне утихомирились и присмирели, 22 марта 1930 года был арестован, а затем расстрелян священник здешней церкви Кольчин Яков Семёнович. В тот же день тройкой ОГПУ были репрессированы Белов Алексей, Борисов Никифор, Жедяевский Николай...

Забегая вперёд, отмечу, что несмотря на разгул репрессий в суровый 1937 год, от церковного совета села в составе Василия Лаврентьева, Николая Ильина, Демьяна Торгашова, Фрола Булатова в комиссию по вопросам культа ВЦК было направлено письмо с просьбой открыть службу в Краснореченской церкви. Однако письмо вернулось для рассмотрения в Старомайнский РИК, инструктор которого, несмотря на наличие фамилий, поставил умиряющую визу – заявление считать анонимным и разбору не подлежит.

В 1930 году село было ещё многолюдным, в селе было 694 хозяйства и 3187 жителей. В дальнейшем численность села неуклонно снижается.

Коллективизация, обобществив все производственное имущество, семена и землю крестьян, разорила их личные хозяйства, отчего село стало нищим, бедность стала надолго уделом жизни колхозников. За труд без отпусков и выходных, работая от зари и до зари, колхозник имел пустой трудовой день, унижение и несправедливость. Практически семьи колхозников кормились с мизерного приусадебного участка в 30 соток.

Впрочем, и сами колхозы были бедными, ибо государство изымало результаты труда колхозников за бесценок, потому у них не было стимула хорошо работать. Между тем, каждую свою неудачу на колхозной ниве руководство разных уровней объясняло вредительством, происками кулаков. 26 июня 1932 года тройкой ОГПУ была репрессирована группа краснореченцев, среди них завхоз колхоза Иван Козлов, отец двоих детей Петр Лукьянов, Егор Седреев, Андрей Тихонов, Чегодаев Алексей и другие. Впрочем, репрессии продолжались и позже, причем на всех уровнях. Так в связи с «делом» Гая одноимённый краснореченский колхоз был переименован в колхоз имени Молотова.

Террор, развязанный против своего народа, неустроенность и отсталость колхозной деревни усугубили положение страны в разразившейся войне с фашистской Германией, предопределили неудачи в начале войны, которые пришлось перекрывать большими людскими потерями. Затянувшаяся кровопролитная война тяжёлым бременем легла прежде всего на сельских жителей. Все боеспособные мужчины ушли на фронт, оставив всю непосильную ношу забот на женщин, стариков и подростков. Здесь, в тылу, им было непомерно трудно: тяжёлая работа, долгие дни тревог и мучительных ожиданий, голодные семьи, непосильные поставки, налоги и вся боль невозможных утрат...

На фронте краснореченцы отличились мужеством и отвагой. Уже в первые дни войны при героической защите Тереспольских ворот Брестской крепости погиб сельчанин, командир взвода лейтенант Алексей Наганов. При форсировании Буга и Днестра, а затем в Бессарабии отличился другой односельчанин – Константин Андреевич Ежов, удостоенный звания Героя Советского Союза. Орденом Славы 2 и 3 степеней удостоен Николай Михайлович Сорогин, орденами и медалями отмечены и многие другие краснореченцы. В селе подсчитали, что за годы войны погибло 312 односельчан, но краеведам ещё предстоит исследовать военный период, уточняя всех погибших и не вернувшихся одно-сельчан, только невозможно будет учесть горе и слезы матерей, вдов, сломанных человеческих судеб, глубоких душевных ран...

За радостью долгожданной победы и редких счастливых встреч начались послевоенные трудовые будни, трудные, полуголодные, за тот же тощий трудовой день. Продолжалась неприкрытая крепостная зависимость колхозников, которые не имели паспортов, их

обложили обременительными налогами, заставляли в добровольно-принудительном порядке подписываться на займы...Медленно, с натугой поднимались запущенные и разоренные войной колхозы.

В феврале 1951 года к колхозу имени Чапаева присоединились колхозы Садовка и Плуг, а затем, в связи с созданием Куйбышевского водохранилища, на северную левобережную окраину села переселяются жители посёлка Плуг, образуя Плуговской конец. В то же время часть жителей села Головкино переселилась на западную часть, образуя при въезде в село Головкинский выселок.

В 1956 году произошло объединение двух сельских колхозов – Молотова и Чапаева в один колхоз имени Чапаева.

В декабре 1958 года к колхозу Чапаева присоединился колхоз Неверова, но уже в апреле 1959 года его присоединили к совхозу «Старомайнский».

В 1959 году в селе Красная река 2630 жителей. Село электрифицировано, здесь больница, роддом, библиотека с фондом 6795 книг, промартель «Восход», где изготовляли бочки, сани, колеса, за селом расположился кирпичный завод (построенный в 1957 году). Для сравнения: колхозники в этом году собрали по 10,9 центнера с гектара ржи, по 11,9 центнера пшеницы, по 7,2 центнера подсолнечника. Интересно, что краснореченцы гордились тем, что у них справный трудодень, на который приходилось 1,5 килограмма хлеба и по 2 рубля (дореформенных) денег... Только теперь можно сказать, как это было мало, и надо ли объяснять, почему вопреки бодрым заверениям официальной идеологии о счастливой доле, о преимуществе колхозного строя, о завидном благополучии колхозников, люди в порыве тихого несогласия покидали село...

Начиная с середины 60-х годов, когда вместо обезличенного трудодня колхозникам стали платить за работу деньгами, село стало возрождаться. Ныне село заметно обновилось, окрепло, стало чистым и привлекательным. Здесь много заново построенных добротных домов, село украшают новые улицы, асфальтированные дороги, построена школа.

К своему 60-летию колхоз имени Чапаева стал одним из лучших в районе и к концу 1989 года колхоз имел 600 коров, 3472 свиньи, кроме того, в колхозе были 61 трактор, 33 грузовые автомашины, 29 комбайнов...

Последнее десятилетие 20 века отмечено непродуманными реформами, от которых пострадало отечественное сельское хозяйство. Многие колхозы в районе пошли на резкое сокращение ставшего нерентабельным животноводства, а вот краснореченцы сохранили дойное стадо, и на 1999 год у них по-прежнему 600 коров и 1602 головы свиней.

Сложившийся ныне уклад сельской жизни и благосостояние колхозников тесно увязывается с состоянием дел в колхозе и конечно, во многом зависит от деловых качеств его председателя. К сожалению, анализируя прошлое колхоза, удивляешься некомпетентности большинства рекомендованных свыше председателей, ибо каждый, приступая к работе, спешил исполнить указания, оправдать доверие вышестоящих, оставаясь чужим земле и людям. Большой вклад в становление колхоза внес Анатолий Григорьевич Будаев – хозяин крепкий, дальновидный, старательный, который с

пониманием относился к повседневным нуждам селян, что вселяло в них уверенность в завтрашнем дне.

Время летит неудержимо быстро, и каждый прошедший год непременно займет свое место в истории, а вот новому поколению краснореченцев еще предстоит решать свои неотложные задачи, и если они сегодня не равнодушны к прошлому своего села, своей малой родине, то, значит, они понимают свою ответственность перед будущими поколениями селян...

Посёлок Ильменский

Вековая мечта крестьян иметь землю в одном месте, ближе к дому, иметь больше самостоятельности, казалось, получила возможность осуществиться – Столыпинская задумка выделить часть крестьян на отруб нашла понимание и у Советской власти. Так в 1923 году мордовские переселенцы из Красной Реки образовали в 4 верстах к югу от села, у Новиковской грани небольшой посёлок – Ильменский. к 1930 году в посёлке было 7 хозяйств и 48 жителей. Однако с началом коллективизации посёлок ликвидировался, а его жители вернулись в родное село.

Посёлок Новая Жизнь

24 ноября 1923 года в 5 верстах к северу от села Красная Река, у леса, 8 крестьянских семей в количестве 37 едоков, все переселенцы из Красной Реки, образовали посёлок «Новая жизнь». Им отвели 129 десятин земли, из них 109,8 десятины (120 гектаров) пашни. Лесная дорога из Красной Реки в Жедяевку пересекала земли посёлка на две почти равные части и была нужной транспортной нитью. Здешние места были очень красивые и благоприятные для хозяйственной деятельности, что обнадеживало поселенцев. И еще, выйдя из сельской общины, переселенцы практически освобождались от пут прежних традиций, получив возможность что-то внести новое в свой крестьянский непритязательный быт, потому поселок назвали «Новая Жизнь»... На 8 хозяйств в поселке было 7 лошадей, 8 коров, 8 свиней, 36 овец, 74 курицы и даже 15 ульев...

Поселенцы – мордва и русские, здесь семьи братьев Мотаевых – Родиона, Михаила и Александра, здесь же семьи Прокопия Тихонова, Павла Самсонова и другие. Еще в начале 1930 года посёлок жил полнокровной крестьянской жизнью, но в этом же году судьба посёлка стремительно оборвалась, жесткий вал коллективизации напугал поселян, и они спешно вернулись в село на старые места. Новая жизнь для крестьян не состоялась...

Посёлок Сухая Речка

20 ноября 1923 года в 5 верстах к северу от села Красная Река, западнее посёлка Новая жизнь был образован посёлок Сухая Речка. В составе посёлка 12 хозяйств с 48 едоками. Население - мордва и русские, все переселенцы из Красной Реки, они имели здесь 180 десятин земли, из них 128 - пашни.

К 1930 году в посёлке 11 хозяйств и 54 жителя. Здесь были семьи Василия Самсонова, Якова Терёхина, Фёдора Ушмарова, Фёдора Мельникова, Василия Лямасова и других. С началом коллективизации посёлок ликвидировался...

Посёлок Плуг

К северо-западу от посёлка Сухая Речка, в 6 верстах от села Красная Река, на правом берегу реки Майна на месте хутора Застенный в июле 1923 года краснореченскими поселенцами образован посёлок Плуг.

Примечательно, что небольшой скромный посёлок стал продолжателем очень давней предыстории. Еще в царствование Алексея Михайловича упоминается на месте посёлка деревня Застенная. Так в 1655 году Патриарх Московский в надежде, что с созданием «Засечной черты» в здешней стороне утвердится безопасность, приобретает землю по реке Майне и заселяет её своими людьми, образовав деревню Застенную (за стеной леса). При усадьбах были отведены земли, на которых заведены «пашня и сенные покосы и всякия угодыя». Однако из-за угрозы набегов кочевников деревня исчезает, но название остается. Впоследствии этот лесной участок постоянно меняет владельцев. Начиная с 1840 годов, участок принадлежал Симбирскому помещику Михаилу Андреевичу Половцеву и его супруге Надежде Дмитриевне. Участок имел 424 десятины, из них под строевым лесом 273 десятины, под новью, годной для пашни, 140 десятин. Нови давали до 9000 пудов сена, которым пользовались крестьяне помещика. Под бором почва песчаная, под лугами слой чернозема в три вершка. Сюда Половцев задумал переселить 23 тягла крестьян из деревни Русаново Воронежской губернии...

Лес в Застенном – прямостойный, сосновый, перемешанный с березняком, сильный рост его и чистота стволов указывали песчаную почву, а одиночные дубы – твердую глинистую подпочву... Земля всего Застенного пригодна для пашни, и по сделанному опыту на ней удачно росли пшеница и просо.

После смерти помещика вдова Надежда Дмитриевна стала продавать часть земель, и Застенный перешел в собственность купцу первой гильдии Сергею Петровичу Павлицеву, у которого здесь был известный в Заволжье конный завод, водяная мельница и хутор. Хутор Застенный был довольно благоустроен, здесь был двухэтажный деревянный дом 20x10 метров, обшитый тесом в рейку дачного типа, на каменном фундаменте, крытый железом. На обоих этажах было 40 окон, в нижнем этаже 8 комнат одинаковых размеров и девятая общая зала. В верхнем этаже 9 одинаковых комнат и три балкона с дверьми.

Кроме большого просторного дома на хуторе был еще двухэтажный деревянный дом 14x8 метров, крытый железом, в нем 8 окон, с одной стороны балкон, а рядом сени. Этот дом был из пяти комнат. На хуторе была бревенчатая столовая с тесовой крышей, здесь же каретник, кухня, погребница, скотный двор, прачечная, баня, беседка, здесь же сад, где было 125 плодовых деревьев. По данным 1910 года на хуторе числилось 26 человек... к революции хутором владела дочь Павлицева Наталья Сергеевна. По народной версии, Наталья разбилась, когда тройка лошадей сорвалась с крутого обрыва...

В Застенном река Майна раздваивается, образуя островок, места здесь, безусловно, чудные, красивые, и воздух чист и целебен...

После революции обустроенный купеческий хутор привлекает многих. 12 ноября 1920 года группа крестьян из Красной Реки берут его в пользование. В 1923 году хутор пытаются взять в аренду патронный завод, сюда же стремится сельхозартель инвалидов «Луна», отдел народного образования Симбирской губернии хлопочет участок земли для

детской колонии... Однако Застенный остается за краснореченцами, которые в июле 1923 года организуют здесь показательную сельхозартель под названием «Плуг». На хутор переселяются из Красной Реки 15 дворов и 77 человек, среди них Новиковский Фрол, Ефим Самсонов, Алексей Чегодаев, Василий Филиппов, Прокофий Лямаев и другие.

У переселенцев было 8 лошадей, 10 коров, 8 борон. Пять семей из переселившихся были безлошадными... Примечательно, что хутор, преобразованный в посёлок, назвали, как и артель, Плугом, а мельничный участок сохранил старое название – Застенный – его передавали детской колонии...

В 1925 году купеческий сад взял в аренду на 6 лет Алексей Сергеев, платя 25 копеек в год за каждое дерево, что выходило за год 31 рубль 25 копеек, а за шесть лет аренды – 187 рублей 50 копеек...

К 1928 году в артели Плуг было 16 хозяйств, из которых пять бедняцкие и 11 середняцкие, а на 80 едоков артель имела 126 десятин пашни и 18 голов рабочего скота.

19 июня 1929 года по дороге в Плуг был убит председатель артели Александр Сергеевич Курцов. Трудно сказать о мотивах убийства, то ли это был разбой с целью наживы, то ли сведение личных счетов, но для идеологов власти убийство произошло, кстати, власти использовали его для развернутого массированного наступления против всего кулачества. В селах района прошли бурные собрания, где подготовленные выступающие с гневом требовали возмездия, но не конкретному убийце, а непременно всему кулачеству... Это убийство идеологи использовали для нагнетания истерической кампании массового раскулачивания, открывшей трагическую страницу истории наших селений...

К 1935 году в колхозе Плуг имелось 42 двора и было 787 гектаров земли. С 1951 года колхоз Плуг вошел в колхоз имени Чапаева (Красная Река). Сам посёлок в связи с образованием Куйбышевского водохранилища был ликвидирован. Большая часть жителей посёлка переселилась в Красную Реку...

Посёлок Красная Поляна

Не более 4 верст к западу от села Красная Река, в 9 верстах от Старой Майны на левом берегу реки Майна (ныне водохранилища) расположился посёлок Красная Поляна. Интересно, что археологи нашли в полверсте к северу от посёлка следы селища Именьковской культуры, это единственная малоизвестная примечательность здешних мест.

До революции земли посёлка принадлежали графу Блудову, а с 19 июня 1918 года эти земли отошли во временное пользование краснореченским крестьянам.

В 1921 году по инициативе и ходатайству Григория Алмакаева и ещё группы крестьян в составе 15 домохозяев с 91 едоком был выделен участок земли, изначально без намерения переселяться, потому выделяющимся предоставили только пашню, остальными земельными правами они пользовались наравне с крестьянами из Красной Реки.

Среди выделившихся были семьи Алексея Масина, Никиты Алмакаева, Федора Терёхина, Василия Полазина, Иллариона Чегодаева и других. Земли отделившиеся получили из расчета 1,5 десятины на душу, однако, постепенно освоившись, отделенцы все-таки решились поставить здесь поселок под названием «Незамовка». Но в 1924 году в посёлке было образовано семенное товарищество под названием «Красная Поляна» – это название перешло на посёлок, хотя в народе за посёлком употреблялось еще название – Арбузовка. Посёлок удобно расположился вдоль опушки прибрежного леса, а река Майна, делая замысловатую петлю, приближалась к возвышенному здесь левому берегу, где и стоял поселок. В 1926 году в посёлке Красная Поляна – 31 хозяйство и 182 жителя, однако дальнейшего развития посёлок не получил, хотя в 1929 году на 32 двора и 201 жителя здесь было 33 коровы, 38 лошадей и 361 десятина пашни, из инвентаря здесь 4 однолемешных плуга, 18 двухлемешных, 9 деревянных борон, 15 железных, 7 молотилок, 5 веялок... Сплошная коллективизация стала основной причиной постепенного развала посёлка...

В 1957 году около посёлка закончилось строительство моста через реку Майну, русло которой значительно расширилось за счёт Куйбышевского водохранилища. Мост получил название «Садовский», длина моста 87 метров, ширина проезжей части 6 метров, по обе стороны почти метровые тротуары. Мост покоился на 4 бетонных и двух береговых деревянных опорах. В подъездную дамбу уложено 80 тысяч кубометров грунта, на мост ушло 600 кубических метров строевого леса, много бетона, три тысячи кубометров бутового камня, которым отделали откосы подходной части дамбы, замощено около километра подходных путей. Однако в строительстве дамб были очевидные просчёты: не имея сплошного бетонирования, их быстро подмывало волнами водохранилища, и мост пришлось разобрать...

Садовский мост значительно сокращал путь в северную часть района, что имело большое экономическое значение, однако задуманное не получилось, напрасно были затрачены большие средства, людской труд, а мост пришлось строить выше по течению реки Майна...

В 1959 году в посёлке Красная Поляна 132 жителя, а через 20 лет - всего 18, а еще через 20 - в 1999 году в трёх хозяйствах - 12 человек.

Посёлок Садовка

Недалеко от Красной Поляны, в 4 верстах западнее села Красная Река и 9 верстах от Старой Майны расположился другой посёлок – Садовка, прошлое которого имеет предысторию, так как до революции в этом живописном райском уголке располагалась усадьба Старомайнского помещика Н. И. Пешкова. Здесь, у обсаженного деревьями пруда, стоял большой барский двухэтажный деревянный дом с балконом по всему периметру, здесь же были разные подсобные помещения: баня для рабочих, ухоженный сад...

Кстати, помещики, имея оборотные средства, могли позволить себе вносить на поля удобрения, приобретать более дорогую и современную технику, поэтому именно помещики имели по России до 25% товарного зерна. Не секрет и то, что учебники истории в угоду партийной идеологии выгодно тасовали статистические данные, поэтому разброс сведений довольно широк.

К сожалению, воспоминаний о дворянском роде Пешковых не сохранилось, из старшего поколения известен лишь коллежский регистратор Иван Наумович Пешков, у которого после отмены крепостного права осталось 632 десятины земли. Сегодня для старожилов о Пешковых напоминает лишь название Пешкова гора, что на левом берегу реки Майна (ныне залива), около посёлка Садовка. Еще один след Пешковых оставался до 1950 годов в центре Старой Майны, в Кудрявской части - у реки стоял просторный одноэтажный каменный дом, в котором в советский период был ветеринарный техникум, затем - школа животноводов, а позже - школа механизаторов - это бывший дом дворян Пешковых...

Для Пешковых все рухнуло одним днём, вожди революции в смутный 17-й год призывали крестьян к топору, к погрому, и вот краснореченские крестьяне на революционной волне пороков и искушений ловили свой звёздный час и собираясь группами, ходили разорять барское имение Пешковых, где недавно с выгодой для себя подрабатывали. Вот он, воспетый безрассудный российский бунтарский дух, за которым следует бессмысленное разорение... В 1925 году на реке Майне сгорела крупорушка принадлежавшая Екатерине Ивановне Пономарёвой (в девичестве Пешковой).

Впрочем, о Пешковых напоминает посёлок Садовка, названный по барскому саду, название несёт глубокий смысл обихоженности, красоты и очарования здешних мест, за которыми скрыт труд нескольких поколений...

9 июля 1918 года земля Пешковых перешла во временное пользование краснореченским крестьянам. Расположение земель подсказывало, что здесь, на месте разоренного барского имения, удобное место для посёлка, и вот 3 ноября 1922 года по ходатайству Сергея Новиковского в числе 26 домохозяев было подано заявление в Мелекесский Земотдел с решением образовать на бывшей земле помещика Пешкова посёлок. Выделяющиеся оставляли свои усадебные места в пользу крестьян Красной Реки. Во время подготовки дела число желающих переселиться менялось. Наконец, 11 февраля 1925 года было закончено образование посёлка и утверждение землепользования. В посёлке, названном Садовка, собралось 38 домохозяев с 200 едоками, получив 346 десятин пашни, а всего 405 десятин. Кроме того, они получили право на луговые угодья по реке Волге, бывшие Наумовские, по норме 0,14 десятины на едока, а на 200 душ 28 десятин... Выделяющиеся должны были не позднее 22 ноября 1926 года переселиться на отведённый участок, оставив принадлежавшие им бывшие усадебные места в Красной Реке в состав запасных данного села. Вошедший в границы отвода редкий лес по склону к реке Майна площадью 40,5 десятины и болото с кустарником около 12 десятин передавались в пользование переселенцам при условии пользования таковыми с ведома и разрешения лесного ведомства...

В посёлке Садовка поселились русские, и мордва из села Красная Река с семьями, среди них были Лукьянов Пётр, Архипов Кузьма, Новиковский Андрей, Катин Илья, Ушмаров Ефим, Мотаев Сергей и другие... Посёлок относился к Краснореченскому сельскому Совету ...

Переселенцы выбрали единоличный способ обработки земли с переходом в будущем к четырёхпольной системе земледелия. Почвы здесь – суглинистый чернозём среднего качества, здесь раздолье для разведения скота и птицы.

28 июня 1928 года в посёлке образовалось машинное товарищество «Садовка». Интересно, спустя много лет, оценить материальное положение здешних крестьян. Так в 1929 году у них было на 43 хозяйства 39 коров, 41 лошадь, 224 овцы, 44 свиньи, 260 кур... Здесь сеяли рожь, овёс, горох, гречиху, картофель. 19 января 1930 года, с преобразованием машинного товарищества на устав сельхозартели, был образован колхоз «Садовка».

Из краткой выборочной хроники последующих лет:

1935 год – колхоз объединял 72 крестьянских хозяйства, а в колхозном поле было 1272 гектара земли.

Во время Великой Отечественной войны из Садовки погибло 9 человек...

В 1951 году колхоз «Садовка» присоединился к краснореченскому колхозу имени Чапаева...

В 1959 году в Садовке 158 жителей.

В 1965 году в посёлке начальная школа, клуб, магазин, медпункт, ясли, однако молодежь, не соглашаясь с низкой оплатой труда, серостью быта, тихо покидала посёлок, к тому же было трудно каждый раз добираться до сельского Совета или района.

К 1979 году здесь уже 87 жителей, а ещё через 20 лет - в 1999 году здесь в 13 хозяйствах 21 житель....

Сегодня в поредевшем посёлке строят себе дачи бывшие и настоящие руководители разных рангов. Вот так бывшая земля дворян Пешковых продолжает привлекать к себе внимание.

ЖЕДЯЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ

Жедяевская волость образовалась в 1861 году с центром в селе Жедяевка. Волость административно относилась к Спасскому уезду Казанской губернии.

В Жедяевскую во-лость входило 15 селений: Новая Арчиловка, Аристовка, Жедяевка, Айбаши, Кокрятъ, Матвеевка, Пяти Озёрки, Шмелевка, Березовка, Зеленовка, Никольский выселок, Волостниковка, Парашино, Старая Грязнуха, Новая Грязнуха.

По данным 1883 года, в Жедяевской волости было 1422 двора и 9079 жителей. Во владении крестьянских обществ было 13539 десятин земли, из них 10230 десятин пашни, во владении частных лиц было 9793 десятины, из них 5649 пашни. По количеству пашни это была самая обширная волость в будущем Старомайнском районе...

С 27 мая 1920 года Жедяевская волость стала административно относиться к Мелекесскому уезду Самарской губернии, затем Жедяевская волость была объединена с Юрткульской с центром в селе Матвеевка, а с 1928 года стала относиться к Старомайнскому району.

К 1999 году на территории бывшей Жедяевской волости сложились три сельских администрации: Жедяевская, Матвеевская, Волостниковская. Если сравнить количество жителей на территории бывшей волости в разные исторические периоды, то заметна тенденция к снижению численности населения. Так, например, в 1930 году в границах бывшей волости было 2849 хозяйств и 13531 житель, в 1999 году в тех же пределах осталось 1351 хозяйство и 2729 жителей, что почти в пять раз меньше...

По территории бывшей волости протекали реки Майна, Утка, Грязнушка, Ясачка. С созданием Куйбышевского водохранилища на территории бывшей волости произошли значительные изменения. О них более подробно изложено в историях селений, которых они коснулись. На территории волости осталась одна действующая церковь в селе Кокрятъ. Из примечательных мест можно назвать следы Майнского и Кокрятских древних городищ.

Деревня Арчиловка

Отправляясь из Старой Майны в северную часть района, сегодня приходится ехать по новой асфальтированной трассе мимо села Красная Река, ибо образовавшийся Старомайнский залив разорвал прежние короткие пути. Но мой рассказ пойдёт всё-таки по старым, частью уже исчезнувшим, заброшенным дорогам, которыми пользовались наши предки. Главная из них – это Симбирский коммерческий тракт, в общем-то, обычная просёлочная дорога, только постоянная и за которой более-менее следили, поправляя мосточки и засыпая ямы и топи. Сегодня старый тракт сохранился лишь частично, но это не помеха для моего рассказа.

Первым селением по тракту было село Аристовка, но не доезжая до него версты три, к востоку от тракта, в 9 верстах от Старой Майны, расположилась деревня Арчиловка. Деревня образовалась в середине 19 века, когда ротмистрша Глафира Ивановна Лихачева (в девичестве Панаева), имея незаурядные деловые качества, расширяя имение своего покойного мужа, приобрела здесь земли и переселила на них крепостных из своей деревни Арчиловка Трёх Озёрской волости того же Спасского уезда, потому в отличие от

основной деревни наш выселок называли Новой Арчиловкой. Впрочем, в народе деревня вскоре получила и другое название – Безводовка. Это название подчёркивало то, что рядом с деревней не было реки или озера.

К 1859 году в деревне-выселке было 14 дворов и 111 жителей. Здесь у Лихачёвой было 228 десятин земли, из которых лишь 85 отводились на крестьянские наделы. Деревня относилась к приходу Волостниковской церкви (7 верст) с главным престолом Знамения Пресвятой Богородицы. В 1864 году крестьяне Новой Арчиловки перешли в разряд собственников, но количество наделной земли у них стало еще меньше, всего 28 десятин. Это говорит о том, что здешние крестьяне согласились на четвертной надел, то есть получили по одной десятине на ревизскую душу, но без выкупа, потому деревня была очень бедной. Достаточно отметить, что здесь в окна вместо стекол обычно натягивали бычий пузырь...

В 1910 году в Новой Арчиловке (Безводовке) было 33 двора и 276 жителей.

Административно Новая Арчиловка относилась к Жедяевской волости Спасского уезда Казанской губернии, однако в 1920 году при новом административном делении Новая Арчиловка стала относиться к Аристовскому сельскому Совету Матвеевской волости Мелекесского уезда Самарской губернии.

При Советской власти здешние крестьяне получили земли во временное пользование значительно больше, но резкое увеличение наделов не способствовало улучшению их материального положения. У них не было столько семян, рабочего скота, к тому же неоправданная грабительская продрозвёрстка лишила крестьян стимула, и бесполезное увеличение наделов лишь многократно закабалило их. Однако то, что деревня продолжала оставаться бедной, в какой-то степени спасало её жителей от лишних разорительных набегов продотрядов, и потому в засушливый 1921 год в Новой Арчиловке было меньше людских потерь...

При НЭПе, с введением продналога и свободной торговли, крестьяне деревни несколько поправили свои хозяйства. В 1929 году в деревне на 54 двора было 46 лошадей, 54 коровы, 56 свиней, 165 овец. Из 298 жителей 120 были трудоспособными. У здешних крестьян по норме было 583 гектара земли, из них 504 - пашни.

В деревне для нужд вырыты колодцы 15- 16 метров глубиной, а у деревни вырыты два пруда для скота, которые заполнялись снежной и дождевой водой.

До коллективизации в тихой глухой деревушке соблюдали старые традиции, да и семьи здесь были ещё многолюдными. Например, семья Николая Глазова состояла из 7 человек, Петра Осипова, Ивана Горшенина и Петра Ермакова – из 8 человек, Ивана Бутузова – из 9 человек, Василия Романова – из 10 человек и т. д. Ныне такие большие семьи в диковинку. Добротные дома дореволюционной постройки имели Ермаковы, Рябовы, каменный дом имели Глазовы, но они занимались ещё и торговлей. Каких-либо барских строений в деревне не было.

В 1930 году в Новой Арчиловке был образован колхоз «Власть труда». Принудительный колхозный строй на словах выглядел привлекательно, но за словесными догмами и лицемерием скрывалась чудовищная эксплуатация деревни. Даже спустя десятки лет, трудно объяснить преднамеренное масштабное притеснение крестьян,

которые сводили на нет саму идею революции как путь к улучшению их жизни. Например, известно, что в 1932 году был неурожай, потому в 1932-ом и 1933-ем годах повсеместно был голод. По стране за это время, по прикидкам исследователей, от голода умерло от 3 до 6 миллионов человек. В нашем крае до такой трагедии не дошло, однако люди вынуждены были употреблять в пищу всё, что было можно и терпимо. Ожидалось, что государство, как было при царе, ввиду неурожая и голода окажет помощь или хотя бы снизит бремя налогов и хлебозаготовок. Но этого не произошло, напротив, плановое задание по хлебозаготовкам было увеличено, и валовый сбор зерна по стране был на 3,9 миллиона центнеров больше, чем в 1931 году, а как было отрапортовано по нашему региону - раньше намеченного срока. Многие крестьянские хозяйства, обложенные повышенным индивидуальным налогом, в этот неурожайный год были просто не в состоянии выполнить тяжёлое бремя налогов, но за недоимки были введены штрафы вплоть до конфискации имущества. По этой причине в Новой Арчиловке 26 августа 1933 года у Михаила Егорова были отобраны дом деревянный, крытый тёсом, амбар, конюшня, баня. У Петра Романова отобраны: конюшня, баня. У Павла Рябова конфискованы: дом, крытый тёсом, амбар, баня, у него же, как у кулака, отобрано имущество: два старых тулупа, две пары старых сапог, сапоги голые (кирзовые), чапан, пиджак и женские поношенные ботинки... Это всё считалось кулацким имуществом, конфискованное продавалось через продмаг. Здесь можно было купить карманные часы, отобранные у Николая Глазова, швейную ручную машинку, отобранную у Анны Горшениной, и другие вещи.

Сегодня с трудом воспринимается, что высокие цели и идеи революции опустились до уровня банального грабежа, который был лишь частью борьбы с беззащитным крестьянством. Маленькая, тихая, бедная деревушка не избежала несправедливых репрессий. 13 марта 1932 года был репрессирован по статье 58 п. 10 Романов Иван, отец пятерых детей, 30 декабря 1937 года по той же статье был арестован, а затем расстрелян Василий Глазов, отец пятерых детей... Сегодня всем понятно, что это были безвинные люди, но тогда ненасытному, диктаторскому монстру нужна была жертвенная дань, чтобы страх держал людей в послушании и доводил их до понимания счастья и радости в поголовной бедности, а богатство осталось в проклятиях...

В Великую Отечественную войну в небольшую деревушку не вернулось 23 человека... Примечательно, что после войны название Новая Арчиловка практически не встречается, а деревня называется просто Арчиловка. В 1951 году колхоз «Власть Труда» был присоединён к колхозу «Красное Знамя» (Аристовка). С образованием Куйбышевского водохранилища дорога от райцентра до Арчиловки удлинилась почти в три раза, потому люди по возможности стали уезжать из деревни.

В 1982 году после ликвидации колхоза им. Карла Маркса (Волостниковка), куда последнее время относилась Арчиловская бригада, на базе Арчиловки возникло подсобное хозяйство завода «Комета». Надо отметить, что с передачей деревушки заводу Арчиловка стала заметно обновляться, превращаясь в симпатичный посёлок. В 1987 году здесь построена школа, к деревне подведена асфальтированная дорога, были построены квартиры, свинарник, водопровод. За счёт переселенцев увеличилась численность деревни. В 1999 году в Арчиловке в 44 хозяйствах числилось 174 жителя. Здесь 1525 гектаров земли, из них 1196 - пашни, в местной начальной школе 16 учеников.

Безусловно, к концу 20 века с повышением цен на горючее отдаленная деревня стала обузой для переживающего трудные времена завода, и назрела пора его отделения. Как сложится в дальнейшем судьба деревни, покажет время.

Село Аристовка

Село Жедяевской сельской администрации, расположено в 26 километрах к северу от Старой Майны. В селе начальная школа, отделение колхоза «Родина». В 1 километре к северо-западу болгарское городище. В 1999 году в селе 53 хозяйства и 145 жителей.

От Старой Майны до Аристовки по старому Симбирскому тракту было всего 12 вёрст, что вдвое короче, чем по современной трассе. Ныне по старому тракту можно проехать только зимой, когда покроется надежным льдом Старомайнский залив...

Село Аристовка образовано в начале 19 века как частновладельческое сельцо дворян Аристовых. Известно, что ещё прапорщик Тимофей Матвеевич Аристов имел земли и крестьян в Жедяевке, Матвеевке и Новиковке, а его сын, капитан Иван Тимофеевич Аристов, получив по наследству земли и крестьян, образовал у безымянного озера сельцо, названное по его фамилии Аристовкой. К 1816 году в сельце 157 жителей. От Ивана сельцо перешло по наследству двум его сыновьям, потому крестьяне были разделены на две общины, которые назывались по именам владельцев – Александровская и Николаевская. Братья относились к древнему благородному дворянскому роду и имели 1694 десятины земли, из которых 762 десятины отводились на крестьянские наделы.

К 1859 году в Аристовке 47 дворов и 584 жителя. Нетрудно заметить, что семьи здесь были большие...

После реформы 1861 года количество земли у крестьян обеих общин уменьшилось до 612 десятин, но оставалось сравнительно хорошим.

Из череды непримечательных лет деревенской жизни можно выделить 1882 год. 12 ноября этого года в сельце Аристовка открылось земское училище, которое располагалось в собственном доме, устроенном дворянами Николаем и Александром Аристовыми. Классная комната одна 7х5,4 метра, в классе пять окон. В школе было помещение и для учительницы. Попечительницей здесь была дворянка Вера Николаевна Аристова, законоучителем был священник из Жедяевки Михаил Смелков, а учительницей - Анна Михайлова из Казанской учительской школы. Уже в первый год в училище учился 31 человек, все местные, русские. Законоучитель получал 42 рубля в год, а учительница - 200 рублей. Из учительниц особенно успешно вела занятия Акулина Григорьевна Стрелкова (с 1883 по 1885 годы).

В 1908 году в Аристовке 120 дворов и 699 жителей. Аристовка относилась к Жедяевскому приходу (6 вёрст), но в 1912 году в Аристовку выделяется престол из Жедяевской церкви в честь Казанской Божьей Матери, и в том же году в Аристовке была построена деревянная церковь. Церковь строили всем миром, а материальную помощь в её строительстве оказал здешний помещик Илья Николаевич Аристов. Небольшую часовенку на кладбище построил Иван Михайлович Глазов. С постройкой церкви Аристовка становится селом.

Прежние устои деревенской жизни складывались годами и держались на нравственности и соблюдении установленного порядка. В центре села было озеро, которое ветлами разделялось на три части, в некоторые годы средняя часть пересыхала. Вода в озере была чистая, и в нём водились караси. Озеро берегли, стирать и полоскать бельё не допускали...

После революции в селе был создан сельский Совет.

Из рассказа Ф. Ф. Емельянова: «Барское имущество крестьяне разложили по кучкам и тянули жребий, и по выпавшему номеру каждый получил свою долю...»

В голодный 1921 год в двухэтажном барском доме в Александровском конце был образован детский дом, позже это здание сгорело. В 1927 году в здешней начальной школе было 45 учеников, а учительницей была Кудрина Зинаида Николаевна.

Надо отметить, что при Советской власти селяне получили значительно больше земли: на каждого едока приходилось по 2,28 гектара, но вследствие голодного года в селе сократилось поголовье рабочего скота, и земля полностью не использовалась. Интересно, что, несмотря на смену власти, в селе сохранились два земельных общества, которые назывались по-прежнему Александровским и Николаевским. В 1928 году в Александровском обществе из 71 хозяйства 30 считались бедными, 34 середняцкими и 7 хозяйств зажиточными. В Николаевском из 70 хозяйств 22 считались бедняцкими, 39 середняцкими и 9 зажиточными.

В следующем, 1929 году, перед коллективизацией в селе было 147 хозяйств и 735 жителей, у селян было 141 корова, 94 рабочих лошади, 124 свиньи, 745 овец и 1303 гектара пашни...

Коллективизация в селе проходила довольно туго. Чтобы устрашить и сломить сопротивление селян, 21 марта 1930 года был репрессирован с конфискацией имущества Агапов Степан, отец троих детей, после чего в Аристовке был образован колхоз «Красное Знамя». С коллективизацией власти разрушали старые устои, создавая благодатную почву для разгула людских пороков. Убрав купол, в церкви сделали клуб, в озере стали полоскать бельё, разводить птицу. Ведомые корыстью, некоторые селяне пытались разорить дворянскую усадьбу в Николаевском обществе. Спасал её от разорения простой крестьянин Дмитрий Константинович Краснов. Барская усадьба не блистала шиком, но была со вкусом ухожена, окружена акацией и канавкой. Барский дом деревянный, одноэтажный, но достаточно просторный, стоял рядом с озером. Барин Илья Николаевич был работающим, сам лошадям месил. Позже в барском доме жил Ф.Ф. Емельянов.

К 1935 году колхоз «Красное Знамя» объединял 104 двора и имел 2006 гектаров земли.

Война нанесла глубокую рану селянам, в районную Книгу Памяти занесены 50 селян, не вернувшихся в родное село.

Большая часть 20 века жизнь селян связана с колхозной деятельностью, потому из череды однообразных лет трудно выделить что-то примечательное. Власть старалась сделать колхозное производство более эффективным, потому проводила ряд экспериментов. Вначале к здешнему колхозу присоединили колхозы Верхней Матросовки и Арчиловки, а в 1958 году и колхоз «Красное Знамя» был присоединен к колхозу Карла

Маркса (Волостниковка). Селяне молчаливо соглашались с экспериментами, но постепенно покидали село. В 1959 году в Аристовке было еще 385 жителей, а через 20 лет осталось 162 жителя.

У рубежа 20 столетия Аристовка - отделение колхоза «Родина» (Жедяевка), хозяйства сегодня крепкого, но о будущем жителям Аристовки стоит задуматься, ибо в 1999 году в местной школе всего 7 учеников. Можно с горечью констатировать, что эксперимент присоединения селян то к одному хозяйству, то к другому не принес аристовцам главного – самостоятельности, чувства настоящего хозяина, а всякая зависимость – это сложные непредсказуемые последствия...

Село Жедяевка

Бывшее волостное село, а ныне центр сельской администрации, расположено в 32 километрах к северо-востоку от Старой Майны, при реке Утка. В селе находятся: лесничество, средняя школа, Дом культуры, центральная усадьба колхоза «Родина». В 1999 году в селе 214 хозяйств и 575 жителей.

За Аристовкой к северо-востоку старый Симбирский тракт практически сливается с современной асфальтированной трассой, обсаженной с обеих сторон плотной стеной лесопосадок. При современных скоростях добраться до следующего села, Жедяевки, считанные минуты.

Ныне о Жедяевке пишут больше потому, что местный колхоз держится в море сомнительных реформ устойчиво, люди здесь работающие и что важно – руководитель здесь крепкий и дальновидный хозяйственник.

Появляется в печати и краеведческий материал о селе, правда, разброс версий об истории села довольно широкий.

Первую, заслуживающую внимания страницу истории для жедяевцев открыли археологи, нашедшие на южном берегу Татарского болота и примыкавшего к нему оврага следы трёх болгарских поселений, скупо напоминающие нам о целой исторической эпохе волжско-камских болгар.

Более известная современная история села Жедяевка началась с переселением сюда в 1698 году по указу Петра и казанских иноземцев – польских шляхтичей. Поляки получили здесь в зависимости от чина по 50-60 четвертей в каждом из трёх полей, потому изначально в селении было четвертное земледелие. Впоследствии они перешли в разряд государственных крестьян. Польских поселенцев называли панями. Позже, когда оставшуюся часть свободных земель получили помещики, село стало расширяться, ибо каждый помещик переселял сюда крепостных из других мест.

Интересно, что в историю Жедяевки невольно вписывается история старого соседнего поселения, которое когда-то было в 2 верстах севернее Жедяевки и ныне называется Старой деревней. Следов от этого поселения давно уже нет, но в народной памяти это место настойчиво сохраняет своё название, которое не дает покоя исследователям и служит источником привлекательных и спорных предположений. Краеведы считают, что это поселение было поселением инородцев. Местное название озера «Татарское болото» подсказывает о возможном проживании здесь татар. Не менее вероятно, что здесь было

поселение мордвы, ибо здесь была их зона заселения. Кстати, известный в области топонимист В. Ф. Барашков не исключал мордовского происхождения названия Жедяевки. Личное имя Жедяй отмечалось среди мордовских дохристианских имен, и если продолжить его мысль, то невольно напрашивается предположение, что история обоих близко лежащих селений какое-то время переплеталась, возможно, что они носили одинаковые названия, но разделялись поясняющей приставкой Старая и Новая деревни (возможно Жедяевки). Однако в прошлом селений есть реалии, которые не укладываются в эту версию. Так, при описании Жедяевки в 1780 году, около неё значилась помещицья деревня под странным для наших мест названием Малый Селенгуш, в которой числилось 36 ревизских душ. Если это была та неразгаданная исчезнувшая деревушка, то своим неожиданным названием она заставляет искать селение под названием Большой Селенгуш. Так что споры о прошлом старой деревни ещё не закончились, и для искателей остается тема для исследований. Но вернёмся к прошлому Жедяевки.

Сегодня из всех версий предпочтение заслуживает распространенная и более реальная версия, по которой название Жедяевка село получило по фамилии одного из польских поселенцев – Жедяевского. Фамилия Жедяевских была действительно распространенной в селе, как и другие обрусевшие польские фамилии: Загудаевские, Задонские, Чижевские...

Впрочем, была попытка назвать село и по престольному празднику здешней церкви – Троицкое. Был период, когда название Троицкое преобладало, так было с 1778 года, когда в селе была построена деревянная однопрестольная церковь во имя Святой Троицы. Для селян церковь в то время была оплотом духовности, с её помощью собранное с разных мест России население села сближалось, вырабатывая единые для села устои.

Важной реальностью в жизни большей части селян были их владельцы-помещики, от умения и порядочности которых часто зависело благополучие их крепостных. К сожалению, в советский период было много необоснованно сделано для того, чтобы извратить, испепелить память о дворянстве. Потому в истории Жедяевки есть малоизученные страницы, которые требуют дополнительных исследований. Так Жедяевку считают родиной Дмитрия Иринарховича Завалишина (1804-1892 годы), известного как декабриста, поэта, автора воспоминаний «Записки декабриста». Считается, что он бывал в Жедяевке в 1820 году и после возвращения его из ссылки в 1863 году. Сам Завалишин утверждал, что родился он 13 июня в Астрахани, но при поступлении в кадетский корпус он же писал, что он из дворян, сын генерал-майора Иринарха Завалишина и предоставил свидетельство из поместья села Жедяевка, бабке его принадлежавшее. Других доказательств о его причастности к Жедяевке нет...

Действительно, к 1816 году в Жедяевке практически сменилось поколение помещиков, и появились новые фамилии. Здесь числились владения ротмистра Дмитрия Бешмакова, коллежского советника Дмитрия Блудова, подпоручика Ивана Глазова, подпоручика Владимира Глазова, штабс-капитана Ивана Жедринского, подполковника Ивахия Зимлинского и других. Большинство из них нынешнему поколению жедяевцев не знакомы. Среди жедяевских помещиков значилось небольшое владение (4 муж. и 10 жен. душ) Екатерины Фёдоровны Завалишиной. У неё и мужа, надворного советника, Ивана Максимовича Завалишина, было ещё владение в Балымерах. Известно, что в Жедяевке Завалишины к 1834 году отпустили на волю крестьянскую семью из 5 человек... Для исследователей прошлого остается вопрос родственной связи жедяевских Завалишиных и

декабриста Дмитрия Иринарховича. Кстати, ко времени отмены крепостного права фамилия Завалишиных в селе не встречается.

К 1859 году в Жедяевке сложилось 13 крестьянских общин, и наибольшей из них была община государственных крестьян под названием Паны, численностью 259 человек. Паны имели 562 десятины наделной земли. Другие общины были частновладельческие и носили названия по фамилии своих помещиков: Озеровой, Сатина, Струниных, Павловых, Карачевых, Натальи и Ольги Ховриных, Дурасовых, Блудовых, Руммеля, Роткирха, Черноруцких.

Помещики села имели 3384 десятины земли, из них 1177 десятин отводилось на крестьянские наделы. Помещичьи общины были небольшие, так, например, в наибольшей из них, Черноруцкой, было 166 человек обоего пола. Наименьшей была община Струниной - 25 человек, а из имеющейся у помещицы 59 десятин земли 48 отводились на крестьянские наделы. У Сатина был 41 человек и 109 десятин земли, из них 60 отводились крестьянам.

Большинство помещиков села имели владения в других местах, потому в Жедяевке не проживали, например Николай Михайлович Сатин имел в Танкеевке 1350 десятин земли и 432 крепостные души...

У графа Блудова в Жедяевке было 8 дворов и 38 крестьян мужского пола, на крестьянские наделы граф отводил 194 десятины удобий, из них 137 - пашни. Эта земля была разбита на 14 оброчных тягол, за каждое в год приходилось платить 23 рубля оброка, но основное имение графа было в Анненской слободе (Танкеевке), где он имел 2250 десятин земли и 572 крестьянских души.

Здесь помещица подполковница Анна Черноруцкая имела еще земли и крестьян в Старой Майне. Примечательно, что в Жедяевке имели земли сестры подполковница Александра Гавриловна Карачева, подпоручица Клавдия Гавриловна Веденяпина и девицы Ольга и Наталья Ховрины. Еще одна сестра, Варвара, имела имение в Русских Юрткулях. Кстати, отец сестёр, Гаврила Григорьевич Ховрин, был в 1807-1812 годах предводителем уездного дворянства...

Из сестёр Ховриных особенно известна Наталья Гавриловна, на средства которой в 1859 году в селе была построена каменная пятипрестольная церковь. Главный престол церкви во имя Казанской Божьей Матери, в приделе, с правой стороны - во имя Святителя Николая Чудотворца, с левой стороны - во имя Святых мучениц Софьи, Веры, Надежды и Любви, в трапезной приделы: с правой стороны - во имя Святой Троицы, левой - во имя Скорбящей Божьей Матери. Безусловно, в то время церковь для селян была значительным событием, ибо в строительстве этого монументального для села здания принимали участие почти все работоспособные жители села, потому итог строительства радовал каждого селянина. Могли ли тогда предполагать участвующие в строительстве, что их труд будут варварски разрушать их же неблагодарные потомки. Ныне эта церковь, обшарпанная, без куполов и звонницы, приспособлена под мельницу и приносит доход колхозному хозяйству. Но в глубине души что-то гнетёт за осквернённый храм, за тех, кто легко отрекся от веры и обычаев своих предков, необдуманно поддавшись сатанинским уговорам партийных идеологов, взвалив на себя этот тяжёлый и греховный груз безнравственного разрушения, тем самым приняв чёрную славу иудушки и загнав свою совесть в пожизненный тупик людского осуждения...

Примечательно, что со сменой главного престола в новой церкви название села Троицкое утратило свою первоначальную основу и потому стало вытесняться более простым и своеобразным Жедяевка, хотя название Троицкое также употреблялось за селом довольно продолжительно...

После отмены крепостного права село Жедяевка (Троицкое) становится волостным, административно оно относилось к Спасскому уезду (35 верст) Казанской губернии (130 верст). После реформы крестьяне села практически сохранили прежние наделы, получив 1832 десятины земли, но если бывшие государственные крестьяне получили от 7 до 10,5 десятины на ревизскую душу, то бывшие помещичьи - лишь 4 десятины. Нетрудно заметить, кто на селе был более обеспеченный...

Если ныне пройти по пыльным улицам Жедяевки, поговорить с её жителями, то невольно убедишься, что никто в селе не помнит здешних помещиков. За столь плотной завесой прошедшего времени скрыты их образ жизни, их духовное наследие. В советский период, находясь под жёстким идеологическим контролем, у большинства селян выработался комплекс равнодушия, отсутствия интереса к прошлому села и своих предков, потому и получился тот грустный провал в памяти. Между тем, о представительнице древнего благородного дворянского рода Натальи Гавриловны Ховриной напоминают селянам остатки каменной церкви, на строительство которой она потратила немало средств, и более того, в своём душевном порыве она продолжила добрую миссию, построив в селе в 1869 году еще одну церковь, двухпрестольную, деревянную, теплую.

Главный престол новой церкви - во имя Святой Троицы, а в приделе - в честь Скорбящей Божьей Матери. Ныне об этой церкви мало кто знает, но забывать этого нельзя!.. Нельзя забывать и о патриотке села дворянке Наталье Гавриловне Ховриной, и было бы справедливо, что за её доброту и заботу о духовности селян в её честь было восстановлено старое название улицы - Ховринская (или имени Натальи Ховриной), с тем, чтобы каждое поколение селян знало, что добрые дела не проходят бесследно и независимо от идеологической конъюнктуры остаются в народной памяти.

В этом же году, 4 февраля, в Жедяевке открылось земское одноклассное училище, и первой учительницей здесь была Ираида Ивановна Тихомирова, окончившая Казанское духовное училище. Училище просуществовало до сентября 1874 года. В 1879 году училище было открыто вновь, учительницей в нем была Австрийская подданная Екатерина Адольф Фон-Луч, окончившая курс Казанской Мариинской гимназии.

С 1883 года по ноябрь 1885 учителем в училище был Дмитрий Андреевич Наумов, вот эти учителя были у истоков образования, им было особенно трудно. Училище помещалось в наёмном каменном доме, классная комната имела 5 окон и была 7,4 x 6,7 метра, попечительницей училища была помещица Елизавета Александровна Ляпунова. В 1887 году в училище училось 47 мальчиков и 7 девочек, все русские и местные.

Любопытно, что учитель Жедяевского училища получал 200 рублей в год, а законоучитель 42 рубля. Законоучителем в училище был Михаил Яковлевич Смелков, священник здешней церкви. Церковное жалование в его приходе было скромное - 160 рублей в год, ещё меньше получали дьяк и псаломщик, так жалование у дьяка Ивана Разумовского было 50 рублей, а у псаломщика Константина Никольского - 53 рубля.

Кроме того, все трое получали земельное обеспечение из церковных 33 десятин пашни и 3 десятин луговой...

В 1891-годовалом году при Жедяевской церкви была открыта церковно-приходская школа, где обучались только девочки.

Примечательно, что к своему 200-летию в селе Жедяевка было 293 двора и 1411 жителей. В селе было волостное управление, квартира полицейского урядника, 5 лавок, одна казённая винная лавка, 12 ветряных мельниц, 3 крупорушки...

Для Жедяевки важное значение имел проходивший через село Симбирский коммерческий тракт, потому село имело предпосылки быть относительно зажиточнее и культурнее, но сказывалось отсутствие в селе базара. В юбилейном для села 1898 году здесь по церковному приходу родился 151 человек, а умерло 130, из них 65 младенцев до 5 лет. Обычно рождаемость перекрывала смертность, но вот в 1901 году по жедяевскому приходу родилось 149, а умерло 194, из них 166 детей в возрасте до 10 лет.

Слабая медицинская помощь, серость быта, периодические неурожаи говорят о том, что не все так просто было в жизни прежней Жедяевки.

За счёт крестьянского труда с его примитивным инвентарем никто в селе не разбогател, впрочем, исстари считалось, что тот, кто работал на земле, не мог позволить себе каждый день есть мясо, а мог тот, на кого работали другие. Примечательно, что по Российской статистике солдат съедал за год два пуда мяса, а крестьянин только полтора. В наше время, с наличием современных комбайнов и другой техники, трудно представить как тяжело приходилось нашим предкам, например, чтобы спяхать одну десятину (1,1 гектара), крестьянину приходилось пройти за сохой до 50 вёрст при этом приходилось постоянно направлять соху. Неудивительно, что благородный, но тяжёлый труд крестьянина – это вечная борьба за выживание, за скудный кусок хлеба... Промыслы в Жедяевке были развиты слабо, в селе заметно выделялись лишь те, кто удачно занимался предпринимательством, в основном торговлей...

Забегая вперед, отмечу, что в школьном краеведческом альбоме есть правдивые строки, как при Советской власти все предприниматели попали в немилость, у них отобрали все: шерстобойки, крупорушки, а конфискованное жильё приспособили под школу, клуб, правление колхоза...

Скромная, но примечательная строка в альбоме отмечает факт продажи имения здешней помещицы, вдовы штабс-капитана Ипполинии Ивановны Павловой Маркову. Ныне одна из достопримечательностей села – Марков сад - не сохранился. Надо отдать должное российским дворянам и другим состоятельным людям, которые пытались оставить потомкам в память о себе чудные сады, а барские и купеческие дома были образцами сельской архитектуры того времени. В саду Маркова стоял крытый железом просторный деревянный дом 14х16 метров, разделенный тремя капитальными стенами на пять комнат с 22 окнами, здесь же в саду был ещё дом и амбар...

Дореволюционная Жедяевка начинала тот затяжной переход от прежних, крытых соломой, небольших крестьянских изб к более надежным каменным строениям.

Несмотря на протекавшую у села тихую речушку Утку, жедяевцы пользовались водой из колодцев глубиной 4- 6 метров, у села было несколько болот, за лето загнивающих и пересыхающих...

По данным 1910 года в селе 1935 жителей.

Новая историческая эпоха в жизни жедяевцев наступила после Октябрьской революции. Смена власти и строя в Отечестве принесла в село волну глубоких перемен, и селяне с тревогой и надеждой воспринимали всякое нововведение. Все, что происходило в селах с созданием Советской власти, мы познаем из учебников по истории и краеведческого материала, написанных под бдительной цензурой или в угоду партийных идеологов. Потому все события были истолкованы с пользой для власти, что-то вообще умалчивалось, а народное критическое восприятие и устная память под угрозой репрессий безмолвствовали и с годами обеднялись.

Ныне стало возможно многое пересмотреть, переосмыслить, но не стало уже очевидцев, да и время сгладило пережитое, а новое поколение людей уже более спокойно воспринимает и Великий Октябрь, и комбеды, и Гражданскую войну, и продразвёрстку, и голод, и эпидемии, и тот грубый террор Сталинского режима, развязанный против своего народа.

Великий Октябрь, провозгласивший равенство для всех, на практике жёстко разделил общество на своих и чужих, а народ был втянут в кровавый водоворот обострившихся противоречий. Очевидцы проходивших событий вспоминали, что когда через село проходили белые, был расстрелян в Спаске Николай Алексеевич Мертвецов, у своего дома был убит Фёдор Мертвецов, был убит и председатель комбеда Егор Кошечкин, секли плетью Екатерину Филюшину и Козьму Кокурина. Так мирное провинциальное село на себе испытало всю опасность политических противостояний...

При советской власти в селе был создан сельский Совет. За счёт бывших помещичьих земель при новой власти жедяевцы получили земли во временное пользование значительно больше, но жёсткая продразвёрстка и очередной неурожай стали причиной начавшегося в Поволжье и селе голода. Жедяевцы очень тяжело перенесли голодный период, десятки селян умерли от голода, многие покинули село в поисках благополучных мест.

Из рассказа Петра Трофимовича Аношина: «Только к весне 1922 года до села дошла американская помощь, на каждого ребенка стали выдавать ежедневно 0,5 литра какао, выдавали хлеб и кукурузу».

Ныне об этой помощи не вспоминают, как и о многочисленных потерях от голода и эпидемий. Возможно, эта память малоприятна, ибо в народе нет примеров помощи от своей власти...

При НЭПе наметился подъём села, кроме установленной нормы земли на каждого едока, крестьяне получили возможность брать землю в аренду. Так, например, 15 марта 1924 года Андрей Осипович Загудаевский, Иван Сергеевич Бахвалов и с ними Иван Наумов, Степан Одинцов, Иван Платонов взяли в аренду на три года сад Маркова площадью 5,9 десятины (6,44 га) и усадебную землю. Стоимость аренды три рубля с каждой десятины, плюс по 20 копеек за каждое плодовое дерево при ежегодном

обследовании сада. В саду было 886 яблонь, 24 груши, 90 кустов малины, 25 кустов смородины, здесь же были декоративные деревья и кусты, изгородь деревянная на 410 саженой. Арендаторы внесли залог 50 рублей, обязались сдать сад загороженным и за каждое погибшее дерево платить в двойном размере. Дом и другие строения Маркова были разобраны и перевезены в Матвеевку в распоряжение Матвеевского волисполкома, куда стала относиться Жедяевка при новом административном делении.

В 1926 году в жедяевской кирпичной школе училось 59 мальчиков и 27 девочек, а учили их Борисова Нина Александровна и Строгонова Евдокия Фоминишна.

В том же году в селе было проведено новое межевание земельных обществ, было решено укрупнить сельские общества и из 13 бывших сделать всего пять. Укрупнение началось с 29 мая, так Озеровское и часть Блудовского объединились в одно под названием Восток, где стало 91 хозяйство, из них по оценкам слова было 70 бедняцких, 16 середняцких и пять зажиточных хозяйств, и на 572 едока было отведено 1144 десятины земли, из них 645 десятин пашни.

Черноруцкое общество и оставшаяся часть Блудовского объединились в Черноруцкое общество, в котором стало 86 хозяйств, из них 65 бедняцких, 15 середняцких и 6 зажиточных хозяйств, а на 395 едоков было отведено 1117 десятин земли, из них 738 - пашни.

Дурасовское, Роткирское, Руммельское, Струнинское общества объединились в одно - под названием «Свобода». В свободном обществе 107 хозяйств, из них 75 бедняцких, 31 середняцкое и одно зажиточное, на 459 едоков здесь пришлось 907 десятин, из них 778 - пашни.

Павловское, Карачевское, Ольгушенское, Наташинское (Ховринское) и Сатинское общества объединились в одно «Ховринское», в котором было 113 хозяйств, из них 71 бедняцкое, 35 середняцких и 7 зажиточных. На 505 едоков было отмерено 1038 десятин, из них 808 - пашни.

Пятое земельное общество под названием Государственное составляли бывшие государственные крестьяне; оно состояло из 75 хозяйств, из них 51 было бедняцкое, 21 середняцкое и 3 зажиточных, на 353 едока здесь пришлось 845 десятин земли, из них 624 - пашни.

Практически после объединения и введения новых названий старые границы и названия обществ стали изживаться. Впрочем, и новые названия долго не продержались, и ныне их никто не помнит. Нетрудно заметить, что по определению СКОВа, в селе не было кулаков, все крестьяне получили землю по установленной норме на количество едоков, потому если кто-то и добился каких-то достижений, то только за счёт умелого труда, или когда брали с разрешения сельского Совета дополнительно землю в аренду, или брались обрабатывать землю другим – исполу, и тут ещё стоит подумать, кто кого эксплуатировал...

Надо учитывать и то, что жедяевцы с трудом восстанавливались после трудного голодного года и последующих неурожайных лет. Даже в 1929 году в Жедяевке на 423 хозяйства было всего 216 рабочих лошадей, 321 дойная корова, 119 свиней, 1160 овец, 2120 голов птицы. Если это всё разделить на количество дворов, то получится довольно

скромно. Скромным был и сельскохозяйственный инвентарь селян: на все хозяйства Жедяевки было 212 однолемешных плугов, 50 двухлемешных, 242 деревянных бороны, 19 железных, 9 молотилок, 10 веялок... Впрочем, естественное стремление крестьян приобрести более производительные машины и инвентарь с целью облегчения своего тяжёлого труда обернулось для них впоследствии преследованием и раскулачиванием.

Ныне, спустя десятки лет, трудно осмыслить ту идеологическую линию партии большевиков, по которой на словах было стремление улучшить жизнь народа, а в реальной жизни всякая удача, всякое достижение крестьянской семьи ставило её под угрозу притеснений...

С ликвидацией НЭПа началось наступление на зажиточную часть крестьян, повышались налоги, налагались штрафы, как во времена комбедов, против более способной и зажиточной части селян настраивалась завистливая беднота. На село накатывалась волна сплошной коллективизации с главным лозунгом партии – ликвидации кулачества как класса. Потому срочно в селениях находили врагов- кулаков, причем, в эту категорию входили все, независимо от материального положения, если хозяйство было крепкое - то кулак, если бедное - то подкулачник, так что если кто-то невзначай косо посмотрел или возразил какому-то зарвавшемуся активисту, то жди неприятностей.

Борьба с кулаками по всей стране стала удобной отдушиной для нового режима. В своём неумении управлять теперь можно было всё списать на вредительство кулаков, их искали среди шахтёров, писателей, студентов, проводили чистки в комсомоле и в самой партии. Везде, где не получалось, где срывались планы, мерещилась злобная тень кулака. Собrania, митинги, пресса повсеместно неистово призывали к борьбе с кулачеством, этим увлеклись, это стало образом жизни, всюду расцветала подозрительность и тихое ползучее удовлетворение с крохотной надеждой: вот поймали очередного врага, значит, будем жить лучше...

На протяжении десятков лет наша советская литература и множество фильмов показывали однотипные сценарии, где были честные бедные и зловредные кулаки. Весь свой творческий талант авторы вкладывали в то, чтобы исказить действительность, убедить общество в правомерности проводимых режимом сомнительных мероприятий...

Сегодня со стыдом приходится удивляться, как общество поддалось этому тотальному обману, оставившему за собой столь трагический след в судьбах жителей наших селений...

Продолжительное время простые труженики не знали о секретной инструкции ЦИК СССР и Совнаркома от 4 февраля 1930 года, по которой определялся порядок раскулачивания. Крестьяне ещё с усердием работали, стараясь, чтобы в семье был достаток, а на места с верхов власти поступали уже жёсткие директивы на право раскулачивания крестьянских хозяйств, грубо разделяя их на три категории, давая по каждой твёрдые задания. Например, по бывшей Самарской губернии, куда при советской власти входило село Жедяевка, по первой категории предписывалось подобрать 1000 человек самых крепких по зажиточности крестьян. За естественное стремление жить лучше им грозило до 10 лет лагерей или расстрел, хотя они не совершили ничего преступного...

По второй категории требовалось подобрать 4000 человек, им грозило переселение в отдалённые районы. Эти цифры были распределены по районам и селениям. Если учитывать усердие чиновников и активистов на местах, то число репрессированных значительно превышало запланированную цифру, впрочем, несправедливые репрессии против беззащитных крестьян продолжались и далее.

Чтобы сломить сопротивление жедяевских крестьян, 7 марта 1930 года по статье 58 с конфискацией имущества были репрессированы Максим Андронов, 68-летний старик, вина которого заключалась в том, что он своим трудом сумел что-то скопить на свою старость. Были репрессированы Степан Одинцов, Николай Садовников. Благодаря этому грубому нажиму, организаторам колхоза удалось сломить сопротивление крестьян, и вслед за этими раскулачиваниями 19 марта в Жедяевке был образован колхоз «Путь к Социализму» – это тот самый путь горьких, неоправданных репрессий и притеснений, что оставил чёрную страницу в истории всего российского крестьянства...

Здесь краеведы отмечали, что первыми в колхоз вступили Василий Симонов, Анатолий Фишин, Павел Строганов, Григорий Кокурин и другие, а первым председателем колхоза был избран Александр Филиппович Маслов, впоследствии не избежавший репрессий...

Коллективизация жёстко ломала вековые устои крестьянской жизни, одновременно власти широким фронтом обрушились и на церковь, хранительницу традиций и духовности...

Иллюзия светлой жизни через разрушение «старого мира» увлекла многих. Так местные активисты Сергей Курочкин, Анфиса Наумова, Семён Бахвалов и другие, наученные и подталкиваемые властью, участвовали в снятии колоколов со здешней церкви. В дальнейшем вандализм властей продолжался – с церкви были сняты купола и полностью разобрана колокольня, здание же церкви стали использовать под склад, а ныне здесь колхозная мельница.

Тридцатые годы – годы испытаний селян на выживание. Практически с колхозным строем в село вернулось крепостное право, ибо колхозник был принудительно прикреплен к колхозной земле и не мог покинуть село. Между тем, пропаганда с большим торжеством отмечала те малые сдвиги, что происходили в колхозной жизни, умалчивая о жизни самих колхозников. Так в 1931 году колхоз получил первый трактор, и первым трактористом стал Павел Мертвецов. Идеологи умалчивали о том, что трактора были маломощные и очень непрактичные, потому требовали постоянного ремонта.

Колхозный строй не принёс пропагандированного улучшения жизни селян, скорее наоборот, их жизнь стала значительно тяжелее, и вся надежда на существование возлагалась на небольшой участок земли, выделяемый под картофель.

Чтобы не было ропота от колхозного беспредела, власти продолжали репрессии, периодически убирая недовольных. Так 30 декабря 1937 года, был арестован, а затем расстрелян Москалев Яков Михайлович. Вряд ли 68-летний крестьянин мог угрожать устоям власти, но вот для устрашения такая кандидатура вполне подходила. Ныне, спустя десятки лет, общественности с большой неохотой выдаётся информация о репрессированных, хотя власть сделала шаг к покаянию, признав террор необоснованным, но многочисленные сломанные судьбы уже не вернуть...

Тяжелым испытанием для жедяевцев, как и для всего Отечества, стала Великая Отечественная война. Многочисленные потери как-то заслонили горечь репрессий и унижений тридцатых годов. С 22 июня вся страна жила в большом напряжении, в постоянном ожидании новых потерь. Ныне в селе Жедяевка о войне напоминает лишь скромный монумент, поставленный павшим при защите Отечества односельчанам, а в районную Книгу Памяти занесены имена 97 жедяевцев. Наибольшие потери жедяевцы понесли в 1942 году – 44 человека... Трудно подобрать слова утешения, ибо за скупыми цифрами потерь – море слез, лишений и разбитых судеб. В селе, находившемся далеко от фронта, все заботы, все хлопоты легли на плечи женщин и подростков. Сколько же ими пережито за долгие годы войны, сколько тревог и мучительных переживаний пришлось перетерпеть, перенести, перестрадать. В отсутствие мужчин сели за трактора Прасковья Вахромеева, Александра Пекулова, Раиса Чижевская, Елизавета Березова.

Трудно было жедяевцам и после войны - непосильные налоги, пустой трудовой день, голодная жизнь.

Лишь после смерти Сталина в сельской жизни наметились положительные сдвиги: были отменены частично налоги, с колхозов списали долги, были повышены закупочные цены на колхозную продукцию, увеличены государственные расходы на социальное развитие села, впервые были введены пенсии колхозникам.

Неудивительно, что за 1953-1958 годы прирост сельскохозяйственной продукции составил 34% по сравнению с предыдущим пятилетием. Страна переходила от принудительного, рабского труда и массовых репрессий к поиску стимулирования в оплате труда и жизнь постепенно стала налаживаться.

Из череды прожитых лет пытаюсь выбрать самое значимое. Вот короткие строки из сельской хроники:

В 1949 году Жедяевская школа становится семилетней.

В 1953 году произошло укрупнение сельских Советов, после чего к Жедяевскому сельскому Совету присоединились Кокрятский и Березовский.

В 1957 году колхоз «Путь к Социализму» объединился с колхозом имени Крупской (Березовка) и стал называться «Родина».

В 1959 году в Жедяевке 807 жителей.

Перебирая данные разных лет, можно отметить, что жедяевцы периодически имели неплохие показатели. В 1966 году орденом Ленина был награжден председатель колхоза Геннадий Лаврентьевич Овинцев, орденом Красного Знамени награждена доярка Анна Константиновна Чередица. Ныне в колхозе 24 заслуженных колхозника, их имена достойно вошли в историю села.

С ведением денежной оплаты труда колхозников, начался медленный подъем уровня жизни жедяевцев, хотя зарплата колхозников была заметно ниже городского рабочего. В 1966 году районная газета «Ленинская искра» писала о семье Александра Галкина, который целыми днями пропадал на работе, получая за месяц 100 рублей, его жена Валентина - доярка, надоившая по 2692 килограмма от каждой закрепленной коровы,

получила 75 рублей в месяц. Для колхозников в ту пору это были неплохие деньги, хотя городские рабочие получали зарплату в два раза выше...

И всё же что-то менялось к лучшему, и за весь долгий путь к своему 300-летию в селе построены сельский Дом культуры на 300 мест, школа, рассчитанная на 320 учеников, детский сад, водопровод и многое другое. Жедяевка значительно изменилась, исчезли соломенные крыши, гумны, плетни. В селе в 1998 году 216 дворов и 556 жителей.

Важная для села асфальтированная дорога, связывающая район с Татарстаном, привычно пересекает Жедяевку на две части: южная - самая старая часть, еще хранит свое первоначальное название – Паны. В этом названии отражена значительная часть истории села, потому название Панская следовало бы сохранить - оно может стать одним из самых примечательных исторических памятников в селе. Северная от дороги часть села практически утратила старые названия улиц (концов). Нынешние старожилы с трудом вспоминают некоторые из них: Корнетчину, Кудрявщину, Карачево... Названия, в общем-то, не составляющие большого секрета. Например, Кудрявщина получила свое название по фамилии помещицы Авдотьи Кудрявцевой, которая имела здесь владения ещё в 1770-ых годах. И хотя в селе Кудрявцевых давно нет, а вот название сохранилось до наших дней. Держится название и Корнетчина, хотя оно получило название не по фамилии, а по званию, так как здесь имела владение корнетша Екатерина Ивановна Васильева, фамилия которой со второй половины 19 века в селе не числилась... Более известные названия Карачево, Ховрино до своего раздела составляли одно Ховринское владение. К сожалению, эти и другие названия не могут объяснить сами селяне. Видимо, в погоне за лучшей жизнью жедяевцы десятки лет доверчиво шли по пути бесчисленных реформ и экспериментов, беспечно переступая некий нравственный порог, за которым осталась в забвении большая часть памяти и внимания к истории своих предков.

Сегодня надежной опорой материального благополучия селян стал колхоз «Родина». Безусловно, колхоз за свои 68 лет значительно возмужал, на сегодня здесь 6945 га земли, из них 5482 - пашни. Уже много лет колхоз имеет стабильные показатели, хотя проводимые реформы и паритет цен на сельскохозяйственную продукцию в сравнении с промышленной отрицательно сказался на производстве продукции сельского хозяйства. И все же колхоз «Родина» выстоял – благодаря своему трудолюбию, четкой организованности, благодаря дальновидности и умению председателя колхоза, заслуженного работника сельского хозяйства Российской Федерации и почетного гражданина Ульяновской области Сергея Сергеевича Салмина.

Деревня Айбаши

Около 4 вёрст восточнее Жедяевки на левом низменном берегу реки Утки раскинулась небольшая деревня Айбаши. Центральная улица в деревне прямая, широкая, чистая, словно проспект. Дома старой постройки, но ухоженные, места здесь чудесные для жизни и отдыха, лес под рукой, но сегодня здесь трудно найти работу, и жители держатся больше за счёт пенсий и своего подсобного хозяйства.

Вникая в проблемы деревенской жизни, с трудом верится, что этой небольшой уединённой деревушке уже более 300 лет. Сколько же поколений сменилось здесь, сколько человеческих судеб ушло в безвестность... Из исследований профессора Перетятковича, деревня образовалась в 1685 году, когда на реку Утку переселился мордвин из деревни Чюкалей Алатырского уезда, к которому присоединились шесть

выходцев из деревни Бессоновой Казанского уезда. Первые поселенцы дали деревушке странное, трудно объяснимое название – Айбаши, явно не

русского происхождения. Однако мордовских переселенцев здесь не осталось, вероятно, их выселили под поселение шляхтичей, но и поляки здесь не задержались. Потому Айбашинские земли больше известны как владение помещика Наумова, который переселил сюда крепостных крестьян, потому обновлённую деревню называли еще Загудаевский выселок, или просто Загудаевка, ныне это название не употребляется.

К 1859 году в Айбашах (Загудаевке) 20 дворов и 207 жителей, а из 2676 десятин барской земли лишь 336 десятин отводились на крестьян

крестьянские наделы. Примечательно, что процесс освобождения здешних крестьян от крепостного права в деревне затянулся. Лишь с 1871 года они перешли в разряд собственников, но количество наделной земли у них уменьшилось до 256 десятин. Деревня относилась к Кокрятскому церковному приходу, а административно - к Жедяевской волости Спасского уезда Казанской губернии.

В 1908 году в деревне 68 дворов и 411 жителей, здесь две торговые лавки. До революции айбашцы, кроме своих доходов от крестьянской деятельности, имели возможность дополнительно найти работу на Кокрятском винокуренном заводе. В этот благоприятный период крестьяне деревни строят себе добротные каменные дома...

После Великого Октября началась новая, не лучшая эпоха в истории деревни. В 1918 году в деревне был образован сельский Совет. Тревожные дни революционных перемен, жёсткая продразвёрстка, голод, эпидемии привели к резкому ухудшению материального положения здешних крестьян. В 1929 году в деревне Айбаши 113 хозяйств и 535 жителей, у крестьян было 75 лошадей, 132 коровы, 45 свиней, 228 овец и во временном пользовании 684 гектара пашни.

Нетрудно заметить, что деревня, несмотря на лучшее земельное обеспечение, еще полностью не восстановилась после трудных лет, а впереди их ожидало новое серьёзное испытание – коллективизация. Именно колхозный строй определил дальнейшую, сложную судьбу жителей деревни. Хроника последующих лет лишь констатирует этапы последовательного падения деревни.

1930 год. В деревне образован колхоз под названием «Путь к Коммунизму». К сожалению, это многообещающее название в реальной жизни принесло лишь много разочарований и горький иронический осадок. В тот же 1930 год Айбашский сельский Совет был упразднен, а деревня стала относиться к Кокрятскому сельскому Совету.

1941-1945 годы, тяжёлые годы войны, годы людских потерь и тревожных ожиданий. В районную Книгу Памяти занесены имена 43 айбашцев, не вернувшихся с войны...

1958 год. Айбашинский колхоз «Путь к Коммунизму» присоединен к Матвеевскому колхозу «Память Ильича». Практика показала, что всякое присоединение имело отрицательные последствия, как правило, деревня численно уменьшалась. Если в 1959 году в деревне Айбаши 417 жителей, то в 1979 году - 203 жителя, а ещё через 20 лет, в 1999 году, в деревне в 32 хозяйствах остался 61 житель. Словно в насмешку

обезлюженную деревню с чьей-то лёгкой руки занесли в районный Устав как село, хотя Айбаши по всем критериям остаются деревней.

Бросается в глаза то, что сегодня, у рубежа второго тысячелетия, деревня практически потеряла свое высокое предназначение и рабочие места, и ныне трудно предсказать её дальнейшую судьбу...

Село Кокрять Село Матвеевской сельской администрации, расположено в 35 километрах к северо-востоку от Старой Майны.

В трёх верстах к северу от деревни Айбаши и в трёх верстах от села Жедяевка по Симбирскому коммерческому тракту, на правом берегу той же тихой речушки Утки, вдоль края высокой надпойменной террасы расположилось старое крестьянское село Кокрять. В древности, во времена Волжско-Камской Болгарии, восточнее нынешнего села, на клиновидном мысу было крупное, хорошо укреплённое городище. При нашествии татаро-монгольских орд в 1236 году это городище было разорено и разрушено. Археологи находили на месте городища множество различных предметов: бронзовые украшения, обломки стеклянных браслетов, бусин, костяные и железные наконечники стрел, ручной каменный жернов и другие предметы. Вероятно, после нашествия городище возрождалось – здесь найдены монетный клад, относившийся к 14 веку, золотоордынский могильник... Но последующие набеги завоевателей окончательно разорили древнее городище...

Современная история села Кокрять началась в царствование Алексея Михайловича, который был заинтересован в освоении заволжских земель бывшего Казанского ханства, переселяя сюда иноземцев. Однако старое кокрятское городище заселять иноземцами он не разрешил, а поселил сюда мордовских поселенцев из Нижегородского и Казанского уездов.

Дотошные старожилы и краеведы по-разному пытались разгадать смысл и происхождение названия села. Название пытались разложить на части, подгоняя желаемые и понятные варианты. Так было КАК-РАТЬ или КОК (нули)-Рать, впрочем, наличие древнего городища будоражит фантазию, давая возможность подобрать удобную легенду. Однако первые поселенцы называли селение просто Уткой - по реке. Так Меншотка Шапунин при опросе в 1699 году рассказывал, что родина его в деревне Акузовой Нижегородского уезда, сошел в деревню Утку 30 лет назад, и платил он тягло в Казани с четверти ясака, с ним пришло еще 3 мордвина и 2 бобыля из Казанского уезда. Вот этот факт и стал подтверждением того, что село основано в 1669 году, и то, что оно изначально называлось Уткой.

Мордовские поселенцы занимались земледелием, скотоводством, бортничеством и разными ремёслами, с любовью обживая здешние земли. Однако в 1698-99 годах по указу Петра и мордовские поселенцы (47 дворов) были выдворены отсюда в верховье реки Урень, а их земли были отданы Казанским иноземцам – польским шляхтичам. Так, ротмистр Семён Игнатьевич Бухановский получил здесь 80 четвертей, хорунжий Михаил Тимофеевич Косовский и 29 рядовых шляхтичей - по 60 четвертей в каждом из трёх полей по обеим сторонам реки Утки, от городища к реке Бездне 370 десятин покосов и еще 100 десятин между Майнским и Уткинским устьем, с усадьбами в деревне Утке...

Вскоре, в отличие от других деревень с аналогичным названием Утка, поселенцы стали называть свое селение Утка-Кокрячь, которое позднее трансформировалось в Кокрять... Впрочем, село имело и другое малоизвестное название – Алань, что в некоторых местах старой России означало луг, пастбище, травянистое место...

С постройкой в деревне в 1776 году деревянной церкви с престолом во имя святых бессребреников Космы и Дамиана село стало называться ещё и Космодемьянское, а от него и древнее городище стало называться Космодемьянским...

Четвертное земледелие в селе Кокрять не прижилось. Поляки, получившие свои наделы на дворянских правах, имели возможность выбора - продать свои жалованные наделы, обменять, заложить или просто бросить их, находя более благоприятные для себя места.

Известно, что к 1771 году село Кокрять (Космодемьянское) находилось во владении Степаниды Петровны Микулиной, у которой здесь было 23 мужских крестьянских души. Другая часть села была во владении Льва Ивановича Молостова, имевшего здесь 197 душ. Позднее село перешло во владение Наумовым, с которыми и связана большая часть истории кокрятских крестьян.

В 1814 году на средства Михаила Михайловича Наумова в селе была построена новая церковь. Среди краеведов бытует версия, что она построена в честь победы России над французами в Отечественной войне 1812 года. Церковь каменная, холодная, с прежним престолом во имя Святых Космы и Дамиана. Интересно, что сын Михаила Михайловича, отставной гвардии ротмистр и кавалер Евграф Михайлович Наумов был в 1854-1856 годах предводителем уездного дворянства. При нём заметно увеличилась численность села. Если в 1816 году в Кокряти было 719 жителей, то по данным 1859 года здесь было 110 дворов и 1134 жителя. Из 3520 десятин Наумовской земли на крестьянские наделы отводилось 1923 десятины.

После отмены крепостного права доля крестьянской надельной земли уменьшилась до 1374 десятин, и хотя земельное обеспечение здесь оставалось сравнительно хорошим, но всякое уменьшение наделов встречалось болезненно и подогревалось слухами, потому кокрятинцы приняли участие в Безденском восстании крестьян, где при расправе над восставшими двое крестьян из села Кокрять были убиты...

С 1863 года крестьяне села после совершения покупной сделки стали собственниками...

Административно село Кокрять относилось к Жедяевкой волости Спасского уезда (31 верста) Казанской губернии (140 вёрст).

В 1883 году помещица Надежда Михайловна Наумова построила в селе земскую школу. Законоучителем в ней был Григорий Андреевич Степаницкий, учителем - Андрей Захарович Тимохин, закончивший Казанскую учительскую семинарию. В школе училось 28 мальчиков и 1 девочка, все русские. Законоучитель получал 42 рубля в год, а учитель - 200 рублей.

Кроме земской школы, в селе в 1883-1885 годах была церковно-приходская школа, устроенная священником Степаницким, получавшим от земства по 4 рубля за каждого окончившего курс ученика. Может, по Божьей воле за его труды праведные сегодня,

спустя более ста лет, пережив сложный период воинствующего атеизма, когда варварски глумились над храмами и погостами, чудом уцелело небольшое каменное надгробие с крестом, где сохранилась надпись: «Священник Григорий Андреевич Степаницкий, умер 19 мая 1889 года 73 лет от роду».

В 1889 году Кокрятская церковь, на радость прихожан, была обновлена и расширена. В трапезной устроены еще два престола. В левом, тёплом приделе - во имя Святой Великомученицы Екатерины, а в правом, тоже тёплом - в честь Вознесения Господня. И хотя Кокрятская церковь не блистала изяществом архитектуры, но для прихожан она по своему своеобразна и неповторима, а её удачное расположение на краю горы придает ей дополнительный эффект восприятия...

В период обновления церкви священником в ней был Алексей Иванович Анонимов с окладом 300 рублей в год, получавший дополнительно, как все священнослужители, надел церковной земли и сенных покосов из церковных 33 десятин пахотной земли и 8 десятин луговой...

Сегодня у церкви сохранилась могила с простеньким металлическим крестом, поставленным в советский период. Приверженцы церкви считают, что здесь покоится прах Екатерины из села Танкеевка, на средства которой будто была расширена и обновлена церковь. Эта версия мало вероятна, но в неё хочется верить. Из состоятельных Екатериин Танкеевки известна лишь дворянка Екатерина Ермолаевна Блудова (Тишина), мать известного государственного деятеля графа Дмитрия Николаевича Блудова, который и сам не жалел средств на православные храмы. Однако Екатерина Ермолаевна умерла задолго до обновления Кокрятской церкви, потому более вероятно, что средства на обновление церкви могла выделить в память о Екатерине Ермолаевне её внучка, Антонина Дмитриевна, известная общественная деятельница. В любом случае, в версию заложена та накопительная доброта старинного русского дворянского рода Блудовых и то чудесное совпадение имён помещицы с Великомученицей Екатериной, которые тронули сердца простых прихожан и несмотря на то, что в советский период партийные идеологи развязали массовую истерию ненависти к дворянству, рядовые труженики в знак особой признательности восстанавливают, как они считают, Екатерине, скромный памятник в виде простого креста, сохраняя в эстафете устной памяти душевные порывы наших добрых предшественников...

В 1899 году, на грани века, в селе построили новую, крытую железом, деревянную, на каменном фундаменте школу. Жизнь в селе постепенно менялась к лучшему, хотя в крестьянской жизни всегда возникали неожиданности.

Из трудных лет в истории села можно выделить 1864 год. В этот год по Кокрятскому приходу родилось 69, а умерло 110 человек, из них 86 детей в возрасте до 5 лет. Очень трудными для селян были 1890-е годы. Например, в 1894 году родилось 120, а умерло 168, из них 136 - дети до 10 лет...

В 1908 году в селе Кокрять 348 дворов и 1374 жителя, здесь 5 лавок, 6 ветряных мельниц...

Большое значение в жизни селян имело промышленное предпринимательство самарских воротил, братьев Наймушиных. Старожил села Андриан Игошин рассказывал, что трудовая жизнь в селе бурлила, словно многоводная река. Под горой, напротив

Старой улицы, был известный в округе Винокуренный завод Наймушиных, на котором при 15 рабочих выкуривалось до 50 тысяч вёдер спирта. Здесь всегда была работа. К примеру, здешние крестьяне охотно подряжались в извоз - возить бочки с вином и спиртом до Казани. В лесу у Наймушиных была лесопилка и паровая мельница...

Важное значение для селян имело то, что через село проходил Симбирский коммерческий тракт, да и до Матвеевского базара было недалеко.

Село Кокрять всегда отличалось чистотой, поскольку почва здесь песчаная. Центральная улица, идущая вдоль горы, и на которой стоит церковь, условно делится на два конца: западный её конец назывался Комаровкой, а восточный - Рыжной конец. Поперек этой улицы, начиная с западной части, идут улицы Молославка, Новая, Старая и Петроград, за которой было древнее городище. Параллельно центральной, к северу была улица под названием Конопляновка, а с юга, под горой, была еще улица Подгорная... Церковь стоит на пересечении центральной улицы с Новой. С любой стороны села открываются прекрасные виды местного ландшафта. С севера - ровная долина с виднеющимся селом Матвеевка, с востока, за городищем, темнел кокрятский лес с прекрасными грибными угодьями, с юга с высокой горы далеко просматривается вся чудная панорама с деревней Айбаши и рекой Уткой, с запада - тоже лес...

Одежда, обувь, привычки кокрятцев мало чем отличались от повсеместных. Лишь в разговоре можно было отличить их по едва уловимому характерному диалекту, когда они подменяли букву «а» на «у», например, вместо слова «канава» проскальзывало «кунава»...

После Октябрьской революции, в 1918 году, в селе был создан сельский Совет. При новой власти изменилось административное деление, и село Кокрять стало относиться к Матвеевской волости Мелекесского уезда Самарской губернии.

Советский период в истории села оказался сложным и драматичным. Селяне с трудом пережили голод, лишь отчасти помнят НЭП, с годами все сгладилось и забылось, уходят без внимания в небытие свидетели тех трудных событий.

Каждый штрих, каждое событие из жизни селян со временем имеет свою ценность, ибо они характеризуют положение селян в разные исторические периоды.

В 1926 году в здешней школе училось 87 учеников, из них 17 из деревни Айбаши, учительницей в то время была Задонская Анна Яковлевна.

В 1929 году в селе 315 дворов и 1366 жителей, на это время у селян было 256 коров, 157 взрослых лошадей, 549 овец, 68 свиней и 1752 десятины пашни...

Нетрудно заметить, что село Кокрять было многолюдным, но в последующие 70 лет, идя по единственно верному пути, без альтернативных реформ, село приблизилось к роковой черте.

Кокрятинцы не избежали силой навязанных, чуждых крестьянству преобразований, опустылевших дальнейшую сельскую жизнь... Не считаясь с желанием селян, в селе закрыли церковь, сняли колокола, создали колхоз «Искра». Унижениям и репрессиям подверглись многие кокрятинцы. Конечно, среди них были приверженцы и служители

церкви. В 1933 году были арестованы Балахонцева Мария, Гришина Анна - обе монашки, Данилин Иван Фёдорович; в 1936 году арестован Заболотнов Петр Андреевич, в 1937 году - Агров Владимир Иванович, все служители религиозного культа...

В 1935 году бесцеремонно было распахано уникальное древнее городище...

О тридцатых годах, с введением колхозного строя, в памяти остались больше грустные, тяжёлые воспоминания: нищета, рабский труд, ложь, страх и унижение. В сороковые эти обстоятельства были отягощены ещё и трагедией войны - в село не вернулось 68 кокрятинцев...

Некоторым утешением селянам за их муки и страдания стало открытие в октябре 1946 года здешней Космодемьянской церкви. Надо помнить участие простой русской женщины Калинихи (Курыловской), которая износила не один десяток лаптей, пока хлопотала перед районным руководством за открытие церкви. Впрочем, были и другие. Так учитель Кошкин забросал обком письмами с просьбой о скорейшем сломе храма, доказывая его ветхость и ненужность. Видимо, в жизни каждый ищет свой путь к удовлетворению, одни вдохновенно создают дворцы, храмы, пишут картины, другие всё разрушают, уничтожают, находя в этом какое-то бесовское блаженство... С запретом колокольного звона в кокрятском храме несколько успокоились воинствующие безбожники, но не стало и красоты малинового звона, чем исстари гордилась наша Россия...

Постепенно село Кокрять теряет свое значение. Так, в 1953 году здесь был упразднён сельский Совет, село стало относиться к Жедяевскому сельскому Совету, а с 1958 года - к Матвеевскому. В этом же году районное руководство объединило колхозы Матвеевки и Шмелевки, Айбаш и Кокряти в один - «Память Ильича» с центральной усадьбой в селе Матвеевка. С 1963 года этот колхоз стал носить название имени Крупской.

Ещё до революции в селе умели делать кирпич, имея возможность строить себе кирпичные дома. Где-то в 1954 году в селе, под горой, открыли кирпичный заводик, где труд был несколько механизирован, но в середине семидесятых его ликвидировали... Трудно объяснить действия районного руководства, настойчиво изводившего кирпичное производство в районе. Неужели возить кирпич за сотни километров стало выгодней?.. Без должного внимания село постепенно обезлюдело. Если в 1959 году в селе было еще 504 жителя, то через двадцать лет осталось 193, а ещё через двадцать лет, в 1999 году, в селе в 46 хозяйствах осталось 74 жителя.

Ныне село Кокрять электрифицировано, есть здесь водопровод, рядом с селом проложена асфальтированная дорога, но всё это сделано с большим опозданием, ибо до того люди вынуждены были под любым предлогом бежать от колхозного ярма. И в селе остались преимущественно престарелые, потому с каждым годом село приближается к роковому порогу исчезновения. Хотя есть надежда: пока действует Божий храм, село будет держаться до новой, здоровой государственной политики, до возрождения Российского крестьянства, когда новое поколение людей получит возможность почувствовать себя здесь полноправными гражданами Отечества - и тогда начнется возрождение старого села...

Село Матвеевка

Село - центр сельской администрации, расположено в 40 километрах к северу от Старой Майны. В селе: Дом культуры, участковая больница, центральная усадьба колхоза имени Крупской.

Листая странички истории села, невольно находишься в каком-то трепетном ожидании неожиданности. Так в песчаном карьере у села был найден клад монет 8-10 веков. Старожилы рассказали, как местные ребята бесшабашно забавлялись древними монетами, не придавая им какого-то ценного значения. Ещё на территории села было найдено болгарское надгробие 14 века. Эти редкие археологические находки лишь незначительно приоткрывают безмолвие далёкого прошлого, забытого и мало изученного...

Современная история села Матвеевки началась в 17 веке. Она не балует громкими именами, знатными людьми, грандиозными дворцами или интригующими легендами. У этого села простая, обычная история, и всё же для самих матвеевцев прошлое их села заслуживает внимания, оно притягивает пониманием каждого, казалось, незначительного для чужих события. И за скупыми строками статистики и сохранившихся воспоминаний приоткрывается большой пласт напряжённой жизни многих поколений с их надеждами, болью и радостью, увязанных в крепкий узел неразгаданной душевной привязанности...

Исследователь Среднего Поволжья профессор Перетяткович считал, что Матвеевка основана в 1679 году мордовскими переселенцами из Нижегородского, Алатырского и Саранского уездов. Здесь, на левом берегу небольшой, тихой речушки Ясачки и Безымянного оврага, недалеко от реки Утки, в среднем её течении и была образована Матвеевка. Интересно, что среди первых поселенцев были тягловые мордва из деревни Акузовой - из той самой деревни, из которой на 10 лет раньше переселились несколько человек в деревню Кокрять. Видимо, слухи о наших привольных местах заставляли людей сниматься с прежних мест на новые. Еще в Матвеевку переселяются 5 человек из деревни Пожарки Алатырского уезда...

Ныне за давностью лет трудно сказать, почему собранные с разных уездов поселенцы назвали образованную деревню Матвеевкой. Сегодня бытует версия, по которой деревня получила название от имени Матвей – Матвеева деревня, вероятно, одного из первых и авторитетных поселенцев.

Первые жители Матвеевки – мордовские инородцы, люди старательные, заботливые и на всё способные. С большими надеждами они переселились сюда, но укорениться на здешних землях им не пришлось. В 1698-99 годах они были выселены по указу Петра и частью в деревню Ясашное Помряскино (новокрещенцы), а мордва-язычники - в деревню Богдашкино в верховья реки Урень (ныне деревня Чердаклинского района). Здесь же, на освобожденных мордовских землях были поселены 17 казанских иноземцев, состоявших из польских шляхтичей и казаков, взятых в плен при освобождении Смоленска. Новые поселенцы были все из рядовых (Погоский, Ермолинский, Карась и другие), получившие по 60 четвертей (30 десятин) в каждом из трёх полей. С 1714 года эти поселенцы назывались однодворцами.

Следом за польскими поселенцами свободные матвеевские земли приобрели помещики, перевезя сюда с других мест русских крестьян, потому число жителей в

Матвеевке быстро увеличилось. Со временем поляки полностью обрусели, сохранилась лишь часть польских фамилий - так здесь живут Цибульские, Козловские, Мальковские...

В 1792 году в Матвеевке построили деревянную однопрестольную церковь во имя Рождества Христова, это событие было значительным для селян, потому село стало часто называться по церковному престолу – Рождественское. Это название сохранялось за селом наравне с названием Матвеевка до середины 19 века, после чего стало встречаться реже, ныне об этом названии села никто не вспоминает.

В 1795 году в Матвеевке 97 дворов и 635 жителей, всего за селом было 4792 десятины земли. В селе, кроме однодворцев и казённых крестьян, было несколько мелкопоместных помещиков. Например, добротный одноэтажный деревянный дом имела помещица Матюнина Варвара Матвеевна, у которой было 12 крестьянских дворов и 41 крепостная душа; у поручика Фёдора Захаровича Полина - 17 дворов и 120 душ; здесь же было владение надворной советницы Агафьи Ивановны Дмитриевой и т. д. Однако с годами в селе сменилось поколение помещиков, и обновился его состав. Например, к 1816 году в Матвеевке (Рождественном или Христорожественном) имели владения титулярная советница Мария Ивановна Афанасьева, губернский секретарь Николай Иванович Бекетов, коллежский асессор Александр Васильевич Дмитриев, надворный советник Николай Фёдорович Матюнин, поручик Николай Фёдорович Иглин, который был предводителем уездного дворянства в 1818-1820 годах, и другие.

В последующие годы большая часть помещиков сменилась или выселилась на новые усадебные места, по этой причине резко колебалась численность села.

К 1859 году в Матвеевке (Рождественском) всего 66 дворов. К этому времени в селе сложились 4 крестьянские общины, потому село, вытянувшись вдоль Большой улицы, разделялось на 4 части. Наибольшей была община Государственных крестьян, по-уличному - Паны, так назывался восточный конец села, насчитывавший в то время 240 жителей, на которых приходилось 523 десятины надельной земли. Паны - самая старая часть села, именно здесь и жили изначально все поляки - паны, оттого и название конца. Если прикинуть для сравнения земельное обеспечение Панов в среднем на едока, как это делалось в советский период, то ориентировочно получалось на каждого по 2,2 десятины, это относительно неплохо. Незначительна была община госпожи Францевой – всего 4 двора и 15 душ.

Средняя часть села называлась Киселёвкой, здесь была крестьянская община помещика Александра Григорьевича Киселёва, который все свои 500 десятин отводил на крестьянские наделы, ибо его крестьяне были оброчные, потому вместо барщины платили оброк. Если взять в среднем на едока, то получалось, что на 92 человек здесь приходилось 500 десятин, или около 5,5 десятины на едока...

Западная часть села, примыкавшая к реке Ясачке, называлась Аристовский конец. В крестьянской общине помещицы Елизаветы Фёдоровны Аристовой на 145 душ приходилось 276 десятин земли, или в среднем по 1,9 десятины на едока, это тоже неплохо. Хотя нетрудно заметить, что аристовские крестьяне были обеспечены землей несколько хуже других, однако взамен они имели определенную компенсацию - здесь, с южной стороны на пустыре, был базар, и потому Аристовский конец назывался еще и Базарным.

Матвеевцы жили относительно крепко, что позволяло им строить каменные (кирпичные) дома. Предположительно, что первоначально кирпич привозили со стороны, но позже его делали и сами, привлекая мастеров лишь для его закалки. Матвеевцы в основном занимались земледелием и животноводством, побочные ремесла и промыслы здесь были развиты слабо.

Большое значение для селян имел Симбирский коммерческий тракт, проходивший через село, потому Матвеевка являлась важным торговым пунктом, через который шли товары с Казани, Симбирска и Самары. От торговли село становилось зажиточнее и культурнее.

Матвеевский базар бывал по вторникам и славился большим разнообразием. Самые богатые базары здесь бывали перед праздником Рождества и вообще - осенью и зимой, затем шли весенние, и самыми скромными в ассортименте были летние базары. Ассортимент матвеевского базара для того времени был довольно широк: здесь можно было купить мед, масло, сало, рыбу, мясо, хлеб, сырые кожи; мелочные товары: соль, спички, свечи, дёготь, лапти, мыло... Цены колебались в зависимости от спроса и времени года. Например, в 1859 году масло коровье стоило 4 – 5,5 рубля за пуд, мёд - 8-10 рублей за пуд, сало – 4,30 рубля за пуд, мыло - около 3 рублей за пуд, масло ламповое 3-5 рублей за пуд, рыба весом до 2 кг за пуд 2 рубля серебром, мелкая - 1,25 за пуд, холст на мешки 3-4 копейки за аршин, полотна ткацкие по 15-17 копеек за аршин, полушубки - от 7 до 25 рублей серебром за штуку, в зависимости от выделки, кирпич - по 9-10 рублей за тысячу, лошади (заводские) - от 50 до 200 рублей...

Наличие базара позволяло многим матвеевцам иметь заезжие дворы, широко здесь было развито и маклерство. Матвеевский базар славился скотным рядом, сюда сводили скотину для продажи со всех соседних селений - в этом шумном скопище коров, телок, бычков, коз и лошадей заметной и авторитетной фигурой был маклер. Без маклера просто так не продашь и не купишь, маклеры умели управлять базаром, потому и шли к маклеру заранее договариваться о помощи. В базарный день такой маклер, при поддержке своих коллег, творил чудеса, умел продать за хорошую цену любую тощую скотину. Надуть, одурачить, разыграть и обвести, как говорят в народе, вокруг пальца, оставить в дураках какого-нибудь податливого простачка маклеры были большие мастера... Лошадёнка, может, чуть на ногах держится, а маклер уверенно, насильно задирает ей голову, треплет её вверх и вниз, имитируя её ревность, искусно убеждая покупателя, что он чуть сдерживает её пыл, а его коллега тем временем незаметно тычет лошадке под бока, так, что лошаденка невольно дергается, словно молодая, необъезженная... Обходя недостатки, маклер засыпал податливого покупателя потоком достоинств продаваемой скотины, уверяя, что за неё можно дать и больше. Маклер умел руководить вниманием покупателей, создавая благоприятную для себя обстановку, продавая порой клячу за приличные деньги. В то же время рядом крестьянин не мог продать хорошую скотину или продавал её за более низкую цену, потому что маклеры старались мешать мужикам самостоятельно торговать, отвлекая покупателей и находя у вполне здоровой скотины какие-то несущественные изъяны и недостатки...

После реформы 1861 года в селе сохранилось общинное земледелие, но количество наделной земли у матвеевских крестьян уменьшилось до 919 десятин. Кроме того, крестьяне были недовольны переходным периодом, на который сохранялись прежние правила, и тем, что землю надо было выкупать на протяжении многих лет, что послужило

поводом для участия матвеевских крестьян в Бездненском восстании, при подавлении которого один крестьянин из Матвеевки погиб...

Административно село Матвеевка относилось к Жедяевской волости Спасского уезда Казанской губернии.

Примечательно, что после отмены крепостного права повсеместно делаются первые попытки к обучению крестьянских детей грамоте. Так с 1869 по 1871 годы в селе Матвеевка было образовано земское училище грамоты, которое позже перевели в деревню Шмелёвка. Обучение изначально проходило туго, крестьяне недопонимали необходимость грамоты, потому учиться своих детей отпускали с неохотой. Тем не менее, в 1884 году в селе на 123 хозяйства и 744 жителя открывается земская школа, помещенная в собственном доме, устроенном крестьянами. Школа имела 7 окон, но была сравнительно небольшой, так единственная классная комната была квадратной со сторонами в 5,6 метра, попечителем школы был помещик из Шмелёвки Александр Владимирович Бекетов, законоучителем - дьякон Степан Логинович Козлов, учителем - Григорий Порфирьевич Тренин. В школе училось 55 мальчиков и 8 девочек, из них 25 мальчиков и 2 девочки из деревни Шмелёвка. Интересно, что учитель в матвеевской школе получал 200 рублей в год, а законоучитель 42 рубля...

Матвеевская школа называлась одноклассной потому, что комната, в которой занимались ученики, была одна, но учились здесь три группы, или в современном понимании - три класса одновременно. При сравнительно упрощённой программе обучения такой метод вполне себя оправдал, ибо за счёт многократного повторения повышалась усваиваемость пройденного материала.

К сожалению, не все дети доживали до школы. Очень напряжённый сельский образ жизни при примитивном инвентаре требовал от женщин много времени и больших физических и психологических перегрузок, поэтому дети рождались ослабленными, к тому же часто родители были вынуждены оставлять младенцев под присмотром более старших детей или престарелых старух, которые сами нуждались в присмотре. Надо учесть и слабый уровень медицинского обеспечения, потому детская смертность была высокой. Например, в трудный 1901 год по здешнему приходу родилось 184, а умерло 217 человек. Такая высокая смертность заставила земство построить в том же 1901 году в селе больницу – лечебный деревянный корпус, крытый железом, что значительно снизило смертность. Так в 1904 году здесь родилось 203, а умерло 85 человек...

В 1905 году в Матвеевке было закончено строительство новой большой каменной церкви вместо обветшалой деревянной однопрестольной церкви, простоявшей 113 лет. Открытие новой церкви стало значительным событием для селян в наступившем 20 столетии. Всеобщее ликование захватило всех без исключения, ибо в село ещё не был занесен революционный вирус противостояния и разобщённости, а селяне были объединены одной прекрасной духовной целью, одной радостью, одним желанием, и каждый селянин гордился своим величественным храмом. Красная пятикупольная церковь привлекала взгляд чёткостью форм, чистотой отделки. Церковь тёплая, трёхпрестольная, в главном - во имя Рождества Христова, в правом приделе - во имя иконы Казанской Божьей Матери, в левом приделе - во имя Святого Николая Чудотворца. К приходу этой церкви относились деревни Шмелёвка, Грибовка, Пяти Озёрки. Священником в новой церкви был Андрей Семенович Разумовский. Церковь была построена на средства прихожан, в селе имелась книга - ведомость, где были отмечены

люди, которые вносили средства на строительство храма с указанием вносимых сумм. Со слов Николая Жарухина, в книге были отмечены не только свои прихожане, но и со стороны. Так крупные суммы внесли купцы Блинов с Болымер и Щетинин из Казани.

Постепенно село численно увеличивалось. В 1908 году в Матвеевке было 176 дворов и 990 жителей. Здесь был ветфельдшерский пункт, земская сапожная мастерская, казённая винная лавка, две распивочных, Рейнский погребок, маслобойня, 3 ветряных мельницы...

Дореволюционный период характерен тем, что кроме сельскохозяйственной деятельности матвеевцы имели возможность в зависимости от способностей, знаний испытать себя в другой деятельности, так в умении торговать крепи хозяйства местных крестьян А. Г. Цибульского, Гаврилы Воронкова, Герасимовых. Кто-то завидовал им, кто-то пробовал сам себя в торговле, да не у всех это получалось. Другие матвеевцы шли подрабатывать в соседнее село Кокрять к самарским промышленникам братьям Наймушиным. В общем-то, большинство матвеевцев до революции жили неплохо.

Великий Октябрь открыл новую эпоху в жизни Отечества, эпоху масштабных экспериментов, необдуманных реформ и горьких разочарований...

Советскую власть в Матвеевке восприняли мирно. Весной 1918 года в селе был образован сельский Совет, а с 1920 года произошло укрупнение волостей: бывшие Жедяевская и Юрткульская волости были объединены в одну – Матвеевскую волость, которая стала относиться к Мелекесскому уезду Самарской губернии.

Краевед Толкачев вспоминал про первого борца за советскую власть в Матвеевке Алексея Федотова, который был председателем комбеда, а позже за перевыполнение сдачи хлеба государству был премирован Самарским губисполкомом. Надо отметить, что не один Федотов загорелся желанием отличиться в переустройстве Отечества на новый лад, искушение выйти в люди, быть на виду было велико, и цели вроде бы праведные, но вот методы и средства, ведущие к цели, не всегда верные. Поставляя хлеб государству, продотряды с помощью активистов лишали крестьян элементарной самостоятельности и традиционных запасов на "черный день", практически обирая их. Это привело крестьянство к резкому обнищанию, гражданской розни, а в неурожайный 1921 год - к страшному голоду и эпидемиям во всём обобранном Поволжье... Если гражданская война здесь, в Матвеевке, больше напугала и как-то разъединила селян, то от голода и эпидемий, по мнению того же Толкачева, умерло более 70 человек.

От повального голодного мора селян спасла американская помощь: с весны, когда не оставалось никаких запасов, сельским детям до 14 лет было организовано питание, что позволило уберечь много жизней. Правда, официально эта помощь вспоминается редко и не всегда верно, вероятно, потому, что это была американская помощь, и идеологи искали в ней подвох, но в самом народе своевременная братская помощь оставила тёплые незабываемые воспоминания; к тому же не могу привести примеров помощи от новой власти...

Последствия голода для селян были тяжёлые, в селе резко сократилось поголовье рабочего скота, не хватало семян, к тому же матвеевцы были сильно истощены, потому часть площадей осталась незасеянной.

Безусловно, о голодном море постарались побыстрее забыть, тем более с введением продналога и свободной торговли крестьянству стало полегче, тревога и обеспокоенность сменились всплеском трудовой и предпринимательской активностью, но приблизиться к дореволюционному уровню селянам так и не удалось. Приведу для сравнения материальное положение хозяйств, считавшихся средними по достатку в Аристовском обществе. Так на начало 1914 года семья Григория Ягнова имела на 8 человек, не считая молодняка, три лошади, две коровы, три свиньи, пятнадцать овец, двадцать четыре десятины земли. Семья Кондрата Горячева состояла из 10 человек, имела 3 лошади, 2 коровы, 3 свиньи, 15 овец и 27 десятин земли (9 под паром, 9 под озимыми, 9 под яровыми); семья Александра Евграфова, состоявшая из 9 человек, имела 2 лошади, 2 коровы, 5 свиней, 15 овец, и 36 десятин земли. Те же семьи в 1926 году, то есть после 9 лет Советской власти, выглядели заметно скромнее. Так у Ягновых на 7 человек остались 1 лошадь, 1 корова, 1 свинья, 4 овцы и 9,8 десятин земли. Семья Горячевых на 10 человек имела 1 лошадь, 2 коровы, 3 свиньи, 9 овец и 14 десятин земли. Семья Евграфовых на 10 человек имела 1 лошадь, 1 корову, 4 свиньи, 8 овец и 14 десятин земли...

Список сравнений можно продолжить. Можно бесконечно спорить о великом значении Октября, но простые конкретные цифры и сравнения невольно заставляют задуматься о целесообразности революции для каждого конкретного села или семьи. Впрочем, люди жили надеждами, и что-то все-таки получалось. В 1920-ые годы, со слов старожил, для матвеевской больницы был отведён новый участок на землях Киселёвского общества, недалеко от въезда в село, куда был перенесён прежний больничный корпус в 260 квадратных метров, постепенно больница была значительно расширена. В 1924 году в Матвеевке была построена новая деревянная, крытая железом, четырёхклассная школа, в которой в 1926 году училось 58 мальчиков и 36 девочек с Матвеевки и близ лежащих деревень: Шмелёвки и Пяти Озёрок. Учителями здесь были Державин Александр Алексеевич, Кудрина Анна Андреевна и Борисова Федосья Ивановна.

Матвеевка давно вышла из своих старых границ, обрастая новыми улочками и переулками. Большая улица, широкая и всегда опрятная, к западному концу чуть косила к северу, поэтому эта часть называлась Косаткино. От начала Косаткина, перпендикулярно к югу от Большой улицы Базарного конца шла улица под названием Пески, восточнее и параллельно ей шли Киселёвская и Рябова улочка (по уличной кличке Цибульского), к северу от большой улицы - Фомичев переулок (по угловому дому Фомичевых) и т. д.

Село было огорожено с тем, чтобы скотина не выходила на поля, воду для своих нужд матвеевцы брали из колодцев, которые местами были до 9 саженой глубиной. В селе в какой-то степени сохранялись прежние обычаи, хотя здешние активисты часто собирались что-то обсуждать, ходили по селу с красным флагом и пели революционные песни, что было тоже интересно и необычно. Несмотря на сложности и неопределённость жизни, выматывающую крестьянскую работу и скромность сельского быта, жили как-то весело, с надеждой на лучшее, и почти в каждом доме была балалайка.

Частенько матвеевская молодежь в порыве молодецкой удали дралась со шмелёвскими парнями - то из-за девок, то по неразумной ссоре. В селе, как и по всей округе, были распространены уличные прозвища...

В 1929 году в Матвеевке 1296 жителей. В этом году селу исполнилось 250 лет. Примечательно, что на 238 единоличных хозяйств здесь было 169 лошадей, 238 коров, 98

свиной, 762 овцы, 1472 десятины пашни. Нетрудно заметить, что средние показатели по хозяйствам были довольно скромными. Тем не менее, мужика стали заметно прижимать, хотя он с каким-то упрямством и верой в разумное и очевидное стремился к улучшению жизни. Так семья Кутузовых перебивалась на одной картошке, а маслобойку приобрела, имели маслобойку и Неклюдовы...

Крестьяне понимали, что надо облегчать свой труд. Например, считалось выгодно приобрести конную молотилку, которая быстро окупалась. Однако естественное желание рядовых тружеников не укладывалось в партийную идеологию, потому приобретать какую-то технику или более производительный инвентарь становилось рискованно, ибо такая семья автоматически попадала в кулаки и становилась врагами народа. Получалось, что крестьянину безопаснее было придерживаться примитивных методов в работе и жить в нищете...

К 1929 году по всей Матвеевской волости было в наличии 157 сох, 1698 однолемешных плугов, 718 двухлемешных, 86 конных молотилок, 150 веялок - по нынешней мерке инвентарь довольно примитивный, но тогда молодое правительство не интересовалось нуждами крестьян, оно развёртывало новую волну борьбы за исключительную власть на всё, производимое деревней. Потому идеологи советской власти разных уровней пропагандировали в селе новые отношения с непреклонным упором навсегда недовольного и завистливого бедняка.

2 апреля 1929 года в Матвеевке было образовано кооперативное товарищество «Дело бедняка», однако вскоре это товарищество ликвидировалось.

29 июля того же года был образован в селе ТООЗ «Пролетарский путь», однако и он вскоре ликвидировался. Бедняцкие хозяйства, как их ни объединяй, оставались бедняцкими, а те кредиты, что тратило на них государство, проедались и не приносили положительных результатов, потому, несмотря на мощную поддержку и пропаганду, такие бедняцкие объединения были несостоятельными и быстро разваливались...

2 февраля 1930 года в Матвеевке была создана сельхозартель «Память Ильича». Первым председателем колхоза, по воспоминаниям старожил, был Суринский, его сменил двадцатипятилетний Никифоров. Советская власть продолжительное время восхваляла тех рабочих, кто отозвался на её призыв и вошел в тот двадцатипятилетний отряд пролетариев, пожелавших стать руководителями в создаваемых колхозах. Скороспешно окончив в лучшем случае месячные курсы, они ничего не понимали в сельском хозяйстве, это были в большинстве чужие, безжалостные, некомпетентные для села люди, для которых главной задачей ставилось обеспечение горожан хлебом. Естественно, что они содействовали тому, чтобы максимально выгрести хлеб из колхоза, потому они принесли пользы отечественному сельскому хозяйству, тем не менее 25-тысячники стали положительными героями многих очерков, кинофильмов и художественных произведений...

В 1930 году село Матвеевка достигает наибольшей известной численности: в 286 хозяйствах было 1350 жителей. В этом году со здешней церкви снимали колокола. Сбежавшийся люд волновался и шумел, но большой 105-пудовый колокол все-таки сбросили. Колокол упал, раскололся на две части. Активисты из бедняков с бесовским усердием выбрасывали из церкви иконы, ломали их и жгли, словно забывали, что их же отцы и деды строили храм, строили на века, вкладывая тепло своей души в каждый

уложенный кирпич, радуясь красоте, которая останется детям и внукам. Кто мог тогда предположить, что их труд будет напрасным. Те же иконы собирались годами на трудовые деньги нескольких поколений. Когда власть навязывает обществу идею разрушения и ненависти, то это сродни нашествию, и те единицы отступников, что охотно пошли против обычаев своих предков, схожи с иудушками, такими они и останутся в народной памяти ...

Снятие колоколов, закрытие церкви и коллективизация – это грубое широкомасштабное наступление власти на крестьян, на их традиции, которые сопровождалось в целях устрашения неоправданными репрессиями.

7 марта 1930 года тройкой ОГПУ были репрессированы священник Андрей Семенович Разумовский, крестьяне Гаврила Воронков, Алексей Романов, Павел Цибульский, маслобойщик Александр Неклюдов, все - с конфискацией имущества.

Несмотря на шантаж и террор, в колхоз матвеевцы вступали с неохотой, так к апрелю вступило лишь 37 хозяйств со 188 едоками. В колхозе числилось 27 рабочих лошадей, 20 коров, 40 овец, 28 свиней и по числу едоков 309 гектаров земли...

Селяне понимали, что, вступая в колхоз, они превращались в тех же крепостных, только с более чудовищной эксплуатацией за символическую оплату труда - трудодни... Много лет колхозники были вынуждены существовать за счет мизерного приусадебного участка, и на тот у них не оставалось времени.

В 1930 году был отменён закон об аренде земли и применения наёмного труда в единоличных крестьянских хозяйствах. В колхозах были введены соцсоревнования, встречные планы и другие изменения.

В 1935 году в колхозе состояло 166 хозяйств, а к колхозу относилось 2733 гектара земли. За все предвоенные годы ветераны колхоза отмечали лишь один год, когда на трудодень выдали по 8 килограммов зерна, обычно на трудодень приходилось не более 200 граммов. Чтобы колхозники не возмущались своим положением, продолжался жёсткий террор против селян. В 1937 году были арестованы, а затем расстреляны Александр Ильин, Пётр Кутузов, Василий Савин, Иван Ягнов...

Чёрной страницей в истории села, как и всего Отечества, стала война. В районную Книгу Памяти занесены имена 102 матвеевцев, которые не вернулись в село. Победа над врагом досталась несоизмеримо большой ценой. Время зарубцевало раны, сменилось поколение, и ныне нет той боли, того сопереживания, но забывать это нельзя. В старые времена на Руси в честь победы над завоевателями повсеместно строили храмы, в советский период все наоборот - после таких утрат и пережитых испытаний Матвеевскую церковь использовали под ремонтную мастерскую здешней МТС, а затем сломали.

Сегодня на месте разобранной церкви стоит монумент павшим в годы Великой Отечественной войны. Невольно напрашивается мысль: как бы замечательно сочетались сегодня храм и памятник павшим, как единый нравственный ансамбль памяти всем односельчанам... к сожалению, партийная идеология и неистовый атеизм оставили о себе в народной памяти горькие воспоминания и груды неоправданных развалин...

В 1958 году Матвеевский колхоз объединился с колхозами Шмелёвки, Кокряти, Айбашей в колхоз имени Крупской. Однако попытка преодолеть застой в сельском хозяйстве путем простого объединения колхозов не удалась, ибо оставались пресловутый трудодень, серость быта, отвратительные дороги, унижение и разочарование. Даже верховной власти стало очевидно, что режим колхозного принуждения себя изжил, и надо было искать какие-то действенные стимулы. Начиная со второй половины 60-х годов, в колхозах была введена денежная оплата труда. Она, безусловно, была ниже зарплаты городского рабочего, потому селянам приходилось дополнительно работать на своем приусадебном участке, фактически вдвое удлинив рабочий день. Однако такая загруженность позволила им постепенно улучшить свое материальное положение.

В 1967 году в селе построена школа, а в 1969 году в Матвеевке построен Дом культуры, но это внимание несколько запоздало, то, что пережило старшее поколение, уже заостенело в сознании, и каждый селянин уже не удерживал

Матвеевская школа своих детей в селе. Потому молодежь в массовом порядке уезжала в город, где им тоже было несладко, но перспектива лучшей жизни там была более обнадеживающей. И надо отметить, что сельская молодежь не затерялась и быстро обживалась в городе, и мало кто из них захотел вернуться в село, оставив в своей душе лишь массу тёплых воспоминаний и неистребимую любовь к родным местам...

Для сравнения: если в 1959 году в Матвеевке был ещё 871 житель, то в 1979 году, к 300-летию села, в Матвеевке осталось 465 жителей. Впрочем, за обыденной суетой о юбилее никто не вспоминал и никакого торжества по этому поводу в селе не было... Между тем, село постепенно возрождалось, с постройкой в селе молокозавода, пекарни, водопровода отток людей из села уменьшился.

В 1987 году колхоз имени Крупской разукрупнился, разделившись на два колхоза: «Искра» (Шмелёвка) и имени Крупской (Матвеевка).

Интересно, что в 1990 году, в год 60-летия образования колхоза, здесь были 461 корова, 45 свиней, 1368 овец, здесь же был 41 трактор, 18 автомобилей, 21 комбайн... Казалось, что дела в колхозе идут нормально, но август 1990 года показал всю слабость колхозной системы, её полную зависимость от умения и порядочности руководителя хозяйства, от разумной государственной политики, от паритета цен на производимую продукцию...

В последующие годы положение матвеевского колхоза вызывало беспокойство в районе, а в районной газете замелькали вызывающие тревогу заголовки: «Трагедия деревни» (1994 год), где говорилось, что осталось почти полторы тысячи гектаров весновспашки, нечем ремонтировать имеющийся машинно-тракторный парк, что стоят сиротливо недостроенные коробки 15 двухквартирных домов...

В другой, под заголовком «Нет хозяина» (1997 год) говорилось о состоянии колхозных коров: их впалые бока и жалкий, грязный вид говорил о том, что здесь нет настоящего хозяина. Механизмы все старые, часто выходят из строя, а заменить нечем. Затраты на получение литра молока составляли порядка 2000 рублей, а закупочная цена всего 900 рублей. За год колхоз потерял на низком качестве молока 40 миллионов рублей.

Ещё статья - «Куда ни кинь - всюду клин» (1997), в ней говорилось, что на весну 1997 года в колхозе не засеяно ни одного гектара озимых, почва к посевной не готова, убытки колхоза - 125 миллионов рублей...

В 1999 году селу исполнилось 320 лет. Словно для славной даты в этот год колхоз достиг некоторых улучшений – видимо, новый председатель сумел настроить людей. В колхозе на этот год 5734 гектара земли, из них 2432 гектара пашни, здесь осталось 170 коров, полностью извели свиноводство и овцеводство...

В 1999 году в Матвеевке 184 хозяйства и 401 житель, уже практически нет маслозавода, пекарни...

На исходе 20 века, подводя итоги трудного пути подъёмов и падений нашего сельского хозяйства, невольно задумываешься, что же надо было делать, по какому пути идти и могли ли простой крестьянин что-либо изменить в том затянувшемся кризисе идеологических иллюзий...

Что ожидает старое село в новом столетии, какую ещё утопическую реформу задумывают очередные красноречивые теоретики и как из этих политических дебрей будут выходить рядовые селяне, покажет только время...

Деревня Пяти Озёрки

В четырёх верстах к востоку от Матвеевки, по дороге на Русский Юрткуль, располагалась небольшая деревня Пяти Озёрки, основанная в первой половине 19 века. Известно, что кроме названия Пяти Озёрки деревня первоначально имела название Дарьевка, что невольно заставляет обратить внимание на помещицу, титулярную советницу Дарью Ивановну Шишкину, которая имела в то время владения в Волостниковке и Русских Юрткулях. Однако в дальнейшем деревня более известна как владение дворян Наумовых. к 1859 году у гвардии ротмистра Ефграфа Михайловича Наумова здесь в 16 дворах было 94 жителя и 429 десятин земли, из которых 172 отводились на крестьянские наделы. После отмены крепостного права здешние крестьяне в течение нескольких лет не могли сговориться с помещиком о выкупной сделке и числились как временно обязанные. Лишь с 1869 года они перешли в разряд собственников. В результате сделки количество надельной крестьянской земли уменьшилось до 109 десятин...

Деревня Пяти Озёрки относилась к Матвеевскому церковному приходу, а административно к Жедяевской волости (6 верст) Спасского уезда (42 версты) Казанской губернии.

Название Пяти Озёрки соответствовало расположению деревни около пяти озёр. В центре деревни было озеро Круглое, очень глубокое, в нем били родники, потому из него брали воду для домашних нужд, в озере водились караси. Караси водились и в другом озере под названием Лапушное. В озере Чистом дно было твердое, потому вода в нем не мутилась. За огородами было длинное озеро, потому и название – Долгое, и еще озеро Долинка, в нем поили скот.

Пяти Озёрки - это официальное название деревни, но в округе больше употреблялось другое старое название - Невка, да и всех жителей деревушки, где бы они ни появлялись,

называли Невскими... Происхождение этого названия объяснить трудно, тем не менее, это короткое название всем приглянулось...

В 1908 году в деревне 28 дворов и 189 жителей.

О революции, голоде и НЭПе воспоминаний не сохранилось, известно лишь, что при новой власти Невские получили во временное пользование земли больше: в 1929 году на 50 дворов и 249 жителей приходилось 353 гектара пашни. Примечательно, что на 50 дворов в деревне было 47 коров и 31 взрослая лошадь...

В коллективизацию в деревне был образован колхоз «Новый путь». При колхозном строе жили бедно и тревожно. Налоги, самообложение, хлебозаготовки, займы стали для жителей маленькой деревушки тяжёлым бременем, за невыполнение которых следовали суровые наказания, штрафы и конфискация имущества... Так, в ноябре неурожайного и голодного 1932 года за недоимки было описано имущество Семёна Данилушкина: дом - за 150 рублей, придел - 50 рублей, конюшня с надворными постройками - 20 рублей, стол - за 3 рубля, швейная машинка - за 30 рублей, лошадь - 80 рублей, жеребёнок - 10 рублей, 4 подушки, телега и самовар - всего на 14 рублей...

В августе трудного 1933 года у Петра Логинчева за недоимки описали дом с надворными постройками на 250 рублей... Отбирать последнее было нормой тридцатых годов, правда, об этом не говорилось в учебниках истории, где откровенно искажалась действительность и всякая конфискация оправдывалась необходимостью и классовой борьбой...

В годы Великой Отечественной войны из деревенских не вернулось к родному очагу 17 человек, все они занесены в районную Книгу Памяти...

В 1949 году в колхозе, объединявшем 40 хозяйств, числилось 320 гектаров земли, а деревня в ту пору относилась к Грибовскому сельскому Совету... С 1950 года пятиозёрский колхоз «Новый путь» вошёл в матвеевский колхоз «Память Ильича». Вслед за объединением колхозов деревня стала относиться к Матвеевскому сельскому Совету. В эти годы в деревне была ещё начальная школа, размещённая в единственном кирпичном доме дореволюционной постройки. В 1959 году в Пяти Озёрках 109 жителей, в деревне жили семьи Павловых, Куляевых, Максимовых...

Из воспоминаний Тамары Васильевны Новиньковой: Деревня Невка (Пяти Озёрки) - небольшая, но вся в садах, земля чернозём, дома деревянные, покрытые соломой, но в пятидесятые годы крыши уже тесовые, а позже - шиферные. Вечерами сидели с керосиновыми лампами, но очень экономно. В шестидесятые годы в деревне не было ни школы, ни магазина, ни медпункта. Отсутствие элементарной социальной сферы и послужило причиной дружного переселения жителей деревни в Матвеевку. За 1967-68 годы деревня полностью переселилась».

Сегодня уже трудно найти следы деревушки, всё перепахано, из озёр осталось озеро Круглое, единственный ориентир в прошлое исчезнувшей деревушки...

Деревня Шмелёвка

К западу, минуя Матвеевку, дорога ведёт к добротному мосту через небольшую речушку Ясачку. За мостом начинается деревня Шмелёвка – деревня Матвеевской сельской администрации, расположена в 41 километре к северо-востоку от Старой Майны (по старому тракту 26 км). В деревне клуб, усадьба колхоза «Искра», в 1999 году 190 хозяйств и 475 жителей.

Шмелёвка - простое и понятное название старой заволжской деревни. По единственной и бесспорной версии, в прошлом деревню окружал лес, где водились шмели, оттого и название Шмелёвка... Ныне о старине мало что напоминает, обновился лес, площадь которого значительно сократилась, волжская вода с созданием Куйбышевского водохранилища подошла ближе, меньше стало дичи, и все же местный ландшафт продолжает привлекать внимание своей красотой и разнообразием. Краевед Михаил Толкачев оставил потомкам душевные строки о шмелёвских красотах, иные из них нельзя пересказать лучше его. В память о Михаиле Андреевиче невольно обращаюсь к его описаниям местного ландшафта: «Шмелёвка расположена на живописной небольшой возвышенности. На запад от Шмелёвки тянется более чем на километр красивая берёзовая роща с высокими кудрявыми берёзами. Дальше примешивается дуб, липа, осина, орешник. Когда-то здесь был сосновый бор, но от него теперь остался только участок леса, который тянется вдоль берега залива Куйбышевского водохранилища. Во втором ярусе этого леса растёт рябина, черёмуха и дикая яблоня. Особенно густой третий ярус, где можно увидеть шиповник, дикую вишню, смородину, малину, а на полянах - землянику. К западу местность понижается, здесь господствуют ольха, черёмуха, ива и другие породы деревьев. А далее, до села Жедяевка, тянутся луга. В лесу, особенно весной, много подснежников, ландышей, фиалок, медуницы, колокольчиков, ромашек. Лес богат грибами: весной - сморчки, летом и осенью - маслята, опята, рыжики, подберёзовики, белые грибы. Местный лес разнообразен и своим животным миром. Здесь водятся ценные пушные звери: лисы, зайцы, белки и лоси.

Весной сюда из дальних краев прилетают кукушки, иволги, соловьи, коноплянки, куропатки, дятлы. Над полями распевают свои нежные песни жаворонки, перепела. В камышах залива Куйбышевского водохранилища и озёрах селятся дикие утки, много и других водоплавающих. В реке Утке, озёрах много рыбы: щук, сазанов, лещей, язей, сомов».

Но не только красотой здешней природы любовался краевед – Толкачев один из энтузиастов, бескорыстно поддерживающий неугасающий огонек истории родного края. Его очерки о людях, о прошедших событиях тщательно продуманы, последовательны, с тонким пониманием деревенского уклада. Его влюблённость в родной край не позволяла ему сказать что-то плохое, резкое о той, в общем-то, скромной деревенской жизни. Вот почему мне, человеку со стороны, потребовалось самостоятельно переосмыслить некоторые события и факты из истории старой деревни...

Шмелёвка, как и село Матвеевка, образована инородцами, мордовскими поселенцами из Нижегородского и Саранского уездов. Интересно, что оба селения разделяли всего лишь овраг и небольшая, тихая речушка Ясачка, потому в истории обоих селений много общего и сходного, будто это одно селение...

Так же, как и из Матвеевки, в 1698 году инородцев из Шмелёвки выселяли, а на их освобожденные земли и усадьбы была водворена группа польских шляхтичей, состоявшая из 21 человека рядовых, получивших по 60 четвертей в каждом из трёх полей. Примечательно, что часть польских фамилий сохранились до наших дней, так здесь живут Еланские, Кипенские, Козловские...

Кроме шляхтичей, здесь имели земли и помещики, имеющие своих крепостных. Например, к 1770 году здесь имели владения Павел Алашеев, Василий Дмитриев, Пётр Заваришин, Андрей Ростовский и другие, а наибольшая крестьянская община была у Василия Жедринского... к 1795 году состав шмелёвских помещиков значительно обновился: здесь 10 хозяйств принадлежали Дмитрию Блудову из соседней, Анненской слободы (напротив Танкеевки), здесь же владения помещиков Ростовского, Сайманова, Бекетова, а всего в сельце было 172 хозяйства и 1060 жителей, за Шмелёвкой числилось 3904 десятины земли.

Если продолжать следить за изменениями среди помещиков в сельце, то к 1816 году в Шмелёвке остались владения Николая Павловича Алашеева, у которого было здесь 76 душ, у штабс-капитана Александра Васильевича Дмитриева - 137 душ, у Платона Петровича Мягкова - 152 души, у коллежского асессора Ивана Андреевича Ростовского - 74 души и т. д. Кстати, позднее шмеевские помещики образовали на дальних землях выселки: Ростовку (Лебяжье), Алашеевку (Хлебодаровку), Бекетовку... В результате переселения население Шмелёвки уменьшилось.

Примечательно, что в Шмелёвке всегда было больше жителей, чем в соседней Матвеевке, но здесь не было церкви, потому Шмелёвка была лишь сельцом, то есть деревней с господским двором, а Матвеевка селом...

К 1859 году в Шмелёвке осталось две крестьянские общины. Наибольшая состояла из государственных крестьян (однодворцев). Здесь в 92 дворах числилось 433 души и из 1636 десятин земли, относившихся к казённой палате, 1398 выделялись на крестьянские наделы, что было нормально для жизни. В народе государственных крестьян часто называли панами, это говорило об их польском происхождении.

В другой крестьянской общине, состоявшей во владении Софьи Альбертовны Бекетовой, было 324 души и 2094 десятины барской земли, и лишь 243 отводились на крестьянские наделы. На 46 дворов здесь было 6 оброчных тягол с оброком 12 рублей в год и 65 издельных (барщинных) тягол. Нетрудно заметить, что эта часть сельца была скромнее...

После проводимых в 1860-е годы реформ у крестьян сельца стало 1559 десятин земли.

По церковному приходу сельцо относилось к Матвеевской церкви, а административно - к Жедяевской волости Спасского уезда Казанской губернии.

Перебирая прошлое сельца, нетрудно заметить, что в Шмелёвке из всех помещиков дольше всех продержались Бекетовы. Они числились ещё по пятой ревизской сказке в 1795 году. к 1816 году у губернского секретаря Николая Ивановича Бекетова здесь было 94 души, а у его жены Александры Матвеевны в Матвеевке, Шмелёвке и Бекетовке - 44 души. к 1834 году в наследство вступил их сын Владимир Николаевич, который дослужился до действительного статского советника, что соответствовало званию

генерал-майора. Но в сельце больше вспоминали о его жене, Софье Альбертовне, которая пережила своего супруга.

Ныне стали забывать о здешних помещиках, об их частной жизни, в которой можно найти подходящий сюжет для деревенского романа. Интересно сложилась судьба у представителя следующего поколения Бекетовых – Александра Владимировича, у которого была тайная любовь к своей крепостной. Однако сложившиеся в России традиции не позволили им быть вместе, против такого неравного брака были и родители. Но чувства их были глубоки, и они терпеливо ждали своего часа. Они обвенчались в 1891 году, когда потомственному дворянину и статскому советнику Александру Владимировичу было уже 49 лет, а его суженой девице Варваре, дочери крестьянина Трофима Антоновича Шеронова, 43 года... Видимо, для глубоких чувств нет преград, и в жизни иногда надежды все-таки сбываются...

В 1907 году в Шмелёвке построена земская школа, деревянная с тесовой крышей. На этот период в сельце 256 дворов и 1215 жителей, здесь 3 ветряные мельницы, крупорушка, здесь же барская усадьба.

После революции в Шмелёвке был образован сельский Совет. В 1925 году крестьяне из государственного общества образовали поселок «Любимовка» на запольном участке под названием «Луговой». В образованном поселке были Давид Белов, Михаил Козловский, Алексей Жданов, Алексей Кипенский и другие, всего 117 едоков, однако к началу коллективизации посёлок распался.

В 1926 году в Шмелёвской начальной школе учился 101 ученик, а учителями здесь были Борисова Наталья Степановна и Борисов Александр Иванович с окладом 56 рублей в месяц...

В 1928 году в Шмелёвке образовалось машинное товарищество «Новый путь», в которое вошли 16 хозяйств со 117 едоками, у них было 22 головы рабочего скота и 156 гектаров пашни.

1929 год. На 342 хозяйства и 1749 жителей в деревне было 355 коров, 275 лошадей, 94 свиньи и 2754 га пашни...

Самое большое известное число жителей в Шмелёвке было в 1930 году - в 363 хозяйствах было 1754 жителя, в этом году в деревне был упразднен сельский Совет, и в том же году 15 марта был образован колхоз «Борец за свободу». Такое звучное название было издёвкой над правдой, ибо свободы как раз и не было, а коллективизация в деревне проходила с применением угроз, ибо крестьяне упорно не шли в колхоз.

Чтобы сломить сопротивление свободолюбивых крестьян, предварительно 7 марта тройкой ОГПУ была репрессирована группа крестьян, среди них Пётр Городнев, Алексей Кипенский, отец 9 детей, Алексей Кочетков, отец 5 детей (с выселением семьи из края), Иван Кочетков, отец 2 детей, 68-летний Михаил Кочетков, Иван Федотов, все - с конфискацией имущества. После такой грубой репрессивной меры и был образован колхоз...

Интересно, что шмелёвцы гордятся своим земляком Григорием Степановичем Гордеевым. Его судьба - наглядный пример осуществления мечты, когда простой

деревенский паренек из крестьянской семьи, вступив в члены РСДРП(б), стал видным общественным деятелем.

Интересно, что в 1917 году Гордеев приезжал на родину, и собравшийся по этому случаю сход выдвинул требование - уничтожить все налоги, за исключением подоходно-прогрессивного, и передать всю частную и монастырскую землю трудовому населению бесплатно... Вот с такими популистскими призывами шли большевики к власти, а получив её, стали загонять крестьян в чуждые им колхозы. Возможно, несколько разочаровавшись в проводимой новой властью политике, Гордеев переходит от партийной работы к научной деятельности: он был зав. кафедрой в Тимирязевской сельхозакадемии, написал десятки научных работ. Для шмелевцев это вполне престижная высота...

К 1935 году здешний колхоз объединял 261 хозяйство и имел 4404 гектара земли.

Тяжелой раной стала для шмелёвцев Великая Отечественная война, в районную книгу памяти занесены имена 141 человека, не вернувшегося в родную деревню...

В 1959 году в Шмелёвке 1037 жителей. В 1958 году колхоз «Борец за свободу» объединился с Матвеевским и Кокрятским колхозами в один и стал называться «Память Ленина», переименованный в 1963 году в колхоз имени Крупской.

Со стороны казалось, что до объединения Шмелёвки и Матвеевки остался один шаг, ибо у обоих селений общая школа, общий колхоз, один сельский Совет, но тесного объединения не получилось, а вот отток людей из селений ускорился: в 1979 году в Шмелёвке осталось 536 жителей.

В 1987 году колхоз имени Крупской разукрупнился, и в Шмелёвке стал самостоятельный колхоз «Искра». В 1989 году в колхозе 1032 головы крупного рогатого скота, из них 224 коровы, здесь 1168 свиней.

Шмелёвцы имеют репутацию старательных тружеников. В сложный реформенный период последнего десятилетия 20 века, когда сельское хозяйство всей страны переживало очередной шок и практически было брошено верховной властью на выживание, шмелёвцы сумели сохранить коровье стадо. В 1999 году у них было 210 коров, а вот нерентабельное свиноводство ликвидировали... В колхозе 3450 гектаров земли, из них 2319 - пашни.

Сегодня трудно предсказать будущее деревни, ибо многое зависит от внимания власти и правильной, стимулирующей политики к деревенскому производителю.

Ныне Шмелёвку официально называют селом, это нарушение старой Российской традиции. В историю нежелательно входить с черного входа, если шмелевцы действительно желают, чтобы их деревня стала селом, то им надо построить Божий храм, и совесть их будет чиста...

Деревня Берёзовка

В 8 верстах к востоку от Шмелёвки расположилась деревня Берёзовка... Старая Заволжская деревенька с каким-то легким, красивым названием, которое не требует

лишних объяснений, хотя изначально деревня называлась Уткой - по реке, которая протекала почти за версту от деревни. Возможно, поэтому название Утка не закрепилось, к тому же аналогичных названий по реке было несколько, и они требовали дополнительных пояснений, вот и появилось это отличительное от других чудесное название - Берёзовка...

Деревушка вытянулась вдоль оврага-болота под названием Киржатенка. Частновладельческая, она принадлежала Голчиным, в 1795 году у них в Берёзовке было 15 дворов и 65 жителей. Часть Берёзовки была во владении князя Семена Михайловича Баратаева, позже деревня перешла во владение дворянскому роду Лихачёвых. У новой владелицы, штабс-ротмистрши Гликерии Ивановны Лихачёвой в деревне барская усадьба и 1648 десятин земли, из которых 526 отводились на крестьянские наделы. Лихачевы относились к известному в округе дворянскому роду. к 1859 году в Берёзовке 34 двора и 275 жителей.

Примечательно, что в этот год в Берёзовке родилось 26, а умерло всего 6 человек. Для сравнения: в следующем, 1860 году в деревне родилось 18, а умерло 19 человек. Этот пример говорит о том, что не все так просто складывалось в жизни небольшой деревни: практически, отсутствовала медицинская помощь, и жители деревни занимались самолечением, полагаясь на жизненный опыт.

После отмены крепостного права количество земли у здешних крестьян уменьшилось до 382 десятин.

Берёзовка относилась к приходу Волостниковской церкви, а административно - к Жедяевской волости (7 верст) Спасского уезда (42 версты) Казанской губернии.

В 1908 году в деревне 77 дворов и 613 жителей, здесь земская школа, 3 ветряных мельницы. С ростом численности населения крестьянская община при тех же размерах наделной земли постепенно обеднялась. Это обстоятельство умело использовали большевики, которые призывали крестьян разорять помещичьи владенья, захватывать барскую землю. Так в Берёзовке в первых числах июля 1917 года местные крестьяне разорили всё хозяйство Раисы Ивановны Лихачёвой, включая скот, инвентарь, запасы хлеба...

Надо отметить, что помещичьи имения значительно изменились. Если при крепостном праве в помещичьих имениях было ограниченное количество рабочего скота, сельхозинвентаря, ибо крестьяне обрабатывали барскую запашку своим рабочим скотом и своим инвентарем, то после отмены крепостного права в помещичьих имениях стали заводить элитный рабочий скот, более совершенный инвентарь, различные машины, мельницы, крупорушки и т. д. В барских имениях появились постоянные наёмные рабочие, а в сезон дополнительно нанимались и временные рабочие, в основном из местных крестьян. Не секрет, что помещичьи хозяйства давали по стране до 25% товарного зерна. Призывая грабить эту долю товарного зерна, большевики создавали хлебные недовольства, чтобы упростить свой путь к власти. Они не смогли предугадать то, что, придя к власти, им самим придётся столкнуться с теми же созданными хлебными проблемами. А растащенный хлеб вернуть не удалось, потому перебои хлеба продолжались, а чрезвычайные меры, принятые новой властью, только усугубили ситуацию. Впереди страну непременно ожидал страшный голод...

В 1918 году в деревне был создан сельский Совет. При новой власти крестьяне деревни получили во временное пользование 998 десятин земли, однако подъёма материального благосостояния не произошло - виной, как и повсеместно, стала жёсткая продразвёрстка. Тем не менее, в 1918 году в деревне была построена новая деревянная, крытая железом, школа, в которой в 1926 году училось 38 учеников, учительницей была Валентина Петровна Весновская с окладом 47 рублей в месяц.

Интересно, что в этом же году, по определению комитета общества взаимопомощи, из 117 хозяйств в деревне 39 считались бедняцкими, 71 середняцкими и 7 зажиточными. Впрочем, после голодного 1921 года в Берёзовке очень трудно восстанавливалось поголовье скота, лишь к 1929 году здесь на 126 дворов и 613 жителей стало 148 коров, 81 рабочая лошадь, 84 свиньи, 680 овец...

6 марта 1930 года в деревне был образован колхоз «Берёзовка», колхоз небольшой - в апреле в нем состояло 38 хозяйств со 196 едоками. В колхозе было 29 лошадей, 3 коровы, 36 овец. Считается, что в том же тридцатом, по предложению уполномоченной из района, колхоз был переименован в артель имени Крупской, по этому поводу в деревню были направлены книги от Надежды Константиновны...

В январе 1932 года Берёзовский колхоз соединился с колхозами села Волостниковка под названием «Объединение», но уже в марте он был восстановлен. В 1935 году в колхозе имени Крупской состояло 86 дворов, и к нему относилось 1503 гектара земли.

В Великую Отечественную войну берёзовцы потеряли 46 человек. Орденом Красной Звезды и Славы третьей степени был награжден Григорий Никитич Жданов.

В 1950 году к Берёзовскому колхозу присоединились колхозы Зеленовки и Никольских Выселок. Примечательно, что в объединенном колхозе в 1954 году было 3591 гектар земли, а уже в следующем из-за создания Куйбышевского водохранилища осталось лишь 1634 гектара.

Практически деревня из-за водохранилища была перенесена на 2-3 километра на более высокое место, сюда же были перенесены соседние деревни Зеленовка и Никольские Выселки. На новом месте, в Берёзовке, в 1955 году построена новая начальная школа. Если прежде от Берёзовки до Старой Майны было 24 километра, то теперь дороги удлиннились почти вдвое.

В 1917 году Берёзовский колхоз имени Крупской присоединился к Жедяевскому колхозу, который после объединения стал называться «Родина». Впрочем, при следующем эксперименте берёзовцы оказались присоединенными к Волостниковке...

С созданием Куйбышевского водохранилища деревня Берёзовка оказалась на берегу искусственного моря. Сегодня Берёзовский залив славится рыбой, однако отдалённость от райцентра, плохие дороги, сравнительно небольшая зарплата способствовали тому, что число жителей в деревне уменьшилось. Так, в 1959 году за счёт пополнения с переселенных соседних деревень в Берёзовке было 396 жителей, через 20 лет - 283, а еще через 20 лет в 41 хозяйстве осталось 96 жителей...

Деревня Старая Зеленовка

Продолжая рассказ о бывшей Жедяевской волости, невольно приходится вспомнить об исчезнувших селениях, следы которых покоятся на дне Куйбышевского водохранилища. Так, в 4 верстах к северо-западу от прежней Берёзовки, на левом берегу реки Утки располагалась деревня Зеленовка. Сегодня мало кто знает прошлое этой старой деревушки, ибо история деревни волею властного решения навсегда прервалась, оставив лишь грустные воспоминания разбросанных судьбой по разным местам последних её жителей, возможно хранящих до сих пор в памяти незабываемую красоту отблесков последнего печального заката в изгибе речушки Утки, неказистые избы по обеим сторонам болота Царапкино и каждый с любовью обихоженный лужок...

Интересно, что А. В. Збруева, проводя изучение волжской поймы, открыла у Зеленовки поселение Ананьевской культуры. Здесь найдены жилища, костры, остатки домашнего обихода, рыболовные крючки, кости домашних животных, могильники массового захоронения. Эти находки говорят о том, что здешние места привлекали людей в разные исторические эпохи. Но современная история деревни началась во второй половине 17 века, когда здесь боярин князь Иван Юрьевич, да стольник князь Юрий Юрьевич Трубецкие образовали деревню Утку (Зеленовку), в которой в конце 17 века, кроме беглых и умерших, было 36 дворов и 65 жителей. Однако в 1698 году крестьяне Зеленовки (Утки) были переселены на реку Кандалку, а на их освобожденные земли были водворены 10 казанских иноземцев, польских шляхтичей с ротмистром Казимиром Ивановичем Поговским, которому отвели по 80 четвертей в каждом из трёх полей, остальным по 60 четвертей. Однако поляки здесь не прижились, и деревня Зеленовка перешла во владения князя Семёна Михайловича Баратаева.

К 1816 году в деревне имели владения братья поручик Иван Андреевич Вал и надворный советник Степан Андреевич; здесь же владения генерал-майорши Ольги Григорьевны Ганибаловой, капитанши Кристины Петровны Кристафоемчивой... Интересно, что при последующей смене владельцев деревня была разделена на два селения. Так, по данным за 1859 года говорится о деревне Зеленовка, в которой 40 дворов и 369 жителей, но практически деревня уже разделилась на сельцо Зеленовка помещика Замятина и сельцо Зеленовка помещика Веденяпина. Очевидно, «два медведя в одной берлоге не ужились», потому Веденяпин стал переселять своих крестьян на новое место, образуя выселок, первоначально названный Новой Зеленовкой, в отличие от выселка прежняя Зеленовка стала называться Старой Зеленовкой. Здесь остались владения коллежского асессора Иринарха Александровича Замятина и его жены Надежды Емельяновны, у которых было 1333 десятины земли, из которых лишь 80 отводились под крестьянские наделы.

После отмены крепостного права количество надельной земли у здешней крестьянской общины увеличилось до 200 десятин.

Сельцо Старая Зеленовка относилось к Волостниковскому церковному приходу (4 версты), а административно к Жедяевской волости Спасского уезда Казанской губернии.

В 1897 году в Старой Зеленовке 39 дворов и 210 жителей, здесь земская школа, барская усадьба...

После революции в деревне образован сельский Совет. При советской власти зеленковцы получили во временное пользование земли из расчета 1,52 десятины на каждого едока. О комбедах, голоде и эпидемиях воспоминаний не сохранилось, известно лишь, что в голод была закрыта местная школа, и подросткам приходилось ходить за 4 версты во вторую Волостниковскую школу.

20 апреля 1928 года в деревне образована сельхозартель «Начало» в количестве 9 бедняцких хозяйств с 44 едоками, которым отвели 96 гектаров пашни. Артель получила сеялку, чистосортную рожь, однако в течение года 4 хозяйства вышли из артели. Артель потратила из полученных кредитов 5000 рублей на оборудование маслозавода... В апреле 1929 года в артели 6 хозяйств, здесь Абросимов Алексей Дмитриевич - председатель, Логинов Пётр, Степанов Алексей, Ефремов Василий, Комиссаров Степан, Купаев Иван с семьями...

В том же году в Старой Зеленовке было 63 хозяйства с 268 едоками, у которых на тот момент были 31 лошадь, 51 корова, 14 овец, 42 свиньи и во временном пользовании 512 гектаров пашни. В деревне не было кулаков, жили, в общем-то, бедновато, серый непритязательный быт, отсутствие должной медицинской помощи, плохие дороги - обычная для российских деревень картина. И все же красивые места, волжская пойма как-то скрашивали тяжелую крестьянскую долю...

Жёсткий вал сплошной сталинской коллективизации накатился на деревушку, не оставляя ее жителям выбора. 22 апреля 1930 года в Старой Зеленовке была образована сельхозартель «Зеленовка», к которой присоединилась и артель «Начало». Коллективизация сломала прежние традиции, оставила крестьян без земли, сделав их безропотными батраками у колхоза-общака, где практически все решали партийные и государственные чиновники. В том же тридцатом был упразднен сельский Совет, а деревня стала относиться к Волостниковскому сельскому Совету. В 1935 году колхоз «Зеленовка» объединял 23 хозяйства и имел 678 гектаров земли...

После кровопролитной Великой Отечественной войны в районную Книгу Памяти занесены имена 10 зеленковцев, не вернувшихся с фронтов... Трудно было в деревне и после войны. Судьба Зеленовки была практически решена: по проводимым властью экспериментам она неминуемо попадала в число бесперспективных, что означало её медленное угасание, но строительство ложа Куйбышевского водохранилища ускорило её конец. В 1950 году колхоз «Зеленовка» был присоединён к колхозу имени Крупской (Берёзовка), а затем сама деревенька была снесена. Часть жителей Зеленовки переселилась на новое место, в деревню Березовка... Вот так просто оборвалась самостоятельная история старой славной деревушки, чтобы через два-три поколения уйти в полное забвение...

Та же участь постигла соседнее село Маклашеевку из Трёх Озёрской волости (Татарстан), что было севернее Старой Зеленовки, выше по течению реки Утки, на её правом берегу. Маклашеевка была образована в 1699 году Полоцкой шляхтой. Интересно, что изначально Маклашеевка называлась Уткой, так же, как и Зеленовка и Берёзовка, потому, чтобы не путать эти селения, им всем были даны и другие названия.

Маклашеевка (Утка) примечательна тем, что здесь были следы городища, который назывался Уткинский Татарский городок...

В 1856 году в поле у села был найден клад, состоявший из значительного числа Бувейгидских монет, которые были зашиты в кожаный мешочек.

В Маклашеевке были казённые крестьяне, хорошо обеспеченные землей, так к 1859 году в Маклашеевке было 50 дворов, 582 жителя и 1602 десятины земли. После реформы 1866 года, касающихся казённых крестьян, количество наделной земли у них уменьшилось до 1231 десятины.

В 1900 году в Маклашеевке была построена на средства прихожан трёхпрестольная каменная церковь с главным престолом во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В селе была небольшая секта хлыстов. В 1908 году в селе 156 дворов и 1015 жителей, здесь церковь, земская школа, 3 кузницы, 3 лавки, 2 кирпичных заведения, одна частная усадьба...

В Советский период жители села пережили ряд испытаний, а перед заполнением Куйбышевского водохранилища село было снесено...

Деревня Никольский Выселок

От Старой Зеленовки в 2 верстах к юго-востоку располагалась другая Зеленовка, известная ещё под названием Никольский Выселок.

Сегодня трудно удержать интерес к скромной деревушке, которой уже нет несколько десятков лет и о прошлом которой размыты временем почти все воспоминания. Жители снесённой деревушки разошлись, разбрелись по разным местам, унося с собой горечь и разочарования, а найдя приют на новых местах, продолжали грустить по своей малой родине, передавая свою любовь и печаль своим потомкам...

Деревня как выселок была образована в результате переселения крестьян помещика Веденяпина из деревни Зеленовка за 2 версты к юго-востоку. После разделения оставшаяся на месте Зеленовка стала называться Старой Зеленовкой, а новый посёлок изначально назывался Новой Зеленовкой. Выселок стал преемником части истории Зеленовки как владение помещика Веденяпина...

Поскольку переселение проходило не за один день, то в выселок первоначально сумела переселиться лишь часть Веденяпинской общины, и выселок получил, кроме названия Новая Зеленовка, и другое название - Малая Зеленовка, оба названия, в общем-то, соответствовали действительности. Но когда Веденяпинская община переселилась на новое место полностью, то оказалось, что выселок по численности превзошел Старую Зеленовку, однако название Малая Зеленовка за выселком так и осталось...

Образованный выселок был частновладельческим дворянина поручика Николая Васильевича Веденяпина, у которого числилось 1062 десятины земли, из которых лишь 92 отводились на крестьянские наделы.

Интересно, что выселок, кроме названий Новая Зеленовка и Малая Зеленовка, получил и другое название – Никольский Выселок, по имени его владельца. Все названия равны по значению, до революции чаще употреблялось название Малая Зеленовка, а в советский период официально закрепилось название Никольский выселок, хотя многие продолжали называть деревню и Малой Зеленовкой.

По переписи 1897 года, в деревне 53 двора и 235 жителей, у крестьянской общины 103 десятины наделной земли, здесь ветряная мельница и торговая лавка...

Бедноватая крестьянская деревушка страдала от малоземелья, но здешние жители гордились чудной, окружающей деревню, природой и барским именем, где у них была возможность найти дополнительную работу.

Унаследовавший по наследству дворянское имение Константин Николаевич Веденяпин имел здесь прекрасный большой сад в 5,12 десятины, здесь же была его усадьба – просторный, каменный двухэтажный дом 17х13,5 метра, крытый железом. На первом этаже барского дома было 5 комнат с 16 окнами, на втором этаже - 7 комнат с 18 окнами. С южной стороны к дому был сделан придел-крыльцо 2,8х2,8 метра, а высотой, как и дом, 5,7 метра, с западной стороны у дома был каменный одноэтажный пристрой 7х13,5 метра, разделенный на две части – ледник и кухню, в которой было 4 окна, здесь стояла русская печь и голландка... Это был обихожный, дивный уголок для душевного покоя и удовлетворённости, один из небольших оазисов деревенской дворянской культуры, что достался после революции новой власти...

В 1918 году в деревне был образован сельский Совет, для здешних крестьян наступила новая обнадеживающая эпоха в их жизни - они получили во временное пользование 885 десятин, или 967 гектаров земли, из них 681 десятина пашни, 77 десятин леса... Нетрудно заметить, что земли при советской власти крестьяне получили предостаточно, и казалось, кто имел сноровку, умение и желание, тот должен быть удовлетворён революционным переделом. Однако в реальной жизни новая власть за данную землю обложила крестьян обременительной продрозвёрсткой, и вековая крестьянская мечта о земле омрачилась пониманием того, что у них появился новый, более жёсткий эксплуататор в лице сталинского режима...

При новой власти бывший барский сад брал в аренду Матвей Бекренев из села Матвеевка, но сад он запустил и задолжав 52 рубля, бросил. В саду осталось ещё 180 яблонь, 7 груш, вишня...

Школы своей в деревне не было, и местные дети ходили за 1,5 версты во вторую волостниковскую школу, так в 1926 году в Волостниковку ходили одиннадцать учеников.

Несмотря на ряд трудных лет, материальное положение здешних крестьян несколько улучшилось: в 1929 году из 69 хозяйств 44 были середняцкие и 25 бедняцкие. Крестьяне деревни имели 54 рабочих лошади, 68 коров, 250 овец, 42 свиньи и 340 голов птицы, здесь же было более 150 ульев...

В 1930 году сельский Совет в деревне был упразднен, а деревня стала относиться к Волосниковскому сельскому Совету. В этом году в деревне было 73 двора и 375 жителей, все русские. В деревне жили семьи Соляковых, Яшиных, Фоминых, Ульяниных и другие... В том же тридцатом в деревне был образован колхоз имени Буденного. В 1935 году в колхоз входило 43 двора, а за колхозом было 1014 гектаров земли.

Тяжелые испытания пережила деревня в годы Великой Отечественной войны, в Книгу Памяти района занесены имена 21 человека, что не вернулись в деревню. В 1950 году колхоз имени Буденного присоединили к колхозу имени Крупской (Берёзовка), а с

устройством ложа Куйбышевского водохранилища деревня Никольский Выселок (Малая Зеленовка) была снесена...

Первоначально большая часть никольцев переселилась в деревню Берёзовку, но со временем многие из них подыскивали себе другие места. Практически к возрождению деревушки пути нет, мутные воды водохранилища скрыли место исчезнувшей деревушки, оставив в сознании лишь непередаваемую грусть по несбывшимся надеждам...

Село Волостниковка

Село – центр сельской администрации, расположено в 30 километрах к северу от Старой Майны. В селе школа с интернатом, маслозавод, магазин, пилюрама, детский сад, контора агропроизводства «Рассвет». В 1999 году в селе 214 хозяйств и 617 жителей.

Современная Волостниковка - село компактное. Если смотреть с севера, то в плане расположение улиц напоминает букву «Щ». Улицы села пока не имеют конкретных названий, но асфальтированы или устланы бетонными плитами. В центре села скромный обелиск павшим землякам в Великой Отечественной войне, недалеко от двухэтажного здания Дома культуры, на постаменте, знаменательный для села бюст Карлу Марксу.

Село Волостниковка расположилось на обрывистом берегу левого берега Куйбышевского водохранилища. Оно образовалось в пятидесятые годы, когда прежнее село Волостниковка в связи со строительством ложа водохранилища было перенесено на новое, более высокое место. Хотя сюда была переставлена значительная часть прежних домов, предварительно подновленных, получилось совсем другое село, лишь с прежним названием, ибо все прошлое, привычное на новом месте не совпало, нарушилось. Потому теперь представить прошлое села под силу лишь немногим очевидцам, тем, кто успел оставить в своей памяти старое село и прежние, до боли родные места, затопленные водами водохранилища, обширную волжскую пойму, каждое болото, колку, лужок, чьи привычные названия необратимо выйдут из употребления. И все-таки история прежней Волостниковки останется в памяти в виде интригующих рассказов старожилов или в скрупулезных исследованиях краеведов...

Волостниковку основал во второй половине 17 века стольник Андрей Федорович Нарышкин. В ту пору в кругу влиятельных особ считалось престижным иметь хоть небольшую вотчину по волжским берегам, где были прекрасные пойменные луга, щедрые охотничьи угодья, рыбные ловли и плодородные земли...

Свое селение Нарышкин поставил вдоль грани, где восточная часть местного ландшафта - ровное возвышенное плато, изламывалось в виде крутого ската, и на запад местность понижалась, имея волнообразную поверхность, пересеченную кочковатыми болотами, кустарниками и гривами леса. Болота тянулись почти параллельно Волге, на юго-западе земли опять изламывались, переходя в пойменные луга, засоренные кустарником и куртинами малоценного леса - луга весной затоплялись, пополняя здешние озера волжской рыбой...

Вдоль леса, под горой было Починное (Жилое) болото, возможно, что в далекие времена это болото было волжским рукавом, но могучая Волга, отступая на запад, в

течение продолжительного времени вымывала себе новое русло, оставляя за собой обширную пойму с множеством стариц, озёр и лугов...

Население Волостниковки было русское, переселённое из других вотчин владельца. Переселенцы обустроились на новом месте, но закрепиться им здесь не удалось, резкий поворот в судьбах волостниковцев наступил при Петре I, когда в 1698 году здешние крестьяне - 70 дворов и 108 человек «взяты были за государя» и были переселены на свободные земли, в вершину реки Кандалки в селение Малая Кандала. А на освобожденные земли Волостниковки были водворены Казанские иноземцы - польская шляхта и казаки в количестве 22 человек. Так поручику Ивану Ивановичу Талалаеву отвели по 70 четвертей в каждом из трёх полей, Пальчевскому, Высоцкому, Козловскому, Карелину, Одинцову и другим - по 60 четвертей. Казалось, что земли поляки получили предостаточно, к тому же они могли практически свободно распоряжаться ей, например, продать или обменять, но с каждым новым поколением земля шляхтичей заметно дробилась по наследству, что приводило к резкому их расслоению. Кроме земель польских поселенцев, оставшиеся свободные земли стали помещичьими. Каждый помещик переселял сюда своих крестьян, так что население Волостниковки собиралось с разных мест, с разными навыками, традициями, с годами формируя единый, оптимальный для здешних мест сельский уклад... Важным, объединяющим началом для всех поселенцев была церковь, возможно, потому село имело и другое название – Знаменское, по здешнему церковному престолу...

К 1771 году в Волостниковке имели земли и крестьян Аристовы, Алябьевы, Бекетовы, Палицыны и другие, а из знатных родов здесь имели владения князь Владимир Асанов и его жена княгиня Авдотья.

Здешние помещики, как правило, имели владения в других местах, потому, чем-то неудовлетворенные, могли перепродать свои участки (дачи). Так, например, 18 марта 1783 года майор Дмитрий Максимович Бокеев продал полковнику Александру Васильевичу Толстому свое недвижимое имение в селе Знаменское (Волостниковка) со всеми угодьями и крестьянскими людьми за 1400 рублей...

Интересно, что по пятой ревизии (в 1795 году) в селе Волостниковка насчитывалось 25 помещиков, имеющих, как правило, небольшие общины крестьян. Так у Толстого в 13 дворах было 78 душ, у Голчина в 19 дворах 160 душ, у сержанта Бориса Михайловича Палицына в 19 дворах 78 душ, и т. д. Всего в селе, с учетом казённых крестьян, было в то время 169 дворов и 1112 жителей, к селу относилось 6303 десятины земли, из них 2320 десятин пашни...

Перебирая прошлое села, невольно задумываешься о происхождении названия села Волостниковка... В селе сложилось и бытует мнение, что название произошло от того, что здесь когда-то было волостное управление, но это лишь простейшая и удобная для понимания версия, с которой люди, часто не задумываясь, соглашаются, однако версия полностью не подтверждена, и с ней можно спорить, оставляя возможность для поиска других продолжений...

Сегодня мало кто знает, что продолжительно Волостниковка разделялась на два селения: деревню Волостниковку, где жили казённые крестьяне (позже городок), и село Волосниковка, где жили помещичьи крестьяне, где была церковь, потому село называлось еще по престолу - Знаменское...

По данным 1859 года в деревне Волостниковка 57 дворов и 418 жителей, а в селе Волостниковка (Знаменское) 132 двора и 1189 жителей. В дальнейшем статистические данные чаще приводятся объединенными, как одного села, но в реальной жизни разделение продолжалось, и лишь с начала 20 века деревня (Городок) как государственное общество окончательно вошло в состав села...

Надо отметить, что к началу проведения отмены крепостного права в Волостниковке по разным причинам почти вдвое сократилось число помещиков, а в ходе реформы 1861 года здесь были сформированы 9 крестьянских обществ. Сложный процесс освобождения крестьян от крепостного права в селе затянулся, лишь к 1868 году смогли договориться на выкупную сделку крестьяне Горлова, Апреловой, Донских, но большинство в селе на 2-3 года раньше были уже крестьянами-собственниками. До 1871 года в селе освободились и казённые крестьяне...

После 1861 года, с образованием волостей село Волостниковка стала относиться к Жедяевской волости Спасского уезда Казанской губернии.

Освобождение от крепостного права волостниковцы приняли настороженно. Краеведы с гордостью отмечали тот пробудившийся бунтарский дух здешних крестьян, недовольных проводимой реформой. Так в 1861 году крестьяне села активно участвовали в Бездненском восстании. Они рубили помещичьи леса, пытались разделить барский хлеб. Помещик Горлов писал Спасскому земскому исправнику Р. В. Шишкину: «В Волостниковке мужики все время вели себя совершенно исправно, и во всех барщинах выходили на работу. Бездненские дела и волнения всего округа сбили их с толку, и они отправили из каждой барщины по несколько человек для того, чтобы узнать, в чем дело. К тому побудили их вести, привезённые во вторник с Матвеевского базара, где агенты бездненского читачи волновали народ. Вечером, во вторник Волостниковские мужики собрались на сход и решили - в среду отправить депутатов». Возмущение крестьян закончилось людскими потерями, в Бездне при расстреле взбунтовавшихся был убит один крестьянин из села Волостниковка, а в село была направлена рота солдат...

После пережитых волнений селяне успокоились, и утешением для них стала новая церковь, построенная в 1862 году на средства здешней помещицы Анны Ивановны Апреловой. Церковь деревянная, двухпрестольная, теплая, с главным престолом в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы, в приделе - во имя святых Петра и Павла. Интересно, что в 1880 году годовая зарплата священника по Волостниковскому приходу составляла 300 рублей, диакона - 150 рублей, псаломщика - 100 рублей...

С образованием земства (1864 год) повсеместно стали делать попытки по обучению грамоте крестьянских детей. Образование в селениях продвигалось с трудом, часто на голом энтузиазме и душевных порывах, не было средств, помещений, должного опыта, подготовленных учителей. В 1869 году в селе Волостниковка была создана женская школа, в которой занимались 12 девочек и 3 мальчика, занималась с детьми дочь местного крестьянина Авдотья Левкова.

Неоднократно пыталось земство открыть в селе земское училище. В 1871 году училище было открыто, но уже в сентябре оно было закрыто. В феврале 1872 года до середины мая было устроено «подвижное» училище, учителем в котором был Алексей Никифорович Леснов, имевший звание приходского учителя. С сентября 1873 года вновь было открыто постоянное земское училище, в котором учительницей была Анна Павловна Таубе,

домашнего обучения... Четвертый раз училище было открыто с 13 марта 1883 года, но спустя год, оно снова было закрыто из-за неимения постоянного помещения...

Естественно, отношение к грамоте среди крестьян было неоднозначное: кто-то считал это необходимым, а кто-то не пускал своих детей на уроки, считая это необязательным, однако, несмотря на неудачи, в 1885 году в Волостниковке открылась церковно-приходская школа, помещенная в церковной сторожке. Законоучителем был дьякон Яков Ястребов, а учителем Фёдор Мартимианович Жирнов. В школе учились 32 мальчика и 3 девочки, все русские и местные. Средств на содержание школа ниоткуда не получала, к тому же помещение было весьма тесное и неудобное. Вероятно, учащихся в школе было бы значительно больше, если бы имелось просторное помещение, и занятия велись более качественно...

Кроме трудностей с просвещением крестьянских детей, в селе вследствие низкого жизненного уровня и слабого медицинского обеспечения была ещё высокая детская смертность. Например, в голодный 1892 год по приходу родилось 129, а умерло 157 человек, в следующем 1893 году родилось 144, а умерло 164, из них 104 детей в возрасте до 10 лет, следующий 1894 год тоже трудный - за год родилось 167, а умерло 228, из них 176 детей в возрасте до 10 лет... В другие более благополучные годы рождаемость превышала смертность.

В 1908 году в Волостниковке 360 дворов и 2075 жителей, в селе 2 церковно-приходской школы, 4 мелочные лавки, 10 ветряных мельниц, 2 крупорушки, 3 барские усадьбы, квартира полицейского стражника.

По своему расположению Волостниковка значительно отличалась от всех селений края, главной примечательностью села было то, что оно растянулось в одну улицу вдоль горы, достигнув в своей истории длины в 7 верст... к этому времени после Столыпинских реформ 9 обществ распались на 12 самостоятельных земельных обществ, которые сохранили за собой старые названия по фамилиям их прежних владельцев.

За всеми крестьянскими обществами села числилось 1676 десятин наделной земли, это чуть меньше, чем было при крепостном праве, и в зависимости от доли, доставшейся после отмены крепостного права, каждое общество имело свой размер наделной земли, который никогда не менялся, потому все переделы земли проводились только в пределах своего общества...

Село не славилось богатством, скорее, было сравнительно бедноватым, с серым крестьянским бытом, подавленным большими физическими затратами из-за примитивного сельхозинвентаря, здесь же сказывалось относительное захолустье, ибо Волостниковка располагалась в стороне от важного коммерческого тракта, что отрицательно сказывалось на благосостоянии его жителей, в селе преобладали простенькие деревянные, крытые соломой избы...

В 1911 году в селе была построена новая деревянная, на каменном фундаменте, земская школа, крытая железом... Пожалуй, это все из сохранившейся дореволюционной истории села, которая оставила ещё много небольших семейных историй и ту массу старых названий, которая связывала все поколения незримой нитью понимания... Аристов лес, Горлов лес, Горелова грива, а сколько было озёр: Царапкино болото, Елшанка, Палочное, Пиявочное, Благое, Клюквенное, Барсучье, Круглое, Степаново, Малиновое...

С Октябрьской революции практически началась новая историческая эпоха в жизни крестьянского села. Как и везде, в селе была установлена советская власть с ее плюсами и минусами. В начале 1918 года в селе был образован сельский Совет, вся земля была национализирована и перераспределена. За счет помещичьей земли крестьянские наделы увеличились почти втрое, если до революции они имели всего 2212 десятин, то при новой власти крестьяне села получили во временное пользование 6382 десятины земли, из них 4127 десятин пашни, 296 десятин луга, 490 десятин леса, 141 десятину кустарника, 498 десятин выгона и т. д. В среднем на каждого едока в селе пришлось по 1,8 десятины, но увеличение наделов не радовало, ибо жесткая, унижительная продрозверстка не стимулировала крестьян и стала основной причиной тяжёлого голода 1921-1922 годов, когда от голода и эпидемий в селе были значительные людские потери, что невольно дискредитировало новую власть.

В 1925 году из прежних 12 земельных обществ были сформированы восемь, впрочем, и эти общества сегодня мало кто помнит, между тем, спустя много лет, интересно каждому знать, в каком обществе жили его предки. Но для этого надо, хотя бы мысленно, пройти по прежней Волостниковке, коротко знакомясь с каждой её частью.

При формировании земельных обществ местным СКОМ была дана оценка состояния каждого хозяйства, и хотя в советский период за счет продрозверстки и пережитого голода крестьянские хозяйства подравнялись и разница в земельном обеспечении между обществами выравнилась, тем не менее, полного равенства не произошло. Потому данные слова дают почву для независимого размышления, чтобы потомки могли углубить, расширить свои представления о прошлом.

Голчинское земельное общество №1 - самое северное общество, здесь 58 дворов, из них 26 бедняцких, 31 середняцких и 1 зажиточный, всего 227 едоков, на которые приходилось 556 десятин, из них 425 - пашни. В обществе на 58 дворов было 34 лошади, 33 коровы, 25 хозяйств были безлошадными. Здесь жили Сергей Харитонов, Пётр Макаров, Иван Шамов, Михаил Глухов, Сергей Гудков, Григорий Маркелов и другие. До преобразования это общество практически состояло из двух частей: Гулькинской и Голчинской, хотя чаще употреблялось лишь одно название – Голчинское. Между этими частями было ещё владение М. П. Гордова. Голчины относились к древнему благородному дворянскому роду. Они значились в Волостниковке ещё по 5 ревизской сказке 1795 года, имея здесь 160 душ. к 1816 году подпоручик Иван Никитич Голчин имел в селе 121 душу и 72 души в Берёзовке. к 1834 году у его сына, подпоручика Александра Ивановича, в Волостниковке 120 душ крестьян, а к 1852 году эстафету наследства принял губернский секретарь Александр Александрович Голчин, при котором его крестьяне освободились от крепостного права. Гулькины мало известны, не знают о них и старожилы, хотя помнят Гулькин бугор, Гулькино болото, Гулькин лес...

За первым обществом до революции было владение дворянина Горлова, а южнее - церковная земля с церковью, ещё южнее – купчие земли. С восточной стороны против церкви было сельское кладбище.

Буторовское земельное общество №2 . На момент преобразования в обществе было 47 дворов, из них - 20 бедняцких, 23 - середняцких и 4 зажиточных. На 220 едоков здесь приходилось 416 десятин земли, из них 366 - пашни. В обществе на 47 дворов было 33 лошади и 35 коров, 22 хозяйства были безлошадными. Здесь жили семьи Петра Филиппова, Павла Николаева, Ивана Логинова, Фёдора Антонова, Ивана Симонова и

других. Примечательно, что свое название общество получило по фамилии Буторовых, из которых более известна бывшая владелица Екатерина Ивановна Буторова. У неё было ещё владение в селе Кремёнки.

Карачевское земельное общество №3. Названо по фамилии дворян Карачевых. Интересно, что для многих дворян служба была в тягость, и те, кто имел приличный доход от владений, стремились уйти в отставку с небольшим чином. Карачевы, практически не имея от владений дохода, наоборот, вынуждены были держаться за службу. Так в 1771 году у Ивана Алексеевича Карачева в селе было всего 3 крестьянских души, потому следующий из Карачевых, Сергей Иванович, дослужился до полковника, и к 1816 году у него в селе было 24 души...

Известно, что Карачев женился на Александре Гавриловне Ховриной, и её крестьянская община в Жедяевке, полученная ею в наследство, тоже получила название Карачевская. Волостниковская Карачевская община входила в ту часть села, которую в селе называли ещё Бригадировка.

После преобразования здесь стало 48 дворов, из них 16 – бедняцкие, 31 - середняцкие и один – зажиточный. На 250 едоков в обществе приходилось 514 десятин земли, из них 450 - пашни. Здесь на 48 дворов было 34 лошади и 37 коров, 16 хозяйств были безлошадными. Здесь жили семьи Павла Соколова, Павла Логинова, Семёна Наумова, Михаила Исаева и другие. Примечательно, что до преобразования за Карачевским обществом шли три небольших земельных общества: Палицинское №4, Донское №5, Яшинское №6, которые и прежде имели общего старосту с Карачевским обществом. После внесенных изменений они были упразднены. Изменения коснулись расположенного далее бывшего владения П. П. Горлова и Горловского общества №7, которое также было упразднено.

Апехтинское земельное общество №4. (До преобразования имело №8). Среди селян это общество называли Шимановкой. Здесь 57 дворов, из них 22 - бедняцких, 32 – середняцких и 3 - зажиточных. На 253 едока приходилось 516 десятин земли, из них 409 - пашни. В обществе на 57 дворов было 33 лошади, 34 коровы, 26 хозяйств были безлошадными. Здесь жили семьи Павла Губанкова, Петра Кудряшева, Захара Портнова, Семена Батуева, Ивана Савельева, Егора Кузина и других. Общество называлось по фамилии бывших владельцев. Так известны Николай и Павел Андреевичи Апехтины, относившиеся к древнему благородному дворянскому роду.

Жедринское земельное общество №5. (До преобразования №9). Среди селян это общество называлось центральное, здесь 72 двора, из них 26 бедняцких, 41 – середняцкий и 3 зажиточных. В обществе на 72 двора было 52 лошади, 55 коров, 24 хозяйства были безлошадными. Здесь жили семьи Якова Гаранина, Григория Жирнова, Якова Липатова, Михаила Бедова, Ивана и Степана Солодовниковых, Михаила Фадеева и других. С северной части общества раньше было владение дворян Жедринских, известного старинного дворянского рода, который всегда служил Отечеству. Среди Жедринских наиболее известен майор и кавалер Иван Михайлович. Жедринские в разное время имели владения в Волостниковке, Жедяевке, Шмелёвке, Русских Юрткулях, в Агнеевке и других местах.

Горловское земельное общество № 6. (До преобразования №10). В народе это общество называли Кулаковкой, здесь было 53 двора, из них 17 – бедняцкие, 34 – середняцкие и 2 – зажиточные. На 263 едока приходилось 540 десятин земли, из них 404

десятины пашни. В обществе было 48 лошадей, 48 коров, 15 хозяйств были безлошадными. Здесь жили семьи Михаила Митрофанова, Егора Абрамова, Сергея Журавлева, Фёдора Федотова, Ивана Батуева, Фёдора Курбакова и других. Общество называлось по фамилии его бывшего владельца, дворянина Горлова. Из первых Горловых в селе известен Афанасий Гаврилович, а из его сыновей к 1816 году свои владения имели старшие сыновья: поручик Александр и унтер-офицер Павел Афанасьевичи. Кстати, Горловы относились к древнему благородному роду и всегда служили Отечеству. к 1834 году Павел уже майор и имел в бывшем 7 обществе 75 душ. До звания майора дослужился и Александр, но его к этому моменту не стало, а его наследство перешло к малолетним дочерям Варваре, Елизавете, Анне и Наталии...

Третий брат, Николай Афанасьевич, дослужился до звания подполковника, а в Волостниковке у него было 23 души. У Горловых были владения и в Гусихе, Муллино... Дворянский род Горловых продержался в селе до Октябрьской революции.

Государственное земельное общество №7. Здесь было 102 двора, из них 33 – бедняцкие, 57 – середняцкие и 12 - зажиточных. На 588 едоков приходилось 1205 десятин земли, из них 910 десятин пашни. В обществе было 84 лошади, 90 коров. 28 хозяйств были безлошадными. Здесь жили семьи Фёдора Воротникова, Ильи Вьюговского, Михаила Мальковского, Александра Руднева, Сергея Титова, Павла Гордеева, Александра Мальковского и других. Государственное общество (бывшее №11) в народе часто называли Пановкой, ибо именно здесь были водворены польские шляхтичи - паны, которые полностью обрусели и в общем-то, забыли уже своё польское происхождение. С увеличением численности общества, с первой половины 19 века часть семей выселилась на южную окраину села, где были когда-то древние городки. В начале был заселён Верхний городок, а позднее и Нижний городок, или как его ещё называли, Подгорка.

Получилось как бы два государственных общества, разделённых Апреловским обществом, однако Пановка и оба городка имели общего старосту и считались единым обществом. Если прежде бывшее государственное общество называлось деревней Волостниковкой, то позднее стало называться деревня Городок...

Апреловское земельное общество №8 (бывшее №12). Селяне называли его Заглядовкой. В обществе было 85 дворов, из них 26 – бедняцких, 52 – середняцких и 7 – зажиточных. На 490 едоков здесь приходилось 1020 десятин земли, из них 814 десятин пашни. В обществе на 85 дворов было 75 лошадей, 76 коров, 27 хозяйств были безлошадными. Здесь жили семьи Ивана Титова, Ивана Мальковского, Павла Авдеева, Осипа Руднева, Якова Воротникова, Петра Титова, Петра Никишина, Сидора Моисеева и других. Общество называлось по фамилии бывших владельцев. Напомню, что на средства Анны Ивановны Апреловой в селе была построена церковь...

При советской власти подчеркивалась необходимость образования, хотя на самом деле в этом мало что изменилось. В селе были две четырехклассные школы. В школе №1 в 1926 году училось 70 мальчиков и 11 девочек, учителями здесь были Иевлевы Василий Иванович и Вера Петровна, получавшие соответственно 47 и 44 рубля в месяц. Во второй школе учителем был Василий Филиппович Аверьянов...

К сожалению, короткий путь НЭПа быстро закончился, и к концу 20-х годов отношение Советской власти к крестьянам стало резко меняться в худшую сторону. Но селяне по их упрощенной логике и по инерции ещё надеялись на справедливое к ним

отношение, на понимание и продолжали держаться за свой тяжёлый труд, за землю, которая им уже не принадлежала, за своё скромное хозяйство, которое позволяло лишь обеспечить кое-как семью. Но по воле режима крестьяне дошли до той вершины, за которой их ожидал крутой спуск к нищете...

На пороге коллективизации село достигло наибольшей своей численности: в 1930 году в Волостниковке в 526 дворах 2715 жителей. Здесь было 460 коров, 382 лошади, 926 свиней, 3904 головы овец, несколько селян занимались пчеловодством – у них было 79 колодных и 65 рамочных ульев. Из инвентаря здесь были 200 однолемешных плугов, 245 двухлемешных, 555 деревянных борон и 135 – железных, 21 молотилка, 15 веялок и т. д... Вот на этой базе в 1931 году началась коллективизация, как и везде, с перегибами и насилием...

Чтобы быстрее создать задуманные колхозы и сломить сомнение и сопротивление упорных и самостоятельных крестьян, идеологи коллективизации торопливо и бесцеремонно нагнетали чрезмерно жёсткую атмосферу страха и раздора, опираясь на извечную, примитивную человеческую зависть, что помогло исполнителям ликвидировать более зажиточных и смышленных крестьян с помощью местных бедняков... С поощрения властей в селе выдвигалась новая волна людей–активистов, легко поверивших в иллюзию новой колхозной жизни и с готовностью участвовавших в раскулачивании своих земляков, тем самым взявших на свою совесть тяжёлый нравственный груз за разбитые человеческие судьбы...

На первом этапе коллективизации их организаторы шли на временные уступки, давая возможность крестьянам объединяться в колхозы в пределах привычных для них земельных обществ. Так в этом году в селе образовалось семь небольших колхозов...

В Голчинском обществе был образован колхоз "Волгарь", его председателем стал Василий Илларионович Дугалёв.

В Буторовском и Карачевском обществах был организован один колхоз – имени Некрасова, председателем здесь стал Иван Семёнович Наумов.

В Апехтинском обществе был образован колхоз под названием "Центр", председателем здесь стал Михаил Николаевич Тюпкин.

В Жедринском обществе был образован колхоз имени Карла Маркса, председателем которого стал Максим Евдокимович Фадеев.

В Горловском обществе колхоз назвали имени Красина, председателем здесь был Сергей Александрович Батуев.

В обществе бывших государственных крестьян был образован колхоз "Красное Утро", где председателем был Иван Васильевич Воротников.

В Апреловском обществе колхоз назвали имени Первого Мая, председателем здесь был Николай Сергеевич Титов.

Однако вдохновителей коллективизации не устраивало то, что в своих привычных обществах волостниковцы чувствовали себя более уверенно и дружно, давая отпор

всяким непродуманным решениям, потому на 1 января 1932 года все семь колхозов села Волостниковка, а также колхозы деревень Берёзовка, Никольские Выселки и Зеленовка объединились в одно хозяйство. Колхоз назвали "Объединение", председателем здесь стал Назар Иванович Абрамов... Однако в новом колхозе сплочения не получилось, колхозники редко приходили к единому мнению, часто ревностно следя, как бы не ущемили интересы сложившихся по обществам групп бывших крестьян, потому в таком виде колхоз просуществовал недолго, и уже в марте того же года колхоз разукрупнился... В селе Волостниковка стало два колхоза: в северной части колхоз имени Карла Маркса, а в южной части колхоз имени Первого Мая.

Организованные колхозы создавали свою материальную базу в расчете на обобществлённое имущество вошедших в них крестьянских хозяйств, а также на конфискованное имущество тех, кто в колхоз вступать не хотел... Ныне трудно осознать, как так просто собственность крестьян стала колхозной и прежний хозяин терял на неё все права... Ни один рабочий свою собственность никуда не вкладывал и ничего не терял, а крестьян обобрали самым грубым и бессовестным образом...

Навязанный колхозный строй разрушил сложившиеся в селе традиции, изменил образ жизни, мышление, систему ценностей, вытравил у землепашца чувство хозяина и практически вернул крестьян в невиданное по эксплуатации бесправное крепостное право, где за колхозную барщину приходились лишь трудодень и небольшой приусадебный участок под картошку, с которого практически и кормилась колхозная семья... Между тем пропаганда примитивно и навязчиво крутила пластинку об улучшении жизни села, для чего приходилось, не стесняясь, чернить прошлое....

Старожилы вспоминают, что в 1933 году колхозы получили первый трактор, а в 1935 году первую грузовую машину, и первым её водителем был Алексей Фёдорович Кудряшов. В 1937 году начальную школу в селе преобразовали в семилетнюю, хотя в первый год шестых и седьмых классов ещё не было.

Это лишь отдельные обнадёживающие события, но в устной памяти остались и чёрные страницы из жизни селян. Разве можно забыть то, что в 1932–33 годах был голод, и то, что в 1936 году сторел почти весь Нижний Городок, и то, что в 1937 году закрыли церковь, а священника арестовали. Впрочем, чтобы держать людей постоянно в страхе и повиновении, в тот год увезли многих. 5 августа был арестован шестидесятилетний бондарь Пётр Иванович Антонов, 20 октября - 28-летняя крестьянка Анна Илларионовна Шамова, 9 декабря – 68-летний крестьянин Дмитрий Капитонович Солодовников расстрелян, 57-летний Михаил Николаевич Богородицкий расстрелян... В селе боялись пожара и НКВД, ибо от чёрного навета никто не был застрахован. В эти годы люди без совести получили благодатную почву для удовлетворения своих низменных замыслов. И ещё, над запуганным селянином мог глумиться каждый чиновник-карьерист, каких было немало...

Под удобным прикрытием классово-борьбы в Отечестве, как грибы, разрасталась сеть сталинских лагерей. Впрочем, и всё общество чувствовало себя в одном масштабном лагере с всеохватывающим партийным контролем над всей духовной жизнью человека, с одной идеологией - оправдывающей и обосновывающей все деяния Сталинского режима. Вот с таким ограниченным мышлением, с ежедневной угрозой расправы страна вступила в войну, и немудрено, что Сталинский режим, державший в страхе свой народ, терпел неудачи, за которые народ расплачивался большими людскими потерями...

В этой кровопролитной, ещё не раскрытой полностью войне волостниковцы потеряли 171 селянина, имена которых занесены в районную Книгу Памяти.

Война оставила тяжёлый след в жизни селян. Без мужчин вся тяжесть работ в колхозе и дома легла на плечи женщин, стариков и детей, вся их жизнь превратилась в самоотверженный подвиг. Работая в колхозе практически бесплатно, они ещё должны были выполнять поставку – сдавать молоко, мясо, шерсть... Во многом селян выручала кормилица корова, хотя содержать её было очень трудно, ибо лугов им не выделяли, и людям приходилось выкашивать бросовые неудобные участки, обочины дорог, кто где мог, и вязанками таскать в гору...

Колхозникам выделяли у села на горе по 35-40 соток под картошку, под горой ещё по 5 соток под огороды, здесь почти у каждого был свой колодец. Вода была неглубоко, потому воду доставали крюками.

В 1950 году колхозы села, а также Парашино и Валдая объединились в одно многоотраслевое хозяйство под названием колхоз имени Карла Маркса. В эти годы село переносится на новое место, сюда же переселяются жители Парашино и Валдая. В 1958 году в хозяйство колхоза влился Аристовский колхоз.

В 1959 году в Волостниковке 1132 жителя. В колхозе своя электростанция, ремонтно-техническая мастерская, 20 тракторов, 12 комбайнов, 11 автомашин. И хотя колхоз считался хозяйством с хорошо развитым животноводством, но например, надой молока на одну фуражную корову в этот год составлял лишь 1510 литров. В 1971 году в селе построен клуб на 380 мест. Надо отметить, что село после устройства Куйбышевского водохранилища осталось без пойменных лугов, а путь до райцентра удлинился вдвое, и село стало обезлюживаться. В 1982 году колхоз в селе ликвидировался, на его землях было организовано подсобное хозяйство Ульяновского машиностроительного завода имени Володарского. На первых порах это хозяйство называли ПСХ им. Карла Маркса, затем ПСХ имени Володарского, ещё позже это хозяйство называли агропроизводство "Рассвет".

В 1988 году в селе в 148 хозяйствах 380 жителей. В последующие годы численность жителей села стала возрастать. В подсобном хозяйстве сохраняется стадо коров в 500 голов, что при наличии своего маслозавода вполне было оправдано, здесь же 371 свинья... Однако о будущем хозяйства говорить сложно, с ростом цен на ГСМ содержать подсобное хозяйство за такие вёрсты стало накладным, впрочем, и при изменении *Ветераны села* хозяина, и при смене названия, и при реконструкции хозяйства останутся проблемы, которые будет трудно решить без изменения государственной политики в отношении всего отечественного сельского хозяйства...

Посёлок Валдай

В 5 верстах к западу от Волостниковки до образования водохранилища располагался посёлок Валдай. Интересно, что около посёлка был найден клад металлических серпов медно-бронзового периода, но история самого посёлка началась при советской власти, с установления которой Валдайский участок земли изначально отводился для образования совхоза, но он не состоялся, и в 1924 году здесь был отведён участок для 19 хозяйств из числа крестьян из села Волостниковка с условием, что они должны были переселиться в течение 3 лет на отведённые земли, а прежние усадебные участки оставить в пользу тех

обществ, из которых они переселялись. Выселенцы сохраняли право на остальные земли (луга, выгон) наравне с жителями Волосниковки, им же предоставлялось право наравне с волостниковцами пользоваться лесом за болотами Царапкино и Гулькино...

В посёлке поселились семьи Ивана Александрова, Ивана Бедова, Сергея Губанкова, Якова Губанкова, Петра Баянова, Александра Миронова и других, всего 19 хозяйств, из них 5 считались бедняцкими, а остальные 14 середняцкими. Земли переселенцы получили по количеству едоков – на 118 человек 372 десятины удобий, что выходило по 3,15 десятины на едока, да кроме того, на всех пришлось 127 десятин неудобий, потому начало для переселенцев было многообещающим, тем более что валдайцы взяли в аренду бывшее имущество дворянина Горлова и Кашиной. Барское имение было не шикарным и рассчитано на хозяйственную деятельность. Здесь деревянный крытый тёсом дом, баня, крытая железом, контора деревянная, амбар, конюшня, сарай, кузница, жилой дом. Здесь же были 4 жнейки, паровая 12-сильная молотилка, насос пожарный и т. д.

От барского имущества осталась и дюжина прекрасных рабочих лошадей, каждая из них уже в своём названии несла некую смысловую информацию, по которой нетрудно догадаться об их внешнем виде или о других качествах, например: Белоножка, Жаворонок, Буланный, Золотой или Удалый, Злая, Голубка, Татарка, Чистопольский...

Посёлок Валдай небольшой, в один порядок лицом к Волостниковке. Валдайские места очень красивые, недаром одну из известных народных припевок здесь пели на свои слова:

Вы Валдаи, вы Валдаи, где вы поселённые,

Кругом лес, крутые горы и луга зелёные...

В 1926 году на Волге в половодье был высокий уровень воды, и Валдайский бугор практически оказался островом...

В том же 1926 году в посёлке образуется товарищество "Валдай". Сельхозинвентарь валдайцев был довольно скромный, на весь посёлок здесь было 10 однолемешных и 12 двухлемешных плугов, 34 деревянные бороны да 2 железные. Не ахти было и скота: перед коллективизацией в 1929 году в посёлке 21 корова, 16 рабочих лошадей, 146 овец... В 1930 году в посёлке 24 хозяйства и 121 житель, все русские. В том же тридцатом на основе товарищества в посёлке был образован колхоз "Красный Валдай".

С коллективизацией многие посёлки исчезли, а вот посёлок Валдай сохранился, хотя колхозный строй во многом разочаровал поселенцев. Посёлок был образован крестьянами в надежде на лучшую жизнь, поселенцы ради своей мечты жертвовали многими социальными удобствами лишь бы быть ближе к своему земельному наделу, а с коллективизацией у них не стало ни земли, ни рабочего скота. Все мечты рухнули, но другого выбора на тот период у валдайцев уже не было... к 1935 году в колхозе «Красный Валдай» состояли все 35 дворов, у колхоза было 572 гектара земли.

В Великую Отечественную войну в посёлок не вернулось 8 человек.

После трудных военных лет жители посёлка продолжали жить с надеждами на лучшее, но их ожидало разочарование: в 1950 году их колхоз был присоединён к колхозу им.

Карла Маркса (Волостниковка), а затем в связи со строительством водохранилища посёлок Валдай был ликвидирован.

Деревня Парашино

Деревня Волостниковского сельского Совета располагалась между Волостниковкой и Старой Грязнухой, в 14 км к северу от Старой Майны. Сегодня о Парашинских островах знает каждый охотник и рыболов. Места здесь исключительно хорошие, возможно потому, что острова не каждому доступны, здесь словно девственные места, непуганая дичь возможность укрыться в зарослях камыша... Встретить зорьку здесь - одно наслаждение... к сожалению, не каждый охотник знает, что название островов ведётся от небольшой деревушки, что была на этих землях, каждая пядь которой полита крестьянским потом.

Деревня Парашино располагалась в 4 верстах к юго-западу от Волостниковки по дороге на Старую Грязнуху.

Частновладельческий выселок Парашино образован к середине 19 века у истока озера Починного. к 1859 году в выселке 9 дворов и 94 жителя. Из 380 десятин барской земли госпожи П. А. Панаевой 160 отводились на крестьянские наделы, для того времени это было не плохо, но после реформы 1861 года количество наделной земли у крестьянской общины сократилось до 98 десятин, что заметно сказалось на материальном положении крестьян.

Выселок относился к приходу Старогрязновской церкви с престольным праздником Николы, а административно - к Жедяевской волости Спасского уезда Казанской губернии.

В 1908 году в деревне Парашино 22 двора и 158 жителей, в деревне была ветряная мельница. Побочных ремёсел и промыслов не было, но жили парашинцы зажиточно и сумели до революции прикупить 141 десятину пахотной земли. Места у деревни были чудные – много ягод и прекрасные пойменные луга.

После революции парашинским крестьянам отвели во временное пользование бывшие участки Репьякова и других мелких владельцев. При новой власти земли у них оказалось несколько больше, но грабительская подразвёрстка и засушливый, голодный 21-й год отбросил крепкую деревушку до крайней бедности, и последующие годы стали периодом трудного восстановления. к 1929 году в деревне 38 хозяйств, из них 17 бедняцких и 21 середняцкое, всего 185 жителей, на этот год в деревне числилось 34 коровы, 28 лошадей, 49 ульев, у крестьян 479 десятин земли, из них 288 - пашни. Из инвентаря здесь 10 однолемешных и 23 двухлемешных плуга, 56 деревянных борон, одна молотилка и одна веялка... В Парашино сохранилась трёхпольная система земледелия, но теперь с ежегодным переделом земли.

В Парашино жили семьи Захаровых, Муховых, Фунтовых, Чебозовых и другие...

Сплошная коллективизация не миновала деревню, здесь был образован колхоз "Красная Заря", в тридцать пятом в колхозе состояло 30 дворов, а за колхозом числилось 555 гектаров земли. В годы Великой Отечественной войны в небольшую деревушку не вернулись 22 человека...

При колхозном строе парашинцам жилось трудно, старожилы с горечью вспоминали, как в грозном сорок первом просо уродилось на славу, но убрать его не удалось, вот так и жили, голодали, а в полях пропадал урожай...

В 1950 году здешний колхоз присоединился к колхозу им. Карла Маркса (Волостниковка). В середине пятидесятых в связи с созданием Куйбышевского водохранилища деревня Парашино ликвидировалась.

Сегодня Парашинские острова - это всё, что ещё напоминает о прошлом деревушки...

Село Волжское

Село Волостниковской сельской администрации, расположено в 38 км к северо-западу от Старой Майны. В 1999 году в селе 47 хозяйств и 111 жителей

Продолжая путь по бывшей Жедяевской волости к югу от Волостниковки, чуть более 7 вёрст расположилось село Волжское. Это село часто называют по-старому – Старая Грязнуха, ибо с этим названием связана большая часть истории старого села. Прежняя Грязнуха располагалась несколько западнее, в 5 верстах от Волги, на правом берегу реки Майна. Само селение стояло на предпойменной террасе, а в сторону Волги местность понижалась и частью была болотистой. Старожилы называли это вечно сырое место болотом, речкой, но часто просто Грязнушкой. Почва здесь, особенно после дождя, очень вязкая – непролазная грязь, немудрено, что и село получило название Грязнуха. Впрочем, это название в наших местах распространено, так к югу от села на левом берегу Майны, между рекой и озером Яик, располагалось озеро под названием Грязь, оно мало напоминало обычное озеро, а больше походило на вечно увлажнённый участок, через который было трудно пройти. В старину здесь были топкие места... Практически к югу и к западу от озера Яик было ещё довольно значительное по площади и сложное по конфигурации Яицкое болото, которое тоже можно было назвать Грязью...

Свой рассказ о прошлом Грязнухи начну, соблюдая последовательность, с тех редких археологических находок, что были найдены в окрестностях села. Так после Великой Отечественной войны пастух местного стада нашёл в поле каменный топор, изготовленный людьми каменного века. Здесь же археологи находили металлический наконечник копья, серп медно-бронзового века, находили следы именьковского поселения, свидетельствующего о более раннем проживании здесь человека...

Современная же история села началась во второй половине 17 века. Об основании Грязнухи сохранились лишь скурые строки из проведенного в 1699 году опроса. Так триста лет назад Максимко Михайлов рассказывал, что отец его пришёл в Грязнуху 25 лет назад (в 1674 году) из села Сергач Нижегородского уезда и что в переписных книгах (1678 года) его отец и он написаны... За отсутствием других источников можно считать основанием села 1764 год.

Поскольку со времён Волжско-Камской Болгарии, а затем Казанского ханства в нашем крае было распространено магометанство, то ранние русские поселения, стоявшие друг от друга на значительном расстоянии, одновременно были форпостами православия, потому даже в небольших поселениях стремились строить простенькие в архитектурном исполнении церквушки. Предположительно, что и в образованной Грязнухе тоже была построена церковь с престолом во имя Николая Чудотворца...

Ныне трудно представить вид старой Грязнухи, в моём вольном воображении видится небольшая деревушка с неказистыми деревянными избами и возвышавшимися над соломенными крышами изб церковными куполами, звоном колоколов, весёлым лаем собак, людьми, снующими в привычной суете - что-то похожее на старую сказку, в которой не богатство определяет счастье, а уют, покой, дружеские отношения и волшебное свершение мечты... Однако это внешнее спокойствие и удовлетворение легко рассыпалось под неожиданным ударом судьбы. Так в 1682 году небольшую деревню Грязнуху разорили неуёмные кочевники башкирцы. Часть жителей Грязнухи погибли, часть из них угнали в полон кочевники, а те, кто сумел спастись, нашли на время убежище в других селениях. Однако богатые природные условия влекли сюда прежних и новых поселенцев, и селение быстро возрождается. к 1698 году в Грязнухе было 57 дворов, однако укорениться поселенцам здесь не пришлось, в том же 1698 году по указу Петра Первого здешние крестьяне начали переселяться на другие земли. Большая часть крестьян из 47 дворов в количестве 154 человека (в том числе 72 недоросля) были переселены в село Малая Кандаля, а другая часть из 10 хозяйств в количестве 36 человек была выдворена на свободные земли деревни Баран, где образовали деревню Хмелёвку...

На освободившиеся грязновские земли в 1699 году поселили группу Казанских иноземцев, состоявших из одиннадцати рядовых поляков, получивших здесь по 60 четвертей в каждом из трёх полей. Усадебные земли новым поселенцам отвели на прежней селитьбе.

Вслед за шляхтой здесь приобретают земли и помещики, переселяя сюда своих крестьян из других владений, потому Грязнуха численно быстро увеличивается, что позволило в 1712 году на средства прихожан построить однопрестольную деревянную церковь во имя Святителя Николая Чудотворца.

Примечательно, что за селом продолжительно употреблялось и другое название - по церковному престолу Никольское. Возможно, это название, более красивое и благозвучное, могло закрепиться за селом, но наличие в уезде других сёл с тем же названием вынуждало постоянно уточнять, что это Никольское-Грязнуха. Это было не совсем удобно, потому впоследствии название Грязнуха вытеснило церковное – Никольское.

Из знатных родов в Грязнухе имел владение граф, генерал-аншеф и разных орденов кавалер Пётр Иванович Панин, у которого к 1771 году здесь было 72 души мужского пола.

К 1795 году к одиннадцати дворам однодворцев – обрусевших поляков, которых насчитывалось 63 души, присоединились 6 дворов экономических крестьян, в которых насчитывалась 31 душа. Обе группы имели в сумме 262 десятины пашни, а всего 750 десятин. В Грязнухе к этому времени имели земли и крестьян несколько помещиков. У Василия Ивановича Гославского здесь было 5 дворов и 35 крепостных душ, у Николая Гавриловича Гославского – 2 двора и 19 душ, у Михаила Михайловича Гославского - 3 двора и 21 душа, у бригадирши Елизаветы Петровны Чириковой - 32 двора и 190 душ, у поручицы Аграфены Фёдоровне Тихомировой - 6 дворов и 37 душ; здесь же была крестьянская община Василия Ивановича Поливанова и других помещиков – всего же в селе было 447 жителей. За селом числилось 3679 десятин земли. Интересно, что Поливанову что-то не понравилось в селе, и он переселяет своих крестьян на другое

место, образовав выселок, названный по селу Никольским (Новую Грязнуху), потому основное село Грязнуха с начала 19 века стало называться Старой Грязнухой...

К 1834 году в Старой Грязнухе кроме крепостных числилось 93 души (мужчин и женщин), относившейся к однодворцам, 66 душ - к экономическим, 43 души вольно отпущенных госпожой Тихомировой. Все они составили группу казённых крестьян.

Постепенно, по разным причинам, часть прежних помещиков продали свои здешние владения, и в селе к 1859 году осталось лишь три крестьянские общины. Наибольшей из них была группа казённых крестьян, в которой на этот год числилось 235 человек, а из 1199 десятин земли, относившихся к казённой палате, 655 десятин выделялись на крестьянские наделы. Это было хорошее обеспечение землёй. Для сравнения: в общине помещицы Ряпиховой было 84 души, и из 408 десятин помещичьей земли лишь 40 десятин отводились на крестьянские наделы. На этот период в селе было 56 дворов и 385 жителей.

После реформы 1861 года село Старая Грязнуха (Никольское) стало относиться к Жедяевской волости Спасского уезда (50 вёрст) Казанской губернии (180 вёрст). После реформы общее количество земли здешних крестьян уменьшилось до 482 десятин.

По переписи 1897 года в Старой Грязнухе 88 дворов и 408 жителей, здесь церковно-приходская школа, лавка, паровая и водяная мельницы.

Так уж устроен человек, что с накоплением прожитых лет он пытается забыть, исключить из памяти всё плохое, пережитое, потому заводя разговор о старине, она воспринимается как славная, добрая, непорочная, между тем в любой временной отрезок люди переживали какие-то потрясения и жили в ожидании непредвиденного случая. Часто повторяющиеся неурожаи, сам по себе сельский быт с его сезонной загруженностью и слабое медицинское обеспечение способствовали довольно высокой смертности, особенно детской. Например, в 1892 году по приходу Никольской церкви, куда кроме Старой Грязнухи входили деревни Парашино и Новая Грязнуха, родилось 45 человек, а умерло 77, из них 36 дети до 10 лет; то же было в тяжёлый, неурожайный для здешних мест 1901 год - здесь родилось 69, а умерло 83 человека. В эти годы от голода никто не умер, но крестьяне вынуждены были пойти на обычный для неурожайных лет приём – переходить на ограниченное потребление питания в семье, что приводило к тому, что дети часто рождались ослабленными, уязвимыми к любой болезни, что и способствовало высокой детской смертности и распространению эпидемий...

В 1906 году на средства прихожан в селе построена новая каменная церковь, однопрестольная во имя Святителя Николая Чудотворца. Священником в это время здесь был Гаврила Александрович Троицкий, получавший 300 рублей в год, псаломщик получал 100 рублей, кроме того, за церковь числилось 33 десятины земли.

В 1910 году в Старой Грязнухе – 545 жителей. Благодаря удачному расположению села у волжской поймы, жители села имели возможность запастись впрок ягоды, грибы, орехи, ловить рыбу. Из ремёсел здесь было незначительное кустарное производство самого необходимого: лаптей, ступней, корзин, освоено здесь и производство красного кирпича, из которого жители строили себе кирпичные дома, однако опыта в этом у них не было, потому дома в основном строили без фундаментов, без изоляции, поэтому в домах стены были сырые. Кроме основной крестьянской деятельности, жители села имели

возможность найти работу и дополнительный заработок на Старомайнской пристани, а когда начинался подъём воды на Волге, то волжские суда поднимались выше по реке Майна, и разгрузка, и погрузка шла на Соляном бугре, что было совсем рядом. Эта дополнительная работа позволила крестьянам села купить у Волостниковской помещицы Буторовой 116 десятин земли, из них 94 - пашни, однако деньги были истрачены впустую, ибо после революции вся земля была национализирована...

При советской власти в Старой Грязнухе был образован сельский Совет. О становлении новой власти, о голоде и НЭПе воспоминаний не сохранилось. В 1926 году в Старой Грязнухе в деревянной, крытой железом школе училось 42 ученика, а учительницей здесь была Лидия Гавриловна Кузнецова.

В 1929 году в Старой Грязнухе 689 жителей. Примечательно, что в Советское время историки скрупулёзно считали, сколько в дореволюционной деревне или в селе было бедных, безлошадных, беспощадно клеймили царизм, но вот прошло 12 лет новой власти, а положение селян ухудшилось. Так на 143 двора здесь 121 корова, 103 лошади, 85 свиней, 442 овцы, 560 кур, 25 гусей, 100 уток, здесь же 235 ульев... Из полученных во временное пользование 1006 десятин 664 десятины отводились под посевы, сеяли в основном рожь – 332 десятины, овёс – 125 десятин, понемногу проса, гречки, гороха... Земли при советской власти получили действительно больше, но надо отметить, что с увеличением земли прибавилось и работы, между тем доходы даже убавились, жесткие хлебозаготовки фактически увеличивали эксплуатацию крестьян, против которой так одержимо на словах боролись революционеры.

В феврале 1929 года в Старой Грязнухе была образована промысловая кооперативная артель "Лодка", здесь же была образована рыболовная артель "Зумор", однако следом на село накатывалась волна коллективизации по привычной в наших местах схеме – грубый шантаж, подкреплённый репрессиями... 17 ноября 1929 года были репрессированы крестьянин Яков Григоричев и псаломщик Яков Зубарев, оба по статье 58 п. 10., под которую можно подогнать любого неугодного, невинного человека. После такого действенного внушения крестьяне стали сговорчивее, и 17 февраля 1930 года в селе был образован колхоз имени Калинина. В этом же году в селе 150 дворов и 726 жителей, эта та численная грань, после которой началось постепенное обезлюживание села. Сколько бы ни твердили партийные идеологи, сколько бы ни внушали, что колхозы – это жизненная необходимость для самих крестьян, всё это элементарное, масштабное лицемерие, а в реальной жизни крестьянин лишился земли, рабочего скота, своей независимости и стал по всем критериям обыкновенным крепостным. Практически деревня стала для власти поставщиком дешёвого хлеба и источником дешёвой рабочей силы. Доходы колхозников вопреки бодрым газетным заверениям были низкими и не обеспечивали прожиточного минимума. Колхозники не имели стимулов, потому стали безразличными к обобществлённому имуществу и результатам своего труда...

Приоткроем запретную тему – трагедию голода 1932-33 годов. Ещё 1931 год в наших краях был засушливым, и во многих колхозах в зимовку 1931-32 годов, в силу безхозяйственности, слабой организации, неспособности руководства, плохого ухода за общественным скотом и незаинтересованности колхозников был большой урон во всех видах скота. Сказывалась значительная убыль лошадей и их истощение, кроме нехватки кормов - возрастающая нагрузка на каждую лошадь. В посевную 1932 года уже использовали коров. 1932 год был неурожайным, и колхозы, и единоличники были в трудном положении, однако никаких послаблений при проведении хлебозаготовок не

было, напротив заготовки возросли, а к единоличникам стали применяться штрафы и конфискация имущества. Кампании хлебозаготовок напоминали широкомасштабный грабёж крестьянских хозяйств. Удивительно, но даже сегодня, когда стало известно о масштабах чудовищного уничтожения крестьянской элиты, о расстреле офицерского состава всех рангов накануне войны, о бездарно проигранных сражениях, о громадных людских потерях во время войны, когда человеческая жизнь ничего не стоила, находятся поклонники Сталинского авторитарного режима. Все Сталинские достижения замешаны на крови, на рабском труде, на жёстких репрессиях, на унижении и поголовной нищете... С младенчества огромная армия идеологов внушала людям о непогрешимости вождя, о правильности его идей...

Впрочем, можно упрекнуть в излишнем усердии и местную власть. Так председатель Старогрязновского сельского Совета Павел Егорович Елисеев принимал личное участие в чёрном деле по изъятию крестьянского имущества, после чего они разорались окончательно...

Пик голода приходился на весну 1933 года, когда у большинства крестьян практически закончилось всё, годное в пищу. Вместо помощи голодающим председатель сельского Совета ходил с уполномоченными по дворам, отбирая всё, что оставалось. Так 25 мая Елисеев отбирает у лишенца Абрамова последнюю живность – четырёхмесячного телёнка и трёх кур, в тот же день у лишенца Абросимова отобран поросёнок, на другой день у лишенца Журкова отобраны два поросёнка, а 5 июня у того же Журкова и лишенца Едышева за неуплату индивидуального налога отобраны каменные дома. У Фёдора Андреева отобран молотильный привод, у него же в августе отобраны две конюшни, погребница и амбар. У Александра Михайловича Григоричева отобран каменный дом, амбар, конюшня. Дома отобраны у Исаева Андрея, Абрамовой Марии. Всё тот же Елисеев отбирает лошадей у Егора Фунтова, Селезнёвой и т.д.

Вспоминаю иллюстрацию из школьного учебника, когда за недоимки уводят коровёнку с крестьянского двора. В центре крестьянка на коленях умоляет оставить скотину. Здесь же дети... Трогательная картина из 19 столетия. Мог ли автор картины предположить, что изображённое станет актуальным для тридцатых годов 20 века, после революции, которая совершалась для улучшения жизни тех же крестьян? Но новая власть увлеклась и превзошла по эксплуатации крестьян самых крутых своих предшественников, она не щадила ни стариков, ни детей...

Типичный эпизод из жизни деревни – семья репрессированного Якова Зубарева пыталась спрятать часть необходимых вещей у Алексея Абрамова, но в пору всеобщего доноительства и угодничества это стало известно в сельском Совете. За сокрытым кулацким именем пришли уполномоченные. В кулацком сундуке самым ценным была ручная швейная машинка, остальное самое обыденное: 3 пары шерстяных носок, шарф, платок, простынь с кружевами, столешник, скатерть, 4 наволочки для подушек, юбка, кофта и облигации третьего государственного займа...

Новая власть не гнушалась отбирать последнее. А чтобы колхозники не роптали, репрессии против « кулаков» продолжались. Так в 1937 году были репрессированы: Николай Парфёнов, отец двоих детей, а Алексей Абросимов, отец двоих детей, был расстрелян... Бессмысленная жестокость, разбитые семьи, сломанные судьбы - на этом и держался продолжительно колхозный строй как высшая степень крепостного права...

В Великую Отечественную войну 71 селянин не вернулся в родное село.

С тяжёлым чувством перелистываю очередную страницу истории старого села, откровенно – не хочется в очередной раз вспоминать о бедности, о символическом трудовом, о займах, о самообложении – в общем-то, о тяжёлой, серой сельской жизни Советского периода без удобств и стимулов...

В 1953 году Старогрязновский сельский Совет был объединён с Волостниковским центром в селе Волостниковка. Село Старая Грязнуха ввиду строительства ложа Куйбышевского водохранилища переносится на новое, более высокое место, сюда же переселяются жители из соседних сносимых селений, потому за счёт переселенцев обновлённое село становится многолюдным. Так в 1959 году здесь 482 жителя.

В 1962 году село было переименовано в Волжское. Вообще-то смена названия вполне справедлива, ибо не стало теперь речки – болота Грязнушки, определявшей старое название села, а с созданием Куйбышевского водохранилища волжские воды подступили к селу. Нетрудно сосчитать, что от Волжского до Старой Майны объездной путь удлинился до 38 километров, хотя по кратчайшему зимнему пути он составляет чуть более 7 километров. Село Волжское ныне довольно глухой угол, и не каждый здесь останется жить, потому уже в 1979 году здесь всего 180 жителей. Одно время бывший колхоз им. Калинина был присоединён к колхозу «Волга» (Старая Майна), затем колхозные земли оказались в подсобном хозяйстве Ульяновского радиолампового завода, затем - Старомайнской сельхозхимии.

Насколько помню, гора, на которой располагался грязновский сад, всегда называлась Лысой, но сегодня её по всей длине чаще называют Грязновской, ибо летом жители бывшей Грязнухи часто, чтобы сократить путь до села, переплывают залив на лодке в направлении села, потому и вся гора стала называться Грязновской...

В 1999 году старому селу, в котором осталось 47 хозяйств и 111 жителей, исполнилось 325 лет. Настало время задуматься о дальнейшей судьбе старого села, ибо относительная отдалённость не в пользу селян...

Деревня Новая Грязнуха

Всего в двух верстах к юго-востоку от прежней Старой Грязнухи, на правом берегу Майны располагалась деревня Новая Грязнуха. Сегодня взгляд напрасно скользит по обширной водной глади водохранилища, пытаюсь зацепиться за какой-нибудь заметный ориентир, чтобы с уверенностью сказать: вот здесь на изгибе реки Майны стояла деревенька... Под водной толщей рукотворного моря скрыты все её следы, все чудные видения окружавшей её природы, и лишь в памяти очевидцев остались неизгладимые восторженные воспоминания...

Ещё по пятой ревизии 1795 года крестьяне помещика прапорщика Василия Ивановича Поливанова жили в селе Никольское (Грязнуха), но в короткий срок помещик переселяет своих крестьян на новое место за две версты от прежнего села. Так на карте 1809 года на правом берегу реки Майна уже значился выселок, изначально названный Никольским, но затем за Никольским выселком закрепилось другое, более распространённое название – Новая Грязнуха. Нетрудно заметить, что оба названия исходят от старого села...

К 1859 году здесь у Елизаветы Игнатьевны Поливановой было 1550 десятин земли, из которых 456 отводились на крестьянские наделы. На этот период у госпожи Поливановой было здесь 255 душ крепостных. После отмены крепостного права у здешних крестьян количество наделной земли уменьшилось до 330 десятин.

Административно сельцо Новая Грязнуха относилось к Жедяевской волости, а по приходу - к Никольской церкви (Старая Грязнуха). Примечательно, что усопших из сельца хоронили на Старогрязновском сельском кладбище.

В 1908 году в Новой Грязнухе 55 дворов и 339 жителей. В сельце барская усадьба и сад Поливановых. Места здесь дивные, тихие, благодатные, со всеми щедротами волжской поймы. За грибами жители сельца ходили на Монастырскую гору, а за ягодами больше в Остров - так называлось место в сторону Волги, которое в половодье становилось островом, потому и название...

Из ремёсел в сельце было развито производство красного кирпича, горны для обжига были у Абрамовых, Пышковых. Неудивительно, что часть домов в сельце были сложены из кирпича, а у Пышковых и арка у ворот была кирпичной. Известно, что некоторые дома в Старой Майне (дом Косыревых и прежний детский сад на Большой улице) были построены из кирпича из Новой Грязнухи...

После революции в деревне был создан сельский Совет. В 1921-22 годах в деревне, как и во всём Поволжье, был голод. В доме Абрамовых была организована столовая для детей. Здесь, по воспоминаниям старожил, поселилась американка, которая учила, как из американской муки печь хлеб, чтобы припёк был хороший. Тесто месили в трёх квашнях, а в 13 самодельных формах пекли хлеб.

Деревня Новая Грязнуха по тем временам была сравнительно небольшой. Вдоль реки шла главная улица, которую называли Большой. У дома Пышковых от улицы перпендикулярно от реки отходил Тишкин переулочек, ведущий к оврагу, где располагались бани, к юго-востоку от переулочка была барская усадьба Поливановых с прекрасным парком и фруктовым садом в 4 десятины. При советской власти сад Поливановых в 1923 году брал в аренду Цибульский Иван, а затем Потап Сидоренко. В саду было 69 яблонь, здесь же слива, груша всего 76 плодовых деревьев, здесь же был сравнительно небольшой барский одноэтажный каменный дом, крытый железом. Дом был 14х5,6 метра с восемью окнами и разделялся на три комнаты с двумя русскими и одной голландской печами; рядом деревянный дом 5,6 х 4,9 метра, крытый тёсом, с 4 окнами и с таким же по размеру прирубом с погребницей, здесь же курятник, кузница, кирпичный сарай...

Ещё до революции в деревне была построена добротная деревянная школа на каменном фундаменте, крытая железом. В 1926 году в школе училось 20 мальчиков и 18 девочек, а учительницей здесь была Красноярская Зоя Александровна, которая вышла замуж за Константина Гагарочкина, и с её помощью он тоже стал учителем.

Перед коллективизацией, в 1929 году крестьяне деревни имели на 394 жителя 686 гектаров земли, 58 однолемешных плугов, 13 двухлемешных, 13 деревянных борон, 6 молотилок, 4 веялки, здесь же было 76 коров, 67 лошадей, 284 овцы, 47 свиней, 609 голов птицы. Если это разделить на 94 двора, то получится более чем скромно, а треть была безлошадной. Нетрудно заметить, что при советской власти крестьяне деревни получили

во временное пользование вдвое больше земли, чем было у них до революции, и казалось, у них были все предпосылки для достойной жизни, однако власть своими поспешными непродуманными действиями не давала крестьянам подняться, найти благоприятный путь к переустройству сложного сельскохозяйственного процесса...

В 1930 году сельский Совет в деревне был упразднён, а деревня стала относиться к Старогрязновскому сельскому Совету.

Примечательно, что за 12 лет советской власти ей не удалось улучшить положение здешних крестьян, кроме того, с началом сплошной коллективизации положение их резко ухудшилось. Практически крестьяне остались без земли, а активисты отбирали у крестьян всё, от скота до самовара, доводя крестьянские семьи до сплошной нищеты. Андриан Абрамов был рыбаком, имел лодку, снасти – всё отобрали...

В Новой Грязнухе был образован колхоз "Горка". Пожалуй, в наших местах не было деревушки, где карательные органы ОГПУ и НКВД не находили жертвы своего политического преследования для поддержания в народе атмосферы шантажа и страха... 8 августа 1931 года по 58 статье была репрессирована монахиня Елена Чихирёва, позже, 20 декабря 1937 года по той же статье был расстрелян Василий Григорьевич Осокин, отец троих детей.

Нетрудно заметить, что колхозный строй держался на тотальном принуждении. В 1935 году колхоз «Горка» объединял 52 хозяйства и имел 1444 гектара земли. В деревне жили семьи Игнатьевых, Киндеевых, Чихирёвых, Екатериновых и другие...

В Великую Отечественную войну в Новую Грязнуху не вернулось 36 человек. Трудно подыскать слова о том, как трудно жилось жителям деревни и после войны – полное бесправие, пустой трудодень, самообложение, налоги... Будучи одно время председателем колхоза, Петр Михайлович Пышков рассказывал, что даже при выполнении плановых заданий колхоз на вырученные деньги мог купить лишь сбрую для двух лошадей. Трудно сопоставить – чудные места и такое убогое существование...

Перебирая центральную прессу, невольно обращаю внимание на тот благотворительный жест, когда наша страна, измотанная войной, выделила населению поверженного Берлина 105 тысяч тонн зерна, 18 тысяч тонн мясопродуктов, 4,5 тысячи тонн жиров... Жест, безусловно, гуманный, правда воспринимается с трудом, ибо в каждой нашей деревушке люди жили всю войну и после на грани выживания, практически отдавая последнее для победы, но сталинский режим ради политического фарса дарил хлеб вчерашним врагам, пытаясь этим убедить мир преимуществом социалистической системы. Вот так вся наша жизнь в тылу и на фронте - один сплошной подвиг... Между тем в 1946 и 48 годах по Ульяновской области урожай зерновых составил лишь 2,8 центнера с гектара, и мы были сами на грани вымирания... В войну кроме существующих налогов была введена поставка – натуральный налог, который постоянно возрастал. Например, при его введении нужно было сдать государству 100 литров молока, в последующие годы он возрос до 230 литров, а ближе

отмене достиг 270 литров. В приемных пунктах молока часто занижали его жирность, потому практически приходилось сдавать более 300 литров. Так же с каждого двора надо было сдать 40 кг мяса, сотню яиц, по два килограмма шерсти с каждой овцы...

За землю платили сельхозналог, кроме того, забиралась часть урожая: 3,5 центнера картофеля, причём, если изначально брался любой картофель, то позже - только калиброванный, то есть определённых размеров. Если на участке сеяли подсолнечник, то накладывался масло-семечный налог, который можно было платить деньгами. Налог брался с яблонь, кустов смородины, вишни. Под такими обременительными налогами и сборами в деревне жили очень бедно...

В 1952 году здешний колхоз «Горка» был присоединён к колхозу имени Калинина (Старая Грязнуха), а затем начался снос деревеньки, попадавшей в зону затопления. Жители Новой Грязнухи вынуждены были частью переселиться в Старую Грязнуху, остальные искали себе приют в других местах...

Деревней Новая Грязнуха заканчиваю свой рассказ о Жедяевской волости. Безусловно, хотелось написать больше светлых, приятных, жизнерадостных страниц, но суровая реальность сбивала к описанию затянувшегося трудного времени, когда становление новой власти, коллективизация и война составили широкую полосу необязательных испытаний, которой во многом можно было избежать, если бы правящий режим не держался любой ценой за власть, а уважал и ценил свой народ и прислушивался к мнениям и нуждам простых тружеников...

Бесспорно, ныне многое в районе построено: дороги, мосты, клубы, школы, водопроводы, всего не перечесать, но сделано это всё несколько поздно, и то поколение, которое перенесло всю тяжесть, всю боль, всю несправедливость сложного 20 века, большей частью этого не увидело... Важно и то, чтобы нынешнее и последующие поколения ценили бы то, что им досталось, учились относиться ко всему построенному бережливо и не пытались всё растащить, разрушить, как бывало прежде.

ЮРТКУЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

К северо-востоку от Жедяевской волости находилась Юрткульская волость. В эту часть Старомайнского района путь из райцентра лежит по маршруту Жедяевка – Матвеевка – Русский Юрткуль.

Волость образовалась в 1861 году с центром в селе Русский Юрткуль. Административно Юрткульская волость относилась к Спасскому уезду Казанской губернии. В волость входило 15 селений: Русский Юрткуль, Подлесно – Мордовский Юрткуль, Средне – Мордовский Юрткуль, Базарно – Мордовский Юрткуль, Васильевка, Приютное, Михайловка, Шингалеевка, Умовка, Грибовка, Бекетовка, Алашеевка, Татарские Средние Юркули, Татарские Степные Юркули, Подлесные Татарские Юркули.

К 1884 году в Юрткульской волости было 1110 дворов и 7229 жителей. Во владении крестьянских обществ было 12242 десятины земли, из них 11552 - пашни. Во владении частных лиц было 5806 десятин, из них 4021 - пашни. Вместе с казённой и остаточной землёй за волостью было 18187 десятин земли, из них 15703 десятины пашни.

В Советский период Юрткульская волость была упразднена, большая часть бывшей волости при новом административном делении вошла в Матвеевскую волость Мелекесского уезда Самарской губернии. Три деревни бывшей волости - Татарские Степные Юркули, Татарские Средние Юркули и Подлесные Татарские Юркули отошли к Татарской АССР. С 1928 года бывшая Юрткульская волость вошла в Старомайнский район. После многочисленных поисков и экспериментов на территории бывшей Юрткульской волости к 1999 году образовались две сельские администрации: Русско-Юрткульская и Грибовская. Из селений бывшей волости, вошедших в Старомайнский район, исчезли Алашеевка, Михайловка, Приютное, Шингалеевка, Васильевка, Умовка, Мордовские Средние Юркули.... Значительно сократилась численность населения. Если сравнить население волости без выбывших в Татарстан трёх селений, то в 1930 год здесь было 1372 двора и 6376 жителей, а в 1999 году на этой же территории осталось 589 хозяйств и 1445 жителей.

Сегодня очень трудно вести рассказ о бывшей Юрткульской волости, ибо за противоречивый, трудный XX век здесь произошло много перемен, и многое уже забыто, потеряно и стёрто из памяти настолько, что с трудом воспринимается новыми поколениями. Тем не менее, наш рассказ о прошлом здешних мест, возможно, поможет восстановить утраченное, заинтересовать и перенять эстафету памяти, чтобы что-то оставить для своих будущих потомков...

Село Русский Юрткуль

Село – центр сельской администрации, расположено в северо-восточной части Старомайнского района в 50 км от Старой Майны. В селе средняя школа, лесничество, отделение связи, библиотека, ассоциация "Озёрная". В 3 км к северо-западу от села – древний курган (бронзовый век), в окрестностях села ещё четыре болгарских селища. В 1999 году в селе – 240 хозяйств и 550 жителей.

Март 1990 года... Николай Захарчев, корреспондент районной газеты, собирает материал для очерка о селе Русский Юрткуль. Я при нем – ходим, опрашиваем, делимся

впечатлениями... В центре села, у озера, полуразрушенное каменное здание пятикупольной церкви. Деревянный барабан центрального большого купола покосился, подпорчены вандалами старые фрески на стенах, трещина в своде... Храм, словно после нашествия...



Пятикупольная церковь

О прошлом села и о его настоящем нам бескорыстно рассказывал Михаил Петрович Пахомов, который бережливо сохранил в памяти лоскутки старых воспоминаний. Впрочем, очаровала и Е. С. Умнова – сухонькая старушка, которой уже тогда было за девяносто, и на исходе жизни пребывала она больше в постели. Но, коснувшись прожитого, заволновалась, словно помолодев, быстро подтянулась жилистыми руками за специальный ремень вдоль койки, с трудом села. Тусклый взгляд её радостно просветлел, словно говоря, что воспоминания об её детстве и молодости – лучшее лекарство и отрада для души. Несказанно обрадовало её и искреннее внимание к её прожитой жизни...

Впрочем, почти у каждого старожилы о прошлом в памяти сохранилось что-то своё сокровенное, что дополняет общую историю села, в которой многие страницы ещё требуют скрупулезного исследования...

История старого села началась во второй половине XVII века. Интересно, что селение основали мордовские поселенцы, и изначально оно называлось Яркуль, то есть название состояло из сложения двух татарских слов – «Яр» (обрыв, круча) и «Куль» (озеро), что в сочетании значило «озеро с крутыми берегами».

Исследователь Среднего Поволжья профессор Перетяткович считал, что около деревни Яркуль была ещё деревня Долгое Озеро, названная по озеру с тем же названием – Долгое. В 1698-99 годах по указу Петра и инородцы этих двух деревень были выселены, а на их земли и усадьбы были водворены польские шляхтичи из 27 рядовых, получившие здесь по 60 четвертей (30 десятин) в каждом из трёх полей. Прежние же инородческие поселенцы – 23 двора получили землю здесь же, за шляхтой, на свободных местах, образовав Мордовские Юркули, другие были переселены на речку Шию.

С поселением шляхты прежнее название селения Яркуль трансформировалось в Юрткуль. В этом варианте название, дошедшее до нашего времени, состояло из сложения двух татарских слов – «Юрта» (жилище, владение) и «Куль» (озеро), что можно понимать как «жилище у озера», или «владение у озера»...

Вслед за польской шляхтой в этих местах приобретают земли русские помещики, переселяя сюда крепостных крестьян из других вотчин. Это привело к быстрому обрусению шляхтичей. Тем не менее, в селе и сегодня есть потомки польских переселенцев – Саховские, Быковские и другие.

Кроме помещичьих крестьян и однодворцев в селе к 1780 году было 104 души экономических крестьян, которые позже, как и однодворцы, считались государственными.

С постройкой в 1776 году деревянной церкви с престолом во имя Архистратига Божия Михаила село Русский Юрткуль получило и другое название – Архангельское, и более века селяне вольно делали выбор между двумя равными по значению названиями, пока не предпочли название Русский Юрткуль. Тем не менее, название Архангельское встречается на дореволюционных картах и в документах. Ныне название Архангельское не употребляется.

В 1795 году в селе Русский Юрткуль (Архангельское) – 973 жителя, а за селом числилось 8456 десятин земли. Наибольшим землевладельцем в селе на этот период был полковник Александр Игнатович Сахаров.

Надо отметить, что Русско-Юрткульские земли привлекали многих помещиков, поэтому состав их постоянно обновлялся. Например, к 1816 году в селе значились владения подполковника Василия Васильевича Аристова, титулярной советницы Татьяны Ильинишны Аблязовой, подпоручицы княгини Елены Васильевны Асановой, коллежской секретарши Анны Ильиничны Головачевой, статской советницы Татьяны Ивановны Михеевой, титулярного советника Александра Григорьевича Киселёва и других.

Большинство из них заменились другими и стерлись из памяти местных жителей, хотя дворяне в большинстве своем были проводниками культуры и просвещения, и от их уровня знаний и жизненного опыта зависело материальное положение крестьян.

Обычно крестьянские общины имели названия по фамилиям своих владельцев, но в Русских Юрткулях была своеобразная трактовка названий, характерная только для этого села. Например, еще к середине XIX века южный конец села, который и ныне старожилы называют Михеевщиной, прежде назывался сельцо Михеевка, и хотя община перешла во владение действительной статской советницы Любови Александровне Пятницкой и

официально могла называться Пятницкой, однако крестьянская община по-прежнему называлась сельцо Михеевка.

Община Екатерины Владимировны Ростовской называлась сельцо Екатериновка. Община штабс-ротмистра Сахарова – деревней Сахаровкой, община штабс-ротмистра Пазухина – деревней Долгая Долина, община Николая Ивановича Осипова – деревня Малый Юрткуль, община титулярного советника Василия Васильевича Шишкина – сельцо Средний Юрткуль.

Обычно сельцо или деревня воспринимаются как отдельные селения, здесь же они входили в состав одного села. Впрочем, нетрудно догадаться, что если общину называли сельцом, то значит здесь же была и барская усадьба, а если община называлась деревней, то барской усадьбы у владельца этой общины здесь не было.

Со временем эти названия упростились и стали называться по общепринятому стандарту: Большая и Малая Сахаровщины, Михеевщина, Шишковщина, Сулацкая и т. д.

Примечательно, что с середины XIX века в основном при разделе помещичьего наследства из села стали выделять группы частновладельческих (крепостных) крестьян, образуя выселки. В самом же селе Русский Юрткуль (Архангельское) к 1859 году сложилось 11 крестьянских общин. Наибольшей была община государственных крестьян – Панов, состоявшая из 419 душ и имевшая 1206 десятин земли. Остальные общины были помещичьи. Так, у Николая Васильевича Аристова было 146 крестьян, у Любови Александровны Пятницкой – 176, у Екатерины Владимировны Ростовской – 25, у Василия Васильевича Шишкина – 97, у Ивана Павловича Умова – 288, у Марии Захаровны Тюленевой – 6, у Варвары Гавриловны Ховриной – 48, у Николая Ивановича Осипова – 206, а у Александра Игнатовича Сахарова – 193 крестьянских души, и из его 1411 десятин земли лишь 384 отводились на его крестьянскую общину.

Здесь же в селе была община подпоручицы Юлии Петровны Валовой и её детей.

Отмена крепостного права была важным событием в истории нашего Отечества, но она оставила часть крестьян недовольными выкупом земли и переходным периодом, при котором до совершения выкупной сделки крестьяне считались временнообязанными и продолжали отрабатывать барщину. На этой почве в селе Бездна, что в том же Спасском уезде, произошло восстание крестьян, в котором приняли участие и крестьяне из Русских Юрткулей. Краеведы, вспоминая о восстании, приводят рапорт Спасского земского исправника Шишкина военному губернатору Козлянинову от 19 мая 1861 года, в котором упоминается об аресте в селе Русский Юрткуль Елизара Клотова, Терентия Агапова, Степана Савельева, которые, разъезжая по селу, «смущали крестьян».

После отмены крепостного права село Русский Юрткуль становится волостным и административно относится к Спасскому уезду (35 верст) Казанской губернии (120 верст).

В 1869 году по проекту архитектора Ф. Н. Малиновского в селе на средства прихожан, построена каменная, теплая трёхпрестольная церковь. Главный престол её – во имя Архистратига Божия Михаила, правый придел - в честь Преображения Господня, левый – во имя Казанско Божьей Матери.

Многие прошедшие события из сельской жизни ныне остались лёгкими воспоминаниями, хотя в своё время они были насыщены важностью решений, хлопотами и волнениями. Так в 1871 году в селе было открыто одноклассное земское училище, которое помещалось в собственном доме. Это был скромный источник грамоты, новое, обнадёживающее изменение в привычной трудовой сельской жизни. Училище состояло из классной комнаты длиной 7,3 метра шириной 5,2 метра, имевшей пять окон. В училище имелось помещение для учительницы. Попечителем училища была помещица Варвара Александровна Умова, законоучителем - Василий Васильевич Зефиров. Учителем здесь был Фома Максимович Еремеев, окончивший курсы в Спасском городском училище. Из учителей известны Владимир Павлович Розов (1871 - 74 годы) и Никита Ананьевич Румянцев (с 1874 года), окончивший курс в Казанской духовной семинарии. Здесь же Елена Ивановна Евдокимова, которую позже перевели в деревню Грибовка.

Известно, что на тот период учитель в Юрткульском училище получал 200 рублей, а законоучитель 42 рубля в год. При училище с 1884 года были созданы воскресно-повторительные классы. Законоучитель и учителя также получали доплату – законоучитель 20 рублей, учитель 40 рублей в год. В училище все русские, к 1887 году здесь было 70 учеников, а в повторительных классах – 24.

В 1897 году в селе Русский Юрткуль 2124 жителя. Здесь земское училище, церковно-приходская школа, две лавки, солодовня, девять ветряных мельниц.

Большое значение для селян имел базар, который проходил по средам, где местным крестьянам было удобно сбыть свой товар или что-то приобрести. На базаре можно было купить практически всё, что нужно крестьянину: мясо, сало, масло, мёд, хлеб, дёготь, лапти и конечно же, широкий выбор гончарных изделий, красный кирпич, ткань, шубы, валенки.

В 1908 году в селе 397 дворов и 2528 жителей. Здесь волостное управление, четыре крупорушки, четыре кузницы, казённая винная лавка и здесь же чайная Казанского общества трезвости.

Внешне село Русский Юрткуль очень красиво и привлекательно. В центре его, возле церкви, находится озеро Церковное, или как его еще называли – Сельское. Некоторые считают, что оно было вырыто в 1912 году. Но это не верно. Озеро (или пруд) было и раньше. Но 1911 год был неурожайным, и правительство повсеместно оказывало крестьянам трудовую помощь, в результате чего в 1911-12 годах здесь велись работы по расчистке озера и укреплению дамбы от вероятного сброса воды, что, видимо, впоследствии и послужило поводом данной версии.

Надо отметить, что из местных помещиков лишь шестеро имели здесь свои усадьбы. Так, например, у Павла Александровича Сахарова в селе был двухэтажный каменный дом. Однако барские крепкие, добротные дома всегда вызывали откровенную зависть бедноты, и бесовские призывы революционеров, призывавших к дикому перераспределению, нашли отклик во многих крестьянских умах.

Вот характерное желание толпы – газета «Рабочий» №24 от 16.06.1917 года: «Резолюция собрания крестьян Юрткульской волости с требованием отобрать деньги у монастырей и капиталистов. 1917 года, июня 1 дня, мы, крестьяне Юрткульской волости

Спасского уезда, обсудив вопросы, постановили на общем собрании просить Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов требовать от Временного правительства немедленно отобрать деньги у монастырей, а также у капиталистов, наживающихся во время войны посредством грабежа, в чем и подписываемся».

Наивные крестьяне не могли предугадать, что, раздувая костер глобального передела, коварное пламя достанет и их хозяйства. Но это будет еще впереди....

В 1918 году в селе был создан сельский Совет. С первых же шагов новая власть с помощью комбедов стала попросту обирать крестьян, а жесткая продразвёрстка подвела селян к опасной черте, за которой вследствие засухи 1921 года начался небывалый голод.

Пережить зиму 1921–22 годов было невероятно трудно. Людские потери были очень большие. Вот кусочек трагедии лишь одной семьи: 3 января 1922 года в семье Матвея Бакшева от голода умерла 12-летняя дочь Наташа. 17 января еще двое: Коля, восьми лет и Мария, 20 лет. 24 января умирает от голода 16-летний Алёша.... В их молчаливом, обессиленном, предсмертном взгляде был упрёк обществу, потерявшему нравственную основу, их вождям за то, что, цепляясь за власть, они допустили такое национальное бедствие, когда вымирили в первую очередь хлеборобы и их подрастающая смена.

Январь и февраль оказались чёрными для Саховских, Кузнецовых, Нагаевских и других... И только в марте до села дошла американская помощь. Об общих потерях селян от голода можно только догадываться. Так, если до голода в селе было более 2500 жителей, то по данным за 1926 год в селе осталось 1941 житель. Нетрудно заметить довольно значительные людские потери. Но эта страшная трагедия быстро ушла в забвение, ибо партийная идеология была не заинтересована раскрывать горькую правду о голодном море...

В период НЭПа село несколько оживилось. Люди, пережив голодный шок, потянулись к работе. Сад Булича, огороженный частоколом, а частью жердями, с 350 плодовыми деревьями в 1923 году на шесть лет в аренду взяли Василий Журавлев и Матвей Казаков. Другой сад – Умовой - был взят в аренду Чудиным из Умовки и Чединым из Жедяевки с торгов на шесть лет. В саду часть деревьев погибла, и из 706 деревьев осталось 643. Позже сад брал в аренду П. Я. Умнов.

Несмотря на трудности, в Русских Юрткулях в 1927 году была построена начальная школа, в которой училось 85 школьников. Учителями в ней были Елизавета Даниловна Лапшина и Зинаида Павловна Нечаева.

В период НЭПа в селе за счет крестьян был вырыт гидротехническими силами колодец глубиной 27 метров, из которого вода качалась ручным способом.

Безусловно, с годами в селе многое изменилось – значительно уменьшилось число дворов, потихоньку забываются многие события, человеческие судьбы... Сегодня мало кто помнит, что село разделялось на земельные общества, а названия обществ практически заменяли название улиц и были понятны каждому жителю. Коллективизация сломала прежние традиции, наложив свой обезличивающий слой восприятия сельской жизни, и лишь у старшего поколения ещё проскальзывают старые названия – наше бесценное культурное наследие.

Чтобы сохранить в памяти былое, попытаюсь вернуть читателей в 1928 год. Этот год практически стал концом НЭПа, и село к этому году достигло наилучших показателей за трудный послереволюционный период. Поэтому, подводя итоги десяти-летия установления Советской власти, стоит вспомнить коротко каждое общество в отдельности...

Ростовское общество – здесь жили семьи Григория Лукина, Михаила Горского, Петра Горского, Ивана Горского, Фёдора Шумова, Александра Шумова, Тимофея Лукина – всего десять хозяйств с 53 едоками. По материальному положению девять хозяйств считались бедняцкими и лишь одно середняцким. Действительно, на десять хозяйств здесь было всего пять лошадей, пять коров и 18 овец.

Сахаровское общество располагалось на двух улицах: Большая и Малая Сахаровские. Здесь жили семьи Дмитрия Краснова, Александра Агапова, Павла Агапова, Михаила Наумова и других. Всего 60 хозяйств, из которых 32 – бедняцкие и 28 – середняцкие, всего 284 едока.

Осиповское общество располагалось около озера Сулак, потому и общину часто называли Сулацкой. Здесь жили семьи Александра Родионова, Михаила Родионова, Ивана Родионова, Фёдора Козлова, Ивана Козлова, Василия Уварова, Александра Уварова. Всего 40 хозяйств, из которых 25 считались бедняцкими, 13 – середняцкими и два – зажиточными. Всего 166 едоков. Общество имело 21 лошадь, 26 коров, 76 овец.

Аристовское общество - здесь жили семьи Михаила Клокова, Ивана Клокова, Фёдора Клокова, Петра Крайнова, Павла Крайнова, Андрея Крайнова, Ивана Журавлёва, Василия Журавлёва, Якова Борисова, Степана Борисова, всего 70 хозяйств, из которых 56 бедняцких, 14 середняцких, всего 317 едоков. Община имела 42 лошади, 55 коров, 83 овцы. Рассказывали, что здешние крестьяне кроме земледелия занимались распиловкой брёвен на доски маховой пилой, гнали дёготь.

Шишкинское общество – здесь жили семьи Григория Умнова, Ивана Умнова, Михаила Умнова, Петра Умнова, Николая Умнова, Кузьмы Умнова, Ивана Зеленовского. Всего 41 хозяйство и 154 едока. Общество имело 22 лошади, 20 коров, 61 овцу. По рассказам старожилов, здесь занимались гончарным ремеслом.

Тюленевское общество – здесь жили Иван Тюленев, Порфирий Тюленев, Николай Тюленев, Александр Тюленев, Петр Жеряков. Всего девять хозяйств и едоков – 31. Общество бедноватое, так как на всё общество была лишь одна лошадь, пять коров и восемь овец.

Валовское общество - здесь жили семьи Степана Кузнецова, Алексея Кузнецова, Семена Кузнецова, Осипа Жабина, Михаила Жабина, Семена Пахомова, Павла Пахомова. Всего 15 хозяйств, едоков – 71. Восемь хозяйств считались бедняцкими, а семь середняцкими, хотя такие данные слова довольно сомнительные, ибо на всё общество было пять лошадей, 8 коров и 21 овца.

Ховринское общество – здесь жили Михаил Вишнёв, Иван Вишнёв, Павел Панков, Алексей Панков, Илья Панков, Алексей Корнилов и другие, всего 25 хозяйств и 109 едоков. Из 25 хозяйств 10 считались бедняцкими, остальные середняцкие.

Пятницкое общество – здесь 38 хозяйств, из которых 27 бедняцкие, а 11 середняцкие. Надо отметить, что в Русских Юркулях норма земли на одного едока равнялась 2,2 гектара, но равенства не получилось...

Михеевское общество - здесь жили Андрей Сидоров, Иван Дубаев, Илья Никифоров и другие. Всего 13 хозяйств, из которых семь бедняцких, шесть середняцких. Всего 58 едоков. На всё общество было девять лошадей и 10 коров.

Государственное общество – здесь жили Александр Дорофевнин, Иван Дорофевнин, Василий Дорофевнин, Михаил Дорофевнин, Степан Долговский, Иван Мартынов, Александр Мартынов, Николай Мартынов, Михаил Мартынов, Алексей Саховский, Михаил Саховский, Григорий Саховский, Николай Саховский, Петр Выжлов, Алексей Выжлов и другие. Всего 147 хозяйств. Из них 68 – бедняцких, 78 – середняцких и одно зажиточное. Всего 797 едоков. Общество имело 90 лошадей, 121 корову.

Красный колок – выселок из государственного общества. Здесь жили семьи Александра Саховского, Фёдора Саховского, Ивана Саховского, Дорофевнины. Всего 17 хозяйств и 82 едока.

Умовское общество - здесь было 53 хозяйства: 25 – бедняцкие, 27 – середняцкие.

Вольно проживающее общество – сюда, как правило, входили люди, прежде не занимавшиеся крестьянством, но при Советской власти наделённые землей. Здесь жили семьи Баринаова, Гусева и другие. Всего четыре семьи.

Не трудно заметить, что на пороге сплошной коллективизации крестьянские хозяйства не успели полностью восстановиться после неразумной политики первых лет правления новой власти. После страшного голода в селе мало осталось рабочего скота, и практически не было кулаков. И всё же село оставалось многолюдным. Так в 1930 году в Русских Юркулях было 495 хозяйств и 2243 жителя.

В январе этого года в селе был образован колхоз имени Степана Разина. Первым председателем колхоза стал Лушин, присланный райкомом партии, председателем сельского Совета в это время был Яков Дорофевнин. Старожилы вспоминают, что первыми в колхоз вступили Василий Пошвин, Степан Саврасов, Степан Филатов, Андрей Сидоров, Михаил и Семён Спиридоновы. К весне в колхозе было уже 62 крестьянских хозяйства, а на апрель здесь уже 99 хозяйств с 438 едоками и площадью 1061 гектар. В колхозе было 73 лошади, 15 коров, 130 овец, три свиньи.

Коллективизация проходила сложно, практически насильно, отбирая у крестьян лошадей, коров, инвентарь, семена...

В селе усилилось репрессирование упрямых, крепких хозяйств и просто несогласных. Тройкой ОГПУ по статье 58 п. 10 были осуждены Дмитрий Выжленков, Василий Горбунов, Иван Журавлёв, Валентин Трубецкой...

Список репрессированных довольно обширный, и он постоянно пополнялся. Впрочем, репрессии, как и голод, под пристальным оком идеологов выпали из истории села. Для такого беспредела нет оправдания. Если простого крестьянина из-за его упрямства и консерватизма всегда можно было приписать к кулакам и врагам народа, то вот

примечательна судьба уроженца Русских Юрткулей Петра Андреевича Мартынова, который всю свою жизнь посвятил революции...

Молодым парнем попал Петр в город, где его увлекли революционные идеи. Он был участником исторического Кровавого воскресения в Петербурге 9 января 1905 года. У стен Зимнего он был ранен, а затем сослан к Белому морю. Вся его жизнь – это борьба за народное дело. Участник трёх революций, член ЦИКа Петр Мартынов за свою революционную деятельность испытал на себе гнёт царского режима – тюрьмы, каторгу, ссылки...

В Гражданскую войну Мартынов партизанил, а впоследствии занимал разные руководящие посты. Пётр Андреевич Мартынов, выходец из простой крестьянской многодетной семьи, представитель старой ленинской гвардии, за своё независимое мнение был репрессирован Советской властью и отсидел в тюрьмах практически 19 лет...

Позже его восстановят в партии, но из сталинских застенков он вышел инвалидом, изувеченный пытками. Умер Петр Андреевич 16 октября 1962 года в Казани. Биографический очерк о его жизни (автор Николай Захарчев) был опубликован в районной газете «Ленинская искра» от 17 декабря 1991 года.

С коллективизацией в селе многое изменилось. Большому надругательству подверглась церковь. С её колокольни были сняты колокола, в том числе и большой колокол, весивший, по воспоминаниям старожилов, 120 пудов.

Руководивший снятием колоколов уполномоченный из района, как чужеземный завоеватель, важно расточал свои указания направо и налево. Это по его указке святые церковные иконы рубили топорами и варварски сжигали...

Спустя годы власть встrepенулась, и каждую проданную за границу икону объявляли народным достоянием, а торговцев сурово наказывали. А вот в тридцатых годах это народное достояние просто бездумно сжигали, лишь бы уничтожить, растоптать, не считаясь с их настоящей ценностью, хотя каждая из них была приобретена на народные приходские деньги, а распоряжаться ими стал грубый и примитивный идеологический варвар...

Впрочем, бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей было характерно для нового режима, который без стеснения разбазаривал их, продавая по бросовым ценам за границу.

Рискуя, часть церковных икон селяне смогли спасти, украдкой разобрав их по домам. Сохранили они и церковное распятие, которое ныне находится в церкви села Кокрять. Сюда же позднее русскоюрткульцы снесли и часть уцелевших икон.

В народе пересказывают, что большой колокол никак не могли расколоть. Тогда вандалы обратились к церковному попечителю Якову Балабанову и спросили его, как бы он поступил на их месте. Яков, взяв на себя великий грех, посоветовал накалить колокол на костре и облить его холодной водой, что и было сделано. Колокол, разбитый на куски, увезли.



Церковь с. Кокрять

Из скромного краеведческого материала о селе, что прошел идеологическую цензуру, отмечалось лишь то, что в 1931 году в местном колхозе появился трактор «Фордзон», затем «Универсал». В 1933-34 годах появились трактора СТЗ и ХТЗ, а вот о трудном положении самих колхозников краеведы умалчивали. Между тем, жилось в то время очень трудно и тревожно. Например, только за первый квартал 1931 года было раскулачено 21 хозяйство. 24 человека по 61 статье за неявку на лесозаготовки были оштрафованы от 5 до 50 рублей. По той же статье за невыполнение хлебозаготовок у Степана Долгушевского изъята корова. За сокрытие девяти пудов зерна Ефим Родионов был оштрафован на 270 рублей, Трофим Козлов за 10 пудов зерна - на 300 рублей, Иван Козлов за 10 пудов - на 300 рублей. Кстати, Иван считался зажиточным, ибо у него был каменный дом. Его имущество было описано. В опись вошли деревянная конюшня, погребница, амбар, две лавки, семь икон, две подушки, пять ложек, ухватов и кочерег пять штук, балакирь, чугун. В общем-то, имущество самое необходимое и никаких излишеств, но тем не менее, хозяйство считалось зажиточным.

Было описано имущество и у его брата, Фёдора Козлова. То же у Михаила Никифорова, Сергея Вишнякова, Василия Назарова и многих других селян. За убой своих лошадей были оштрафованы шесть человек на сумму от 30 до 50 рублей, ибо распоряжаться даже своим имуществом было нельзя...

Это лишь данные одного рядового квартала из жизни селян, а впереди были голодные 1932 и 1933 годы, о которых даже вспоминать страшно...

В 1935 году колхоз имени Степана Разина разделился на два: имени Степана Разина, объединявшего 100 дворов и у которого было 2753 гектара земли, и колхоз «Память Кирова», объединявший 91 двор и имевший 2616 гектаров земли.

В 1937 году практически началась подготовка ложа будущего Куйбышевского водохранилища. В двух верстах к югу от села образовался посёлок гидроузла, где было, по словам Пахомова, около 700 заключенных. Первое время заключенные жили под открытым небом, на соломе, а охрана в палатках. Только спустя десятки лет, для всех стало ясно, что большинство заключенных стали жертвой тотального сталинского режима, который с готовностью воспринимал любые наговоры, клевету с тем, чтобы иметь повод репрессировать человека, чтобы иметь дешёвую рабочую силу, избавиться от самостоятельных, трезво мыслящих людей, часто списывая на них свои же просчеты, и с тем, чтобы держать остальных в постоянном страхе.

С первых же дней заключенные занимались лесозаготовками, впоследствии их заменили вольнонаемные рабочие.

К сожалению, в истории каждого селения непременно приходится считать потери, понесенные в Великой Отечественной войне. В районную Книгу Памяти из Русских Юрткулей занесены имена 121 селянина, не вернувшихся с войны.

Безусловно, время зарубцовывает раны, и ныне новое поколение, не пережив ту боль утрат, воспринимает многочисленные людские потери спокойно, без должного сострадания. А ведь главная роль памяти - учесть всё пройденное, не повторить, избежать великих катаклизмов, ибо время от времени политические интриганы ради своих выгод пытаются втянуть массы людей в черные дыры смертоносных конфликтов...

Война опустошила село, даже гордость селян – сады вымерзли в холодную зиму сорок второго, когда в январе морозы подскочили до -48 градусов.

Впрочем, и после войны в селе жилось не сладко, обедневшие колхозы и колхозники должны были помогать восстанавливать то гигантское пепелище, что оставила Отечеству война через принудительные займы, обременительные налоги, через практически бесплатный труд.

Сегодня с трудом воспринимается то послевоенное нищенское положение колхозов и селян. Во время войны из колхозов выгребалась не только вся произведённая продукция, но для нужд фронта забирались все пригодные лошади, оставались лишь забракованные. В селе в то время лошадей обычно заменяли быками.

На 1 января 1948 года в колхозах села состояло 192 двора с 769 едоками. В колхозах числилось восемь лошадей, 41 бык, 15 коров, 85 овец, восемь свиней и еще 34 поросёнка в возрасте до пяти месяцев. Это всё колхозное поголовье...

У самих колхозников на 192 двора было 142 коровы и 224 овцы. На 67 дворов единоличников с 177 едоками были 21 корова и 26 овец. На 112 дворов рабочих и служащих с 464 едоками приходилось 76 коров и 135 овец. Свиней в частном секторе не числилось, но в действительности селяне хитрили и заводили поросят после январской описи и кололи их, не дожидаясь следующей. Чтобы избежать налогов, селяне прятали часть скотины (ягнят, телят) в погребах или еще где-нибудь. Кроме денежных налогов надо было сдавать поставку: шерсть, молоко, яйца, картофель...

Налог брали за бездетность с тех, у кого было менее трех детей. Только после смерти И. В. Сталина в жизни селян наступило облегчение – часть налогов были отменены.

В 1950 году колхозы села были объединены в один под названием «Память Кирова». От колхозной безысходности люди уходили работать на лесные кордоны, где велись лесозаготовки и сбор живицы.

Безусловно, труд здесь был тяжёлым, но зато платили зарплату и выдавали продуктовые пайки. Например, на Красном кордоне к 1959 году было 72 человека, на кордоне в 62 квартале – 125, в 69 квартале – 46 человек. Кстати, оба посёлка-кордона называли еще по реке Уткой. В посёлке Пески, что был на реке Майна, было 86 человек. Отсюда лес сплавляли по реке Майна. Посёлок Пески известен и по пионерскому лагерю, где были игровые площадки, летняя эстрада, качели.

В 1959 году в Русских Юрткулях 1047 жителей. Здесь восьмилетняя школа, библиотека, клуб... Это тот минимум на селе, который позволял идеологам говорить о культурной и зажиточной жизни селян. Но в реальной жизни оставалась тяжелая борьба за выживание. Не мудрено, что численность населения в Русских Юрткулях неуклонно снижалась.

В 1989 году в селе осталось 230 хозяйств и 535 жителей. Тем не менее, этот год был одним из лучших в колхозной жизни. За весь долгий, тернистый, вымученный путь колхозной деятельности хозяйство достигло относительно хороших результатов. В колхозе было 410 коров, 1562 свиньи, 2057 овец, имелась техника – 37 тракторов, 28 грузовых автомашин, 15 комбайнов.

Однако за последующие десять лет многое изменилось. Ельцинские реформы, с помощью которых демократы по-большевистски пытались что-то изменить в колхозном строе, как всегда в России, поспешно, непродуманно. Иллюзия быстрого замещения колхозов фермерскими хозяйствами в такой нестабильный и обвальный период быстро рассыпалась, а реконструирование самих колхозов свелось к очередному неудачному эксперименту да перемене вывески в названии.

Колхоз «Память Кирова» был одним из первых в Старомайновском районе преобразован в Ассоциацию под названием «Озерная». к 1999 году в «Озерной» - 5132 гектара земли, из которых 4125 – пашни. Ассоциация состояла из четырех малых предприятий: «Дубрава», «Надежда», «Ритм», «Сигнал». В каждом был свой директор, а во главе Ассоциации – Генеральный директор. Насколько эта модель хозяйствования эффективна, покажет

время, а пока за бодрыми, хвалебными отчетами размноженного руководства наблюдалось, как ускоренно в Ассоциации переводилось животноводство, как развалили налаженный ранее производственный процесс.

Не удивлюсь, что у селян возможна ностальгия по социализму, ибо именно селяне в короткий срок потеряли многое из того, что с большим трудом приобреталось.

Ныне Отечество за счет распродажи нефти и газа еще не ощущает развала сельского хозяйства, но что будет завтра, послезавтра, если уже сегодня селяне не верят никому, а больше надеются на себя, на своё подсобное хозяйство, и в будущем идеологам власти будет трудно поднять разуверившегося сельского жителя на очередной надуманный эксперимент...

Деревня Подлесные Мордовские Юрткули

Деревня Русско-Юрткульской сельской администрации. Расположена в 55 км к северо-востоку от Старой Майны. Отделение колхоза имени Горького.

От Русских Юрткулей до Подлесных напрямую не более пяти вёрст, но даже в конце XX столетия в эту отдалённую глухую деревню водители предпочитают ездить окольным путём через Базарные Юрткули, ибо короткий путь по буеракам может оказаться для них большим испытанием. Тем не менее, продолжу свой рассказ о Юрткульской волости с Подлесных Мордовских Юрткулей.

По переписи 1795 года отмечалось, что деревня Подлеска, Средняя и Базарная мордва имела совместно 3764 десятин земли и общего населения 973 человека, все – приказная крещеная мордва (мокша).

Само название – Подлеска говорит о том, что селение было недалеко от леса. Старожилы утверждают, что прекрасная дубрава тянулась от деревни до Базарных Юрткулей. к 1859 году в деревне 269 жителей.

Примечательно, что в книге «Важнейшие селения Европейской части» за 1883 год все три мордовских селения назывались Юркулями, то есть название состояло из сложения двух слов «Юр» и «Куль», что означало на юру – на открытом месте у озера. Те же названия стоят на дореволюционных картах, однако в советский период эта тонкость в названии осталась без внимания и с чьей то легкой руки в название вклинилась характерная только для Русских Юрткулей магическая буква «Т» и все остальные Юркули стали писаться через «т» – Юрткули.

После реформы 1866 года здешние крестьяне как бывшие государственные получили 772 десятины земли, что считалось хорошим обеспечением, потому деревня по материальному положению для того времени считалась крепкой.

В 1908 году в деревне 81 двор и 498 жителей, Здесь земское училище, одна лавка, две ветряные мельницы, кузница...

Тяжелые времена наступили для мордовской деревни после революции. Не секрет, что именно крепкие деревни в большей степени пострадали от новой власти, именно в крепкие деревни направлялись продотряды, именно на крепкие хозяйства

перекладывались все тяготы продразверстки, именно обобранные дочиста бывшие крепкие деревни в голодный 1921 год оказались в худшем положении, чем бедные, и понесли огромные людские потери. После голодного мора в Подлесных Юрткулях осталось менее половины жителей. Такой шок трудно пережить. Впрочем, и последующие поколения её жителей продолжали жить бедновато, с призрачной надеждой на светлое будущее, которое обещала тотальная идеологическая пропаганда.

В 1926 году на оставшиеся 200 жителей в приспособленной деревянной, крытой тёсом школе училось 30 учеников, восемь из них были из Средних Юрткулей. Учительницей была Анна Андреевна Саховская.

К 1929 году за деревней числилось 367 гектаров земли, что было даже меньше, чем до революции. На 56 дворов приходилось 24 лошади, 40 коров. Нетрудно заметить, что в деревне не хватало рабочих лошадей. Лошадям крестьяне всегда уделяли особое внимание. Исстари двухлетние жеребья ставились под борону, трёхлетки под соху, а рабочей лошадей считались четырёхлетки, потому после голодных лет поголовье рабочих лошадей восстанавливалось с большим трудом.

В коллективизацию в деревне был образован колхоз имени Максима Горького. к 1935 году колхоз объединял 34 двора из двух деревень – Подлесных и Средних Юрткулей и имел в пользовании 1902 гектара земли.

В Великую Отечественную войну из Подлесных Юрткулей не вернулся 21 человек.

В 1959 году в деревне 220 жителей. Изменения в деревне незначительные: здешний колхоз имени Максима Горького присоединили к колхозу имени Маленкова из Базарных Мордовских Юрткулей, который стал называться имени Горького.

В 1999 году в Подлесных Мордовских Юрткулях 35 хозяйств и 79 жителей. Безусловно, здесь и ныне живётся очень трудно, и постепенно жители переселяются в село Базарные Юрткули или в другие места, поэтому деревня неотвратимо приближается к своему концу...

Деревня Средние Мордовские Юрткули

Всего в полутора верстах к северу от Подлесных Юрткулей, при запруженном озере, располагалась другая мордовская деревня - Средние Мордовские Юрткули (до 1918 года Юркули). Деревня исчезла в советский период как бесперспективная, и её историю стали быстро забывать, хотя в душе остались горечь и обида за жизнь и труд предшествующих поколений её жителей, кто неустанно осваивал каждый клочок здешней земли, радовался, мечтал, а главное – осмысленно работал с надеждой оставить что-то своим потомкам. И вот всё оборвалось, потеряло значение...

Предположительно, деревня образовалась в конце XVII века, а к 1859 году в деревне было уже 665 жителей. После реформы 1866 года крестьяне получили как бывшие государственные 1077 десятин надельной земли.

Административно Средние Мордовские Юрткули относились к Юрткульской волости Спасского уезда Казанской губернии. Первоначально деревня относилась к приходу Русско-Юрткульской церкви, но с 1873 года она была переведена к престолу церкви села

Базарных Мордовских Юркулей. По данным 1910 года в деревне 104 двора и 846 жителей. Это наибольшая известная численность деревни.

В советский период, с 1918 по 1930 год, в деревне был создан сельский Совет. Мордовская деревня сильно пострадала при новой власти. Деревня, считавшаяся крепкой и зажиточной, была практически обобрана продотрядами. Оставшись с пустыми сусеками, крестьяне в засушливый и голодный 1921 год пережили трагическую страницу в своей истории. Численность Средних Мордовских Юркулей резко сократилась – осталось менее одной трети.

К 1926 году в деревне числилось 60 хозяйств и 259 жителей. Своей школы в деревне не было, поэтому учиться местные дети ходили за полтора километра в Подлесные Юркули.

Восстановление деревни после трудных голодных лет проходило медленно, и короткого периода НЭПа ей явно не хватило. В 1929 году на 70 дворов и 314 жителей было 53 коровы, 28 лошадей, 324 овцы и 495 гектаров пашни. Нетрудно подсчитать, сколько в деревне было безлошадных крестьян. Но впереди была ещё коллективизация, а это означало, что крестьяне деревни становились все безлошадными, а сами – батраками на бывшей собственной земле.

Созданный колхоз имени Максима Горького объединял две деревни: Средние Мордовские Юркули и Подлесные Мордовские Юркули. В 1935 году колхоз объединял 34 хозяйства и имел 1902 гектара земли.

К сожалению, в истории деревни есть малоизученные страницы. Так дополнительных исследований требует причастность к деревне судьба Героя Советского Союза Николая Гордеевича Максимова. В частности, не ясно, как Николай, молодой парень, при введённой в 1932 году паспортной системе смог выехать из Средних Мордовских Юркулей в Казахстан, куда обычно высылали репрессированных. Тем не менее, он в 1933 году работает в Алма-Ате слесарем, электриком, откуда и был призван в армию. В грозные дни войны Николай Максимов был среди тех героев-панфиловцев, что намертво встали на пути врага в ноябре 1941 года у Волоколамского шоссе под Москвой. За этот подвиг красноармеец из мордовской деревни посмертно получил звание Героя Советского Союза.

Между тем, в деревне и после войны не стало лучше, к тому же для жителей деревни оставались проблемы с водой. Питьевая вода здесь была на большой глубине, потому колодцев не делали, а воду приходилось брать из запруженного озера-болота, к которому на водопой пригоняли ещё и стадо.

Практически деревня разделялась на две части: восточную часть, за оврагом, в народе называли посёлок Домбай. Ещё в 1956 году в деревне Средние Мордовские Юркули было 6 дворов, а ныне в этой деревушке разбирают на дрова последние брошенные строения, и об её прошлом мало кто вспоминает...

Село Базарные Мордовские Юрткули

Продолжаем путь по Юрткульской волости. К северо-западу от Средних Юрткулей расположилось село Базарные Мордовские Юрткули. В селе имеется клуб, средняя школа, усадьба колхоза имени Горького. В 1999 году в селе 91 хозяйство и 271 житель.

Мне не удалось найти данных о возникновении села, хотя небольшая зацепка в качестве версии всё же имеется. Так в конце 70-х годов XVII века мордовские поселенцы стали осваивать северо-восточную часть нынешнего Старомайнского района, образуя мордовские поселения.

В царствование Петра и мордву из части селений выселили на новые места или же уплотнили оставшиеся селения. Так, в 1698 году из Яркулей (ныне Русские Юрткули) были выселены 23 двора на близлежащие свободные земли, то есть в одно из трёх мордовских поселений. Из этого следует, что при любом раскладе селение Базарные Мордовские Юрткули (до 1918 года Юркули) были образованы в последней четверти XVII века приказной крещёной мордвой.

Интересно, что к 1795 году селение имело нынешнее название - Базарные Мордовские Юркули, это название подсказывает то, что в селении издавна был базар и проходил он по пятницам. Селение располагалось у озера Базарное (ныне его часто называют Ерке, что означает просто «озеро») и речки Раткуль. Возможно, что в старину здесь и могла протекать речка, но в наше время почти повсеместно речкой также называли озёра, овраги, через которые в сильные ливни, а чаще в полую воду текли ручьи-речки, и хотя летом в них нет воды или остаются лишь скромные болотцы, они всё равно назывались речками. Вот такой речкой, а точнее огромным оврагом был Латкур, он же Раткуль, он же Нараткуль. По нему и речка называлась Латкуркой, Раткулькой или даже Нараткулькой, истоком которой ещё двести лет тому назад было место около Подлесных Мордовских Юркулей...

В Базарных Мордовских Юркулях к 1859 году было 149 дворов и 1209 жителей. Даже по тем временам селение было довольно большое.

После реформы 1866 года крестьяне села как бывшие государственные получили 1809 десятин земли.

Административно Базарные Мордовские Юркули относились к Юрткульской волости (шесть верст) Спасского уезда (30 верст) Казанской губернии (120 верст).

Деревня относилась к Русско-Юрткульскому приходу, но в 1873 году из него выделяется приход в Базарные Мордовские Юркули, где была построена на средства прихожан деревянная однопрестольная церковь во имя Святой Троицы. Первым священником в селе был Фёдор Матвеевич Шеронов.

В феврале 1887 года в селе открылась школа Братства Святого Гурия. В ней обучалось 63 ученика, из которых 11 девочек, все местные, мордва. На содержание школы земство отпустило единовременное пособие на 1887 год в сумме 100 рублей. Законоучителем в школе был священник Порфирий Семёнович Хрусталёв, а учителем был местный псаломщик Александр Петрович Русаков, помогал ему Михаил Иванович Туркин из мордвы.

В 1908 году в селе 249 дворов и 1345 жителей. Здесь имеется четыре лавки, семь ветряных мельниц, крупорушка, шерстобойка, две кузницы. Дореволюционное село Базарные Мордовские Юрткули - крепкое, обеспеченное, со спокойным трудовым ритмом жизни.

Переломным моментом, причём, не в лучшую сторону, в привычной, налаженной жизни селян стал Великий Октябрь. Крестьянская земля была национализирована и стала даваться лишь во временное пользование с ежегодным переделом. Жесткая продразвёрстка и продотряды довели село до опасной черты, что стало для многих трагедией в засушливый 1921 год. Данных о количестве людских потерь от голода не сохранилось, но население села сократилось более чем в два раза.

К 1926 году в селе 152 хозяйства и 683 жителя. В местной приспособленной деревянной крытой тёсом начальной школе училось 45 учеников, а учительницей была Модестова Вера Васильевна, дочь священника из села Кремёнки.

Последствия голодного года были столь тяжёлыми, что даже после благоприятного периода НЭПа село полностью не смогло восстановиться. Так, в 1929 году здесь на 176 хозяйств и 807 жителей было 128 коров, 72 лошади, 39 свиней, 422 овцы и 1415 гектаров пашни. Но и это небольшое состояние крестьян в коллективизацию было большей частью обобществлено или попросту отобрано. В коллективизацию в селе был образован колхоз «Од-Ки» («Новый путь»). Коллективизация сопровождалась репрессиями. Например, 27 декабря 1930 года были репрессированы Иван Андреевич Каменщиков и Яков Андреевич Каменщиков, который был расстрелян. В 1936 году был репрессирован Иван Романов, служитель религиозного культа. Церковь была закрыта, и с 6 мая 1937 года храм решением райисполкома был передан под школу.

Из хроники села:

1941-1945 годы. Более 30 жителей села, чьи имена занесены в районную Книгу Памяти, не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны.

1950 г. Колхоз «Од-Ки» объединял 38 дворов и имел 2345 гектаров.

1953 г. Базарно Мордовский Юрткульский сельский Совет упразднен. Село административно стало относиться к Русско-Юрткульскому сельскому Совету.

1954 г. Колхоз «Од-Ки», переименованный в колхоз имени Маленкова, объединял 72 двора и имел 4250 гектаров земли.

1959 г. В селе 214 жителей. К этому времени колхоз имени Маленкова объединился с колхозом имени Горького (Подлесные Мордовские Юркули) и стал называться имени Горького с центральной усадьбой в селе Базарные Мордовские Юрткули.

1987 г. Построено новое здание школы.

1989 г. В колхозе имени Горького 1205 свиней, 1180 овец, 1192 головы крупнорогатого скота из них 310 коров. Здесь же 41 трактор, 25 грузовых автомобилей, 15 комбайнов. Пожалуй, это лучшие показатели колхоза за всю его историю. Дальше наступили обвальные ельцинские реформы, и от достигнутого мало что осталось.

1999 г. В колхозе осталось 90 коров и 314 свиней. И поголовье скота продолжает катастрофически уменьшаться, и это при том, что колхоз имеет 3903 гектара земли, из которых 2926 – пашни.

Деревня Васильевка

В пяти верстах северо-западнее Базарных Юрткулей располагалось сельцо Васильевка (Аристовский выселок), которое возникло в первой половине XIX века при озере в 28 верстах от Спасска.

Название Васильевка сельцо получило по имени его основателя – Русскоюркульского помещика Василия Аристова, а второе название – Аристовский выселок происходило от его фамилии.

Позже по наследству от подполковника Василия Васильевича Аристова сельцо досталось его дочери Юлии Булич.

По данным 1859 года в сельце имелось 14 дворов и 165 жителей. Нетрудно заметить, что семьи здесь жили большие – в среднем 12 человек на семью.

Сельцо было бедным из-за малоземелья, ибо из 444 десятин барской земли Юлии Васильевны на крестьянские наделы отводилось всего 58 десятин. Впрочем, и после отмены крепостного права, вплоть до революции, надельный клин увеличился лишь до 67 десятин, что в отсутствии других ремёсел было, безусловно, мало.

Сельцо Васильевка относилось к приходу Русско-Юрткульской церкви (восемь вёрст), а административно – к Юрткульской волости Спасского уезда Казанской губернии.

Дореволюционная Васильевка – бедноватое, тихое сельцо, без каких либо природных преимуществ. В 1908 году в Васильевке 26 крестьянских хозяйств плюс восемь частных хозяйств и 176 жителей.

После Октябрьской революции сельцо по своему статусу стало деревней. Казалось, что при новой власти местные крестьяне заживут достойно, ибо получили земли во временное пользование значительно больше. Но грабительская продразвёрстка, голод и эпидемии нанесли деревне большой материальный урон. Велики были и людские потери, которые спустя десятки лет невозможно сосчитать. Все переживания, горечь утрат со временем ушли в глубокое забвение, и ныне трудно найти даже небольшие обрывки воспоминаний о том тяжелом периоде...

К 1929 году, после ряда трудных лет, в Васильевке на 37 хозяйств и 194 жителя приходилось 320 гектаров пашни. В деревне было 39 коров, 39 лошадей, 40 свиней, 184 овцы, 225 голов птицы, а из инвентаря – 12 однолемешных плугов, 10 двухлемешных, 37 деревянных борон, 15 железных, одна молотилка. Вот в расчете на часть этого скромного личного имущества крестьян и был создан в 1931 году колхоз имени Дзержинского.

Сегодня, спустя десятки лет, никому и в голову не придёт, что, вступая в колхоз, нужно было обобществить, то есть отдать в него часть своей собственности. Да ни один рабочий

в городе никогда за своё рабочее место из дома ничего не приносил, кроме своих рук и знаний. И только крестьянин во времена сплошной коллективизации обязан был отдать свою землю, инвентарь и свою помощницу-лошадь. Отдать без возврата, про

просто так и никогда от этого не иметь ни выгод, ни компенсаций. Именно поэтому такое обобществление сравнимо с элементарным разбоем. По всей России вольный крестьянин с его высоким предназначением хлебороба-кормильца был закабалён до рабского положения, когда каждый его шаг планировался, а мысли контролировались бдительными партийными идеологами.

К 1935 году колхоз имени Дзержинского объединял 26 хозяйств и имел 560 гектаров земли. Школы в Васильевке не было, и ребятам приходилось ходить учиться в соседнюю деревню Приютное.

Административно Васильевка так же относилась к Приютинскому сельскому Совету. В Васильевке жили семьи Малафеевых, Кузьминых, Глуховых, Дерябиных и другие. В годы Великой Отечественной войны погибло восемь жителей села.

После войны существенных изменений в колхозной жизни не наступило, и люди искали всякий повод, чтобы уехать из деревни от рабского колхозного труда. В 1950 году Васильевский колхоз имени Дзержинского влился в колхоз имени Ворошилова (Приютное), что окончательно решило судьбу деревушки.

В 1959 году в деревне было еще 84 жителя, но в 60-ые годы Васильевки не стало...

Сегодня уже никто не спорит о том, что затратно к каждой небольшой деревушке вести асфальт, линию электропередач, содержать школу, медпункт и другую социальную сферу. Проще было свезти бесперспективные деревни в одну центральную усадьбу, что и было сделано. Однако люди, получив на новом месте даже лучшие условия для жизни, почему-то всегда с грустью вспоминали свою деревню, где остались прикосновения их предков и то пережитое, в основе которого всегда была борьба за существование, за скудный кусок хлеба. Потому и не стоит васильевцам сожалеть, что однажды они решились переступить порог великого терпения и начали поиск новых путей к достойной жизни.

Деревня Приютное

Менее версты к западу от Васильевки располагалось сельцо Приютное (Сулацкий выселок), образованное в первой половине XIX века при озере Красном (Круглом) и реке Латкурке (которая текла по оврагу лишь в полую воду).

Название сельца – Приютное – объяснений не требует. Просто объясняется и второе название – Сулацкий выселок, ибо здесь обосновались переселенцы, жившие до этого на берегу озера Сулак в селе Русский Юрткуль. По местной традиции сельцо могло получить и другое название – Осиповский выселок, так как сельцо было образовано при разделе наследства дворян Осиповых из села Русский Юрткуль. Николай Иванович Осипов остался жить в селе, а его брат Павел Иванович выделился, переведя доставшихся ему крестьян, на свою долю земли.

К 1859 году в сельце Приютное было 16 дворов и 160 жителей, из 409 десятин помещичьих земель 158 десятин отводилось под крестьянские наделы. Это количество земли сохранилось за крестьянской общиной вплоть до Октябрьской революции.

Несложно заметить, что изначально семьи в Приютном были многолюдные, в среднем по 10 человек. Но впоследствии происходит более ранний раздел семей, взрослые дети предпочитали жить отдельно, и к 1908 году здесь имелось 42 двора и 180 жителей. Сельцо относилось к приходу Русско-Юрткульской церкви, а административно к Юрткульской волости Спасского уезда Казанской губернии.

В Приютном была школа грамоты, преобразованная затем в церковноприходскую. В сельце три ветряные мельницы, две крупорушки, лавка, кузница. Здесь имелось достаточное количество колодцев, в которых довольно высокий уровень грунтовых вод, кроме того, было три озера, расположенных в восточном направлении от сельца.

Озеро Круглое в 200 метрах от сельца вполне обеспечивало скот водопоем. В нем так же купали лошадей. В озере водились караси.

В полутора верстах от сельца – озеро Конопляное, которое по своим размерам не уступало Круглому, но вода в нём всё же была лучшего качества.

Озеро Карасёво находилось в 2,5 верстах. Его водой пользовались меньше. Кроме этих озёр были еще маленькие озёра. Рельеф местности у деревни равнинный, но имел незначительные впадины и возвышенности, которые не нарушали общего равнинного расположения. Почвы здесь разнообразны: чернозём, суглинок, супесь, песок. Выгон имелся возле деревни.

После Октябрьской революции в деревне был создан сельский Совет. Воспоминаний местных жителей о революции, комбедах, голоде и НЭПе не сохранилось.

В 1926 году в местной деревянной крытой железом школе училось 55 учеников, часть из которых была из соседних деревень – Михайловки, Васильевки и Шингалеевки. Учительницей была Надежда Дмитриевна Денисова.

В 1929 году в Приютном 67 хозяйств и 331 житель. В деревне 67 коров, 47 лошадей и 506 десятин пашни. Из-за нехватки лошадей нагрузка на них была очень высокой. Довольно скромнен был и инвентарь – 22 однолемешных плуга, 18 двухлемешных, 45 деревянных борон, 30 железных, четыре молотилки и одна веялка.

В 1931 году в Приютном был образован колхоз имени Ворошилова, в котором в 1935 году состояло 49 дворов. В колхозе было 1008 гектаров земли.

Тихая и трудолюбивая деревня не избежала репрессий. В 1931 году по 58 статье обвинялся председатель колхоза Павел Зеленовский, в 1933 году были репрессированы Никифор Горбунов и Иван Капитонов, а в 1937 году – Фёдор Зеленовский.

Сегодня, задним числом, можно с уверенностью сказать, что сталинский режим с его массовыми репрессиями, шантажом и уничтожением неугодных значительно подорвал военную и политическую мощь Советского государства и стал основной причиной столь

катастрофических поражений в годы войны, и всякая победа приходила за счёт огромных людских потерь...

За годы войны приютнинцы потеряли на фронтах 35 человек, не считая раненых, искалеченных душой и телом...

Трудно было и после войны. Не секрет, что страна восстанавливалась за счёт жуткой эксплуатации, правда, в отличие от черных тридцатых народ понимал всю серьезность и масштабность последствий войны.

В 1950 году к местному колхозу имени Ворошилова присоединились колхозы Михайловки и Васильевки. Однако слияние колхозов не спасало эти деревни, ибо без достойной оплаты труда, без нормальных условий жизни, без должного внимания деревни обезлюживались.

В 1953 году в Приютном упразднили сельский Совет, после чего деревня вошла в состав Грибовского сельского Совета.

В 1959 году в деревне 113 жителей, а в 1988 году в обреченной деревне осталось всего одно хозяйство и четыре жителя. Это был последний миг жизни деревушки, которая как бесперспективная была ликвидирована...

Деревня Шингалеевка

Чуть более полверсты к северу от Приютного находилась Шингалеевка, одна из многих забытых ныне деревушек. Сегодня о ней помнят единицы, даже точного названия никто не знает, ибо в документах встречалась и Шигалеевка...

Об образовании деревни сведений нет, хотя упоминается, что в 1770-х годах часть деревни принадлежала Ивану Александровичу Бутлерову, у которого было 11 душ мужского пола, а другая часть была во владении прапорщика Саввы Даниловича Данилова, у которого здесь было 18 душ.

Однако более известный период в истории деревни начинается с середины XIX века, когда деревня была во владении Юлии Васильевны Булич. Здесь у помещицы было 248 десятин земли, из которых лишь 35 отводились на крестьянские наделы. к 1859 году в Шингалеевке восемь дворов и 72 жителя.

Примечательно, что Шингалеевка относилась к приходу села Никольское (Татарстан). Здешнюю церковь построил в 1795 году Христофор Львович Молоствов. Церковь каменная, трёхпрестольная с главным престолом во имя Казанской Божьей Матери. Примечательно и то, что местная икона Казанской Божьей Матери, очень чтимая, по легенде была явленной.

После отмены крепостного права у шингалеевской общины остались те же 35 десятин.

Административно деревня относилась к Юрткульской волости (восемь вёрст) Спасского уезда (26 вёрст) Казанской губернии.

Численно деревушка на протяжении многих лет почти не менялась. В 1910 году здесь было 10 дворов и 83 жителя.

После революции шингалеевцы получили до 150 десятин земли, но в голодный 1921 год население деревушки значительно сократилось. к 1926 году здесь остался всего 31 житель.

Деревня бедная, к тому же находилась в незавидном месте. Выгон у шингалеевцев был небольшой, и поэтому свой скот им приходилось пасти в стаде деревни Михайловка. Лугов здесь тоже не было, как и открытых водоемов, поэтому воду для своих нужд шингалеевцы брали из колодцев.

Через всё пользование шингалеевцев проходил овраг Ладкур, в полую воду по оврагу текли довольно бурные мутные потоки, превращаясь в речку Ладкурку, которая ежегодно наносила громадное количество песка, постепенно засоряя пахотные земли, превращая их в песчаную почву.

Рельеф местности у деревушки равнинный, но само поселение находилось в низменном месте, поэтому часто заливалось весенними водами.

Считается, что Шингалеевка была ликвидирована во время коллективизации.

Деревня Михайловка

Рядом с Шингалеевкой была другая деревня – Михайловка. Эти деревни разделял лишь овраг. Михайловка - деревня Приютинского сельского Совета, располагались в северо-восточной части района, в 58 км от Старой Майны, хотя прежде, по старой дороге, этот путь составлял всего лишь 32 км.

Деревня Михайловка, или Жедринский выселок, образована в середине XIX века. Оба названия указывают на принадлежность выселка к дворянскому роду Жедринских. Название Михайловка выселок получил по имени помещика, второе название – от его фамилии. Михаил Жедринский получил дворянство по военной службе. Жедринские всегда служили Отечеству, а истоки их родо-словной относятся к древнему благородному дворянскому роду.

В середине XIX века Жедринские имели владения в Волостниковке, Жедяевке, Русских Юрткулях, Шмелёвке. В их владения входили деревни Михайловка, Жедринка, что у села Кузнечиха (ныне – Республика Татарстан). Позже владения Жедринских ограничились только Волостниковским имением, а образованный выселок Михайловка (Жедринский выселок) перешел в пользование дворян Ляпуновых.

К 1859 году в деревне Михайловке (Жедринский выселок) у Марфы Ивановны Ляпуновой было 12 дворов и 154 жителя. Бросается в глаза многолюдность здешних семей – в среднем Михайловская семья состояла из 13 человек. Из 493 десятин помещичьей земли лишь 64 отводились под крестьянские наделы. Этот, безусловно, малый размер земли оставался вплоть до Октябрьской революции.

Природа Михайловки не отличалась привлекательностью – равнинный рельеф с разнообразными почвами: чернозём, суглинок, супесь. В западной части участка

находились луга под названием Ржавцы. Усадебная земля располагалась в восточной части землепользования и кстати, весьма не удачно – по весне Михайловку часто подтопляло.

С юга к землям Михайловки примыкали земли деревни Приютное, с запада – Умовки и Грибовки, с севера – Грибовки и Бекетовки, с восточной стороны – деревни Шингалеевки.

Административно деревня Михайловка относилась к Юрткульской волости (восемь вёрст) Спасского уезда (26 вёрст) Казанской губернии, а по церковному приходу – к Русско-Юрткульской церкви.

В 1908 году в Михайловке 34 двора и 190 жителей. Имелась ветряная мельница, кузница. Воду для своих нужд жители брали из колодцев.

Местная помещица, известная в уезде общественная деятельница и попечительница Елизавета Александровна Ляпунова организовала в деревне приют, в котором находилось до 35 сирот. Однако после революции имущество помещицы было конфисковано, и приют остался без средств к существованию.

Октябрьская революция способствовала значительному увеличению земельного обеспечения здешних крестьян. Но простое увеличение земельного надела более чем в шесть раз не стало показателем улучшения материального положения крестьян. Более того – резкое увеличение наделов для многих крестьян оказалось бесполезным. У крестьян не было достаточного количества семян, рабочего скота, инвентаря, к тому же многие были просто не готовы обработать такое количество земли. Но главное – урожай как излишки отбирался продотрядами. Именно поэтому увеличение наделов лишь усиливало эксплуатацию крестьян. Без ощутимых стимулов все революционные преобразования ожидал провал.

В истории Михайловки известен факт о том, что из деревни в 1927 году изъявили выселиться 15 дворов и 110 едоков к оврагу Ржавец, образовав посёлок Михайловский, однако история его была скоротечной и воспоминаний о нём не сохранилось. Тем не менее, преобразования в деревне продолжались, так в 1928 году, в Михайловке было образовано семенное товарищество - «Новая деревня», в которое вошли 32 хозяйства с 219 едоками. Из этих хозяйств 13 были бедняцкими, 18 середняцкими и одно зажиточное.

Рассказывая о крестьянской жизни предколхозной деревушки, нельзя обойтись без анализа материального положения здешних крестьян. Так, в 1929 году на все 40 хозяйств с 288 едоками в деревне было 28 лошадей, 31 корова, 34 свиньи, 146 овец и 410 десятин пашни. Из инвентаря имелось 13 однолемешных плугов, 14 двухлемешных, 32 деревянные бороны, девять железных борон, две молотилки, две веялки. Видно, что тягловой силы в деревне не хватало, поэтому нагрузка на каждую лошадь была значительной.

В период коллективизации в Михайловке в 1931 году был образован колхоз имени Будённого. к 1935 году в колхозе состояло 32 двора, а за хозяйством числилось 847 гектаров земли.

Население деревни все русские. Здесь жили семьи Смирновых, Качкаевых, Гришиных. В годы Великой Отечественной войны деревня потеряла 30 человек.

В 1950 году колхоз имени Будённого присоединился к Приютнинскому колхозу имени Ворошилова, после чего деревня Михайловка потеряла своё былое значение.

В 1959 году в Михайловке было 106 жителей, но эта цифра неуклонно уменьшалась. Хотя жителей деревни никто не выгонял, но условия жизни здесь были заметно хуже, чем в других местах, и люди догадывались о своей никчемности и тихо покидали родные места.

В 1983 году в Михайловке в восьми хозяйствах оставалось 20 человек. И это были последние годы существования деревни – Михайловка была признана неперспективной и ликвидировалась...

Деревня Умовка

Чуть более двух верст к юго-западу от Михайловки располагалась деревня Умовка.

Выселок Умовка был основан в первой половине XIX века у истока Ржавца помещиком Иваном Павловичем Умовым из села Русский Юрткуль.

К 1859 году в небольшом выселке было восемь дворов и 89 жителей. Здесь у помещика Умова имелось 752 десятины земли, из которых лишь 37 отводились под крестьянские наделы, размер которых оставался неизменным до Октябрьской революции. Безусловно, что с увеличением числа жителей земельное обеспечение здешних крестьян ухудшалось. Если учесть, что при трёхполье засевалось лишь две трети наделов, то этой земли явно не хватало для нормальной и стабильной жизни. Издавна считалось, что на каждого взрослого члена семьи на год требовалось запasti не менее 12 пудов хлеба, кроме того, для лошади требовалось до 16 пудов овса, здесь же на каждую десятину надо было семян 12 пудов, кроме того, надо было сколько-то продать на уплату податей и т. д.

Выселок относился к приходу Русско-Юрткульской церкви, а административно к Юрткульской волости Спасского уезда Казанской губернии.

Примечательно, что Умовы получили дворянство по военной службе. Так Иван Павлович дослужился до звания подполковника, а его сын П. И. Умов - до штабс-ротмистра.

В 1908 году в Умовке 31 двор и 198 жителей. Имеется две крупорушки, барская усадьба и сад.

После революции земельное обеспечение умовских крестьян значительно улучшилось, но как и везде, умовцы пережили трудные времена военного коммунизма, голод, эпидемии. Ныне всё это забыто, но накапливающийся горький осадок обид и разочарований от непродуманных перемен, директив и просто элементарного равнодушия власть имущих к судьбам жителей небольшой деревушки перерастал в молчаливое недовольство, что определило драматический конец истории Умовки.

Интересно, что после революции большинство бывших помещиков в нашем крае как-то незаметно растворились в городах России или за границей, а вот умовская помещица Варвара Александровна Умова осталась в деревне с семьёй из шести человек. Безусловно, она стояла под бдительным наблюдением новой власти. Согласно закону от 19 февраля

1918 года помещичья собственность была отменена навсегда, и бывшие владельцы земель согласно первому параграфу инструкции «Переходных мер» подлежали выселению из принадлежавших им имений. Потому пришлось Варваре Александровне жить с семьёй на квартире, а землёй пользоваться на общем основании.

В 1924 году достопримечательность деревни – Умовский сад площадью восемь десятин с 771 плодовым деревом был сдан в аренду. Среди арендаторов были Яков Ефимов, Пётр Кондратьев, Павел Чудин, Дмитрий Абрамов и другие, всего девять человек. В усадьбе еще были целы деревянный дом с тесовой крышей, амбар, баня, конюшни, подвал, погреб, ледник.

После ряда трудных лет в 1929 году в деревне на 43 хозяйства и 179 жителей было 33 коровы, 21 лошадь, 183 гектара пашни. Нетрудно заметить, что после 12 лет Советской власти половина умовцев оставалась безлошадными, а из всего сельхозинвентаря у крестьян было 13 однолемешных плугов, 16 двухлемешных, 32 деревянные бороны, семь железных, три молотилки.

Вот в расчете на это небогатое крестьянское имущество в 1931 году в деревне был образован колхоз «Пролетарий». к 1935 году колхоз объединял 41 хозяйство и имел 807 гектаров земли.

В то время в Умовке жили семьи Абрамовых, Вихрёвых, Ефимовых, Константиновых, Майоршиных, Репиных.

В Великую Отечественную войну умовцы потеряли 25 человек.

В 1950 году колхоз «Пролетарий» влился в колхоз им. Ворошилова из соседней деревни Приютное.

В 1959 году в Умовке 119 жителей, а через 20 лет осталось всего 31. В начале 80-х годов деревня была ликвидирована как неперспективная.

Умовка еще помнится по зелёной улице, по домам с тесовыми крышами, по колодцам с прекрасной водицей...

За всё время существования деревни умовцы не видели даже проблесков достойной жизни. Казалось бы, они не должны жалеть покинутых ими очагов. Но невозможно передать словами безмерную грусть покидавших свою деревушку людей, будто оставляли они здесь кусочек своей души и обустроившись на новом месте, всегда с тоской вспоминали родную Умовку, передавая теплоту своих воспоминаний своим детям и внукам. И хотя вряд ли кто из них захотел бы вернуться в тесную деревенскую избу, крытую соломой, взяться за непослушную соху и сидеть в вечерней темноте с тлеющей лучиной или керосиновой лампой, но всё же за повседневной суетой, достигнув некоего благополучия, умовцы часто в мыслях возвращались в свою старую, убогую деревушку, пытаясь найти на земле предков душевное удовлетворение и покой.

Деревня Грибовка

Менее двух верст к западу от Умовки расположилась деревня Грибовка. Здесь имеется: средняя школа, дом культуры, детский сад, медпункт. Возле деревни

расположено четыре кургана – предположительно бронзовый век. В 1999 году в деревне 208 хозяйств и 519 жителей.

Сегодня Грибовка – дальняя северная окраина района. Трудно поверить, что совсем недавно её плотно окружало несколько деревень, но в последней трети XX столетия местность словно пропололи, рядом осталась лишь деревня Бекетовка. Сегодня здесь всё воспринимается иначе, и этот образовавшийся простор полей, огромное небо и даже те старые, полустёртые курганы, что придают ландшафту особую загадочность, заставляя выхватывать из памяти всё, что осталось из школьных исторических понятий, порой смешивая исторические эпохи и невольно будоража пробудившее воображение...

Впрочем, прошлое Грибовки имеет свою историю, отдалённую от древних курганов большим временным разделом. Грибовка как сельцо возникло к середине XIX века под мало кому сейчас известным названием Екатериновка. Название было получено по имени владелицы – надворной советницы Екатерины Николаевны Грибовской, переселившей своих крестьян из села Матвеевка на свой, отдалённый от села, участок земли. Образовавшееся сельцо кроме названия Екатериновка почти одновременно получило и другое название – Новоселье, которое надолго стало основным названием сельца. Забегая вперед, отмечу, что лишь в конце XIX столетия стало встречаться и другое название – Грибовка, ставшее при Советской власти основным названием деревни.

К 1859 году в сельце Новоселье был 51 двор и 383 жителя. Здесь у помещицы Екатерины Грибовской имелось 1752 десятины земли, из которых на 67 издольных (барщинных) крестьянских тягол отводилось 708 десятин. Воду крестьяне брали из колодцев, а с восточной стороны сельца находилось болото Полвода.

Новоселье (Грибовка) относилось к Матвеевскому церковному приходу, что был в пяти верстах, а административно – к Юрткульской волости Спасского уезда Казанской губернии.

Скромная история Новоселья не блещет громкими событиями. Для отдалённого сельца знаменательным становится каждый необычный эпизод. Так 12 сентября 1885 года в сельце открылась школа грамоты, первым учителем которой стал Михаил Никифорович Стрельников – простой крестьянин, получивший лишь домашнее образование. Безусловно, знания его не были велики, но простое человеческое желание передать другим то небольшое, что сам освоил с трудом, поделиться радостью познания выделяло его из общей толпы. К тому же стать учителем для простого крестьянина было весьма престижно.

Шаг за шагом просвещение входило в крестьянский быт, совершенствовалось, набирало опыт. Но первые учителя остались в истории как первопроходцы, которым было особенно трудно. 2 ноября 1887 года Грибовская школа грамоты была преобразована в земское училище, располагаемое в собственном доме, построенном попечителем – местным помещиком Николаем Фёдоровичем Грибовским. Классная комната в училище была одна. Кроме неё была комната для учительницы. С момента преобразования школы учительствовала здесь Елена Ивановна Евдокимова с окладом 200 рублей в год, а законоучителем был дьяк из Матвеевки Степан Логинович Козлов с окладом 40 рублей в год. Ученики были все местные, русские – 38 мальчиков. Содержалось училище на пособие земства и пожертвования помещика.

В 1908 году в сельце 127 дворов и 766 жителей. У крестьянской общины 750 десятин наделной земли. В Новоселье имелась лавка, кузница, пять ветряных мельниц, барская усадьба.

О революционных событиях, о жизни грибовцев в первые годы советской власти, об их настроениях и тревогах воспоминаний не сохранилось. Возможно, это и к лучшему, ибо после революционных обещаний лучшей крестьянской доли наступили грабительские поборы, раздор, тревога за своё будущее и унижение.

Сельский Совет в деревне был образован в 1918 году. Изначально он назывался, как и повсеместно – Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С первых же шагов новая власть стала разрушать привычный образ жизни. Появились шустрые, нагловатые комбедовцы, наделенные сомнительными полномочиями грабительские продотряды. Вслед за ними в деревню пришло разорение, голод, эпидемии, людские потери.

Трудно выбрать из этой прокатившейся дикой революционной волны что-либо достойное памяти. Исключением, пожалуй, может служить то, что, несмотря ни на какие трудности, в деревне работала школа, в которой в 1926 году училось 50 учеников. Учительницей в этой деревянной, крытой железом школе была Вера Григорьевна Тренина.

К концу 20-ых годов повсеместно развернулась агитация за объединение крестьянских хозяйств. В 1928 году в Грибовке было создано товарищество «Победа», в которое вошли 22 крестьянских хозяйства с 137 едоками. У товарищества было 28 голов рабочего скота и 160 десятин пашни. В 1929 году, 1 июля, было создано кооперативное товарищество «Красная яблоня», но вскоре было ликвидировано. Крестьяне не могли освоить новые отношения, потому что прежние, испытанные, проверенные временем, считались более надёжными и справедливыми.

В 1929 году крестьяне Грибовки на 174 хозяйства и 872 жителя имели 111 лошадей, 175 коров, 839 овец, 79 свиней и 1016 гектаров земли во временном пользовании. Если количество скота разбросать по дворам, то получится не густо. Интересно, что из инвентаря у грибовцев было 149 однолемешных плугов, 53 двухлемешных, 198 деревянных борон, 13 железных, 10 молотилок, 48 веялок, одна сортировка. Вот в расчёте на это крестьянское имущество и был образован в Грибовке в 1931 году колхоз "Доброволец".

Название колхоза, конечно, не соответствовало действительности, коллективизация в деревне проходила сложно и сопровождалась жёстким раскулачиванием, цель которого заключалась в том, чтобы за счёт конфискованного имущества создать материальную базу колхоза, с другой стороны, судьба раскулаченных должна была послужить поучительным примером для остальных и то, чтобы остальные смирились с бедностью.

Крестьян, зачисленных в кулаки, выселяли в дальние края семьями, с малолетними детьми, практически без средств к существованию, нисколько не заботясь об их дальнейшей судьбе. Так в Грибовке 25 марта 1931 года был раскулачен Фёдор Петрович Родин, 52 лет, с женой Прасковьей, 50 лет, и сыном Фёдором, 11 лет. Хозяйство у них было признано кулацким - на момент раскулачивания имелся каменный дом, лошадь, корова и овца. Основное обвинение заключалось в том, что до революции семья Родина

имела 40 десятин земли, четыре лошади и применяла в сезон наёмный труд. Были и шаблонные обвинения - высказывался против Советской власти и коллективизации.

Раскулачен лишенец Родин Тихон Поликарпович, 35 лет, с женой Антониной, 35 лет, и детьми: Петром -7 лет, Александрой - 4 лет, Анатолием -3 лет и Николаем -7 месяцев. Хозяйство кулацкое - имел каменный дом, лошадь, корову, овцу, ветряную мельницу, до революции имел 40 десятин земли, четыре лошади. Основное обвинение - невыполнение хлебозаготовок, Тихон Поликарпович по статье 61 был оштрафован на 250 рублей и имел год принудительных работ. Инвалид, он «агитировал против Советской власти и коллективизации».

Канаев Иван Ларионович, 38 лет, семья: мать, жена и пятеро детей. Кулак, так как имел каменный дом, лошадь, корову, 12 овец. До революции был торговцем - имел патент третьего разряда. Обвинение – бывший торговец, имеющий противоколхозное настроение.

Эти семьи без суда, лишь по спущенной сверху разрядке были отправлены в Казахстан. У выселяемых конфисковывались усадьбы с постройками, средства производства, ценности. Выселяемым разрешалось оставить самые необходимые вещи и простейшие средства производства: лопату, топор, пилу...

Помогали местной власти и печально известные «Тройки», так 5 декабря 1932 года тройкой ОГПУ были репрессированы Бухлаев Сергей Потапович, отец троих детей; Бызов Семён Иванович, отец четверых детей, Володина Аграфена Павловна, мать двоих детей. Сокрушительные тройки ломали судьбы не только безвинных крестьян, но и их детей, сея обиды и разочарования.

Не прекращающиеся репрессии, раскулачивание, слабая отдача колхозов и неурожай 1932 года привели Отечество к очередному голоду 1932-33 годов, охватившему, по мнению историков, до 30 миллионов человек. Однако вместо помощи голодающим за границу было отправлено 18 миллионов центнеров зерна... Несмотря на голод и очевидную несостоятельность крестьян выполнить хлебозаготовки и заплатить налоги, на местах беспощадно боролись с недоимщиками, не считаясь с их бедственным положением.

12 ноября 1932 года было описано хозяйство Ивана Прокофьевича Володина. В описи дом, оценённый в 100 рублей, амбар - 25 рублей, баня - 10 рублей, сарай - 15 рублей, корова - 100 рублей, теленок - 15 рублей.

17 марта 1933 года описано хозяйство Михаила Трофимовича Володина, 5 июня - Канаева Семёна Кирилловича, Володина Михаила Прокофьевича за отказ уплаты дорожно-строительного налога в сумме 55 рублей.

Печальный список можно продолжить. Самое страшное в том, что такое происходило во всех селениях России. Избавляясь от расчётливых, умелых крестьян, надуманно приписанных к кулакам, режим заметал следы своего неумелого правления.

Практически при Советской власти не было условий для образования кулацких хозяйств, ибо землю всем выделяли строго по норме на каждого едока, а жёсткая продразвёрстка не позволяла иметь приличный доход. К тому же, всё население пережило

страшный голод 1921-22 годов, после которого осталось ограниченное количество скота. Как правило, к кулакам причислялись те крестьяне, кто ещё до революции сумел построить добротный дом, кто когда-то имел много скота или земли, или же в сезон нанимал помощников, хотя погодные условия часто вынуждали прибегать к наёмному труду, но спустя годы это обстоятельство вдруг стало поводом для преследований. На словах новый режим боролся с эксплуататорами, но на деле сам стал чудовищным эксплуататором.

Вспоминая тяжёлое прошлое, мне не хочется настраивать людей на сведение счётов, с другой стороны, все незаслуженно обиженные, их дети и внуки хотят услышать слова признания и покаяния за совершенные преступления с тем, чтобы облегчить душу всем – это и есть беспристрастный общественный суд над прошлым...

Из дальнейшей деревенской хроники: И.С. Володин 1941 – 1945 годы. За время Великой Отечественной войны грибовцы потеряли 67 своих односельчан.



И.С. Володин

Единственным участником Парада Победы в Москве из Старомайнского района был командир орудия, сержант Иван Степанович Володин. За свои ратные подвиги наш земляк из Грибовки был награжден двумя орденами Красной Звезды и двумя орденами Великой Отечественной войны.

1957 год. Колхоз «Доброволец» объединился с колхозами Бекетовки и Алашеевки и стал называться имени Жданова.

1959 год. Население Грибовки – 566 жителей. 1960 год. К колхозу имени Жданова присоединились колхозы Приютного, Васильевки, Михайловки. Укрупнённый колхоз назвали «Октябрь». Его председателем стал Николай Васильевич Петров – руководитель строгий, но справедливый, поэтому и дисциплина при нем в хозяйстве была. При нем колхоз перешел на денежную оплату труда. Передовой механизатор Пётр Прорехин за январь заработал более ста рублей - огромная по тем временам для селян сумма. Был построен коровник на 200 дойных коров, свиноводник на 600 голов, ремонтная мастерская, зернохранилище, двое автовесов. Примечательно, что колхоз, так же, как и другие, имел птичник и от 1760 кур получил 80500 яиц.

В 1979 году в Грибовке 465 жителей. Постепенно за счет исчезающих деревень, состоявших в одном колхозе, население Грибовки увеличивается, здесь на центральной усадьбе было построено более 50 квартир, образовавших новую улицу. В деревне и сегодня бытует прежнее разделение, так её среднюю часть называют Грибовкой, северную - Чухловкой, а южную - Ивановкой. Улицы в деревне широкие, словно проспекты. В деревне построены типовые дом культуры, здание конторы... Может, эти изменения и социальные достижения стали поводом для того, чтобы Грибовку возвели в статус села или повлиял черный след глубокого примитивного атеизма, который продолжительно находил любой повод, чтобы запутать, переиначить прежние российские традиции, и эта преднамеренная путаница пустила глубокие корни. И сегодня у многих уже сделаны записи в паспортах, что родились в селе, а не в деревне, потому ныне трудно восстановить правильный статус Грибовки.

Невольно напрашивается единственный выход – построить в ней Божий храм, но в переживающей трудные времена деревне осуществить этот вариант очень тяжело, потому эту проблему приходится отложить до лучших времён.

1989 год. Колхоз «Октябрь» уже довольно крепкое хозяйство. Оно имело 2049 голов крупного рогатого скота (из них 600 коров), 1198 свиней, 2074 овцы. Да и техники было достаточно: 51 трактор, 28 грузовых автомашин, 21 комбайн.

В деревне продолжала действовать старая ветряная мельница – ветряк. Рассказывали, что мука здесь получалась отменная. Правда, дощатых крыльев на ней уже не было – работала она от электродвигателя. Но, тем не менее, мельница эта была своеобразной достопримечательностью Грибовки. Но не смогли грибовцы сохранить свой ветряк до конца столетия – разрушили, растащили. Теперь во всём районе не найти атрибутов дореволюционной деятельности крестьян, и вряд ли наши потомки смогут полюбоваться работой ветряной и водяной мельниц.

После необдуманных ельцинских реформ в здешнем колхозе начался затяжной спад сельскохозяйственного производства. К тому же несколько лет грибовцам просто не

везло: в 1997 году весь урожай зерновых был заражён головней, в 1998 году – засуха, в 1999 году – градом побило 1641 гектар посевов.

В колхозе всего 6960 гектаров земли, из которых 4182 – пашни. Свиноводство и овцеводство изведено полностью. В 1999 году дойное стадо сократилось до 125 голов.

Деревня Бекетовка

В трёх верстах к северу от Грибовки расположилась деревня Бекетовка, ныне отделение Грибовского колхоза «Октябрь».

Бекетовка как частновладельческий выселок из деревни Шмелёвка был основан в начале XIX века при озере Чистом и принадлежал дворянам Бекетовым. Интересно, что к 1816 году в деревне, состоявшей во владении Александры Матвеевны Бекетовой, было всего восемь жителей, а вот к 1859 году было уже 12 дворов и 164 жителя. Из 840 десятин земли Владимира Николаевича Бекетова лишь 98 отводились на крестьянские наделы. То же количество оставалось и после отмены крепостного права.

Сельцо Бекетовка относилось к Матвеевскому церковному приходу, но начиная с 1888 года, оно стало относиться к приходу церкви в селе Лебяжье (три версты, ныне – Республика Татарстан). Там же бекетовцы хоронили своих усопших.

На базар бекетовцы ходили в основном в Матвеевку. Практически всё у них было покупное – от холстины до горшка. Сами же они продавали результаты земледельческого труда и животноводства.

С северо-востока у деревни находился Бекетовский хутор – барская усадьба, где располагался одноэтажный деревянный дом с постройками, обнесённый канавкой, и барский сад площадью около двух десятин.

В 1908 году в Бекетовке 52 двора и 341 житель. Здесь церковно-приходская школа, три мелочных лавки, кузница, пять ветряных мельниц. В Бекетовке было построено несколько кирпичных домов. Предполагаю, что кирпич для их строительства был привозной.

Воду для своих нужд бекетовцы брали из колодцев, глубина которых была от семи до пятнадцати метров. Обычно воду брали с помощью отчепа – журавля – длинной жерди, вставленной в рогатину с грузом на заднем конце.

Ещё одна мелочь из деревенской жизни. Осенью куры обычно переставали нестись, и заботливые хозяйки, чтобы сохранить яйца к престольному здесь празднику Рождества, делали запас, укладывая яйца в ящик и пересыпая их золой. Впрочем, некоторые пробовали опускать яйца на мгновение в кипяток, отчего внутри яйца образовывалась плёнка, предохраняющая его от внешних воздействий. Был и более простой способ хранения – яйца укладывали в горшок, который через день или два, прикрыв сверху ладонью, переворачивали и осторожно трясли – яйца долго сохраняли свою свежесть. Можно было яйца уложить в обруч от кадушки и каждый день его двигать – тоже прекрасный способ сохранения яиц.

После революции в Бекетовке был создан сельский Совет. О продотрядах, голоде и НЭПе воспоминаний не сохранилось.

В 1927 году в деревне была построена деревянная, крытая железом начальная школа, в которой училось 45 учеников. Преподавателем была Станиславская.

В 1928 году в деревне был образован ТОЗ «Прогресс», в которое вошли 27 хозяйств со 152 едоками. В ТОЗе было 30 голов рабочего скота и 228 десятин пашни.

О материальном положении бекетовцев в предколхозный период можно узнать из данных за 1929 год. На 92 хозяйства и 474 жителя было сто коров, 77 лошадей, а из инвентаря – 27 однолемешных плуга, 45 двухлемешных, 17 деревянных борон, девять железных, три молотилки, две сортировки, 13 веялок и 743 гектара пашни.

В 1930 году в деревне 98 дворов и 486 жителей. В марте этого года здесь образован колхоз «Путь Ленина», но он не состоялся, тем не менее, избежать коллективизации в Бекетовке не удалось, и уже в 1931 году в деревне был образован колхоз под названием «РККА» (Рабочее-Крестьянская Красная Армия)

Бекетовка не избежала репрессий. По стандартной 58 статье был арестован Сергей Дмитриевич Ильин, отец шестерых детей. Немногим раньше был арестован его брат Иван, отец четверых детей. В 1937 году он был арестован вторично и расстрелян.

Искусственно обостряя классовую борьбу на местах, сталинский режим не считался с тем, что у оставшихся без отцов детей сохранится к этому самому режиму недоверие, ненависть и обида.

Бекетовка была тихой, мирной деревушкой, где жили семьи Игнатьевых, Ильиных, Козловых. В годы Великой Отечественной войны погиб 41 уроженец деревни.

При колхозном строе жилось трудно. Кроме непосильных налогов, пустого трудодня ощущалась и проблема с дровами. Украдкой рубили кустарник в Киселёвском лесу, делали кизяки, топились соломой.

В 1950 году Бекетовский колхоз объединился с Алашеевским и стал носить имя Жданова.

В 1953 году был упразднён Бекетовский сельский Совет, деревня переподчинилась Грибовскому сельсовету.

В 1960 году после очередного объединения колхоз имени Жданова вошел в грибовский колхоз «Октябрь». После объединения Бекетовка стала пустеть, люди стали переезжать на центральную усадьбу в Грибовку. Если в 1959 году в Бекетовке было 288 жителей, то через 20 лет осталось 157, а в 1999 году в 15 дворах жило всего 26 жителей.

В деревне ликвидировали овцеферму, свиноферму, коровник, и ныне в деревне не осталось рабочих мест, и судьба деревни практически предрешена.

Деревня Алашеевка

В трёх верстах к северу от Бекетовки находилась ныне исчезнувшая, забытая деревня Алашеевка. Сегодня вряд ли кого удивила бы ликвидация отдалённой деревушки, ибо высокие цены на горючее сделали бы проживание здесь очень сложным. Но деревня была

ликвидирована в 60-е годы, когда проблем с ГСМ не было, поэтому вынужденное переселение её жителей воспринималось болезненно. Казалось, что стратегия местной власти бессмысленно жёстко прошла колхозным плугом по разорённым очагам этой небольшой заволжской деревеньки, зачисленной чиновниками в неперспективные. Под чёрными пластами жирного чернозёма запаханы следы усадебной земли, обжитой трудом и потом нескольких поколений. Лишь осиротевшие, ещё не тронутые жестокой рукой старые вётлы выдают её прежнее местонахождение. Но и они доживают свой век...

Деревня Алашеевка образована в начале XIX века шмелёвскими помещиками Алашеевыми и первоначально называлась Алашеевский хутор, здесь была барская усадьба. Вероятно, за богатые урожаи да за благодатные земли Алашеевский хутор имел и другое название – сельцо Хлебородное (Хлебодаровка).

К 1816 году в сельце, состоявшем во владении у майорши Екатерины Павловны Алашеевой, было 29 жителей. Позднее сельцо числится во владении шмелёвского помещика, губернского секретаря Николая Андреевича Сойманова, а к 1859 году сельцо Хлебодаровка (Алашеевский хутор) перешло во владение к дворянскому роду Молоствовых.

В этом же году в сельце было 15 дворов и 123 жителя. Все русские. У местной помещицы вдовы майорши Александры Богдановны Молостковой имелось здесь 194 десятины земли, и почти все они отводились под крестьянские наделы. Это говорит о том, что местные крестьяне были оброчные, то есть не отработывали за земельный надел барщину, а обходились оброком.

После отмены крепостного права в 1861 году и вплоть до Октябрьской революции количество надельной земли оставалось практически тем же.

Еще в последней четверти XIX века сохранялось название Алашеевский хутор, или Хлебодаровка, но уже всё чаще стало употребляться в разговоре и документах простое – Алашеевка, что и стало с конца XIX века основным названием деревни.

В 1908 году в 37 дворах проживало 214 жителей. Здесь была мелочная лавка, три ветряные мельницы. Воду брали из колодцев.

Административно Алашеевка относилась к Юрткульской волости Спасского уезда Казанской губернии. После Октябрьской революции часть Спасского уезда, куда и входила Алашеевка, отошла в Самарскую губернию и стала относиться к Бекетовскому сельскому Совету Матвеевской волости Мелекесского уезда.

В 1929 году в Алашеевке 41 хозяйство. Из них, по определению Комитета общества взаимопомощи, 16 хозяйств с 82 едоками считались бедняцкими, семь хозяйств с 47 едоками - середняками малолощадниками, девять хозяйств с 69 едоками - середняками и девять хозяйств с 51 едоком – зажиточными. Всего 249 душ. Земля в деревне распределялась по едокам – на каждого по 1,5 гектара. Сеяли в основном рожь и овёс, применяя трехпольный севооборот.

Местные крестьяне после нескольких трудных лет имели 54 лошади, 41 корову, 34 плуга, одну молотилку. Возле деревни был пруд.

В школу алашеевские ребята ходили в деревню Бекетовку за три километра. В Алашеевке жили семьи Курулиных, Лукашиных, Никишиных, Паниных.

В 1931 году в Алашеевке был образован колхоз имени Фрунзе. Хозяйство было небольшое – в 1939 году оно объединяло 27 дворов и имело 928 гектаров земли.

Колхозный строй не принёс материального благополучия алашеевцам. Здесь, как впрочем и везде, был скромный трудодень, принудилровка, серость быта.

В Великую Отечественную войну в Алашеевку не вернулось 13 человек.

В 1950 году алашеевский колхоз имени Фрунзе присоединили к Бекетовскому. Присоединённый колхоз стал называться имени Жданова. После этой реорганизации Алашеевка приходит в упадок. Плохие дороги, слабое медицинское обеспечение, практически пустой трудодень способствовали тому, что жители стали покидать деревню. Незначительная компенсация за отдалённость заключалась в том, что участки под картофель здесь выделялись большие, до 50 соток. Но их часто засеивали подсолнечником, семечки продавали в Казани.

Идеологи внушали крестьянам, что колхозный строй для них великое благо. Но в жизни было наоборот – колхозная барщина крепко держала хлебопашцев на грани нищеты. Может быть, поэтому никто из теоретиков колхозного строя в колхозы не стремился.

В деревне до самой её ликвидации сохранились почерневшие соломенные крыши, а печи топили соломой или стволами подсолнечника. Дрова экономили – использовали только при топке бань и когда нужно было печь хлеб. Дрова готовили за полтора километра, в зарослях Ясачки. В магазин, школу, библиотеку алашеевцы ходили за три километра в Бекетовку по бездорожью. Впрочем, до Старой Майны, а это более 40 километров, тоже ходили пешком – своих лошадей-то не было, а в колхозе не напросишься, ибо давала о себе знать система зависимости и унижения.

С созданием Куйбышевского водохранилища дорога до Старой Майны увеличилась до 55 километров. В 1959 году в Алашеевке еще оставалось 57 жителей. В 1960 году происходит новое укрупнение колхозов, и алашеевцы оказались в колхозе «Октябрь» с центральной усадьбой в Грибовке. Но это не изменило жизнь деревни, потому вскоре она ликвидировалась.

Примечательно, что Алашеевские земли глубоко вклиниваются в территорию Республики Татарстан, и сама Алашеевка была более отдалена от Старой Майны, чем её соседние селения Татарстана. Так, в трёх верстах западнее Алашеевки было село Лебяжье, принадлежавшее бывшему шмелёвскому помещику, коллежскому секретарю Андрею Александровичу Ростовскому. На разных этапах своей истории село называлось сельцо Александровка (по имени отца помещика), затем – Ростовкой и наконец, Лебяжье. Относилось оно к Матвеевскому приходу, но в 1888 году из Матвеевки в Лебяжье был выделен престол, и в этом же году на средства прихожан построена трёхпрестольная деревянная церковь с главным престолом в честь Рождества Христова. С этого времени и стала относиться Алашеевка к приходу этого села. Там же, на сельском кладбище, алашеевцы хоронили своих усопших.

В 1907 году в Лебяжье в 84 дворах было 564 жителя. Сегодня этого села нет...

Восточнее Алашеевки расположилась деревня Отрада (Республика Татарстан). В 1834 году она значилась во владении шмелёвского помещика подполковника Николая Павловича Алашеева, который в 1820-1823 годах был предводителем уездного дворянства.

В 1850 годах сельцо Отрада практически разделялось на две части, одна из которых была во владении Екатерины Павловны Фалеевой, другая – Михаила Павловича Эленц. Позже в деревне было владение Ляпуновых.

В 1908 году в Отраде 597 жителей, две барские усадьбы, лавка, ветряная мельница, кузнечно-слесарная мастерская.

По воспоминаниям старожилов, после революции барин Василий Викторович Ляпунов собрал сход, и всё имущество разделил между крестьянами. Кстати, Ляпунов пользовался большим уважением в округе. Несколько лет он служил врачом Спасской земской больницы, затем был председателем Спасской уездной земской управы, а позднее был избран членом губернской земской палаты.

Отрада и сегодня сохранилась. В ней чуть больше 60 дворов и около 200 жителей.

ПОМРЯСКИНСКАЯ ВОЛОСТЬ



Карта 1797 г.

К югу от восточной части Старомайинской волости начиналась Помряскинская волость. Ныне мало кто знает о её существовании, ибо после её упразднения сменилось несколько поколений, живших уже при других административных делениях, потому из памяти прежняя волость полностью изжита, и лишь как свершившийся исторический факт заставляет возвращаться нас к прежнему административному образованию.

Помряскинская волость образовалась в 1861 году с центром в селе Ясаиное Помряскино. Административно волость относилась к Ставропольскому уезду Самарской губернии. В волость входили селения: Новиковка, Ясаиное Помряскино, Русское Урайкино, Горное Урайкино, Уразгильдино. По данным 1883 года в волости было 907 дворов и 5731 житель. Примечательно, что во владении крестьянских обществ было 10699 десятин земли, из них 9334 - пашины. Во владении частных лиц было 6159 десятин земли, из них 2646 - пашины, всего же с казенной и остаточной землей в волости было 17045 десятин земли, из них 12053 – пашины.

Интересно, что на этот период в Помряскинской волости было 118 извозчиков, 26 кирпичников, 3 кузнеца, 3 мельника, 15 пастухов, 10 печников, 10 пильщиков, 17

плотников, 19 портных, 43 пасечника, 13 сапожников, 11 торговцев, 58 человек уходили на отхожие работы, а 26 человек считались нищими...

Помряскинская волость располагалась вдоль реки Красной, разделяющей здешний ландшафт на равнинное левобережье и горное, возвышенное правобережье. Селения в волости располагались кучно, в две – три версты друг от друга.

В советский период Помряскинская волость была упразднена и полностью вошла в Мало-кандалинскую волость Мелекесского уезда. С 1928 года селения бывшей Помряскинской волости вошли в Мелекесский район, а с 1935 года в Малокандалинский район. С 1956 года селения бывшей волости вошли в Старомайнский район. На 1999 год на территории бывшей Помряскинской волости образованы две сельских администрации: Новиковская и Татурайкинская.

Население в селениях бывшей волости значительно уменьшилось, если в 1930 году в границах бывшей волости в 1585 дворах проживало 7339 жителей, то в 1999 году в тех же пределах осталось 729 хозяйств и 1683 жителя. За годы советской власти деревни Татарское Урайкино и Уразгильдино объединились в одно селение - Татарское Урайкино, не стало и деревни Горное Урайкино.

Из значительных исторических достопримечательностей на территории бывшей Помряскинской волости оставалась лишь полуразрушенная церковь в селе Новиковка, построена новая мечеть в селении Татурайкино.



Мечеть с. Татурайкино

Помряскинская волость - родина известного сказочника Абрама Кузьмича Новопольцева и писателя Александра Сергеевича Неверова.

Село Новиковка

Село – центр сельской администрации, в 25 км к юго-востоку от Старой Майны. В селе средняя школа, клуб, полуразрушенная Покровская церковь, контора совхоза «Неверовский». Новиковка – родина известного советского писателя Александра Сергеевича Неверова. В 1999 году в селе 203 хозяйства и 516 жителей.

Из села Красная Река дорога резко уходит на юг, в сторону бывшей Помряскинской волости, и первое село на пути – это Новиковка...

Новиковка – красивое село, разбросанное по обоим берегам реки Красной. Правый берег гористый, потому издали кажется, что избы по горе расставлены, словно по полочке. Но главная деталь Новиковской панорамы – это церковь. Она полуразрушена, но место для нее подобрано столь удачно, что уберечь ее совсем – и вид села потеряет свою неповторимость и привлекательность.

История образования и происхождение названия села не имеет четких убедительных версий, потому Новиковка остается селом неразгаданных тайн и вольных предположений. Для исследователей прошлого здесь нетронутый пласт прожитого. Из всех бытующих предположений я преднамеренно оставил и спорное, но интригующее предание о том, что название села произошло от двух слов – НОВ и КОВКА, то есть «новаяковка», или проще, по легенде, здесь перековывали кандалы на каторжанах. Эта версия легко увязывается с легендами соседних селений Большая и Малая Кандалы и тем предположительным существованием ссыльного тракта и засечной черты, создавая в комплексе интригующее восприятие прошлого.

Безусловно, что для существования села эта версия далека от истины, но она есть и вносит определенную привлекательность в прошлое села, согревает душу каждого селянина, скрашивая тем все невзгоды сельской жизни. К тому же в истории села возможен малоизученный период, в который вполне могло вписаться данное предание. Несомненно, что, пройдя через несколько поколений, оно потеряло достоверность, вот с этим и предстоит разобраться следующему поколению исследователей.

Из других версий наиболее реальна фамильная основа. Так, к 1771 году в селе имела земли и крестьян майорша Екатерина Новикова, здесь же владения прапорщика Данилы Новикова. Эти факты невольно подсказывают, что, возможно, их предки стояли у истоков основания села, потому и название Новиковка.

Село образовано во второй половине 17 века поселенцами, несшими охранную службу по уезду, за что они были наделены землей четвертями, позднее их называли однодворцами. Изначально селение располагалось на правом гористом берегу; позднее здесь приобретают земли помещики, расселяя своих крестьян из других вотчин по обоим берегам реки Красной. Из знатных родов здесь имел владение князь Гаврила Назаров.

В 1770 году в Новиковке на средства прихожан была построена каменная двухпрестольная церковь с главным престолом во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а в приделе – во имя Святителя Чудотворца Николая.



Каменная двупрестольная церковь

С постройкой церкви село Новиковка получает и другое распространенное название – Покровское – по главному престольному празднику, но в 20 веке это название уже не употреблялось.

Сегодня взгляд невольно скользит по заброшенному храму, практически единственному грандиозному, в масштабах села, зданию. В мыслях пытаюсь восстановить его былое величие, его потребность, и если бы не архивные данные, я бы, несмотря на очевидную запущенность и его ветхость, сбросил бы ему сотню лет. А то, что ныне храм продолжает разрушаться, говорит не о его возрасте, а той пассивности и равнодушии к его судьбе, и о том, что селяне столкнулись не только с материальными трудностями, но еще и не восстановились духовно после затяжного падения нравов, занесенного неистовой волной атеизма, партийной идеологией и бесчисленных революционных преобразований...

К 1795 году в селе Покровское (Новиковка) было 895 жителей, а за селом числилось 7137 десятин земли. Здесь были владения капитана Александра Алексеевича Бабкина, прапорщика Федора Васильевича Ртищева, коллежской советницы Степаниды Андреевны Малаевой и других помещиков.



Заброшенный храм

Дворянское право давало возможность помещикам продавать свои земли с крестьянами, потому состав помещиков постоянно обновлялся. Так к середине 19 века здесь числятся Андреевы, Голчины, Хованские, Скурихины, Слепцовы и другие. Одним из богатых помещиков здесь стал Александр Дмитриевич Лазарев – у него в селе 154 души мужского пола в 46 дворах, что составляло 66 барщинных тягл, на которые приходилось 396 десятин пашни.

Сегодня, сравнивая далёкое прошлое с настоящим, невольно обращаешь внимание на возникшие демографические проблемы, когда рождаемость значительно уступает смертности, хотя именно сегодня, благодаря высокому уровню современной медицины, детская смертность сравнительно мала, а высокий показатель утрат держится за счет вымирания старшего поколения. В старые времена все было иначе, в основном умирали в детском возрасте, и наиболее уязвимая часть из них были дети в возрасте до 5 лет. Это был жёсткий естественный отбор.

В годы распространения эпидемии возрастали потери людей всех возрастов. Например, в Новиковке в 1846 году умерло вдвое больше, чем родилось. Еще тяжелее был для новиковцев 1848 год, когда в селе родилось 40, а умерло 155 человек; и только за июнь – июль от холеры умерло 89 человек. Если учесть, что население Новиковки на начало года составляло 1026 человек, то за этот трагический год умер каждый седьмой житель!

За этим тяжелым для села годом были еще 1851, 1854, 1856 годы. Неудивительно, что население Новиковки, несмотря на положительный прирост других лет, даже уменьшилось. Так, по данным 1859 года, в селе Покровское (Новиковка) было 102 двора и 960 жителей.

После реформы 1861 года из более десятка небольших общин в селе были сформированы 7 земельных обществ. Например, первое общество объединило бывшие общины помещиков Назарова, Михайловых и Андреевых. По земельному обеспечению в лучшем положении оставалось седьмое общество бывших государственных крестьян, состоявшее из двух групп: первая – на четвертном праве (однодворцы), получившие по 10,5 десятины на ревизскую душу, вторая группа – общинники – получили по 7 десятин. Бывшие помещичьи крестьяне получили по 4 десятины, а второе общество, бывшее Бабкинское, получили лишь дарственный надел, равный десятине, но без выкупа. Тем не менее, крестьяне из подневольных рабов становились свободными. Помещик уже не мог их ни продавать, ни запретить крестьянину жениться, ни вмешиваться в жизнь семьи. Крестьяне получали право заключать договоры от своего имени, заниматься торговлей и промыслами, выступать в суде от своего имени, могли выйти из крестьянского сословия и приписаться в мещане или купцы.

Однако процесс освобождения крестьян от крепостного права в Новиковке проходил довольно сложно. Например, крестьяне дворян Назаровых из первого общества освободились лишь в 1881 году, то есть через 20 лет после начала реформы.

Значительная часть земель осталась у помещиков. Так, за Серафимом и Василием Андреевыми осталось 316 десятин, у Голчиных – 149 десятин, у Авдотьи Васильевны Михайловой - 160 десятин, у Сукрихиных – 211 десятин, у Лазарева с учетом земли в других местах – 3562 десятины. Впрочем, и другие помещики села имели земли и крестьян в других селениях и даже в других уездах, потому не удивляет их определенная связь между собой. Так, много земель здесь и в других местах осталось у братьев Бабкиных – Александра, Аркадия и Николая Африкантовичей. Интересно, что и ныне один из здешних участков леса называется Африкантов лес.

В Новиковке еще бытует старое название улицы Глебовщина. Сегодня мало кто знает, что эта улица получила название по фамилии помещицы Дарьи Глебовой, имевшей здесь земли и крестьян. Еще одно старое название – Бекетовщина – дано по фамилии Платона Бекетова, который имел земли и крестьян в Новиковке и Дмитриево Помряскино. Платон Петрович Бекетов был известен как историк, библиограф и издатель. И хотя Бекетовых и Глебовых давно уже здесь нет, а вот названия сохранились...

В этих же двух селениях имели владения и Слепцовы, которые после 1871 года выделили своим временно-обязанным крестьянам обоих сел землю под поселок, который изначально назывался деревней Слепцовы выселки, но затем он под названием Выселки закрепился в составе Новиковки. Другое старое название улицы – Рязань – невольно связывается с деревней Старая Рязань из Самарской области.

Примечательно, что на время реформы стоимость десятины пахотной земли в зависимости от ее качества колебалась от 20 до 25 рублей, однако не у каждого крестьянина была возможность выкупить ее сразу, поэтому приходилось соглашаться на ее групповой общинный выкуп в течение 49 лет. К моменту совершения сделки цена

десятины возросла от 28 до 32 рублей, а по окончании срока выплат за десятину уже давали от 90 до 100 рублей.

Исследователи в советский период, как правило, опасались анализировать положение крестьян при колхозном строе, зато усердно подмечали, что при царизме гнёт крестьян постоянно возрастал, увеличивались подати, оброк, однако умалчивали, что параллельно росли и цены на производимую крестьянами продукцию. Так, например, если сравнить цены до отмены крепостного права и после, то они возросли почти вдвое, что позволяло им компенсировать возросшие расходы.

Часто историки отмечали, что цена на хлеб возрастала настолько, что крестьянин не мог его купить, забывая, что крестьяне сами были продавцами хлеба и имели от высоких цен доход.

Крестьянская семья обычно содержала самое необходимое: лошадь, корову, овец, возможно, свинью, лишний скот был не нужен, потому в течение года крестьянская семья могла продать подращенного теленка, жеребенка или пару овец; остальной доход приносило полеводство. К примеру, в 1854 году пуд ржаной муки стоил 20 копеек, за четверть овса давали 1 рубль 30 копеек, за пуд пшена – 25 копеек. Фунт (400 г) коровьего масла стоил 13 копеек, пуд гречневой крупы – 26 копеек.

Интересно, что в 1867 году цены значительно повысились, и за пуд ржаной муки давали уже 60 копеек, за четверть овса – 2 рубля 50 копеек, фунт коровьего масла стоил 25 копеек, пуд пшена – 80 копеек, а пуд гречневой крупы – 60 копеек. Для сравнения: в 1930 году за пуд пшена просили 1 рубль 40 копеек, за пуд гречневой крупы – 1 рубль 60 копеек, а например, в октябре 1995 года за 1 килограмм гречневой крупы нужно было заплатить 2800 рублей...

Нетрудно заметить, что на разных исторических этапах покупательская способность рубля очень колебалась, потому очень трудно воспринимать реальный курс рубля в конкретный период времени, что часто давало возможность историкам манипулировать цифрами.

Истари, в те годы, когда урожай был хуже, цена на хлеб возрастала, и за счёт этого крестьяне компенсировали недород, и напротив, в урожайные годы цена на хлеб резко понижалась, и доход от его продажи был невелик, но появлялась возможность отложить часть урожая «на чёрный день». Конечно, в полный недород оставленные запасы не спасали, и часто в пищу шло всё, что было можно. Правда, недород бывал только в определенной части России, в другой же, наоборот, оказывался хороший урожай, но отсутствие удобных путей сообщения ставило неурожайные местности в бедственное положение.

Административно село Покровское (Новиковка) относилось к Помряскинской волости (3 версты) Ставропольского уезда (127 верст) Самарской губернии (183 версты).

К 1884 году в селе 261 двор и 1368 жителей. Здесь 6 лавок, паровая мельница, базар по воскресеньям, кабак.

На этот период у здешних крестьян было 1893 десятины земли, из них 1759 – пашни. В крестьянских хозяйствах числилось 376 лошадей, 266 коров, 716 овец, а 12 хозяйств занимались пчеловодством. Нетрудно заметить, что село было довольно крепкое.

Новиковка располагалась у лесного массива, потому здесь прекрасные ягодные и грибные уголья, но основным занятием населения были земледелие и животноводство.

Вспоминая былое, надо отметить, что жители Новиковки были сплошь неграмотными, лишь в 1888 году в селе открылась церковно-приходская школа.

В советский период любили принижать дореволюционную школу, но вот парадокс: именно в скромной церковно-приходской сельской школе получил первые знания будущий известный писатель Александр Сергеевич Скобелев (псевдоним Неверов). Кроме церковноприходской школы он закончил вто-роклассную учительскую школу в селе Озерки. Потом он несколько лет работал учителем в небольших деревушках, одновременно занимаясь литературным творчеством. Затем переехал в Москву и перешёл на литературную работу. Нетрудно заметить, что образование у Александра не ахти какое, посовременной оценке ниже среднего, однако трудолюбие, самообразование помогли раскрыться таланту и достигнуть творческих высот. В голодном 1921 году Неверов вместе с писателем Яровым ездил за хлебом в Ташкент и под впечатлением от этой поездки написал известную повесть «Ташкент – город хлебный».

Александр Сергеевич не терял связи с родным селом, в 1923 году он приезжал в Новиковку, чтобы познать жизнь своих односельчан после революции. Не исключено, что именно разочаровавшись от увиденного, в декабре того же 1923 года он неожиданно скончался от болезни сердца, оставив недописанный роман «Гуси-лебеди». Безусловно, Александр Сергеевич Неверов стал неувядаемой гордостью нашего края.

К 1897 году из всех новиковских дворян в селе остались только Слепцовы, имевшие здесь 358 десятин земли. Крупной землевладелицей здесь стала симбирская купчиха Конурина, у которой здесь было 1966 десятин земли, две водяные и одна паровая мельницы, здесь же у нее фруктовый сад.

Из воспоминаний Натальи Ивановны Бодряговой :

«Екатерина Матвеевна Конурина (в народе Конуриха) ведала хозяйством сама, ей помогал управляющий Иван Адамович Латыщ. В саду были водокачка, фонтан, цветники, людская; здесь же работали два садовника. Хозяйка была доброй, при падеже скота у крестьян помогала деньгами».

Н. И. Бодрягова вспоминает, как она подростком подрабатывала у Конурихи, получая за работу в поле по 15 – 20 копеек за день, для подростков это были хорошие деньги. Например, в городах, в дешёвых столовых - «обжорках» на 5 копеек можно было плотно пообедать. Здесь же, в селе, подростки чаще копили на какую-то для себя обновку.

По данным 1910 года, в Новиковке 341 двор и 1879 жителей. По проводимой Столыпинской реформе, семь крестьянских обществ разделились на одиннадцать в тех пределах, что были при крепостном праве. Примечательно, что давно отменили крепостное право, в селе не было самих помещиков. А вот свободные крестьяне оставили привычные названия обществ по фамилиям своих бывших владельцев: Андреевское,

Бабкинское, Голчинское, Педеньковское, Скурихинское, Гафидовское, Лазаревское, Михайловское, Слепцовское, Хованское и Государственное. Старые сложившиеся традиции не мешали мирно работать, а революционные бессмысленные ломки еще не будоражили сознание крестьян.

В 1911 году ввиду неурожая царское правительство предоставило возможность здешним крестьянам заработать, выделив 876 рублей на устройство запруды «Шиковка». Впрочем, помощь эта была сравнительно мала. Так, например, в 1912 году в селе было 8 пожаров, от которых сгорело 22 двора на сумму 4084 рубля – деньги по тем временам немалые.

Перед революцией все хозяйство Конуриной в селе приобрел мулловский промышленник Бахтеев. Интересно, что после революции с созданием в селе сельского Совета новая власть не могла найти достойного применения барской усадьбе. Наконец, в 1922 году она была отдана в аренду Эрнсту Карловичу Протцу. В усадьбе были двухэтажный деревянный дом 18х12 метров, крытый железом, еще дома, крытые тесом, конюшня, амбар, каретник, каменная кузница, фруктовый сад в 2,5 десятины, где было 300 яблонь, 200 вишен, 30 ранеток.

Барская усадьба была примечательностью села, однако в ночь с 30 октября 1925 года в 23 часа от неустановленных причин начался пожар, от которого сгорел барский дом и еще две постройки. После пожара в саду осталось 130 яблонь...

20 век для селян стал сложным и противоречивым. Из череды прошедших лет трудно выделить что-то примечательное. Было много идеологии, много экспериментов, много надежд и разочарований. В 1926 году в здешней школе, состоявшей из двух деревянных зданий, построенных ещё в 1896 году, училось 92 ученика, учителем в школе был Ларьков Дмитрий Петрович; позже его сын, продолжив профессию отца, будет здесь директором школы.

В 1928 году в селе была создана сельхозартель имени Неверова. Эта небольшая артель была создана на добровольных началах, в неё вошло всего 10 хозяйств с 62 едоками. У артели было в пользовании 145 гектаров земли и 7 голов рабочего скота. Из десяти хозяйств девять были бедняцкие, и безусловно, эта артель не стала положительным примером, потому о ней никто не вспоминает.

Датой образования колхоза имени Неверова считают 1929 год, когда началась сплошная коллективизация, и в колхоз уже вступали в добровольно-принудительном порядке, когда грубо обобществлялся рабочий скот, инвентарь, семена.

В 1930 году Новиковка еще многолюдное село, где в 499 дворах было 2218 жителей, но уже в этом году с церкви сняли колокола.

Среди активистов того времени старожилы называют Тимофея Стенина, Ивана Лучкина, Михаила Купчихина, Гранечку Русакову, Дикую. Часто активисты, не задумываясь, переступали нравственные пределы. Так Анастасию Кузнецову активисты застали за ткацким станком, Гранечка бесцеремонно отрезала ткань по самый берд и унесла. Трудно объяснить, что толкало активистов к таким неодобрительным поступкам против своих земляков – зависть, рвение выслужиться, безнаказанность или слепая вера в новые идеалы.

Примечательно, что среди первых комсомольцев села был сын священника Александр Державин, который одно время работал учителем в селе Матвеевка. Что же чувствовал этот молодой парень, когда его отца, Державина Алексея Ивановича, в сентябре 1932 года репрессировала тройка ОГПУ, а потом обливали словесной грязью, что он был и пьяница, и дебошир... Впрочем, от слуг идеологического фронта досталось и его предшественнику – священнику Григорию Софоклову и всем верующим. Ругать священников и кулаков любили многие, кто не знал правды, кто не хотел трезво задуматься над происходящим, кто боялся и угодливо повторял идеологические аксиомы, а кто, ругая других, пытался возвыситься или обелить себя.

Вот в таком подавленном настроении, с глубоким чувством разобщенности, униженности, внутреннего разочарования и необоснованных репрессий вступило Отечество в Великую Отечественную войну.

В отличие от довоенного периода, война отличалась пониманием и осмысленностью многочисленных людских и материальных потерь, хотя в душе остался непроходящий горький осадок за такую великую жертву, которую пришлось платить народу из-за ошибок и просчетов стоявших у власти. В районную «Книгу Памяти» занесены имена 91 новиковца, не вернувшегося с войны.

Из хроники последующих лет:

1953 год. Упразднён Новиковский сельский Совет, село переподчинено Тат. Урайкинскому сельскому Совету.

1958 год. Колхоз имени Неверова присоединён к колхозу им. Чапаева.

1959 год. В селе 981 житель, а Новиковка стала третьим отделением совхоза «Старомайнский».

1966 год. Образован совхоз «Неверовский», в который вошли Новиковка и Дмитриево Помряскино.

1976 год. Совхоз «Неверовский» становится самостоятельным хозяйством.

1977 год. В селе открыта новая двухэтажная школа на 330 мест.

1980 год. Вновь образован Новиковский сельский Совет.

В последующие годы в селе построены новые здания медпункта, магазина, конторы совхоза «Неверовский», две улицы новых домов с центральным отоплением, водопровод, зерноток, мастерская, гараж.

1989 год. В совхозе 350 коров, 41 трактор, 20 грузовых машин, 17 комбайнов. В селе работает детский сад на 50 мест.

Казалось, что жизнь в селе год от года будет улучшаться, но в последующее десятилетие в стране многое изменилось.

1999 год. У рубежа второго тысячелетия в совхозе 6208 га земли, из них 3891 га пашни; здесь 142 коровы, 23 трактора, 16 грузовых машин, 9 комбайнов.

Нетрудно заметить, что после демократических ельцинских реформ совхозные показатели значительно ухудшились. Не секрет, что мы живем в стране печальных повторений, надежды на революционные преобразования в очередной раз не оправдались. И всё же селяне живут в ожидании положительных перемен.

Село Ясашное Помряскино

Бывшее волостное село, ныне село Новиковской сельской администрации, в 28 километрах к юго-востоку от Старой Майны. В селе школа, центральная усадьба колхоза им. Ленина. Село – родина русского сказочника Абрама Кузьмича Новопольцева (1830 – 1886 гг.).

Всего в трёх верстах к югу от Новиковки, у реки Красной расположилось село Ясашное Помряскино. Сегодня, сворачивая с асфальтированной трассы в село, невольно находишься в ожидании чего-то необычного, трепетного, как от здешней, мелководной речушки Красной с её неожиданными изгибами и омутами. Правда, пройдя по селу, можно разочароваться от его заурядности, но стоит встретить словоохотливую любознательную душу, и каждая изба, каждый двор в её рассказе могут увлечь, удивить интригой прожитой жизни. Помогая восстановить каждое прошедшее событие, каждую забытую людскую судьбу.

Село Помряскино основано в 1698 году, когда на свободные земли служивых татар деревни Ураева (Урайкино) стали переселять матвеевских инородцев – новокрещенную мордву, которые вместе с русскими и основали деревню Ясашное Помряскино.

Название Помряскино, по мнению топонимистов, произошло от мордовского имени Помряско, а приставка Ясашное поясняла, что здешние крестьяне были ясачные, то есть не знали над собой помещиков, а за пользование землей платили ясак (подать). В дальнейшем они относились к разряду удельных крестьян. Интересно, что мордовский след в селе исчез, а вот мордовское название Помряскино сохранилось.

Современное село Помряскино раскинулось на левом берегу реки Красной, но вот в пожелтевших от времени страницах архивных материалов говорится, что по 5 ревизии (1795 г.) – это ближе к столетию основания села – Ясашное Помряскино располагалось по обе стороны реки Красной и нескольких оврагов. В селе 70 дворов и 601 житель, а за здешней общиной закреплено 3384 десятины земли.

Нетрудно заметить, что землей помряскинцы были наделены в достатке, что позволило им на свои средства еще в 1772 году построить в Помряскино [деревянную, крытую железом церковь](#). Ныне трудно поверить, что на 70 дворов была построена церковь, хотя и холодная, но двухпрестольная с главным престолом во имя Пресвятой Богородицы, а в приделе – во имя Святителя и Чудотворца Николая. Надо отметить, что с постройкой церкви за селом продолжительно употреблялось и другое, вполне приемлимое название села - Покровское Помряскино, которое встречалось до конца 19 века, но ныне о нём в селе не вспоминают.

К 1859 году в селе Ясашное (Покровское) Помряскино было 94 двора и 948 жителей. Заметно, что семьи на этот период здесь большие, в среднем по 10 человек.

После реформы 1863 года здешняя крестьянская община как бывшая удельная получила 2019 десятин земли, из них 1503 – пашни, что меньше, чем было, и всё же новое земельное обеспечение оставалось по тем временам довольно хорошим. Правда, здешние земли считались бедноватыми, потому, кроме хлебопашества, крестьяне села занимались выделкой поташа. Так, на 1861 год в селе 7 поташных заведений, принадлежавших крестьянам, на них производилось 582 пуда поташа на 819 рублей. Деньги по тому времени немалые: например, в то время килограмм говядины стоил не более 10 копеек.

Реформа 1861 года внесла значительные перемены в прежний статус села: из рядового села Помряскино становится волостным. Административно село относилось к Ставропольскому уезду (125 верст) Самарской губернии (180 верст).

В том же 1861 году в Помряскино как волостном селе по распоряжению удельного начальства было открыто училище грамоты, преобразованное в 1864 году в земскую школу.

Проводимые реформы невольно что-то меняли в старых традициях. Так, после реформы разделение семей стало происходить быстрее, потому число дворов на селе стало быстро увеличиваться, и к 1884 году в Ясашном Помряскино 220 дворов и 1219 жителей, что в среднем составляло уже чуть более 5 человек на семью. Обычно после раздела образовавшиеся семьи обеднялись, но среднестатистическое положение крестьянской общины оставалось благополучной. Так на 220 дворов здесь приходилось 299 лошадей, 250 коров, 884 овцы, 12 семей занимались пчеловодством, имея 137 ульев. Примечательно, что за 10 лет (1873 – 1883) в селе сгорело 75 дворов. Угроза пожаров заставляла селян строить кирпичные дома. Известно, что в селе было 5 небольших кирпичных заведений. Кирпичники делали кирпич обычно всей семьей или нанимали татар из Уразгильдино, платя 3 рубля за тысячу штук. Татары в свою очередь от себя принимали помощников – обычно сирот, подростков, платя им от 65 копеек до рубля за тысячу. Производством кирпича занимались 5 месяцев – с мая по октябрь включительно. Мастер только формировал кирпич, а помощник месил, подносил к формовкам и переносил сделанный кирпич на точок сарая для сушки. Продавался кирпич от 8 до 10 рублей за тысячу.

Интересно, что в Ясашном Помряскино родился и жил русский сказочник Абрам Кузьмич Новопольцев. Родился Абрам Кузьмич в крестьянской семье, но крестьянских навыков в полном объеме не освоил, потому подрабатывал: пас стадо, колол дрова. Но был у Абрама Кузьмича замечательный дар рассказчика. Абрам Кузьмич – шутник, выдумщик множества баек, потому его часто приглашали на свадьбы, на пиры в дворянские усадьбы или просто, расслабившись от выпитой чарки, слушали его в здешнем кабаке.

Известный собиратель и знаток русского фольклора поэт Дмитрий Николаевич Садовников записал со слов Новопольцева 72 текста, которые были опубликованы в книге «Сказки и предания Самарского края». Однако в своем селе оригинальный талант своего знаменитого земляка всерьез не воспринимали и недооценивали. Умер Абрам Кузьмич в нищете, а могила его со временем затерялась на сельском кладбище.

Впрочем, время – суровый распорядитель, и многие даже знатные дворянские роды со временем ушли в полное забвение, а вот простой, неграмотный мужик-лапотник самостоятельно вырос в большого мастера-сказителя и был признан и занесен в Большую

советскую энциклопедию, а его творчество продолжают изучать и восхищаться многие поколения исследователей и просто читателей. Но в родном его селе и ныне довольно мало знают о своем выдающемся земляке, который своим необыкновенным даром прославил своё село.

Впрочем, помряскинцев можно понять, ибо в селе исстари ценились старательные, трудолюбивые, способные люди, плодотворный труд которых и составлял основную славу села. И ещё – всё, что было направлено на благо селян, было достойно уважения. К примеру, уместно вспомнить старания священника Петра Лебедева, при активном участии которого в селе открылась церковно-приходская школа.

Сегодня, оглядываясь в прошлое, трудно воспринимаются в полном объеме традиции, которые складывались десятилетиями. Даже тот факт, что подушная подать и оброк взимались, как и повсеместно, со всего общества в целом, а не с каждого отдельного двора, что невольно связывало всех «круговой порукой», когда за несостоятельного хозяина все расходы возмещало общество, потому все в селе были заинтересованы в благосостоянии каждого крестьянского двора. Можно спорить об этой старой системе, сдерживающей капиталистические преобразования в селе, хотя очевидно, она спасала самых неудачливых и неумелых членов общества.

Объединяли селян и непредвиденные обстоятельства, потому жили, как одна большая семья, а все сельские проблемы решали на сходах.

Нынешние сходы – это собрания людей, которые, в общем-то, ни за что не отвечают и часто склонны к необязывающей демагогии, а в ту пору сходы собирали только домохозяев или замещающих их членов семьи, потому на сходах было больше озабоченности, ответственности и деловитости. На сходах решались вопросы об уравнильных земельных переделах, распределении обязанностей, сборах средств на общие нужды, устройстве дорог или наведении элементарного порядка. Может, это способствовало тому, что дореволюционное Ясашное Помряскино считалось селом крепким и культурным.

Безусловно, нельзя говорить, что до революции в селе всё складывалось гладко, ибо крестьянская деятельность всегда была рискованной, непредсказуемой: здесь частые неурожаи, пожары, эпидемии и другие непредвиденные обстоятельства, ставшие печальной нормой в жизни селян.

В истории села известны ряд неблагоприятных лет, когда смертность превышала рождаемость. Так было в 1864, 1871, 1883, 1892, 1893, 1901 годах. Например, в 1892 году родилось 93, а умерло 139, 65 из них – дети в возрасте до 5 лет. Только в августе умерло 35 человек, из них 22 – от холеры. Это говорит о низком уровне медицинского обеспечения в селе.

Пройдя столь суровый естественный отбор, у людей была возможность дожить до глубокой старости. Так в 1890 году умер один из долгожителей села Фотий Петров в возрасте 115 лет от старости.

Несмотря на большую смертность, естественный прирост населения в селе был заметен. По данным за 1910 год в селе было 261 двор и 1744 жителя – это, пожалуй, наибольшее, известное число жителей в селе. Рост населения вынудил земство построить

в селе в 1912 году новую одноклассную, деревянную, крытую железом школу площадью 60 квадратных метров. Безусловно, по нынешним меркам она была тесной, ибо уже в тот год в ней обучалось 57 учеников, а учительницей в школе была Никольская Анастасия Андреевна с окладом 480 рублей в год. Для сравнения: законоучитель в той же школе Хлебников Вячеслав Степанович получал всего 30 рублей в год. Примечательно, что уездное начальство рекомендовало для селян учить мальчиков в церковно-приходской школе.

Новую, к сожалению, не лучшую страницу в истории Ясашного Помряскино открыл Великий Октябрь. В 1918 году в селе был образован сельский Совет, но затем наступила пора непродуманного революционного вала преобразований. С началом бесчисленных экспериментов значение села стремительно падает. Помряскинская волость была упразднена, а село стало относиться к Малокандалинской волости. Казалось, что новая власть должна доказывать, что она лучше старой, и должна добиться, чтобы в каждой семье был достаток. Но в реальной жизни советская власть с первых своих шагов невзлюбила крепкие села, ибо революция совершалась для бедных и угнетенных, потому именно крепкие села были непосильно обложены жёсткой продразверсткой, и именно такие села подвергались нашествию продотрядов, безжалостно опустошавших крестьянские сусеки, что, в общем-то, усилило здесь трагедию засушливого 1921 года.

Голод день за днём ослаблял людей, потому способствовал распространению эпидемий, что резко увеличило число людских потерь. Сравнивая численность села до и после голода, можно только догадываться о тех огромных людских потерях, которые тяжёлым грузом лежат на совести новой власти, практически бросившей в трудный час своих основных кормильцев. Новая власть из принципа не хотела закупать продовольствие за границей, ибо она считала, что нельзя давать возможности обогащения империалистам. Тем временем новая власть продолжала разграбление церкви под предлогом помощи голодающим.

К 1926 году число жителей в селе несколько восстановилось, но в 236 дворах было только 1102 жителя. В этом году в местной школе училось 63 ученика, а учителями в школе были Мария Яковлевна Рязанова и Василиса Фроловна Чуваева.

В 1928 году, когда практически заканчивался НЭП и повсеместно начались эксперименты объединения крестьянских хозяйств, в селе было образовано машинное товарищество «Свобода», в которое объединились 27 хозяйств, из них 22 бедняцких и 5 середняцких со 145-ю едоками. Товариществу отвели 150 десятин пашни, а на все товарищество было 10 голов рабочего скота. Агитаторы от новой власти уверяли, что даже простое сложение крестьянского инвентаря, рабочего скота обеспечит значительное повышение производительности труда и непременно улучшит их материальное благосостояние. Однако в действительности оказалось всё сложнее, и товарищество не стало положительным примером, потому в 1930 году в селе был образован колхоз имени Ленина. Помряскино было ещё достаточно многолюдно: в селе было 255 хозяйств и 1362 жителя, однако сельский Совет здесь был упразднён, а село стало относиться к Новиковскому сельскому Совету.

Очередное административное понижение, образование колхоза, снятие колоколов, закрытие церкви, шантаж, репрессии и разочарования стали основными причинами, из-за которых люди покидали родное село с горьким осадком обиды за унижения, за духовный гнет, лицемерие и откровенную эксплуатацию. Образованные колхозы стали казенными

монополиями со средневековыми устоями принудительного и малопроизводительного труда. Это привело к отчуждению земледельцев от земли, к лишению чувства причастности к обобществленной собственности, к утрате личной заинтересованности в результатах производства, что, в общем-то, и определило очевидную бесперспективность колхозного строя. В 1935 году в колхозе состояло 82 двора, а за колхозом числилось 3367 гектаров земли.

Повсеместные неудачи в колхозном хозяйстве подталкивали Сталинский режим искать виновных, находить врагов. Так в 1937 году в селе были репрессированы священник Григорий Солуянович Досов, отец четверых детей, крестьянин Александр Черкасов. Необоснованные репрессии сталинских опричников держали селян в страхе, покорности и беспрекословном повиновении.

Трудности сельской жизни усугубила война. В районную «Книгу Памяти» занесены имена 55 сельчан, не вернувшихся к родному очагу.

С 1953 года село стало относиться к Тат. Урайкинскому сельскому Совету. Трудности сельской жизни заставляли селян молчаливо покидать село. Если в 1959 году в Ясашном Помряскино было 415 жителей, то через двадцать лет осталось лишь 285.

Где-то в 1974 – 75 годах в селе были разобраны остатки церкви, последнего оплота веры и духовности. Двести лет она радовала взгляды селян, а теперь село как-то осиротело, потеряв единственную историческую достопримечательность, и на душе стало как-то тревожно за будущее села, за тех людей, которые своим участием в разрушении Божьего храма обрекли себя на вечный укор совести. Может, потеря веры и духовности и стали продолжением прозябания здешнего колхоза, который практически так и не смог высоко подняться.

Даже не верится, что крепкое село с высокими трудовыми традициями за два – три поколения в условиях хваленного, а по существу казарменного социализма растеряло былую славу. Из колхозной деятельности селяне с грустью вспоминают о своих скромных трудовых успехах. Так в 1989 году в колхозе имени Ленина было 330 коров, 733 свиньи. В этом году было продано 1523 центнера мяса, а от каждой фуражной коровы надоено 2343 литра молока. Показатели, вроде, неплохие, но себестоимость произведенной продукции очень высока. В колхозе было 37 тракторов, 14 грузовых автомашин, 16 комбайнов, однако при уборке урожая колхоз вынужден обращаться за помощью. Расхолаживало и то, что была принята областная программа, по которой колхозы, носившие имя Ленина, должны быть передовиками, и их стали подпитывать дотациями, но это пользы не принесло.

Задним числом анализируя прошлое, невольно догадываешься, почему захирели российские селения, ведь все поля засевались, сдавалось государству огромное количество мяса и других продуктов, а в сельских магазинах – пустые прилавки. Стыдно, но при случае селяне везли из города масло, колбасу и даже хлеб. Вот это неравноправие, ущемленность и подсказывали, что селяне вечно были обделены вниманием, и каждый в отдельности делал для себя вывод, как и где ему жить дальше.

Сегодня вполне обоснованно не стихает волна критики прежней партийной идеологии, хотя с годами ей был накоплен и положительный опыт, но общество устало от постоянного дефицита самого необходимого в повседневной жизни, от ограниченности

мышления, от лжи и лицемерия, ставших нормой жизни. Помню, сколько прекрасных и нужных начинаний рождалось на партийных пленумах, но они, как правило, превращались в краткосрочную кампанию с всплеском инициатив, которые вскоре теряли свою актуальность и сводились к простой формальности. Это порождало разочарования и скептицизм.

Не удивительно, что на фоне экономических неудач и жизненных разочарований на вершину власти вознесся обиженный партиец Ельцин, ставший надеждой для многих россиян. Однако когда начались Ельцинские реформы, многие были в шоке: казалось, что страну вернули в тот смутный 1917 год, ибо противостояние мнений было на грани гражданской войны, повторялось далёкое прожитое – разруха, растащивка, падение нравственности, сомнения, тревоги.

С неизбежными демократическими преобразованиями политики новой волны неосмотрительно поспешили отказаться от накопленного позитивного опыта прошлых лет лишь потому, что он связан с КПСС, многие спешили откреститься от своей потерявшей власть партии. Практически, со сменой идеологии начался затяжной период развала сельского хозяйства, беднеют и разоряются колхозы, и с ними беднеют селения.

В 1998 году Помряскину исполнилось 300 лет, но каких-либо юбилейных торжеств не проводилось, тем не менее, можно подводить итоги всего исторического пути. В этом году в селе 107 хозяйств и 287 жителей, а в местной школе 22 ученика. С 1980 года село относится к Новиковскому сельскому Совету. Основное место работы селян – колхоз имени Ленина, в который входит ещё деревня Русское Урайкино. Колхоз имеет 4606 гектаров земли, из них 2517 га – пашня. Практически колхоз находится в упадке. В юбилейном году он имел в наличии 66 коров и 44 свиньи – это всё, что осталось после очередных правительственных реформ, к тому же показатели колхозной деятельности продолжают катастрофически снижаться.

Был момент, когда колхоз передавался в аренду заводу низковольтной аппаратуры «Контактор», но и этот вариант не помог. За свое почти 60-летнее существование в колхозе сменилось более 30 председателей, столько же было обещаний, надежд...

Нельзя сказать, что в селе нет способных да работающих, да разуверились, ибо колхозный строй разочаровал многих. Однако другой системы в стране просто нет, потому приходится поддерживать доставшуюся от сталинизма, эту скомпрометировавшую себя форму коллективного труда. Попытка заменить колхозы фермерскими хозяйствами широкого распространения не получила, ибо, новое внедрялось спонтанно, скороспешно, по обычной пропагандистской показушной схеме. В фермеры подались мечтатели, здесь же авантюристы, и лишь единицы – способных. Надо было предвидеть и то, что за своё существование колхозный строй отбил у земледельцев охоту на инициативу, на свободное мышление, на самостоятельность и расчёт. Потому в селе, как и во всем Отечестве, назрел актуальный вопрос: как выйти из тупика, как вернуть людям веру в справедливость, разбудить, расшевелить желание работать без понуканий, с обоюдной выгодой для себя и Отечества.

Время красивых речей и обещаний прошло. Если селяне хотят жить лучше, то прежде надо изжить в себе зависть к успехам других, избавиться от инерции безучастия, безразличия, демагогии, а затем найти в себе силы и желание изменить образ жизни с тем, чтобы вернуть ему былую славу, чтобы село не заросло высоким бурьяном равнодушия...

Деревня Русское Урайкино

Чуть более версты к югу от Ясашного Помряскино, на левом берегу реки Красной расположилась деревня Русское Урайкино, от которой дальше к югу с полверсты расположена следующая деревня – Татарское Урайкино. Прежде эти деревни были значительно больше по размерам, и их разделял практически лишь овраг, потому для сторонних эти деревни, имеющие сходные названия, часто представлялись, как одно селение, разделенное на концы по национальному признаку. Но на деле это были и есть самостоятельные деревни.

Об основании деревень сведений нет, известно лишь, что в 1771 году деревня принадлежала графу Петру Ивановичу Панину, у которого здесь было 16 ревизских (мужского пола) душ. Затем деревня перешла во владение дворян Кудрявцевых и получила другое название – Кудрявщина. Впрочем, позже это название употреблялось лишь за частью деревни.

После Кудрявцевых деревней владели девица Анна Петровна Татищева и подполковник Григорий Александрович Быков.

В 1837 году деревню покупает жена коллежского советника Надежда Дмитриевна Половцева. Нетрудно заметить, что история Русского Урайкино (Кудрявщины) тесно переплетается с историей Кудрявской общины из Старой Майны. Те же владельцы: Кудрявцев, Татищева и вот Половцевы. Сам Михаил Андреевич Половцев пытается с женой, как в Старой Майне, так и в Русском Урайкино (Кудрявщине) что-то преобразовать, что-то улучшить. к 1848 году в Русском Урайкино у них в 11 дворах 48 душ мужского пола, имеющих 23 тягла (надела) и плативших оброку по 20 рублей 58 копеек с тягла. Нетрудно заметить, что на каждый двор в среднем приходилось по 2 тягла. Почвы здесь в то время считались превосходного качества, имевшие твердую глинистую подпочву с толстым слоем чернозёма. Крестьяне здесь жили зажиточно, у них 306 десятин пашни, леса дровяного более 160 десятин, выгону 6 десятин, а всего с усадьбой, прудом и другими участками 496 десятин.

Владельцы имели от деревни неплохой доход; так от новой мельницы о двух поставах, построенной в 1843 году взамен старой, в год получалось 500 рублей, 23 тягла давали оброка 473 рубля 34 копейки серебром, а всего деревня в год давала 973 рубля 34 копейки дохода.

Половцевы задумали обычную трёхпольную систему севооборота заменить на 6-польную, для чего наметили 100 десятин лучшего леса оставить заповедными, а остальные 60 расчистить под пашню. Из всей земли 91 десятину отвести на покос для крестьян и помещику (исполу), а оставшиеся 276 десятин разделить на две части и 138 из них отвести на крестьянские наделы, разделив их на 6 частей, что получалось по 23 десятины в каждом поле; и такое же количество оставалось у помещика, чтобы каждое тягло обрабатывало по одной крестьянской десятина и одной помещицкой. Нетрудно заметить, что на каждое тягло приходилось 6 десятин пашни и около 2 десятин покосов.

К 1850 году сюда барин намечал переселить часть крестьян из Старой Майны, для чего крестьянам на переселение добавлялось леса на 3 венца, а сараи и амбары крестьяне должны были перевезти прежние. В том же году намечалось расчистить часть лугов от кустарника и поднять нови в барских лугах. Безусловно, барин мог увеличить число тягл,

при этом ничего не лишаясь, приобрести большее число рабочих рук, но обычно крестьяне относились к этому иначе. На каждое новое тягло им нужно было выделить землю из используемой ими с ущербом для себя. И хотя, работая на барщине, через умножение тягл работа для них облегчалась, на это они мало обращали внимания, ибо те члены семьи, которые тягла не несли и не пользовались землей, постоянно работали на себя или приобретали деньги на стороне в пользу своих домов. Потому, чем больше затыгловых в семье, тем двор богаче, и наоборот, совсем без затыгловых - двор никогда не разбогатеет.

Примечательно, что переход на 6-польную систему барин пытался перевести крестьян добровольно, но они отнеслись к новшеству настороженно, и потому задуманное не закрепилось.

К 1859 году в Кудрявщине (Русское Урайкино) 15 дворов и 153 жителя. Кроме Половецкой общины крестьян, в Русском Урайкино образовалось ещё три общины: Лазаревская, Лаптевых и Петровская.

Русское Урайкино относилось к приходу Ясашнопомряжской церкви, а административно – к Помряжской волости Ставропольского уезда Самарской губернии.

После отмены крепостного права крестьяне Русского Урайкино продолжали жить зажиточно, у них на 4 общины приходилось 692 десятины земли, из них 656 десятин пашни. Интересно, что к 1884 году в деревне было 509 жителей, а на 99 дворов приходилось 128 лошадей, 86 коров, 320 овец. На всю деревню был один, считавшийся грамотным, но зато был кабак.

С годами в жизни деревни почти ничего не менялось. Были годы очень трудные, неурожайные, были и благоприятные. Материальное состояние крестьян во многом зависело от капризов погоды. По данным 1910 года, в Русском Урайкино 91 хозяйство и 610 жителей, в деревне работала церковно-приходская школа. Примечательно, что крестьяне третьего общества (Петровского) прикупили 105 десятин пашни, что говорит об их относительной зажиточности и о заботе о будущем.

После Октябрьской революции в деревне был образован сельский Совет, но в 1930 году он был упразднён, и деревня стала относиться к Татурайкинскому сельскому Совету. О голоде, эпидемиях воспоминаний не сохранилось, однако к 1926 году население в деревне сократилось до 425 жителей. В голодный год здесь была закрыта школа, открылась она вновь в 1927 году, в этот год в школе занималось 29 учеников, из которых 8 были из Горного Урайкино. Учительницей в школе была Хохлова Анна Дмитриевна.

Во время сплошной коллективизации в деревне был создан колхоз под названием «Красная Горка», в который входило и Горное Урайкино. к 1935 году колхоз объединял 78 дворов и имел 1719 гектаров земли. Коллективизация, репрессии и наконец, Отечественная война – это тяжёлые страницы в истории деревни. Из деревенских в районную «Книгу Памяти» занесены имена 42 человек. В деревне преобладали фамилии Федосеевых, Кузьминых, Архиреевых, Фроловых.

В 1959 году в Русском Урайкино 219 жителей.

После ряда укрупнений и перераспределений земли бывшего колхоза «Красная Горка» вошли в колхоз имени Ленина (Ясашное Помряскино) в качестве второй бригады. В 1970 году здесь была закрыта начальная школа, что стало критерием бесперспективности деревни.

В 1979 году в деревне 103 жителя, с 1980 года деревня относится к Новиковскому сельскому Совету.

Продолжительно в деревне практически никакого жилья и соцкультбыта не строилось, но деревня еще держится. В 1999 году здесь 44 двора и 90 жителей. Правда, уже чувствуется какая-то опустошенность. Видимо, пережив длительный период разочарований, её жители живут в некой депрессии, а деревня до неприличия заросла бурьяном, потеряв былую привлекательность.

От прежней старины старожилы ещё помнят разделение деревни на концы, вспоминая Кудрявщину, Алевщину, Чураковщину, но уже не знают происхождения и значений этих названий. Сумеет ли устная память сохранить прошлое деревни или потеряв интерес, зарастёт непробиваемым бурьяном, покажет время...

Деревня Горное Урайкино

Деревня Тат. Урайкинского сельского Совета. В 30 км от Старой Майны.

Само название Горное Урайкино говорит о том, что деревушка располагалась на горе, у подножия которой были деревни Русское и Татарское Урайкино. Вот это близкое соседство, видимо, и определило название деревушки. Впрочем, изначально употреблялось и другое название – Новое Урайкино, но оно не прижилось.

Деревня Горное Урайкино образовалась после 1863 года, когда группа бывших удельных крестьян из Ясашного Помряскино пожелала переселиться на дальние от села земли с тем, чтобы быть ближе к своим наделам. Деревня небольшая, крепкая, население все русское.

К 1884 году в деревне 28 дворов и 167 жителей, за крестьянской общиной 282 десятины земли, из них 188 – пашни. О материальном положении крестьян говорят и другие данные: в деревне на 28 дворов было 47 лошадей, 33 коровы, 203 овцы, два хозяйства занимались пчеловодством, имея 64 улья. Такое крепкое положение было, несмотря на то, что за последние 10 лет здесь сгорело 20 дворов.

Административно деревня относилась к Помряскинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии.

К революции в трудовом ритме деревушки мало что изменилось, разве то, что крестьяне прикупили 5,8 десятины земли, что говорило о старании и трудолюбии её жителей.

Революция резко изменила положение здешних крестьян. Работая на своей земле, крестьяне Горного Урайкино не замечали социальных неудобств: что в школу детям приходилось ходить в Русское Урайкино, не было медпункта, были трудности с водой, люди жили своими интересами и заботами. Но при коллективизации земля отошла в

колхоз, люди потеряли ту вольность и свободу, из-за которой, собственно, и переселились сюда. С коллективизацией проживание здесь теряло смысл.

В 1930 году в деревне 44 хозяйства и 174 жителя, но с образованием колхоза деревня стала быстро хиреть, и к 1959 году в деревне осталось лишь 9 жителей, а вскоре её не стало...

Деревня Татарское Урайкино

Деревня – центр сельской администрации, в 35 км юго-востоку от Старой Майны. В деревне средняя, 2 мечети, усадьба колхоза «50 лет Октября». Родина кавалера трёх орденов Славы Абдуллы Бильданова и деятелей культуры А. Г. Мазитова и С. К. Мавлютова.

Следуя старой традиции, Татарское Урайкино относится к статусу деревни, ибо статус села несёт признак православия потому инородческое магометанское селение вне зависимости от численности, всегда называлось и должно называться деревней.

Первое, что бросается в глаза на пути к деревне, - это относительно высокая лысоватая гора, на фоне которой в обширной долине разбросала свои добротные деревянные избы татарская деревня.

Для меня инородческая деревня всегда была и остается загадкой, ибо здесь свои обычаи, своя культура, другая религия, потому постичь все тонкости жития её жителей, не зная татарского языка и традиций, очень и очень сложно. О прошлом татарской деревни, безусловно, лучше знают её старожилы и свои краеведы, которые глубже прочувствовали каждое событие, знают каждую судьбу, для них каждое деревце, каждый родничок хранит что-то заветное, родное, что может оставить без внимания посторонний взгляд. Тем не менее, мне трудно удержаться от желания поделиться своим восприятием прошлого старой деревни, потому пытаюсь самостоятельно рассказать о её сложном историческом пути.

Из уже накопленного краеведческого материала известно лишь то, что деревню Урайкино основали в 1680-е годы инородцы – татары из Свяжского уезда, получившие здесь землю по челобитной за несение сторожевой службы. Дворяне братья Алка и Кондарка Ураевы из деревни Алмендьяре Свяжского уезда получили здесь по 50 четвертей в каждом из трёх полей. Нетрудно заметить, что поселение получило название по первым поселенцам, к которым присоединились выходцы из Алатырского уезда. к 1692 году в деревне Ураево было 30 поселенцев.

Интересно, что ещё в советский период крестьяне деревни хранили старую грамоту – «креп земли» - узкую полоску в две ладони шириной и до пяти метров длиной. На ней, видимо, были указаны ориентиры границ закрепленной земли, которые со временем исчезли, потому было трудно разобрать, что там написано, что, в общем-то, позволяло довольно вольно подбирать удобные версии к прошлому.

Первоначально около деревни оставалось много свободных земель, которыми отчасти пользовались здешние крестьяне, однако по мере освоения края эти Ураевы земли перешли к другим поселенцам. Так на Ураевых землях появилась русская деревня, которая называлась по земельному участку – Урайкино. Чтобы различить деревни, к ним

пришлось добавить поясняющие приставки: русскую деревню называли Русское Урайкино, а татарскую – Старой Урайкино, а затем Татарское Урайкино. За последней часто употребляется сокращенная форма – Тат. Урайкино.

Деревня Ураево (Урайкино), заселенная ясачными татарами, располагалась на левом берегу речушки Красной, а позднее на её правом берегу появляется другая самостоятельная деревня – Уразгильдино; с тех пор Урайкино называли старой деревней, а Уразгильдино – новой.

Свой рассказ я веду об обеих деревнях одновременно, ибо в годы Советской власти деревни были объединены в одну, и постепенно к этому все привыкли, а название Уразгильдино сегодня употребляется только как часть деревни, однако историческая память заставляет возвращаться к прошлому более скрупулезно, вспоминая об их былой самостоятельности.

Интересно, что новая деревня Уразгильдино быстро увеличивалась, численно обгоняя старую деревню. к 1859 году в Тат. Урайкино 127 дворов и 1215 жителей; здесь же 2 мечети, училище. В то же время в соседней деревне Уразгильдино 207 дворов и 1894 жителя, здесь тоже 2 мечети.

С образованием волостей обе татарские деревни административно стали относиться к Помряскинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии. При проведении аграрной реформы обе татарские деревни получили сравнительно хорошее земельное обеспечение, потому они считались крепкими. Однако в истории обеих деревень есть малоизвестные страницы, когда численность обеих деревень значительно уменьшилась. Причинами могли быть эпидемии и высокая детская смертность, что характерно для наших мест.

К 1884 году в Татарском Урайкино 202 двора и 1174 жителя. У здешней общины 3036 десятин земли, из них 2547 – пашня; у них же 283 лошади, 189 коров, 787 овец. В то же время в Уразгильдино 308 дворов и 1620 жителей; у бывшей государственной общины 2956 десятин земли, из них 2227 пашни; у них же 345 лошадей, 244 коровы и 810 овец. В Уразгильдино за последние 10 лет сгорело 69 дворов. Деревянные строения, соломенные крыши обычно способствовали быстрому распространению огня, потому пожары приносили большие разорения. Так, старожилы пересказывали, как в голодный 1891 год во время уборки урожая деревня Тат. Урайкино сгорела до тла, и власти вынуждены были оказать помощь погорельцам.

Если обратить внимание на обе татарские деревни, то нетрудно заметить, что население в Уразгильдино было больше, а земли меньше. Это обстоятельство подтолкнуло в Столыпинскую реформу часть крестьян из Уразгильдино переселиться на новые земли. В 1908 году 570 переселенцев образовали на реке Калмаюр деревню с тем же названием – Уразгильдино.

Но вернемся на реку Красную. 20 век оказался трудным для татарских деревень, неурожаи наблюдались в 1901, 1906 годах, а в 1911 году царское правительство вынуждено оказать трудовую помощь: в Уразгильдино было расчищено озеро на сумму 1270 рублей.

Несмотря на периодические трудности, обе татарские деревни оставались крепкими. Из известного дореволюционного источника – подворной переписи, изданной в 1915 году, заметно сложившееся расслоение населения на бедное и зажиточное. Так, в Татарском Урайкино было 1967 жителей и из 364 дворов лишь 11 были безлошадными, в большинстве в каждом дворе имелись лошадь и корова. Но, например, 92 двора имели по две лошади, а 13 дворов – по три и более лошадей. Кроме пашни, крестьянская община имела 230 десятин леса.

В соседней деревне Уразгильдино было 2257 жителей, а на 428 дворов лишь 9 были безлошадными. Здесь тоже в основном в каждом дворе имелась лошадь и корова, но например, 83 двора имели по две лошади, а 17 дворов – по три и более лошадей. Такое материальное положение после революции было просто недопустимо.

В советский период в угоду идеологам продолжительно старались очернить дореволюционное прошлое, подчеркивая нищету и убогость деревень, ибо новая власть сама довела крепкие деревни до нищеты, а потом гордилась каждым скромным достижением.

В 1918 году в Тат. Урайкино был образован сельский Совет, к которому относилась и деревня Уразгильдино. Вслед Советам здесь были образованы комбеды – только из бедноты. По замыслу властей, бедняки по своей извечной завистливости и порочности должны были стать наводчиками для продотрядов. Продолжительно комбедчики гордились тем, что помогли продотрядам собрать много хлеба, но умолчали, до чего этим довели своих земляков. Именно жесткая продразвёрстка и продотряды усилили трагедию засушливого 1921 года, когда от голода и холеры в татарских деревнях умирали десятки людей. Если обратить внимание на статистические данные, то к 1926 году население деревень сократилось, несмотря на естественный прирост других лет. Так, в 1926 году в Тат. Урайкино на 306 дворов было 1447 жителей, а в Уразгильдино на 306 дворов – 1454 жителя. Безусловно, о потерях голодного мора постарались быстро забыть, и ныне об этом мало кто помнит.

В 1926 году в Татурайкинской начальной деревянной школе, построенной в 1900 году, училось 102 ученика, из них 32 девочки. Учителями здесь были Габунов Хасан и Габунова Хайри. В Уразгильдинской деревянной школе училось 122 ученика, из них 55 девочек, а учителями здесь были Ахсякова Нагарт и Зайнуллина Хайри.

В 1930 году в деревне Тат. Урайкино был образован колхоз «Кызыл Су» (Красная вода); в этот год деревня была ещё многолюдной, здесь на 398 дворов был 1841 житель. В Уразгильдино колхоз был образован, по воспоминаниям старожил, в 1929 году под названием «Кызыл Кюч» (Красная сила); в деревне в 1930 году было на 389 хозяйств 1744 жителя.

Коллективизация принесла крестьянам обеих деревень нищету и бесправие, о которых нельзя было открыто говорить. С началом колхозно-крепостного строя в деревнях начались массовые репрессии. 18 сентября 1931 года тройкой ОГПУ были репрессированы председатель колхоза Ахметзянов Абдулла, отец двоих детей; кузнец Идеатуллов Насыб, отец троих детей; мулла Мухутдинов Мухтар; крестьянин Сафиуллов Гарей, отец четверых детей; крестьянин Юлдашев Хазиб, отец двоих детей. В следующем году 22 августа были репрессированы крестьянин Хайретдинов Нурулла, отец двоих детей, мулла Фахретдинов Галиулла, отец троих детей. Репрессии продолжались и

дальше. Так в мрачном 1937 были репрессированы Шиганов Галей, отец пятерых детей, Имангуллов Хабибулла, Юлдашев Хасибулла, Яббаров Ислям, расстрелян Зайнетдинов Хайретдин. Впрочем, всех не перечислить.

Продолжительно хорошим тоном считалось ругать кулаков, зажиточных за вполне земное желание работать так, чтобы можно было хорошо жить. Но их за это изводили. И лишь спустя десятки лет, власть вынуждена была извиниться за содеянное, но сломанные судьбы уже не вернуть.

С апреля 1940 года деревни Татарское Урайкино и Уразгильдино были объединены в одну под общим названием Татарское Урайкино, и все дальнейшие данные будут приводиться по объединённой деревне, хотя колхозы еще некоторое время оставались разделёнными. Например, в том же сороковом году в колхоз «Кызыл Су» входило 125 хозяйств, а за колхозом было 3560 гектаров земли; в то же время в колхозе «Кызыл Кюч» имелось 145 хозяйств и был 4001 гектар земли.

Была ещё и война, долгая, крово-пролитная. В районную Книгу Памяти занесены имена 157 человек, не вернувшихся в родную деревню.

Гордостью жителей деревни стал Абдулла Бильданович Бильданов, который за свои ратные подвиги удостоен трёх орденов Славы.

Кроме фронтовиков, в деревне принято вспоминать и тех, кто в тылу помогал своим трудом приблизить этот долгожданный конец кровопролитной войны. Впрочем, для татарской деревни нелегко было и после войны – им предстоял долгий путь к восстановлению опустошенного войной хозяйства.

С 1951 года колхозы деревни объединились в один, который стал называться имени Молотова.

Со временем от грубой революционной формы воздействия и массовых репрессий партийная идеология перешла к более гибким методам, уделяя очень много внимания подрастающему поколению. Практически молодое поколение было под постоянным присмотром и окружено тотальной идеологической пропагандой. Молодежь получала только нужную информацию. Тем не менее, была наработана последовательная положительная система воспитания молодежи от октябрят, пионеров и комсомольцев, от которой, в общем-то, имели пользу и идеологи, и общество. Оставалось, безусловно, что-то спорное, критическое, но в основном все были удовлетворены, и все из нас прошли эту школу воспитания, и многое вспоминается с теплотой.

Из последующей деревенской хроники:

1957 год. Здешний колхоз переименован в колхоз «Кызыл Су».

1959 год. В деревне Татарское Урайкино 2210 жителей. В колхозе было 14 тракторов, 10 комбайнов, 6 грузовых автомобилей, в этом же году собрано в среднем 11 центнеров зерновых с гектара.

1961 год. Колхоз «Кызыл Су» объединился с Помряскинским колхозом и стал называться имени Ленина.

1967 год. 17 февраля колхоз имени Ленина разукрупнили, и вновь образованный Татурайкинский колхоз стал называться «50 лет Октября», ибо в этом году отмечалось 50-летие Советской власти.

1970 год. Построен Дом культуры на 300 мест.

1974 год. Построена новая средняя школа на 640 ученических мест.

1979 год. В Татарском Урайкино 1537 жителей.

1988 год. В деревне сгорела единственная из оставшихся мечетей.

1989 год. Построена новая кирпичная мечеть. В этом году в колхозе «50 лет Октября» было 600 коров, 3121 овца, 77 тракторов, 21 грузовая машина, 23 комбайна.

1999 год. За последнее десятилетие в жизни всего Отечества произошли резкие изменения демократической направленности, но в пылу ликования и проводимых непродуманных реформ демократы многое упустили, и сельское хозяйство оказалось на грани разорения. В здешнем колхозе осталось 240 коров, перевели овцеводство, сократился машинно-тракторный парк.

В этом же году в деревне 375 хозяйств и 790 жителей, а в местной школе 99 учеников.

К сожалению, молодежь мало остается в деревне, потому, перебирая деревенскую хронику, невольно гнетёт какая-то необъяснимая грусть – видимо, не даёт покоя непредсказуемость будущего или невозвратимость прошлого и то, что из многих важных, выстраданных старшими поколениями событий потомки отберут лишь малую толику, а остальное, потеряв актуальность, уйдет в забвение. А пока, разделяя деревню, молчаливо течёт здешняя, мелководная речушка, с грустью унося свои тихие воды в какую-то неведомую даль. Может, в великом водном круговороте капельками дождя им придется вернуться к своим истокам, чтобы вновь порадовать ясными водами новое поколение жителей деревни, пытаясь поведать о великой тайне жизни их предков...

Село Бряндино

За Помряскинской волостью не более 8 вёрст по более короткой грунтовой дороге к юго-востоку от Тат. Урайкино расположено село Бряндино, которое с 1956 по 1963 год относилось к Старомайнскому району, потому невольно приходится коснуться истории этого старого села.

По версии исследователей, село Бряндино было основано во второй половине 17 века. Известный топонимист В. Ф. Барашков предполагал, что название села произошло от мордовского имени Брянка, что невольно наталкивает на предположение, что изначально здесь поселились мордовские поселенцы. Впрочем, в народе бытуют и другие версии. Так, по одной из них, происхождение названия связывают со словом «брянцать» - так брянчели (звенели) своими кандалами проходившие здесь арестанты. Версия проста и в какой-то степени отражает происходившие здесь события, которые отложились в народной памяти, но со временем они потеряли точность, последовательность, обрастая довольно вольными толкованиями. Сегодня, собирая крупницы расплывчатых

воспоминаний и разрозненных фактов, сложно безошибочно воспроизвести всю целостность истории старого села.

Известно, что Бряндино было заселено ясачными крестьянами, которые за пользование земель платили ясак; здесь же были и удельные крестьяне. Так, в 1795 году в селе было 64 двора ясачных и 37 дворов удельных, всего 101 двор и 616 жителей. В дальнейшем все они относились к разряду удельных крестьян.

Старожилы села уверены, что Бряндино изначально располагалось у края лесного массива, а у села протекала небольшая речушка, которая была истоком или притоком реки Красной, но после вырубки лесов речка обмелела, затянулась песком, и у села лишь в полую воду оживала так называемая Попова речка.

В подтверждение старожилам, за сельской крестьянской общиной в 1806 году по шестой ревизской сказке числилось 680 десятин хвойного леса, 1146 десятин пашни, а всего 2019 десятин удобий, 496 – неудобий, а у села в то время отмечалась речка Красная. Но после вырубки части леса речка заиливалась и год за годом удалялась от села. Через 70 лет у общины оставалось 229 десятин леса.

В Бряндино была однопрестольная деревянная церковь во имя Великомученицы Параскевы, нареченной Пятницей, потому село имело и другое название – Пятницкое.

С устройством Оренбургского тракта в селе была построена этапная тюрьма, здесь же почтовая станция, базар по воскресеньям.

Интересно, что в Пятницком (Бряндино) уже в 1841 году, намного раньше, чем в других селениях, открылось удельное училище грамоты, впоследствии преобразованное в земскую школу. Кстати, первоначально дети учились круглый год, и только с 1849 года были введены каникулы с 1 июля по 1 сентября.

Примечательно, что нынешнее поколение селян, несмотря на относительную грамотность, эрудированность, находится в каком-то оцепенении, безразличии, заложенном ещё Сталинским режимом, его грубым воинствующим атеизмом и прислуживающей режиму партийной идеологией, потому и растеряло ту глубину духовности, душевности, сопереживания – то есть те добрые качества, что были у их предков. Сегодня и в голову никому не придет, что для души, кроме современных атрибутов цивилизации, нужен Божий храм, и уровень жизни здесь ни при чём. И прежде люди жили не настолько богато, но они годами собирали по копейке, чтобы построить для себя и для своих потомков оплот духовности – Божий храм. Невольно в памяти всплывает случай из прошлого села. 6 августа 1848 года в 11 часов утра в селе случился пожар, который до основания истребил несколько крестьянских дворов. Сильный ветер гнал неудержимо пламя пожара в сторону деревянной церкви, спасти её не было возможности. Люди, забыв о личной безопасности, торопливо спасали, что было можно: церковную утварь, документы, книги, святые иконы. Все это потом снесли на хранение в удельное училище. Были сняты и колокола, самый большой из них был на 40 с четвертью пудов, второй – на 15 и третий – на 5 пудов 18 фунтов; другие были ещё меньше.

В течение 6 лет люди по всей округе собирали деньги на восстановление Бряндинского храма, и к сентябрю 1854 года в Бряндино была построена новая деревянная на каменном фундаменте однопрестольная церковь с тем же престолом. Селяне чувствовали себя

победителями над стихией и радовались, как дети, и неспроста, ибо этот случай ещё более сплотил, объединил их перед неопределенностью судьбы, и не было тогда той злой черной силы разобщения, что позже занесли в село революционные ветры...

К 1859 году в Пятницком (Бряндино) было 138 дворов и 1461 житель. После административной реформы 1861 года село Бряндино стало волостным. Примечательно, что с образованием волости второе название – Пятницкое – стало встречаться реже, постепенно выходя из употребления. Административно село относилось к Ставропольскому уезду (117 верст) Самарской губернии (183 версты).

Если обратить внимание на местный ландшафт, бросается в глаза то, что местность вокруг села изрезана глубокими оврагами, которые продолжают образовываться. Село же расположено в долине, а с севера, за большим широким оврагом, на большом протяжении тянется гора с осыпающимся, изрезанным ветками оврагов краем. Здесь, на горе, против села находится сельское кладбище, которое из села хорошо просматривается. В 1882 году в память о мученической смерти государя императора Александра II на кладбище была построена каменная часовня, в которую обычно заносили усопших. С западной стороны, за штакетной кладбищенской изгородью скромно ютится небольшой погост сектантов.

К 1884 году в селе Бряндино 317 дворов и 1815 жителей. Бывшая удельная община имела 3571 десятину земли, из них 2686 – пашни. У крестьян было 504 лошади, 347 коров и 1503 овцы, не считая молодняка. Основными побочными промыслами в селе были пчеловодство, изготовление колёс, полозьев, а также извоз.

При относительной зажиточности здешних крестьян избы у них были сплошь деревянные, крытые соломой, как и дворы, что способствовало распространению пожаров. За 10 лет, с 1873 по 1883 годы в селе сгорело 229 дворов. Частые пожары вынуждали селян строить каменные (кирпичные) дома или амбары. Класть кирпичные дома нанимали мастеров со стороны, а кирпич делали за селом.

Сложившийся с годами сельский уклад жизни был суров и требовал хорошей трудовой выучки. Возможно, оттого здесь с трудом воспринимали грамоту. Несмотря на то, что в селе в одном из первых в уезде появилась возможность учиться, грамотных в нем было немного. В 1884 году в здешней школе училось 37 мальчиков и лишь 4 девочки, но из них лишь немногие заканчивали школьную программу, ибо часто учащиеся бросали учебу, не закрепив полученных знаний. Тем не менее, в 1884 году в собственном церковном здании была открыта для детей церковно-приходская школа, а в 1905 году в селе было построено новое деревянное здание земской школы.

По данным за 1910 год, в Бряндино 389 дворов и 2371 житель. В селе 7 ветряных мельниц, 3 маслобойки, волостное управление, заведение конского учета.

Примечательно, что в тяжелые для крестьян годы царское правительство не оставалось в стороне. Так, в 1911 неурожайном году правительство было вынуждено оказать крестьянам трудовую помощь, то есть найти для них работу, чтобы как-то материально их поддержать. В селе был расчищен пруд, на что было выделено 3724 рубля.

Несмотря на временные трудности, селяне продолжали строить новую каменную церковь, закончив ее строительство перед первой мировой войной.



Эскиз церкви

Старожил села Виктор Николаевич Климанов вспоминал, что его отец, 1897 года рождения, таскал кирпич по лесам на колокольню, когда ему было 16 лет. Брядинцы очень гордились новой церковью, для них она была самая-самая красивая.

Село по обычаю разделялось на «концы». К сожалению, прежние названия «концов» ныне знают лишь немногие. Центральной в селе была Большая улица. После коллективизации её называли Второй бригадой, причем восточный её конец называли ещё и Русским Мелекессом – видимо, потому, что дорога отсюда уходила в село Русский Мелекесс. Западный же конец Большой улицы за бывшим прудом, ныне за оврагом, называли Кобелевкой из-за того, что парней – кобелей - здесь было много, а девок мало; позже этот конец называли Третьей бригадой.

Старожилы вспоминали, что Большая улица соответствовала своему названию и была большой по протяженности. Именно здесь, на Большой улице прежде стояла церковь, но после пожара её поставили на новом месте, а на прежнем в память о сгоревшей церкви продолжительно стоял многогранный деревянный столб.

Южнее и параллельно Большой улице были Загумки, при колхозном строе – Первая бригада. Причем, западная её часть за оврагом называлась прежде Мишиной улицей (позже Четвертая бригада). Самой же южной частью села была Заглядовка. В Заглядовке было волостное управление, куда, бывало, съезжались по надобности люди со всей волости, заставляя улицу повозками, потому селяне из-за любопытства, да и по всякой надобности заходили, то есть заглядывали сюда, от того и название.

Здесь в волостном дворе был кирпичный амбар – клоповка, в который сажали за разные провинности. Ныне от Заглядовки почти ничего не осталось.

Интересно, что в советский период улицы имели и другие названия: Советская, Мельничная, Сталинская; ныне и эти названия не употребляются.

Прежде все село было огорожено с тем, чтобы скотина не выходила на поля. У выходных ворот стояла изба-сторожка, сторож-окольник следил, чтобы ворота вовремя закрывались. За околицей зелёной стеной возвышались конопляники. Воду для питья селяне брали из колодцев, которые частью были под запором. Местами глубина колодцев была до 12 метров. И хотя их в селе было достаточно, тем не менее, селяне предпочитали брать воду из Якова колодца, что был за селом и считался сельским (мирским). Вода в нём чистая, холодная и с прекрасными вкусовыми качествами.

Вспоминая прежнее дореволюционное село, нельзя умолчать о Бряндинском базаре, имевшем важное значение в жизни селян. В Бряндино базар был по воскресеньям. Старожилы с гордостью вспоминали о разнообразии местного базара, куда съезжались крестьяне и торговцы с соседних селений. К сожалению, всё хорошее, что было в селе до Октябрьской революции, было впоследствии преднамеренно извращено с тем, чтобы очередной раз подчеркнуть значение революции, и с тем, чтобы при надвигающейся бедности, изловчившись, можно было с бодростью говорить об очередных успехах и достижениях.

В действительности советский период в жизни селян очень сложный и сегодня требует правдивого переосмысления. Уж слишком дорогой ценой пришлось заплатить селянам за поспешные и не всегда продуманные нововведения Советской власти.

Комбеды, продотряды, грабительская продразверстка породили небывалый голод в засушливый 1921 год и большие людские потери.

Газета «Ленинская искра» за 1960 год писала о Петре Сёмине, активисте Советской власти, лютом враге кулачества. Только за 1919 год, благодаря его стараниям, волость отправила рабочим Петрограда и Москвы свыше 40 тысяч пудов хлеба. Правда, такое чрезмерное усердие довело до голодного мора своих земляков. Он же был активным организатором колхозного движения. За свою активность и рвение он был в большом почёте. Но вот спустя десятки лет, невольно задумываешься над тем, к чему привела наше Отечество эта безоглядная, неистовая борьба со своим крестьянством.

Коллективизация в селе сопровождалась жестоким раскулачиванием неугодных, здравомыслящих и тех, кто не хотел или колебался идти в колхоз. У них бесцеремонно отбирались нажитые трудом хлеб, скот, инвентарь, одежда...

Созданная в селе в конце 1929 года сельхозартель «Красный Колос» в 1930-ом была переименована в колхоз «12 лет РККА». Село в этот год было ещё большим, несмотря на то, что часть селян переселилась в другие селения. В Бряндино было 413 хозяйств и 1866 жителей. В последующие годы разорённые крестьяне стали покидать село, уходя от унижения, бесправия, от пустого трудодня, нищеты и неустроенности.

Помнят старожилы и пору воинствующего атеизма, когда повсеместно, вопреки желанию народа, закрывались и разрушались храмы, разграблялось церковное имущество. В тридцатые годы повсеместно начали снимать колокола. В Бряндино взволнованные селяне непредсказуемо возмутились, и каждая женщина готова была принести свой амбарный замок. Однако, выждав, когда гнев селян несколько остыл, в село приехали рабочие с завода имени Володарского на тракторе «Пилар». Прибывшие выломали часть верхнего окна в звоннице, подложили под колокол толстые брусья, концы которых просунули в противоположное окно с тем, чтобы у брусьев получился наклон. После отсоединения креплений колокол под своим весом стал съезжать в расширенный оконный проём, упал на твердую площадку перед колокольной и треснул. Рабочие секачами и кувалдами разбили его на куски и увезли.

Хранитель былого В. Н. Климанов отмечал, что большой колокол, на который народ собирал деньги со всего прихода, весил 261 пуд 18 фунтов. Второй колокол весом 21 пуд тоже увезли рабочие. В селе на пожарке оставили девятипудовый колокол, которого сегодня в селе тоже нет.

В 1936 году снесли купол и начали ломать практически новую церковь. О параметрах храма говорит то, что фундамент его был заглублен на 2 метра, и ширина его была тоже 2 метра. Когда ломали алтарную часть, Василий Сухарин обнаружил деревянный крест с какой-то надписью. С виду крест был почти новый, однако на глазах селян он начал разваливаться. Может, это было какое-то знамение – знак грядущих испытаний...

В этом же году, по воспоминаниям старожил, в селе была образована Бряндинская МТС, а начальную школу преобразовали в семилетку.

В 1937–38 годах сломали каменную часовню на кладбище. Впрочем, ломали, рушили в советское время довольно много. Ломали кирпичные дома на всякие нужды, разрушали ветряки; сгорела бывшая Трофимовичева паровая мельница. Ещё недано крепкое зажиточное село при новой власти заметно обнищало. От церкви ничего не осталось, на её месте был разбит парк, здесь же построен клуб.

О Великой Отечественной войне напоминает стоящая на пьедестале фигура воина с автоматом, а рядом, на обелисках, фамилии погибших селян.

Со временем за повседневными заботами и хлопотами зарубцовываются душевные раны, разочарования, но память, как степень человеческой духовности, как сокровищница всего пережитого, не иссякает, какой бы она горькой ни была.

В 1959 году к Бряндинскому колхозу «12 лет РККА» присоединились соседние колхозы Сухого Дола и Борисовки, после чего колхоз получил название «Победа».

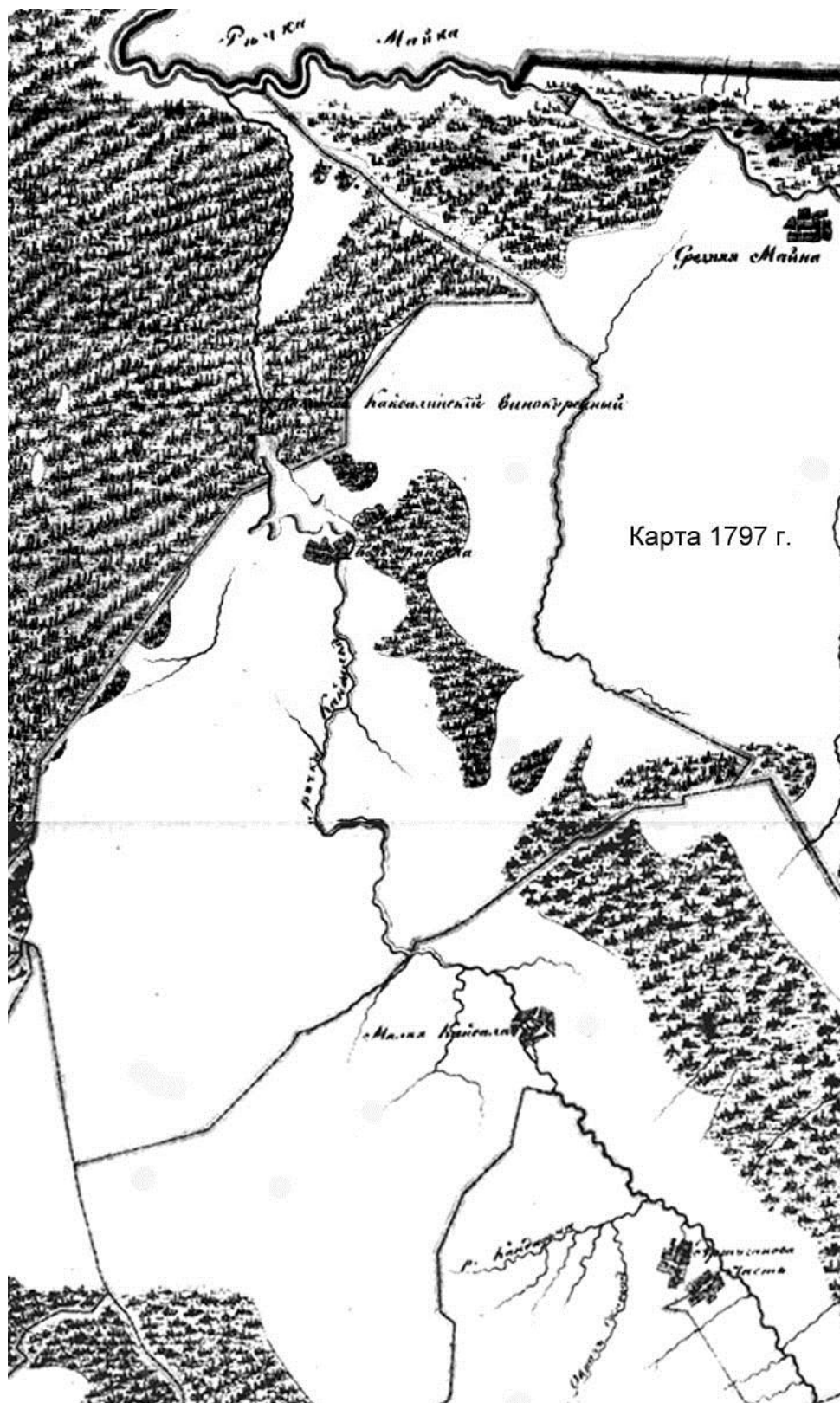
За советский период истории село Бряндино административно относилось с 1928 года к Мелекесскому району Средневолжской области, с 1935 года – к Малокандалинскому району, с 1956 года – к Старомайнскому району и наконец, с 1963 года – к Чердаклинскому району, после чего колхоз «Победа» был переименован, теперь он называется «Заря».

Постепенно запущенное, обезлюдевшее село стало возрождаться. Ныне оно электрифицировано, построен водопровод, есть детский сад, клуб, новая улица, мимо села проложена асфальтированная дорога, с юго-восточной стороны запружен большой пруд. Но многое уже не вернуть, потому здесь много приезжих.

В 1990 году в селе 150 хозяйств и 417 жителей.

Хочется быть оптимистом и верить, что дальнейшая судьба старого села в пору новой волны преобразований будет более благосклонной, и это зависит не только от бряндинцев, но и от дальнейшей государственной политики в отношении села.

КАНДАЛИНСКАЯ ВОЛОСТЬ



Карта 1797 г.

Волость как административное образование создана в 1861 году с центром в селе Большая Кандава. Административно волость относилась к Ставропольскому уезду Самарской губернии. В Большекандалинскую волость входили два села: Большая Кандава и Малая Кандава. Волость отличалась тем, что здесь не было частновладельческих (помещичьих земель), практически вся волость состояла из бывших удельных крестьян.

По данным 1883 года, в волости было 980 дворов и 5519 жителей. Во владении крестьянских обществ было 11534 десятины земли, из них 9315 – пашни, а всего с остаточной землей за волостью числилось 11635 десятин, из них 9404 десятины приходилось на пашню.

Примечательно, что на данный период в волости числилось 6 валяльщиков, 9 дроворубов, 88 пасечников, 128 извозчиков, 4 кирпичника, 3 кузнеца, 8 мельников, 10 пастухов, 27 пильщиков, 23 плотника, 17 портных, 7 сапожников, 28 торговцев, 45 человек уходили на отхожие промыслы и 126 считались нищими.

В советский период Большекандалинская волость была упразднена, вместо нее была образована укрупненная Малокандалинская волость. Впоследствии, административные изменения продолжались, так с 1928 года бывшая Большекандалинская волость была разделена – село Малая Кандаля вошло в Мелекесский район, а Большая Кандаля - в Старомайнский. С 1930 года в связи с укрупнением районов Малая Кандаля осталась в Мелекесском районе, а Большая Кандаля вошла в Чердаклинский район. С 1935 года бывшая Большекандалинская волость полностью вошла в Малокандалинский район, а с 1956 года - в состав Старомайнского района.

К 1999 году на территории прежней волости сложилось две сельские администрации – Большекандалинская и Малокандалинская. В советский период на территории бывшей волости возникли поселки Красный Бор, Лесозавод, Новый мир, Чайка, но к концу столетия из них остался лишь один поселок – Лесная Поляна (Лесозавод). За годы советской власти значительно уменьшилось население бывшей волости: если в 1930 году здесь было 1871 хозяйство и 8089 жителей, то в 1999 году осталось 882 хозяйства и 2249 жителей...

Значительных достопримечательностей на территории бывшей Большекандалинской волости нет. Основной рекой на территории волости является Кандалка. Надворный советник Т. Г. Масляницкий, производя в 1785 году топографическое описание нашего края, писал, что река Кандалка берет начало от деревни Асаново, а через 20 верст впадает в реку Майна. Кандалка – небольшая мелководная речушка, текущая с юга на север – левый приток реки Майна. Если подниматься вверх по течению реки, то на ее берегах расположились селения Большая Кандаля, Малая Кандаля, Ертуганово (Кандалка), Абдулово (Средняя Кандалка), и Асаново (Верхняя Кандалка).

Нетрудно заметить, что названия этих селений связаны с названием реки, однако происхождение названия самой речушки еще полностью не раскрыто... Известный в Ульяновской области, топономист В. Ф. Барашков в одной из своих первых работ предполагал, что речушка получила свое название во времена татаро-монгольского нашествия. Завоеватели назвали речушку Кандалэн, что в переводе с монгольского означало - поперечный, то есть стоявший поперек пути, хотя в следующих своих работах Барашков пытается найти другие толкования, но первая все-таки остается более привлекательной...

Возможно, что монголы изначально название Кандалэн дали древнему болгарскому городищу, что был на правом берегу реки, или городищу в сочетании с рекой, что встали препятствием на пути завоевателей, а позже, с разрушением укрепленного городища, название Кандалэн полностью перешло к реке. Более четырех столетий на берегах реки Кандалэн не селились люди, только кочевники периодически перегоняли здесь свои стада в

поисках свежих пастбищ, от них-то и передалось это малопонятное название. С приходом сюда первых русских поселенцев слово «кандалэн» невольно ассоциировалось с более понятным для русских словом «кандалы», легко воспринимаемое с печальными воспоминаниями о том же татаро-монгольском иге, при котором по Заволжской стороне вниз по Волге часто гнали вереницы закованных в тяжелые кандалы урусов (русских)... Неудивительно, что Кандалэнка легко трансформировалась в Кандалку, впрочем, эта версия могла восприниматься лишь первыми поселенцами, ибо последующие поколения местных жителей породили свои легенды, из другой исторической эпохи, связав их с теми же магическими кандалами...

У любителей истории, тех, кого интересуют старые легенды и прошлое нашего края, есть возможность самим разобраться в прошлом, посетив эти селения, поговорив со старожилами. Только близкое общение с людьми и личные впечатления, принесут вам удовлетворение и возможно, ответы на исторические загадки...

Из Старой Майны в бывшую Большекандалинскую волость ведут два пути: через Новиковку и более короткий - через посёлок Лесная Поляна, с которого и начинается мой рассказ о бывшей волости.

Посёлок Лесная Поляна

К востоку от Красной Реки, не доезжая пяти верст до Большой Кандалы, в глубине лесного массива, в 25 верстах от Старой Майны расположился посёлок Лесная Поляна. Посёлок относится к Большекандалинской сельской администрации. В 1999 году в посёлке имелось 166 хозяйств и проживало 458 жителей.

Сегодня, ступая по тихим улицам посёлка, с трудом воспринимается его недалекое мрачное прошлое.

К старым легендам о кандальниках, что бытуют в округе, добавилась трагическая быль Сталинского ГУЛага, которая, наслоившись, вырастает в общее мрачное предание как ссыльной стороны, которую с годами для многих будет трудно разделить на части по историческим эпохам...

Лесоразработками в этом лесном массиве занимались исстари, но каждый раз, отправляясь из села, у людей много времени уходило на дорогу, сборы, поэтому, чтобы быть ближе к месту работы в лесу, в двадцатых годах 20 столетия и возник посёлок. Изначально посёлок назывался Лесозавод, в 1930 году здесь было 30 дворов и 120 жителей. Работа здесь была, безусловно, тяжёлая, но на фоне проходившей коллективизации здесь было спокойнее и надёжнее, к тому же здесь была небольшая, но стабильная зарплата. Однако массовое раскулачивание крестьян требовало создания спецлагерей, куда можно было изолировать неугодную крестьянскую массу... Посёлок лесозавода, отделенный от остального мира стеной смешанного леса, был спешно переоборудован под Исправительную Трудовую Колонию (ИТК).

Практически это была настоящая каторга советского времени. Сюда ссылали по любому поводу, даже за опоздание на работу, за то, что за год не выработал в колхозе положенные 280 трудодней, за отказ пойти в школу ФЗО, за инакомыслие. Не удивительно, что НКВД и ОГПУ в народной памяти оставили неоднозначные впечатления. С одной стороны, эти серьёзные органы боролись с преступниками, с

хищениями и вели необходимую для защиты общества деятельность. С другой стороны – чрезмерная, практически неограниченная власть, безмерные амбиции, превышение мер воздействия в борьбе с инакомыслием, с неугодными привело к тому, что их деятельность оставила в истории Отечества довольно негативный трагический след, ибо необоснованно загубленные тысячи человеческих душ эмоционально перетягивают все то, что они сделали положительного. Надо отметить и то, что власть чувствовала выгоду от проводимых массовых репрессий, подавляющих всякое проявление недовольства, любой критики и даже возражений. К тому же все лагеря были в ведении ОГПУ, которое стало строительным учреждением, и которое было заинтересовано в рабочей силе и подборе необходимых специалистов, для чего собирался или сфабриковывался компромат на нужных людей, чтобы пополнить ими места заключений...

Старожилы посёлка вспоминали, как тяжело было лагерникам: еда – пустая баланда, а нормы – «стахановские», даже для ослабленных в столярном цехе за смену нужно было изготовить до 70 топорищ. От такой жизни умирали десятками. Первое время их хоронили на Большеканда линском кладбище. Но чтобы местное население меньше знало о массовых захоронениях, хоронили по ночам, в наспех вырытых братских могилах, но это не оставалось тайной. Поэтому умерших стали хоронить подальше от людских глаз на Бестужевой поляне...

Лагерь просуществовал до 1964 года, после его ликвидации посёлок стал заново перестраиваться, вернув прежнее название – посёлок Лесозавод, а указом исполкома Ульяновской области от 17 ноября 1965 года посёлок был переименован и стал называться Лесная Поляна.

Название посёлка полностью соответствует его расположению – вокруг посёлка плотная стена лесного массива. Основное занятие жителей посёлка – это лесопереработка. В посёлке есть начальная школа, медпункт, лесозавод. От бывшего лагеря остались лишь переоборудованные под квартиры барак усиленного режима (БУР) и штрафной изолятор (ШИЗО), да лесозавод, окраины которого сильно засорены древесными остатками...

В 1979 году в посёлке было 436 жителей. Посёлок относительно благоустроен, через него проходит трасса Старая Майна – Большая Кандава, ныне с твердым покрытием. Безусловно, места здесь очень красивые и щедрые на грибные и ягодные угоды. Те, кто хочет быть подальше от людской суеты, найдут здесь прекрасное место для покоя и уединения...

Продолжая путь от Лесной Поляны дальше на восток, через пять верст мы увидим одно из больших сел района - Большая Кандава.

Село Большая Кандава

Бывшее волостное село, а ныне центр сельской администрации, расположено в 30 километрах к востоку от Старой Майны. В селе средняя школа, лесничество, дом культуры, правление колхоза «Советская Россия». В 1999 году в селе 432 хозяйства и 1056 жителей.

Старое село богато легендами, много поколений селян пересказывают трогательные предания о кандальниках, и почти каждый кандалинец уверен в их правдивости. Впрочем, уже название села – Большая Кандава предполагает широкое поле для воображения...

Основной рассказ старожилов связан со здешним просёлочным трактом, по которому будто проводили партии арестантов. Вспоминая обрывки впечатлений из фильмов о кандалниках, невольно возникают образы людей, закованных в кандалы, изможденных, в довольно изношенной, грубоватой домотканой одежде, полуразутых, посеревших от пыли и усталости... У небольшой, тихой речушки стражники разрешали арестантам немного отдохнуть – сделать короткий (малый) привал, а через семь вёрст у леса им позволят сделать большой привал. Каждый раз истомившиеся каторжане жадно пили, цепляя закованными в кандалы руками, пригоршни освежающей водицы из неизвестной для них речушки, чьи приветливые воды ласково смывали пыль с их отвисших тяжёлых кандалов, оставляя в памяти за столпами ссыльного тракта желанные малые и большие привалы и скромную речушку Кандалку... Со временем на месте привалов срубят избы, чтобы приютить арестантов от непогоды, а позже здесь станут селиться люди, которые, сохраняя память о кандалниках, назвали поселения соответственно: на месте малого привала – Малой Кандалой, а на месте большого привала – Большой Кандалой... Такое предание о возникновении сёл Малая и Большая Кандаля имеет определенную логику рассуждения, поэтому легко воспринимается на веру.

Впрочем, у словоохотливых старожилов имеются и другие версии, и все они связаны с наличием здесь каторжан, хотя единого мнения у них нет. Одни считают происхождение названий сёл по числу живших в них кандалников. Так, в селе Малая Кандаля их было будто меньше, чем в Большой... Или то, что в Большой Кандале отбывали каторгу за тяжкие преступления, получая за это большие сроки, а в Малой Кандале – малые сроки...

Другие считают, что в селе Малая Кандаля, стоявшей в стороне от леса, арестантов использовали в землепашестве, где за день требовалось пройти за деревянной сохой больше расстояния, для чего на каторжан надевали лёгкие (малые) кандалы, а иногда их совсем снимали, отсюда и название - Малая Кандаля, в то время как в Большой Кандале, расположенной у леса, каторжан заставляли работать на лесоразработках и будничном майданном деле, где тяжёлый труд не требовал больших передвижений, и потому каторжане носили тяжёлые (большие) кандалы... Однако рассказы старожилов не всегда укладываются в рамки исторической действительности. Эти версии пока не подтверждены документально и больше похожи на вымысел. Правда, в истории села есть мало исследованные периоды, куда могли как-то втиснуться факты о наличии каторжан, подтверждая народные предания.

Приходится признать, что к прошлому наших селений люди относятся, больше полагаясь на устную народную память, со временем теряющую точность, последовательность, вольно обрастающую привлекательными предположениями или вовсе упускающую часть важных событий, потому ныне, собирая крупинки расплывчатых воспоминаний и разрозненные документальные факты, сложно воссоздать полную логическую целостность истории старого села...

Профессор Перетяткович, чьи исследования помогают несколько приоткрыть завесу неизвестности, писал, что село Кандаля (Большая) основано выходцами из Ломовского уезда (города Верхний и Нижний Ломовы ныне Пензенской области). Так при опросе 1699 года Савка Лаврентьев сын Белобородов рассказывал, что родина его в Ломовском уезде в селе Саманевском, бобылевский сын, в Кандалу пришел 30 лет назад и платил по окладу оброчного тягла по две гривны в год. Если верить рассказу этого поселенца, то село уже было в 1669 году. Впрочем, исследователи считают датой основания села 1668 год...

К небольшой группе из 10 человек стали подселяться переселенцы из разных уездов, так здесь со временем поселились 67 человек из Нижегородского уезда, в частности, 6 человек из деревни Яблочной; из Симбирского уезда - 35 человек, из них 18 - из Арбугинской слободы; из Казанского уезда 18 человек, из них 11 из Тиинска, а также переселенцы из Вязниковского, Суздальского, Костромского уездов и т. д., всего в 168 дворах 369 человек.

Здесь оказались большей частью служивые люди: казаки, сдавшие на родине службу другим, а сами ставшие крестьянами; сыновья стрельцов, церковных людей, дворцовые крестьяне, отпущенные на волю, бобыли из городов и пригородов и ямские люди... Одни перешли на новые места "по челобитию", а иные сняли у первых поселенцев часть их тягла и стали, таким образом, членами сельской общины.

Надо отметить, что в это время ни ссыльных, ни кандалников здесь не было, а село Кандаля получило свое название по реке Кандалке...

В 1698 году в семи верстах от Кандаля было образовано новое селение, которое тоже получило название по реке – Кандаля, и чтобы различить эти селения, появились дополнительные слова, отражающие их действительное положение относительно друг друга: старое большое село – Большая Кандаля, а новое и малое – Малая Кандаля... Интересно, что с основанием села здесь была построена деревянная церковь с престолом во имя Архангела Михаила, потому село Кандаля (Большая) имело и другое название – Архангельское, которое продолжительно употреблялось как основное название села.

Первые кандалинские поселенцы вначале имели льготы, освобождаясь от платежей, бобыли - на 2-3 года, крестьяне на 5-10 лет. После окончания льготных лет крестьяне платили оброк. На каждый ясак кандалинцы имели 18 десятин пахотной земли, кроме того, поселенцы имели сенных покосов по реке Кандалке на 3000 копен. В 1696 году кандалинская община платила оброку 42 рубля, а в 1698 году - 54 рубля 15 алтын.

Перебирая страницы прошлого села, среди череды неприметных, незначительных в масштабе исторической ценности лет стоит остановиться на 1781 году, когда в селе построили новую деревянную церковь с престолом во имя Святой Троицы. Учитывая церковные традиции, по которым однажды установленный за селом престол, как правило, сохранялся и передавался при замене обветшалой церкви на новую, нетрудно догадаться, почему новая церковь получила новый престол, ибо в селе оставалась и прежняя церковь. Длительное время в селе было две церкви, потому и название села Архангельское (Большая Кандаля) сохранилось. После разборки первой церкви за селом, начиная со второй половины 19 века, встречается и другое название - Троицкое...

В 1795 году в селе Большая Кандаля (Архангельское) было 279 дворов и 1654 жителя. В селе не было барских владений, здесь жили ясачные и удельные крестьяне, причём ясачных (ясашных) было больше, чем удельных...

В 1806 году по данным Симбирской казённой палаты в селе было: под усадьбой - 157 десятин, под пашнею - 5101 десятина, покосов же и мелкого леса более 62 десятин, леса - 548 десятин, а всего более 6240 десятин, то есть на каждую ревизскую душу приходилось по восемь десятин с саженью.

Кроме перечисленного крестьяне большекандалинской общины пользовались казённым лесом с покосами и пашнями, где стоял казённый кандалинский винокуренный завод... Интересно, что в селе распространена фамилия Винокуров. Это говорит о том, что предки этих людей работали на винокуренном заводе.

Материально большекандалинцы жили относительно неплохо, кроме основного занятия – земледелия и животноводства - многие из них, особенно в неурожайные годы, находили работу в лесу, на винокуренном и поташных заводах, что облегчало их положение.

На пороге крестьянской реформы, по данным 1859 года, в селе Кандаля (Троицкое) было 344 двора, 2600 жителей, церковь, поташный завод, на котором в 1861 году было выделано 2000 пудов поташа на 3500 рублей, базар по пятницам, на который съезжались крестьяне и деловые люди со всей округи.

После реформы 1861 года Большая Кандаля - волостное село. Административно село относилось к Ставропольскому уезду Самарской губернии. После реформы 1863 года количество земли у большекандалинцев уменьшилось до 5675 десятин, из которых 4636 десятин было пашни, и всё же крестьяне села оказались в сравнительно лучшем положении, чем бывшие помещичьи крестьяне в соседних селениях...

В 1875 году в селе открыли земскую общественную одноклассную школу, но первоначально грамота входила в крестьянские семьи медленно, с недопониманием. Дети, как правило, учились непродолжительно, виной здесь были старые сельские устои, по которым считалось, что без грамоты прожить можно, потому больше приучали детей к нелегкому крестьянскому труду.

В старании и трудолюбии большекандалинцев не упрекнёшь, но часто их материальное положение зависело от капризов погоды или непредвиденного злого случая. Например, отмечалось, что в 1876 году урожай у кандалинцев был плох от бездождья и ветров, а начиная с 1878 года, шесть лет подряд плохо родились рожь, овёс; гречиха за пять лет уродилась лишь дважды. Большие бедствия кандалинцам причиняли пожары. Деревянные, крытые соломой избы было трудно уберечь от огня. Только за 1873 - 1883 годы в селе сгорело 367 дворов... Считалось, что в селе было заведено за обиды сводить счёты, пуская "красного петуха". Не ведавшие большого притеснения, кандалинцы отличались независимым, честлюбивым характером, своей непокорностью и вольностью духа, потому к несправедливости или оскорблению были чувствительны, что и определило за ними недобрую молву.

В летнее время обеспокоенные сельчане собирали сходку, на которой назначали дежурных ходить ночью по селу с трещоткой для предупреждения жителей, а в сухое жаркое время кандалинцы часто ложились спать, одевшись.

К 1884 году в селе было 623 двора и 3391 житель. В селе было два поташных заведения, 6 ветряных мельниц. Общество имело 439 десятин леса. Скота в крестьянских дворах содержали столько, сколько подсказывал практический житейский опыт и обычно соответствовал потребному размеру хозяйства. Так у большекандалинских крестьян было, не считая молодняка, 722 лошади, 612 коров, 1592 овцы, не считая свиней и разной птицы. 47 хозяйств в селе занимались пчеловодством, имея 990 ульев. В 1883 году в

местной школе училось 30 мальчиков и 6 девочек, а всего в селе считались относительно грамотными 178 человек, из них 27 - женского пола.

Надо отметить, что в Большой Кандале 44 двора занимались смолокурением, причём местным мастерам приходилось искать сырьё по всей округе, так им приходилось покупать материал за 12 вёрст от Кандалы, у Новиковских господ. Лучшим смоляным материалом считались сосновые корни, которые покупались за 3 рубля за кубическую сажень. Этот тяжёлый труд требовал 12 дней труда одного человека. Из бревен смолы выкуривалось вдвое меньше, и уголь получался мягче корневой смолы. Обычно в кубанку (кубовку) закладывалось от 5 до 10 возов расколотых корней или дров, по размеру ямы, из которых через три дня можно было выкурить 15-18 пудов смолы и до 15 кулей угля по два пуда. Сбыт смолы производился на местном базаре, в основном для окрестных деревень, до 50-60 копеек за пуд. Древесный уголь шёл в основном для кузниц, впрочем, некоторые селяне приспособились хранить картофель в погребах на слое древесного угля, на котором картофель долго сохранялся, не давая ростков. Продавался уголь корневой - по 70 копеек за куль, дровяной - по 50 копеек. Часть своей продукции большекандалинские ремесленники сбывали через большую Старомайскую пристань и другие сельские базары.

Лес для кандалинцев имел большое значение - это дрова, строительные материалы, грибы, ягоды и отрада для души. И ныне в Кандалинском лесничестве произрастают более 50 сосен высотой более 42 метров. Все они занесены в Государственный Реестр плюсовых деревьев и используются для селекционной работы. Раньше таких великанов было ещё больше.

В 1894 году в селе открыли ещё одну школу - церковно-приходскую. В школе проходили Закон Божий, славянское и русское чтение, счисление, чистописание, церковное пение, рукоделие. Школа находилась в отдельном здании. Грамота настойчиво и последовательно входила в сознание крестьян с учетом их скромных запросов и понимания.

Если с грамотой дело в селе налаживалось, то с нормальным медицинским обслуживанием оставались серьёзные проблемы. Очень высока в селе оставалась детская смертность, например, известны годы, когда смертность в селе превышала рождаемость, так было в 1862, 66, 76, 86 годы, то же было в 1892 году, когда в селе родилось 193, а умерло 278 человек, большие потери объясняются эпидемиями оспы и холеры.

Как правило, чаще умирали дети, например в 1886 году из 252 умерших 197 были дети до 5 лет - от оспы, кори, младенческой...

В хлопотной и серой крестьянской жизни дети всегда были радостным светлым лучиком надежды, пополнения необходимых в хозяйстве помощников, продолжателей рода, семейных традиций и наконец, опорой родителям в старости. Потому каждая детская потеря - это большая трагедия и глубокие переживания. Часто успокоение души селяне искали в церкви, которая была важным звеном в жизни крестьян. Церковь была хранителем, носителем веры, нравственности, культуры и памяти.

В 1895 году в селе была построена новая деревянная церковь - прежняя сгорела от удара молнии. Старожилы рассказывали, что священнослужитель Иоанн Разсудов до

последнего вел в ней службу - уже задыхавшегося от дыма батюшку прихожане вывели из пылающей церкви под руки – вот урок преданности вере и долгу...

Свято-Троицкая церковь построена на средства прихожан. Церковь двухпрестольная: с главным престолом Живоначальной Святой Троицы, в приделе – Архистратига Божьего Михаила. Церковь холодная, при церкви библиотека, священник жил в деревянном, принадлежавшем обществу доме. По переписи 1897 года, в селе Большая Кандаля было 760 дворов, 3785 жителей, земская и церковно-приходская школы, волостное управление, благочинный, заведение военно-конского учета, 12 смолокурен, маслобойка, 9 ветряных мельниц, к революции число их возрастёт...

В условиях новой Столыпинской аграрной реформы кандалинцы приучались к активности, инициативе, умению мыслить расторопно. У одних это получалось, у других – нет, потому село социально продолжало расслаиваться. Были в селе и заведомо бедные, и середняцкие, и крепкие хозяйства, но из всех селян выделялись наиболее предприимчивые, имеющие "свое дело" – такие, как семьи Ахматовых, Сорокиных, Марьиных... Так у Василия Кузьмича Марьина имелись просторный кирпичный дом, магазин, пилорама, где изготовлялись шпалы для железной дороги. Под навесом постоянно сушились до 500 кубометров различных пиломатериалов.

Воспоминания о деловых, преуспевающих людях села остались в народе противоречивые, кто-то отзывался о них с пониманием, уважением и даже теплотой, другие привратно, третьи - с известной долей зависти, хотя надо отдать должное предпринимателям – они поднимали экономику села, стабилизировали положение селян, особенно в трудные для них годы.

Две удельные большекандалинские мельницы общество отдавало в аренду, одну - М. Ф. Одинцову, другую - жене священника Сунгуровой. Кстати, сам Александр Михайлович Сунгуров, кроме службы в церкви, вёл урок Божий в местной Земской школе с окладом 90 рублей в год. Для сравнения: молодые учителя школы Александр Павлович Салтыков, Александра Михайловна Курбатова и Александра Петровна Строганова получали годовое жалование по 360 рублей, для того времени это было небедно.

Был ли достаток у крестьян? Обычно кандалинцы умело распределяли свой урожай, оставляя по возможности часть на «чёрный день», потому трудности неурожайных лет, какими были 1891, 1901, 1906, 1911 годы, переносили за счёт сокращения потребления в семье и за счёт прошлогодних запасов...

После неурожая 1911 года царское правительство ввиду трудного положения части крестьян оказало трудовую помощь кандалинцам, давая возможность особо нуждающимся подзаработать на расчистке водоема, выделив для этого 427 рублей 50 копеек. Однако помощь была сравнительно мала, ибо только 18 пожаров, происшедших в 1912 году, уничтожили 57 дворов на сумму 17663 рубля.

Ныне новое поколение селян довольно вольно трактует дореволюционное прошлое села – одни с любовью, с достоинством и грустью, другие - без сожаления, как-то равнодушно, третьи - в угоду партийным идеологам с принижением и очернительством, видимо, в зависимости от того, как сумели им пересказать прошлое их близкие предки.

Разбросанное по обоим берегам тихой речушки Кандалки, большое село вплотную примыкало к большому казённому лесному массиву. Большинство изб в селе деревянные, чаще, как и дворы, крытые соломой, реже - тёсом, из-за частых пожаров село постоянно обновлялось.

Каждая улица или часть села имела свою историю, свой норов, своё название, к которому так привыкли, что о происхождении названий никто не помнил, и ныне приходится лишь догадываться об их происхождении...

По правому гористому берегу относительно течения реки располагались Бутырки, Горочка, Городок и Хохловка. По левому берегу вдоль реки протянулась центральная улица, которая до церкви называлась Большой, а за церковью её продолжение получило название Подбор (под бором, то есть на опушке соснового леса). Параллельно центральной улице шли Конец, Якимовка, Мёртвая – практически составляющие одну улицу, но разделённую поперечными улицами Шемелёвкой и Загумками. Параллельно Мёртвой улице на краю села шли Наяновка, перпендикулярно которой у леса шла улица с необычным для здешних мест названием - Петроград. По рассказам старожилов, в частности, М. Д. Макарова, на этой улице жил представитель железнодорожного ведомства, который ведал приемкой к отправке готовых шпал с Марьинской лесопилки, потому к нему, "Петроградскому", часто шли рабочие лесопилки, извозчики, грузчики - кто за разъяснениями, кто за расчётом, потому улицу и назвали Петроград...

Не требуют разъяснения названия Большая, Конец, Горочка, Хохловка... Довольно распространённое название Бутырки - это одна или несколько изб, стоявших в отдалении от основного села. Улица, по которой носили покойников на сельское кладбище, называли Мёртвой. Название Наяновка произошло, видимо, от слова «наян», то есть нахальный, навязчивый, назойливый... Шемелёвка - название от слова «шемело», или по-местному - помело, что часто подразумевается метаться туда-сюда, заниматься бездельем или пустыми разговорами... Название несколько обидное, правда, давалось оно давно и конкретным жителям, довольно метко подмечая их определенные качества...

По данным 1915 года в Большой Кандале было 4622 жителя - это известное наибольшее число за всю историю села.

Кроме надельной земли, кандалинцы заимели 179 десятин купчей. Безусловно, расслоение в селе было заметным, ибо уравниловки в селе не было, лодырей, краснобаев не почитали, а достаток кандалинцам доставался неустанным трудом, старанием, умеренностью запросов и деловой хваткой. Именно относительное благополучие части селян позволило им начать в 1914 году строительство новой кирпичной церкви. Старанием сельчан были возведены стены, уже начали сводить купол, но Октябрьская революция прервала строительство...

Революцию в Большой Кандале встречали с тревогой, ибо село считалось крепким, зажиточным, и здешние крестьяне опасались той бедняцкой революционной волны, которая бездумно сметала всё, что было выше их материального положения. Потому разные слухи будоражили кандалинцев. Их уже волновала та неопределенность и то предчувствие нежелательных для них перемен...

В начале 1918 года в селе был создан сельский Совет, а с апреля 1919 года село Большая Кандаля административно стало относиться к вновь созданной укрупнённой

Малокандалинской волости Мелекесского уезда Самарской губернии. Сегодня никто не вспоминает, как при новой власти начали с усердием выгрывать крестьянские сусеки. Продразвёрстка особо жёстко обходилась с селениями, где было что взять. За 2-3 года крепкое, состоятельное село было доведено до кризисной черты, и первое же серьёзное испытание - засуха 1921-го года подтвердила, что новая власть бездумно, бездарно вела политику против российского крестьянства, да ещё практически бросив его в трудные дни испытаний...

В лето 1921-го злой суховей иссушил все посеы, и люди с тревогой подбирали всё, что годилось в пищу, но голода не избежали. Спустя десятки лет, старожилы, вспоминая тот голодный год, мало говорили о том, что люди от голода были сильно истощены, что многие умерли от голода и тифа, что катастрофически сократилось поголовье скота, почти не осталось семян, потому часть земель пришлось даже не засеять, и то, что голодный мор из-за угрозы преследований пришлось забыть. С годами у сельчан сгладилась непередаваемая боль утрат от этого голодного ужаса, в памяти осталась лишь бескорыстная американская помощь голодающим. В селе весной 1922 года были организованы столовые для детей, где готовили фасолевыи и рисовые супы, какао, давали куски вкусного хлеба...

В последующие годы, несмотря на тяжёлые последствия голодного года, село возродилось. Медленно, но восстанавливалось поголовье скота. к 1926 году успехи НЭПа достигли в стране значительных результатов, ощутили это и большекандалинцы. В местных лавках появились разнообразные промышленные товары, заметно богаче стал местный базар (где ныне парк). Старожилы с гордостью вспоминали эти "золотые годы", когда здесь, как в старые времена, можно было купить и свежую волжскую рыбу, и жирную морскую сельдь, и парное мясо на большой выбор, и свежее коровье масло, широкий ассортимент изделий местных и приезжих кустарей: от различных по величине бочек, кадок до глиняных горшков и квашен... Отметим, что продавцы не прятали свой товар, а выставляли его весь на вид, задорно и навязчиво зазывая покупателей.

Примечательно, что в бывшей земской школе, построенной еще в 1905 году, в 1926 году училось 135 учеников, учителями в то время были Фирсова Степанида Михайловна и Ключев Василий Петрович, получавшие зарплату по 47 рублей в месяц.

Сегодня, спустя много лет, оценивая то «доколхозное» село, невольно замечаешь, что даже, несмотря на очевидные провалы новой власти, для крестьян были созданы предпосылки для нормальной деятельности и хорошей жизни. Главное то, что после грубого военного коммунизма, голодных и тревожных лет становления власти, крестьяне ещё не разуверились в добром, разумном и за землю и хозяйство держались привычно, крепко. Так на 1929 год в селе у крестьян на 977 хозяйств и 4516 жителей было 826 коров, 556 рабочих лошадей, 592 свиньи, 1563 овцы да 4831 штука разной домашней птицы. Заметно, что в селе катастрофически не хватало рабочих лошадей.

Отметим, что именно в советский период большекандалинцы получили возможность, кроме местных лугов, пользоваться и Головкинскими лугами на заливной Волжской пойме: за ними были закреплены несколько благодатных долинок: Неклюдовской - 44 десятины, Пнёвой -135 десятин, Лимановой - 23 десятины, Борок-Талы -83 десятины, Максимовой - 40 десятин, Новой Бурмистровой - 20 десятин...

Инвентарь у большекандалинцев был по нынешним меркам, конечно, примитивный, но по тем временам вполне сносный, так у селян было 371 однолемешный плуг, 150 двухлемешных, 49 конных молотилок, 4 маслобойки, 3 сепаратора, 25 веелок и т. д. Безусловно, приобрести более дорогой, более совершенный и производительный инвентарь или машины все крестьяне сразу не могли, а тем, кому это удавалось, заметно выделялись, что вызывало зависть и неприязнь у других и к сожалению, у идеологов власти, которые больше заботились о всеобщей уравниловке и коллективизации...

Изначально коллективизация крестьянских хозяйств начиналась на добровольных началах, причем чаще на базе небольших посёлков. Так в семи верстах от Большой Кандалы, в посёлке Красный Бор 20 апреля 1927 года образовалась сельхозартель «Красный Бор», где было 17 дворов и 96 жителей, имевших в пользовании 263 гектара пашни и 14 голов рабочего скота...

Некоторые большекандалинцы пожелали работать коллективно вместе с крестьянами из Кремёнских Выселок в сельхозартель имени Красина, образованной 25 мая 1928 года. В артель вошли Григорий Прыскин, Михаил Цепков, Анисим Поповнин, Бузыцкий, Обмелюхин и другие. Впрочем, добровольность была скорее вынужденной, ибо резко менялась политика власти ко всему российскому крестьянству. Крестьяне-единоличники, особенно более зажиточная их часть, стали облагаться повышенными налогами, практически на них перекладывались налоги с бедноты, хотя земельное обеспечение для всех было на общем основании, то есть норма на каждого едока. Ожесточились плановые хлебозаготовки, для выполнения которых заготовители практически очищали крестьянские сусеки, за что в народе их метко окрестили «красной метлой». Находить хлеб заготовителям помогала своя же сельская беднота, поощряемая властью, что создавало напряжение среди односельчан и раскол. Надо отметить, что с помощью партийных идеологов изменилось сознание людей, заметно обозначились жестокость, зависть, озлобление, мстительность к более преуспевающей части крестьян. Почему-то стало опасно оставлять часть своего урожая, тем более припрятать, как раньше, на «черный день», словно сеятель был не хозяин своему урожаю... Жёсткие хлебозаготовки, как новая форма продрозвёрстки, значительно снизили заинтересованность у крестьян, предопределили их отношение к земле, к сокращению посевов, ухудшению душевного состояния...

В 1930 году в Большой Кандале было 1097 хозяйств и 4566 жителей. Этот год оказался тяжёлым для большинства селян. Проводя коллективизацию, власть откровенно начала широкомасштабное наступление на здешних крестьян. Коллективизация проводилась очень жёстко, достаточно провести напрашивающуюся параллель: так в марте в селе был организован колхоз "Красный Бор», и в марте же были репрессированы по пресловутой статье 58 пункт 10 Дмитрий Кондратьев, отец 4 детей; Алексей Мартынов; отец 2 детей; Дмитрий Марьин; отец 5 детей; Иван Морозов и другие. Нетрудно догадаться, что репрессии проводились для того, чтобы сломить сопротивление гордых кандалинцев. Под угрозой репрессий к маю в колхоз вступило 270 хозяйств с 1332 едоками, в основном из улиц Конца и Шемелёвки, сюда же вошли бывшие артели "Красный Бор" и "Красина". О добровольном вступлении в колхоз и речи не было. Здешние бедняки, выдвинутые в актив, из кожи лезли, чтобы угодить. Ни один крестьянин, будь то бедный или зажиточный, не был застрахован от произвола. Те, кто вступал в колхоз, сдавали (обобществляли) лишь лошадей и инвентарь, а у тех, кто упрямылся и не хотел вступать, отбирали всё: скот, инвентарь, хлеб и даже всякую домашнюю утварь, которую продавали

за бесценок на местном базаре. К маю 40 семей с 201 едоком были лишены права голоса, то есть гражданских прав. Беднота торжествовала, добившись, что бывшее крепкое село стало поголовно бедным. Впрочем, бедность у каждого на пороге, её не ждут, но от неё никто не застрахован. В июне того же 30-го несколько самонадеянных юнцов развели в сарае костёр, от неосторожности начался пожар: горел Конец, пылали деревья, бани, избы, огонь переметнулся через реку на Бутырки. В тот роковой день сгорело 82 двора...

Кроме колхоза "Красный бор" в селе были созданы ещё несколько колхозов. Так крестьяне Хохловки и Подбора вошли в сельхозартель "Власть труда". Крестьяне улиц Загумки, Наяновка, Петроград, Якимовка организовали колхоз "15 ОГПУ", крестьяне Бутырок образовали колхоз "9 лет памяти Ильича". Кустари организовали промартель "Красный строитель", позже переименованную в имени Фрунзе. Усилиями партийных идеологов рождалась новая раболепная нравственность, олицетворяющая исключительную преданность социалистическим идеалам, порою любой ценой. Считались нормой отказ от веры, от старых обычаев, от своих родителей, если они чем-то проштрафились, но и это иудское средство не всегда спасало от преследований. Вот заявление в правление колхоза "Красный Бор" от Артамонова Алексея: "Настоятельно прошу Правление принять меня в артель. Отец мой Кирюхин Фёдор за невыполнение сентябрьских хлебозаготовок был подведён под 61 статью, но я как отроду был под давлением старых законов, покорялся воле отца, больше покоряться ему не желаю и ушёл на квартиру. Между прочим, я хотел отойти от отца ещё в 1928 году, но сельсовет в это время воспрепятствовал, что может подтвердить бывший председатель сельского совета Абрамов, а теперь говорят, что я так же подхожу под 61 статью, и вступить в артель я не имею права. Считаю это неправильным, хотя я сын зажиточного, но считаю себя вечным батраком, что могут подтвердить все граждане Кандалы, а поэтому прошу не отказать в моей просьбе. Имущество в настоящее время имею одну корову, одну овцу и ягнёнка". В просьбе ему было отказано...

Поживиться за чужой счёт постепенно становится нормой. Зачем работать, зачем стараться, когда можно получить что-то просто так. Вот примеры элементарного иждивенчества: «Правлению колхоза Большой Кандалы от Салмина Василия заявление. Настоящим прошу правление колхоза выдать пиджак, махорку из конфискованного имущества, так как я бедняк, совершенно ничего не имею, есть только один казённый пиджак, стою в колхозе"... От Стеклова Трофима: «Заявление. Прошу правление колхоза выделить мне корову отёлую, так как я бедняк...» От Меркулова Михаила - просит дать его жене юбку и кофту, так как она состоит членом колхоза.

Перечитывая груду заявлений, невольно складывается впечатление, что некоторые бедняки вступали в колхоз не работать, а что-то получить, хотя каждый из них понимал, что все вещи отобраны у других сельчан. Такое резкое перераспределение было на руку только откровенным и бессовестным лодырям, стимулируя их на порочные действия...

От гражданки Королевой Дарьи, заявление: «Настоящим прошу правление колхоза дать мне из конфискованного имущества: самовар, сундук, одеяло и одну подушку, так как я беднячка, комсомолка, колхозница, семья 4 человека...»

Если бедность раньше была постыдной, как признак неспособности и лени, то теперь бедность стала престижной, и ей можно было даже гордиться, похвалиться. Бедность при новой власти открывала путь в активисты, к власти или хотя бы к чужим вещам...

Идеологи, историки и просто бывшие активисты стараются оправдать то смутное время, но уж слишком большой ценой приходилось платить за невежество, бездушие, вседозволенность, очернительство, нашептывание. За грубыми перегибами и заблуждениями множество искалеченных жизней, сиротство, нищета, издевательства и унижения. Бородатые мужики в лаптях и домотканой одежде, с красными обветренными лицами, с мозолистыми, привыкшими к тяжелой работе руками не понимали, что твориться, где, правда, где справедливость.

Народу внушали, что создание колхозного строя в СССР является великим завоеванием Коммунистической партии и советского народа, но какой ценой было достигнуто это сомнительное завоевание, если именно народ подвергался унижению и репрессиям. Вспомним неурожайный 1932-й год, когда селянам практически приходилось в пищу употреблять всё подряд: лебеду, берёзовые серёжки... Но сталинский режим, несмотря на очевидный недород, увеличил план хлебозаготовок, а свои просчёты и неудачи коллективного труда относил, как обычно, к проидам «врагов».

Вот постановление заседания президиума Большекандалинского сельского Совета от 26 января 1933 года: «Учитывая вред врагов, а также срыв проводимых хозяйственных политических кампаний в селе, президиум сельского Совета постановляет: Козюкова Алексея, Дегтярёва Никифора, Лазарева Николая, Ахматова Николая лишить избирательного права голоса по соответствующим статьям инструкции ВИКА и предложить правлению исключить из членов колхоза как чуждых элементов»...

В тридцатые годы в сталинские лагеря и ссылки попали десятки оклеветанных кандалинцев. 7 декабря 37-го был арестован, а затем расстрелян Кирюхин Василий Григорьевич, отец троих детей, 21 декабря был арестован прямо у конюшни 62-ух летний конюх Винокуров Василий, за "троцкизм" - был расстрелян, так же 21 декабря, ночью, неожиданно для семьи был арестован Хуртин Иван Андреевич, кочегар, отец 4-ых детей... В том же суровом 37-ом был репрессирован Феклистов Василий Георгиевич, священник, отец 4-ых детей, повторно репрессирован и затем расстрелян 74-летний священник Сунгуров Александр Михайлович, тот самый, что учил несколько поколений кандалинцев жить по Божьим законам... Список репрессированных можно продолжать. Все они, спустя годы, реабилитированы, но что ждет тех, по чьей вине пострадали невинные, кто вершил беззаконие, кто нашептывал, кто разорял?... Коснется ли их суд общественности или только Бог им судья?

В те роковые тридцатые годы началась и неистовая борьба с верой. С высокой колокольни сбросили большой колокол. Собравшийся народ был уже напуган жестокостью власти, потому возмущался как-то нерешительно и обречённо... Позднее закрыли церковь, сняли оставшиеся колокола, а ещё позже, в 1952 году тракторами стащили купола, здание церкви использовали под склад...

В те же тридцатые разобрали недостроенную кирпичную церковь, кирпич частью растащили, частью отвезли в посёлок Лесозавода. Старожилы помнили артезианский колодец, что был рядом с церковью, ныне на месте разобранной церкви построен клуб и парк...

С 1935 года Большая Кандаля стала относиться к Малокандалинскому району. В эти тридцатые кандалинцы испытывали большие трудности. Колхозники перебивались в основном за счёт небольших приусадебных участков, ибо на трудовень почти ничего не

приходилось. Те, кто не вошёл в колхоз, работали в лесу на лесозаводе. Часть селян в поисках лучшей доли под разными предлогами уезжали в города. Возмущаться, роптать на трудности из-за репрессий было нельзя.

1941 год... Война... Сколько горя, слёз, страданий принесла она кандалинцам. Кажется, что сама душа загрузела от всех переживаний и безвозвратных потерь... В тиши сельского парка ныне стоит безмолвный памятник погибшим на фронтах Великой Отечественной. Только в районную Книгу Памяти занесены фамилии 309 сельчан, не вернувшихся к своим родным очагам. Но нельзя сосчитать количество сломанных судеб, осиротевших, искалеченных, что оставила эта кровопролитная война.

Ордерами и медалями украшена грудь многих сельчан, кавалерами ордена Красной Звезды стали Яков Михайлович Безруков, Иван Андреевич Обмелюхин и другие отважные сельчане. Время покажет, насколько сумеет сохранить их имена народная память... Справедливости ради надо сберечь и имена тех безответных тружеников, кто в труднейших условиях с утра до вечера без отпусков и выходных помогал своим трудом ковать общую победу...

Но если война закончилась, то житейские проблемы остались. Так в 1945 году, по воспоминаниям старожилов, в Подборе сгорело 17 дворов. Надо представить, в каком положении оказались погорельцы, если колхоз за годы войны пообнищал, трудовень пустой, накоплений никаких, личное хозяйство колхозников бедняцкое - как быть, как жить?...

Ради выполнения государственного плана, ради рапортов и так называемых встречных планов колхозы сдавали урожай до последнего зёрнышка, а после на салазках возили семена из Чердаклов...

Нетрудно было понять, что принудительный, малооплачиваемый труд колхозников был бесперспективным и неэффективным, однако "верхи" свои неудачи в сельском хозяйстве пытались исправить реконструкцией управления, потому следует череда укрупнений колхозов и административных перераспределений. Так в 1950 году большекандалинские колхозы объединились в один колхоз имени Сталина, но это название продержалось недолго. В связи с ликвидацией Малокандалинского района село большая Кандаля с ноября 1956 года административно стало относиться к Старомаинскому району, и в связи с тем, что в районе оказалось два колхоза имени Сталина, большекандалинский колхоз был переименован в колхоз "Россия"...

Однако на этом эксперименты не закончились, в феврале 1963 года в связи с новым укрупнением весь Старомаинский район вошёл в состав Чердаклинского района, и ситуация повторилась - во вновь созданном районе оказалось два колхоза «Россия», потому в том же 1963 году большекандалинский колхоз был очередной раз переименован в колхоз "Советская Россия". В том же году произошло объединение промартелей со Старомаинским промкомбинатом. В созданный промбыткомбинат вошёл большекандалинский кирпичный завод, который был вскоре демонтирован. Завод, выпускавший до 2 миллионов кирпича из прекрасного местного сырья, был неоправданно закрыт. Оборудование было перевезено на территорию Старомаинского промбыткомбината, откуда впоследствии отправлено в металлолом...

С января 1965 года Большая Кандаля относится вновь к Старомайнскому району. Сложный сельский быт, лучшие перспективы на стороне заставляли людей покидать село, потому численность его постепенно уменьшается. Если в 1959 году в селе было 2387 жителей, то через 20 лет, в 1979, здесь 1545 жителей, и численность продолжала уменьшаться. Нельзя сказать, что село оставалось без внимания, так в 1968 году здесь был построен дом культуры, а в 1986 году - школа на 320 мест. Надо отметить, что колхоз «Советская Россия» из слабого хозяйства многолетними усилиями всего коллектива выбился в довольно крепкое хозяйство. На конец 1989 года в колхозе было 2151-голова крупного рогатого скота, из них 500 коров, 2128 свиней, 764 овцы, довольно насыщен был и машинно-тракторный парк, где в наличии было 60 тракторов, 28 грузовых автомашин, 26 комбайнов...

Последнее десятилетие 20 века примечательно проведением Ельцинских реформ, при которых сельское хозяйство повсеместно понесло значительный урон, многие отрасли, как животноводство, стали не рентабельными и резко пошли на снижение. Так на 1999 год в колхозе осталось 240 коров, 509 свиней. Полностью перевели овцеводство, сократился машинно-тракторный парк. Нетрудно догадаться, что обновленная верховная власть втянула страну в полосу новых сомнительных реформ и экспериментов, но ни бодрые красивые речи, ни смена названий, а конкретные цифры лучше всего подчеркивают их нецелесообразность.

Можно перебирать ещё много цифр, фактов из жизни и деятельности большекандалинцев в этом свершившемся 20-м веке, но вот один примечательный штрих: проводимые верховной властью реформы вызывали большие сомнения у большинства селян, однако на выборах президента в 1996 году большекандалинцы неожиданно проголосовали за Ельцина, тем самым практически поддержав его курс непопулярных, непродуманных реформ...

Вот такие они – большекандалинцы, трудолюбивые, с загадочным, порой необъяснимым характером.

Село Малая Кандаля

В 7 верстах к юго-востоку от Большой Кандалы расположилось второе село волости – Малая Кандаля. Ныне село – центр администрации, расположено в 37 километрах к юго-востоку от Старой Майны. В селе средняя школа, участковая больница, дом культуры, правление колхоза имени Куйбышева. Родина Героя Советского Союза Алексея Фёдоровича Титова. В 1999 году в селе 284 хозяйства и 735 жителей.

Малая Кандаля - старое Российское село с богатым историческим прошлым. Собирая крупинцы истории села, можно легко увязнуть в массе старых сказаний, ибо само название Кандаля наводит на множество заманчивых предположений, легко увязанных с прежними глухими местами, с беглыми да ссыльными, с этапными тюрьмами. Но даже веские аргументы и святая убежденность убеленных сединами старожилов, так увлеченно рассказывающих о своём селе, не гарантируют истины, ибо подтверждающих летописных записей о селе в прошлом никто не вёл, а то, что многократно пересказано, даже изначально достоверное, с каждым новым поколением что-то теряло, искажалось, оставляя потомкам сомнительные версии и спорные предположения, отобранные больше логикой нашего стереотипного мышления. Тем не менее, старые легенды поддерживают нескончаемую интригу, интерес, загадочность и повод для поиска истины.

Село Малая Кандаля основано в царствование Петра 1, когда великий реформатор стал переселять в Заволжье иноземцев, освобождая для них часть прежних селений. Переселенные с обжитых мест, переселенцы вынуждены образовывать новые поселения. Так следуя документальным исследованиям профессора Перетятковича, сюда, на реку Кандалку в 1698 году были переведены крестьяне селений Волостниковка, Зеленовка, Грязнуха, получившие здесь земли из примерянных свободных земель служивых татар деревни Ертуганово. Переселенцы этих селений и образовали село Малая Кандаля. Сюда были переведены 108 человек из села Волостниковка, 62 - из Зеленовки, но больше переселенцев было из села Грязнуха - 154 человека.

Безусловно, волевое переселение болезненно сказывалось на душевном состоянии крестьян, тем не менее, переселенные сюда крестьяне не прогадали, ибо на прежнем месте они были частновладельческими (помещичьими), а здесь стали ясачными и в дальнейшем помещиков над собой не знали...

Свое нынешнее название Малая Кандаля село получило не сразу, изначально и продолжительно село называлось Никольское. Привлекает внимание любопытное совпадение того, что большая часть переселенцев в Кандале была из села Грязнуха (Никольское), и то, что село получило тоже название Никольское. Не исключено, что церковный престол в новое село мог выделиться из Грязновской Никольской церкви, в любом случае здесь, в Кандале, была построена однопрестольная деревянная церковь с престолом во имя Николая Чудотворца, что и определило первоначальное название села Никольское. Может быть, это название могло сохраниться и до наших дней, но наличие в одном уезде нескольких таких названий постоянно требовало дополнительных пояснений, вот почему за селом одновременно появляется другое, ныне мало известное название Верхняя Кандаля, что соответствовало его расположению по реке относительно соседнего более старого села Кандаля. Однако название Верхняя Кандаля не прижилось, поскольку деревни Абдулово и Ертуганово, стоявшие выше по реке, также назывались Кандалками. Естественно, что название Верхняя Кандаля не имело полной логической смысловой основы, и потому в названии появилась новая характерная приставка - Малая Кандаля в отличии от соседней Большой Кандаля, которая по численности была больше Малой.

В 1777 году в селе Никольское (Малая Кандаля) была построена новая деревянная церковь с тем же престолом во имя Святителя Николая Чудотворца. В 1795 году в селе 152 двора, 1118 жителей, из них 928 –ясачных, остальные удельные.

Ныне многие старожилы убеждены, что их село находилось в дремучем лесу, но лес вырубил под поля. В этих словах есть значительная доля истины. Так по шестой ревизии 1808 года, из 8157 десятин земли, относившихся к сельской общине, 6011 десятин было пашни и 1339 десятин – строевого и дровяного леса. Нетрудно заметить, что малокандалинцы имели земли предостаточно, потому они и жили сравнительно зажиточно.

В 1811 году вместо сгоревшей церкви в Малой Кандале на средства прихожан была построена новая деревянная церковь с тем же престолом во имя Святителя Чудотворца Николая архиепископа Мирликийского.

В истории села Малая Кандаля (Никольское) есть малоисследованные страницы, в которые вполне могли вписаться интригующие легенды о кандалниках, что продолжительно и настойчиво поддерживаются устной народной памятью. Так в 1818

году было закончено строительство Оренбургского тракта – почтовой и торговой дороги, используемой так же для продвижения войск и арестантских партий. От Симбирска через Нижнюю и Верхнюю часовню Оренбургский тракт проходил через Чердаклы, Матюшкино, Бряндино, Мелекесс, Новую Майну и далее в сторону Оренбурга. В этих селениях были построены этапные тюрьмы. Безусловно, труд заключенных широко использовали при строительстве тракта, и ещё для строительства были необходимы строительные материалы, в частности лесоматериалы, потому неудивительно, что в окрестностях обоих Кандал какое-то время мог применяться труд заключённых (кандальников). В этом случае все версии о них приобретают более реальные очертания. К сожалению, какой либо документальной основы под эти предположения пока не найдено, и все же старые легенды создают определенный имидж прошлому обоим сёл. И откровенно будет жаль их опровергать.

К 1859 году в селе Малая Кандаля (Никольское) было 233 двора, 2095 жителей.

После реформы 1861 года в России начались значительные преобразования, коснулись они и села Малая Кандаля. Административно село стало относиться к Большекандалинской волости (7 верст) Ставропольского уезда (125 верст) Самарской губернии (195 верст). В селе уже в 1861 году была построена общественная (с 1864 года преобразована в земскую) школа площадью 70 квадратных метров. В Малую Кандаля переселяется группа удельных крестьян из села Рождественное. Продолжается рубка леса. За 1860-е и 1870-е годы малокандалинцы вырубали 694 десятины леса.

Надо отметить и то, что после реформы 1863 года у малокандалинцев несколько убавилось количество земли: за ними осталось 6247 десятин, из них к 1884 году было 4687 десятин пашни, 762 десятины леса. Материальное положение малокандалинцев на этот год оставалось довольно хорошее: на 488 дворов здесь приходилось 735 лошадей, не считая молодняка, 671 корова, 3098 овец, а 41 хозяйство занималось пчеловодством, имея 583 улья.

В селе было 10 ветряных мельниц и водяная. Так Леонтий Евдокимович Клипиков имел в содержании водяную мельницу, за что платил в удел оброка 107 рублей серебром в год. В то время реку оберегали большие деревья, отчего она была глубока и полноводна. Селяне любили свою спокойную в межень реку, охотно ловили в ней рыбу, купались, полоскали бельё, воду для питья предпочитали брать из многочисленных родничков, что были в пойме реки. Большим бедствием для селян были пожары. За 1873-83 годы в селе сгорело 127 дворов. Угроза пожаров заставляла малокандалинцев строить каменные дома, потому село преображалось, обновляясь добротными крепкими домами из красного кирпича... Интересно, что еще в 1883 году в селе была открыта воскресная школа, а в 1895 году в селе открылась церковно-приходская школа. Несмотря на относительно хорошее материальное положение, в селе оставалась высокая смертность. Например, в 1898 году, в год двухсотлетия села, в Малой Кандале родилось 185 человек, а умерло 186. Правда, в обычные годы рождаемость перекрывала смертность, и всё же беспокойство вызывало ежегодная большая смертность детей, особенно до пяти лет. Так в 1901 году из 196 умерших 168 были дети до пяти лет... Такая катастрофическая детская смертность была по всей волости, потому в том же 1901 году в селе была построена земская больница, состоявшая из рубленых деревянных помещений... Старожилы села рассказывали, что большекандалинские старики воспрепятствовали тому, чтобы больницу строили в волостном селе, потому её построили в Малой Кандале...

В том же 1901 году в селе была построена двухэтажная каменная школа, крытая железом (в советский период школа №2), ещё одна школа, деревянная, крытая железом, была построена в 1904 году (в советский период школа №1). В это же время в селе строится новая большая каменная церковь с главным престолом в честь Казанской Божьей Матери...

Нетрудно заметить, что село Малая Кандаля было на подъёме, увеличилась и численность населения: по данным 1910 года в селе 649 дворов и 3695 жителей, здесь 21 ветряная мельница, маслобойка, врач, фельдшерица, две акушерки, земский прописной пункт, водяная мельница, базар по четвергам...

В 1912 году в малокандалинской земской школе училось 125 мальчиков и 22 девочки. Учителями в школе были Козлов Фёдор Григорьевич с окладом 540 рублей в год, Тетюшева Христина Юрьевна, Антонова Екатерина Михайловна, а законоучителем был священник здешней церкви Колосов Григорий Иванович с окладом 90 рублей в год... В этом же году в селе было пять пожаров, от которых сгорело 8 дворов на сумму 1577 рублей...

Примечательно, что у малокандалинцев к началу первой мировой войны практически не осталось леса, его вырубili под пашню.

Несмотря на некоторые неурожайные годы и тяжёлую затяжную войну, село Малая Кандаля переступило порог революции довольно крепким, потому селянам больше хотелось конца войны, чем революции, ибо в бывшем удельном селе не было помещиков и не было у кого отнимать землю или имущество. Однако заразительная идея перераспределения волновала многих, и в каждом селении находились люди, готовые поддержать революционные идеи. В Малой Кандаля, как отмечают здешние краеведы, такими были Кузьма Пуцин, Иван Сидоров, Егор Игнатъев, Фёдор Братчиков, Яков Чуряков и другие. В селе после революции был образован сельский Совет, первым председателем которого был Клипиков Николай Иванович. Были в селе и белочехи, но быстро ушли. К сожалению, краеведы умолчали о том, как новая власть сурово обошлась с крепким селом – продотряды? продразвёрстка резко ухудшили положение крестьян, и в засушливый, неурожайный 21-й год они остались без необходимых запасов на "чёрный день", что привело селян к небывалому голоду. За голодную зиму резко сократилось в селе поголовье скота, люди были очень истощены, лишь к весне 1922 года для детей в селе были организованы столовые, где кормили американской пищей, что несколько облегчило положение крестьян, но всё же последствия голода чрезмерно велики. О людских потерях сведений не сохранилось, но по данным 1926 года в селе осталось 2937 жителей. Нетрудно заметить, что население значительно уменьшилось...

Переломными годами в жизни селян были 1928-29 годы, когда политика партии и правительства страны была направлена против кулачества, или против элитной части сельчан. Естественно, в немилость попали более способные крепкие крестьянские хозяйства, и уже стали за ними замечать, что они-де против советской власти. Во врагов зачислили владельца ветряной мельницы и магазинчика Григория Фокеева и другого владельца ветряка Якова Загороднева, хотя часто к нему обращались за бескорыстной помощью. В кулаки попали владелец магазина Василий Трифонов, братья Ершовы и другие.

Борьба с кулаками разделила селян, обострила отношения между ними, посеяла смуту и раздор. Всегда свободные, малокандалинцы не хотели мириться с несправедливостью, с новой продрозверсткой, с наговорами и отвечали обозлённостью. Так был убит председатель сельского Совета Яков Иванович Чуряков. Рассказывали, что он часто выступал на сцене, участвовал в организованном им кружке художественной самодеятельности, ставил пьесы на революционные темы. Однажды он исполнял роль врага революции, по ходу пьесы должен был последовать выстрел, и он последовал, но не холостым, как было задумано, а боевым зарядом... Был убит ещё один активист, Иван Пантелеев. Но и активисты были довольно круты и не отличались нравственностью. Много трудолюбивых крестьян пострадали в годы коллективизации по вине активистов, именно при их непосредственном участии загоняли упрямых крестьян в колхоз. Чтобы крестьяне были более податливы и сговорчивы, и чтобы сломить их сопротивление, 26 октября 1929 года по статье 58 п.10 (призыв к свержению советской власти) были арестованы Иван Ершов, Андрей Клипиков, Пётр Солуянов... Так просто, жёстко сломаны их судьбы, без отцов остались их дети, и у их палачей не проснулись угрызения совести. В пору массового устрашения одни смелели, чувствуя поддержку власти, другие становились молчаливыми статистами. Как объяснить сегодня действия активистов, которые отбирали всё, что было возможно: скот, вещи, инвентарь? Часто осторожные селяне встречали активистов радушно, угощали, пытались задобрить их, но они все равно что-то забирали с собой. Без стеснения выгребали всё из печи, снимали и уносили с собой двери и рамы с тем, чтобы хозяева, помёрзнув, сломались и вступили в колхоз. И их явно не волновало то, что будет с детьми... Идеология ради достижения своей цели оправдывала все приёмы насилия...

Странно, но даже спустя много лет, никто из активистов не осмыслил содеянного, никто не покаялся, не усомнился, никто не похвалил способного трудолюбивого крестьянина за то, что все умел, за то, что у него все получалось, потому и жил более зажиточно. Им должно было гордиться Отечество, но идиотская идеология сталинского режима поставила всё с ног на голову, и гордость нации стали уничтожать как классового врага. Наверное, все нынешние беды начались именно тогда, когда десятки лучших малокандалинцев были разорены, сосланы, а вместе с ними были раздавлены все стимулы, все надежды, все старания...

Колхоз в селе Малая Кандала был образован в 1929 году, село ещё было многолюдно. Так в 1930 году в селе было 755 хозяйств и 3211 жителей. В том же тридцатом с местной каменной церкви, построенной на крестьянские деньги, сняли колокола.

Вспоминает Мария Ивановна Барабанова: «Собиравшийся народ возмущался и снимать не желал, но колокол сбросили взявшие на свою душу большой грех Михаил Гончаров и молодой председатель сельсовета Герасим Лисев...».

К сожалению, вес колокола никто не помнит. После снятия колоколов в церкви ещё вели службу до весны 34-го. Потом здание церкви приспособили под склад, а позже сломали... При разрушении Мария Барабанова нашла доску с данными о церкви, эту доску взял Петр Тлалов, учитель. Где эта реликвия сегодня, сказать трудно...

В 1933 году местный колхоз разделился на два. Та часть села, которая находилась по правую сторону реки Кандалки, всего 111 дворов, вошла в колхоз имени Куйбышева, за которым было 4452 гектара земли. По другую сторону реки 99 дворов вошли в колхоз имени 1 Мая, за которым был 3071 гектар земли...

В 1935 году село Малая Кандаля становится районным центром. При советской власти в селе почти ничего не строили, больше отбирали. Так для райкома и исполкома приспособили бывшие поповские дома, что стояли напротив церкви. Из двух домов - дьякона и поповского - сделали один, соединив их кирпичом от сломанной церкви, а сверху надстроили деревянный этаж...

Примечательно, что прошло почти 20 лет, как свершилась революция, а новая власть продолжала искать и находить своих врагов, причём, репрессиям мог подвергнуться каждый, как рядовой, так и руководитель. Например, в ноябре 1937 года были арестованы секретарь РК ВКП(б) Ахметов Ханефи Абдул Газизович, второй секретарь Лобов Николай Лазаревич; несколько раньше репрессированы секретарь райсполкома Жилюк Бронислав Михайлович, заведующий райзо Бабошин Яков Васильевич, зоотехник райзо Быков Николай Михайлович. Система устрашения продолжала своё чёрное дело...

Из хроники тридцатых следует отметить образование в селе средней школы в 1938 году, хотя в этот год был образован лишь 8 класс...

Чёрной, трагической страницей для многих селян стала Великая Отечественная война... Настала пора тяжёлых испытаний, мужчины ушли на фронт, а все заботы легли на плечи стариков, женщин и детей. Не хватало машин, рабочих рук, трудодень был низок, кормились практически с небольшого приусадебного участка, но и этим надо было делиться, сдавая поставку: мясо, молоко, шерсть, яйца, да ещё непосильные налоги. Впрочем, удивляло то, как находили время колхозницы на свой участок, если летом работали в колхозе по 16 часов, начиная с 4 часов утра, а осенью и зимой по 12 часов, начиная в 6 часов утра, причём в случае необходимости бригадиры имели право задерживать колхозников сверх установленных часов... Ветераны колхоза помнили, как пахали колхозное поле на своих истощавших коровах. И за такую чудовищную эксплуатацию это поколение колхозников получило мизерную пенсию в 12 рублей в месяц... В то же время местная районная газета "Большевикский агитатор" красиво лукавила, восхваляя жизнь рядового колхозника, писала: «Созданный под руководством Сталина колхозный строй позволил поднять благосостояние крестьян. Колхозы явились лучшей школой воспитания крестьян в духе коллективного труда, высокого сознания общественных интересов и советского патриотизма». Что касается благосостояния, то в этих строках чудовищная ложь и

лицемерие, а вот о патриотизме – защищая Отечество, 236 малокандалинцев не вернулись в родное село. Их имена навечно занесены в районную Книгу Памяти...

Высокого звания Героя Советского Союза удостоен Алексеем Фёдорович Титов, отличившийся в боях в Польше. В селе поставлен памятник Герою, был установлен монумент всем погибшим на войне односельчанам.

В 1956 году Малокандалинский район был упразднён, а его территория вошла частью в Старомайнский район, частью в Чердаклинский, а село Малая Кандаля стало относиться к Старомайнскому району.

Интересно, что за 1956 год в колхозе им. Куйбышева на трудодень приходилось 3 килограмма хлеба и 2 рубля денег, а в колхозе "1 Мая" на трудодень получили по 3 килограмма хлеба и 2,50 рубля. На эту сумму можно было купить полторы буханки хлеба,

и всё же в ту пору такой трудодень считался сносным, хотя хватало его лишь на скромное существование...

В 1959 году в селе 1815 жителей, здесь промкомбинат, где была электростанция, столярная мастерская, лесопильный цех, в этом году построена школа-интернат, колхозы села объединились в один – колхоз имени Куйбышева. С ликвидацией Малокандалинской МТС часть машин приобрёл здешний колхоз.

В 1960 году к Малокандалинскому колхозу присоединили Ертугановский колхоз. После объединения колхоз имени Куйбышева имел 10950 гектаров земли, из них 9400 - пашни. В колхозе было 527 коров, 960 свиней, 1950 овец. В то время большинство колхозов имели ещё и птичники, в колхозе имени Куйбышева было 6400 голов птицы.

В 1973 году колхозы разукрупнились... Безусловно, в селе многое изменилось в лучшую сторону и казалось, что жизнь в селе налаживается, но население села продолжало уменьшаться, так в 1978 году здесь 408 хозяйств и 1085 жителей.

В 1989 году исполнилось 60 лет здешнему колхозу, пожалуй, за все годы существования колхоз добился наивысших показателей в своей деятельности... В колхозе 1063 головы крупного рогатого скота, из них 332 коровы, 2758 свиней, 3842 овцы, из техники - 56 тракторов, 25 грузовых автомобилей, 21 комбайн, до села проложена асфальтированная дорога...

Мне пришлось побывать в селе летом 1990 года, когда здесь обновляли водопровод. Мне хотелось пройтись по селу, поговорить с людьми, узнать их настроение, собрать исчезающие кусочки воспоминаний рдеющего старшего поколения. Село поразило множеством крепких старинных каменных домов дореволюционной кладки как свидетельство прежней зажиточности. Некоторые из них брошенные. Сами клали дома Гоголевы, Никитины... Глину для кирпича сельчане чаще брали за кладбищем. Ныне кирпич найти трудно, ибо многое было сделано для того, чтобы его не производить, впрочем, перевелись здесь и другие ремёсла. Раньше выгоду искали везде. Так здесь рассказывали, что Панкратовы имели большой дом, разжившись сбором свиной щетины...

Пойма реки Кандалки, что разделяет село на две части, поросла кустарником и отдельными вёслами. Около реки места топкие, потому много бута и кирпича от бывшей церкви ушло на дамбу к реке. Ныне через реку построен добротный железобетонный мост.

Бывший интернат - двухэтажное здание из силикатного кирпича с конца 1988 года вместил правление колхоза, сельский Совет и отделение связи. Старожилы уверяют, что это здание построено на месте бывшей церкви. Рядом на пересечении улиц Советской и Садовой стоит красное каменное здание гостиницы. По своему стилю строение больше напоминает фрагмент бывшей церкви. В поповских домах, где был райком, деревянный второй этаж убрали, а на первом этаже клуб и библиотека...

Что меня поразило и разочаровало - это то, что люди мало знают о деятельности своего колхоза. Впрочем, это не удивительно: стоило мне переступить официальные пороги, как мой исследовательский интерес натолкнулся на откровенную недоброжелательность. Может, в равнодушии и чёрствости местных чиновников и заключается главная причина резкого падения колхозных показателей в последнем десятилетии уходящего 20 века.

Возможно, потому безразлично, безучастно, отнеслись малокадалинцы в 1998 году к своему юбилею -300-летию села. Это говорит о том, что в селе действительно не всё ладится...

С нарастающей тревогой в душе пишут о селе краеведы-супруги Гусаровы, каждая их строка, словно призывный звон колокола, пытается предостеречь, приостановить разрушительный процесс в селе. Вот кусочки из их публикаций: «В 1982 году в селе была построена новая, трёхэтажная школа на 500 ученических мест. Классы светлые, просторные, новая мебель, но учиться некому...». Действительно отгрохали с размахом, а на 1999 год здесь всего 129 учеников. Впрочем, для села, где 788 жителей, школа явно великовата...

Ещё тревожные строки краеведов: «...жизнь на селе в последние годы изменилась, и в худшую сторону. Эти демократические реформы породили безработицу. Ликвидировали сепараторный пункт, овцеферму, телеграф, радиоузел...». В этих строках боль и разочарование.

Земли в колхозе хватает, на 1999 год здесь 6711 гектаров, из них 5652 гектара пашни, но на колхозной ферме осталось лишь 98 коров... Для возрождения былой славы колхозу нужен толковый, дальновидный руководитель, который вернул бы труженикам уважение, стимулы, чтобы труд приносил радость и удовлетворение.

Деревня Ертуганово

К югу от Кандалинской волости находилась Бряндинская волость, из которой в современный Старомаинский район вошла татарская деревня Ертуганово. Ныне деревня Малокадалинской сельской администрации расположена в 40 километрах к юго-востоку от Старой Майны. Родина известного татарского поэта Габдельджаббара Кандаля (1797 –1860). В деревне школа, клуб, библиотека, мечеть, правление колхоза «Восход». В 1999 году в деревне 143 хозяйства и 381 житель, в основном татары.

Сегодня, в конце 20 века, трудно найти достоверные источники образования деревни. Известно, что Ертуганово - одна из старейших деревень по реке Кандалке. Своё название деревня получила, вероятно, от одного из поселенцев, возможно дворянина Ертуганки Мурзы Тагаева, переселившегося сюда из деревни Караките Симбирского уезда и получившего здесь по челобитной 50 четвертей в каждом из трёх полей. Он и его сын Елмашетка с другими ясачными инородцами – татарами несли охранную службу по Казанскому уезду, куда входила деревня. Впрочем, за деревней было и другое название – Старая Кандалка - в отличие от других селений с аналогичным названием, что говорит о её более раннем образовании. Основную часть деревни составляли ясачные крестьяне, зачисленные затем в разряд удельных. Но часть деревни была во владении титулярного советника Андрея Семеновича и поручика Михаила Семёновича Юматовых, а также прапорщика Семёна Петровича и поручика Дмитрия Панкратовича Трубниковых. К середине 19 века эти владения перешли чиновнице 14 класса Степаниде Егоровне Нямятовой, а затем в удельное ведомство...

Примечательно, что, в общем-то, в безграмотной деревне, задавленной тяжёлым крестьянским трудом и серым однообразным бытом, родился самобытный талантливый поэт Габдельджаббар Кандаля. Его строки поражают открытостью и глубиной чувств,

ненавязчивым красноречием и каким-то восточным пленительным своеобразием. Его стихи и сегодня находят своих почитателей.

К 1859 году в Ертуганово при Сухой Кандалке 2 мечети, 89 дворов и 1079 жителей. С образованием волости административно деревня Ертуганово

(Старая Кандалка) стала относиться к Бряндинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии.

Как бывшие удельные крестьяне, ертугановцы после реформы 1863 года были сравнительно хорошо обеспечены землей, получив 2564 десятины земли. к 1870 году они расчистили под пашню последние 35 *Габдельджаббар Кандалия* десятин леса, доведя земельный клин под пашню до 2259 десятин.

К 1884 году в Ертуганово 309 дворов и 1597 жителей, в деревне 305 лошадей, 214 коров, а также две мечети, татарская школа, здесь же числились лавка, 3 поташни, 7 ветряных мельниц. Как большинство селений, Ертуганово страдало от пожаров, так за 1873-83 годы в деревне сгорело 111 дворов.

Истари в деревне соблюдали свои национальные традиции, здесь говорили только на татарском языке, русский язык в небольшом объеме знали лишь немногие, в основном те, кому приходилось общаться с русскими, бывать на базарах...

По данным 1910 года в Ертуганово 390 дворов и 2166 жителей, 3 мечети, две магометанские школы. В неурожайный 1911 год царское правительство выделило 1623 рубля на расчистку водоема, дав возможность части ертугановцев поправить свое материальное положение. Дореволюционное Ертуганово по тем временам - довольно крепкая деревня...

В 1918 году в деревне был организован сельский Совет. Установление советской власти в деревне, комбеды, продразверстка, голодный 21-й год, эпидемии и людские потери не оставили никаких воспоминаний в народной памяти, словно эти события не тревожили сомнениями и разочарованиями в политике новой власти. Однако численность деревни резко сократилась. В 1926 году в деревне 248 дворов и 1118 жителей, а в здешней деревянной школе 88 учеников, из них 24 девочки. Учителем в школе был Габбазов Муббарак Сагитович.

Как и повсеместно, в деревне с большим нежеланием проходила коллективизация... Чтобы люди были сговорчивее, 20 сентября 1929 года были репрессированы крестьяне Шафиулов Вали-Ахмет, 1860 года рождения, и Шафиулов Хузя, 1869 года рождения. Нетрудно заметить, что одному было 60, а другому 69 лет, и вряд ли они могли угрожать новой власти, но власть грубо убирала ненужных ей стариков, чтобы утратить молодых.

В начале 30-го в Ертуганово был образован колхоз «Тракторстрой», деревня была еще многолюдной, так в том же 30-ом в Ертуганово было 277 хозяйств и 1431 житель, но недовольные грубо навязанными переменами люди покидали старую деревню. Тяжелое положение ертугановцев усугубила Великая Отечественная война, с которой не вернулось 83 человека.

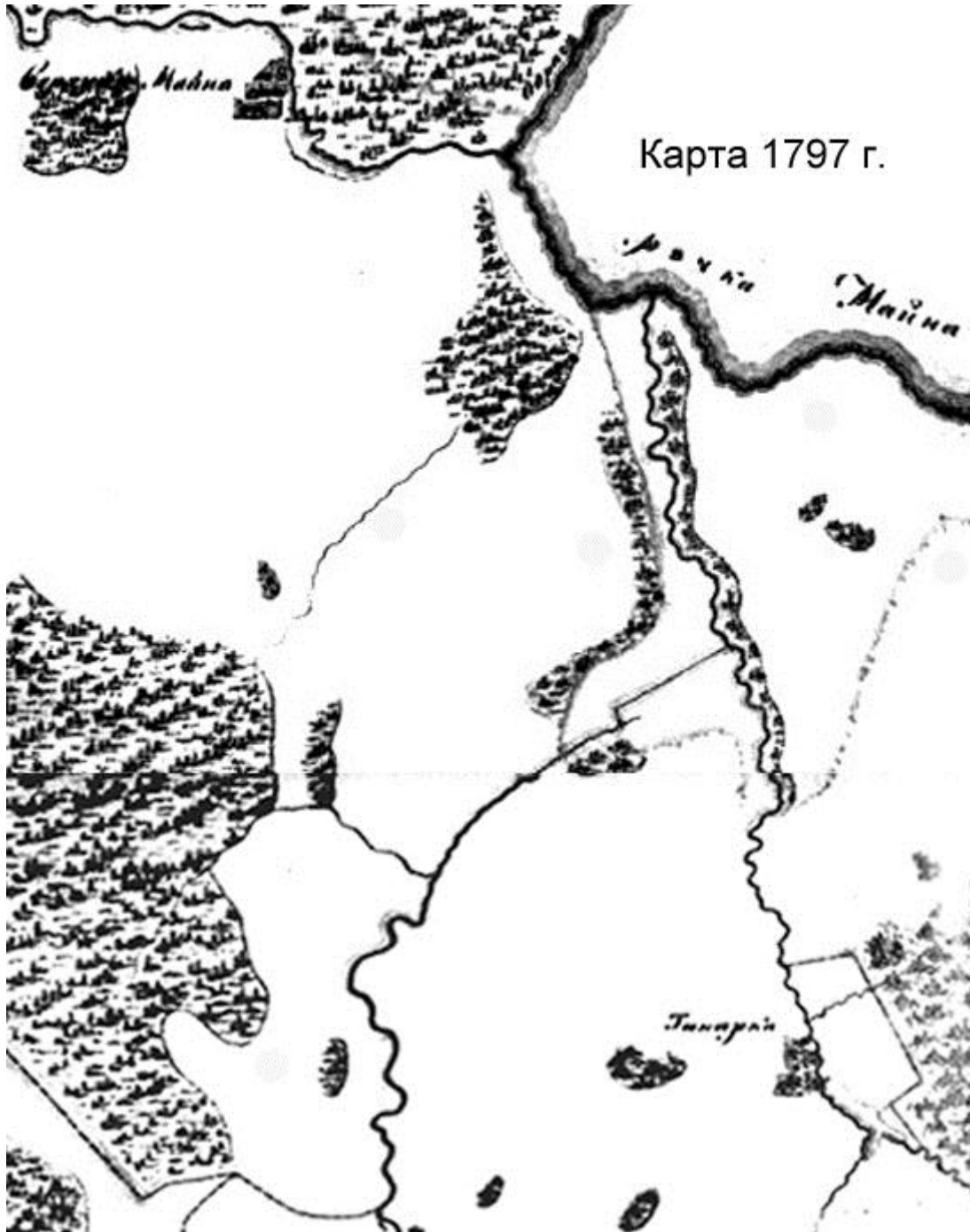
В 1959 году в Ертуганово, относившемся к Малокандалинскому сельскому Совету, осталось 660 жителей. В 1960 году здешний колхоз был присоединен к колхозу имени Куйбышева (Малая Кандаля). Практика показала, что при объединении преимущество получало селение, в котором находилась центральная усадьба колхоза. В данном случае в проигрыше оказались ертугановцы. В 1973 году произошло разъединение колхозов. В Ертуганово образовался колхоз «Восход». С образованием колхоза практически заново пришлось создавать производственную базу колхоза. Были построены мастерские, механизированный ток с четырьмя складами, заправочная, животноводческие помещения, дом механизаторов, дом животноводов, столовая, восьмилетняя школа, водопровод, подъездные пути с твёрдым покрытием, более 40 квартир, медицинский пункт, детские ясли. В 1989 году в колхозе «Восход» 325 коров и 1100 овец, а также 40 тракторов, 19 грузовых машин, 12 комбайнов.

В дальнейшем непродуманные ельцинские реформы отрицательно сказались на колхозной деятельности. Например, в 1999 году в колхозе осталось лишь 53 коровы, полностью уничтожены овцы, сократилось число исправной техники: из 30 тракторов исправных 25, из 21 автомобиля исправные 15, а из 9 комбайнов исправны лишь 4. Нетрудно заметить, что ертугановцы у рубежа 20 столетия разочаровались в своём колхозе и вынуждены надеяться лишь на свои личные хозяйства. Будут ли положительные сдвиги в деятельности колхоза или грядет простая смена названий, покажет время.

Посёлок Откормсовхоза

В 6 верстах к востоку от Ертуганово ещё недавно располагался посёлок, который относился к Малокандалинскому сельскому Совету. Официально поселение называлось – посёлок Откормсовхоза, но в народе бытовало другое название – Дубовый Клин, или просто Клин. Население в посёлке сборное: здесь русские, татары, чуваша. Основное занятие – доращивание молодняка крупнорогатого скота и свиней. В 1959 году в посёлке 156 жителей. В посёлке был магазин, медпункт, неполная начальная школа. С восточной стороны посёлка пруд, местность изрезана оврагами. Здесь богатые уголья клубники и ежевики. С переходом в подчинение к Тиинскому сельскому Совету посёлок был переименован в Ежевичный. В 1989 году ликвидирован.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ



Карта 1797 г.

К северо-востоку от Кандалинской волости располагалась Рождественская волость. В олость образовалась в 1861 году с центром в селе Рождественое. Административно волость относилась к Ставропольскому уезду Самарской губернии. По данным 1883 года в волость входили селения: Никольское, Рождественное, Чащик, Кологреевка, Сартоновка, Ивановка. Здесь же были хутора Абудькова, Коловских, Цибульских, Старцевых, Патрижицких, Немировичей-Данченко, Неструевых, Ефграфова...

Примечательно, что из всех дореволюционных волостей, впоследствии вошедших в Старомаинский район, Рождественская волость по численности населения была наименьшей, в 573 дворах здесь было 3630 жителей. Во владении крестьянских общин в волости было 8413 десятин, из них 6839 - пашни, во владении частных лиц было 3920

десятин, из них 2679 десятин пашни. Всего же, с учётом казённой и остальной земли, в волости было 12933 десятины земли, из них 9766 -пашни.

Интересно, что на этот период в Рождественской волости было 2 валяльщика, 31 извозчик, 1 кирпичник, 11 пастухов, 6 портных, 136 пасечников, 2 сапожника, 3 торговца, 35 нищих, 21 человек уходил на отхожие работы...

Основная река, протекавшая по территории волости - Майна, причём южная левобережная часть земель - равнинная, а северная, правобережная - гористая.

В советский период Рождественская волость была упразднена и вошла в Малокандалинскую волость Мелекесского уезда Самарской губернии. В дальнейшем здесь были и другие изменения в административном делении. Ныне на территории бывшей волости находится Старорождественская сельская администрация. Если в 1930 году на территории бывшей волости было 1082 двора и 4866 жителей, то в 1999 году здесь осталось 445 дворов и 1082 жителя...

Значительных исторических достопримечательностей здесь нет, Однако здешняя природа сохранила свою привлекательность. Разнообразный ландшафт, старые и новые названия, рассказы старожилов, возможные археологические находки могут стать поводом для исследований и занимательного отдыха.

Село Лесное Никольское

Село Старорождественской сельской администрации, расположено в 45 км к востоку от Старой Майны. В селе средняя школа, дом культуры, здесь находятся Старорождественская сельская администрация, усадьба колхоза "Рассвет". Родина Кавалера ордена Славы трех степеней А. Ф. Сидорова. В 1999 году в селе 243 хозяйства и 538 жителей.

Лесное Никольское словно прилипло к сплошному лесному массиву из стройных сосен, белоствольных берёз и свежего подрастающего мелколесья, за что село и получило характерную приставку - Лесное... Тихая в межень река Майна узкой лентой разделяет местность на северное лесное, гористое правобережье и на южное равнинное левобережье, на котором у реки расположились старое село.

Для чужих относительная отдалённость от райцентра, красивая раз

нообразная природа, щедрые грибные и ягодные уголья, звериные тропы придают Лесному Никольскому особую девственную привлекательность, хотя самим селянам в повседневной, хлопотной жизни обычно не хватает времени для беззаботного любования, так же, как и в ежедневной суете нет времени задуматься, заинтересоваться историей своего села, прошлым своих предков, потому из устной памяти многое утеряно, забыто, а то, что еще теплится в воспоминаниях, потеряло свою достоверность.

Между тем окрестности села хранят множество неразгаданных тайн. Здесь находили предметы быта, части древнего оружия, а однажды у Казанской горы школьники нашли клад. В глиняном кувшине, заткнутом тряпицей, было более 200 серебряных монет, на которых просматривалась арабская вязь. Можно предположить, что клад хранился со времён Волжско-Камской Болгарии, куда входили здешние земли. После известного

нашествия татар эти земли надолго опустели, и лишь после строительства укрепленной линии началось постепенное освоение края.

Село Лесное Никольское образовано служивыми татарами из Свияжского уезда, несшими охранную службу по Закамской укрепленной линии. Остатки этой линии в виде земляного вала со рвом сохранились и сегодня. Поэтому каждый может наглядно увидеть старое защитное сооружение, невольно окунувшись в далекое и таинственное прошлое края...

В 1674 году в селение к татарам подселяют польскую шляхту. В подтверждение их совместного проживания одну из улиц села и ныне называют "татарский конец". Но совместное их проживание было недолгим, в 1680-ые годы здешние татары были переселены в деревню Баран, а их земли отошли польской шляхте. Шляхтичи получили здесь по 30 - 50 четвертей в каждом из трёх полей, в зависимости от чина. Польские поселенцы относились к крестьянам с четвертным земледелием, с 1714 года их стали называть однодворцами, а ещё позже они числились как государственные крестьяне на четвертном праве...

Кроме шляхтичей здесь приобретают земли и помещики, завозя сюда русских крестьян, потому польские поселенцы со временем полностью обрусели, и ныне их потомки не помнят своего польского происхождения, хотя многие сохранили польские фамилии...

Нынешнее привычное название села Лесное Никольское сложилось не сразу, изначально селение называлось Средней Майной. Топонимисты объясняют это название тем, что селение располагалось по среднему течению реки Майны. Сегодня старое название села практически забыто. В 1739 году в Средней Майне была построена однопрестольная деревянная церковь с престолом во имя святителя Николая Чудотворца.

Постройка церкви стала важным событием в жизни селян. Именно от престола этой церкви селение Средняя Майна получило другое название – Никольское.

К 1771 году здесь имели земли и крестьян помещики Борис Лукманов, Анна Луцкая, Егор Митьков, Алексей Нагашев, Анна Палицина, Герасим Пешков, Петр Трубников, Авдотья Языкова, Петр Жеребятников и другие. Кстати, ныне еще бытует название Жеребятчий овраг. Это трансформация прежнего названия по фамилии помещика – Жеребятников овраг... Безусловно, с годами состав помещиков в селе обновился, и фамилии многих из них уже забыты.

Примечательно, что в 1834 году прихожанами была построена вторая деревянная, крытая железом двухпрестольная церковь с престолом во имя Святителя Ильи Пророка; в приделе - во имя Николая Чудотворца. Нетрудно заметить, что с изменением главного престола новая церковь стала называться Ильинской, а название села – Никольское – сохранилось по главному престолу первой церкви.

Вся земля села Средняя Майна (Никольского) в Генеральном межевании была размежевана в одну окружную межу с селом Рождественным полюбовной сказкой, а за селом Средне-Майнская дача заключала 6078 десятин земли, из них 5839 десятин угодий. к 1847 году из этой земли 1846 десятин отводились однодворцам, остальная земля была помещичья. Крупной владелицей здесь была дочь штабс-капитана Варвара Дмитриевна

Племянникова из древнего дворянского рода. В селе у Племянниковой 100 душ мужского пола, а на крестьянские наделы отводилось 269 десятин.

Здесь же имели земли Аграфена Александровна Репьева - 838 десятин, титулярная советница Александра Яковлевна Соколова - 156 десятин и ее сын Николай Костров - 174 десятины, здесь же малолетние Михаил, Василий и Анна Митьковы - 70 десятин, коллежский регистратор Фарафонт Николаевич Саврасов - 94 десятины. Семья Нагашевых имеет 205 десятин, коллежская секретарша Екатерина Яковлевна Дементьева - 174 десятины. Здесь же находились владения Чегодаевых, Дохтурова, Кондорских, Абудьковых, Лазаревых. к 1859 году в селе Средняя Майна (Никольское) 115 дворов и 1295 жителей.

После отмены крепостного права в селе Средняя Майна (Никольское) из более десятка мелких прежних общин были сформированы шесть крестьянских общин, получившие 2619 десятин наделной земли. Безусловно, земельное обеспечение по обществам было неравное, так, например, входившая в состав первого общества бывшая Лебедевская община после реформы стала пользоваться лишь усадебной землёй, то есть осталась без наделной земли, а бывшая Соколовская (второе общество) согласилось на четвертной душевой надел, что давался без выкупа и составлял одну десятину на ревизскую душу. Самым обеспеченным после реформы было пятое общество, состоявшее из бывших государственных крестьян (ранее однодворцы), получившее 1614 десятин.

После реформы часть здешних земель оставалась в собственности помещиков. Так у Варвары Племянниковой осталось 406 десятин, у Александры Соколовой - 75 десятин, у Саврасова - 31 десятин, у Екатерины Дементьевой - 115 десятин, а вот у надворной советницы Клавдии Ивановны Лазаревой здесь 120 десятин, но ещё у неё было 3750 десятин в Новоузенском уезде, у Михаила Николаевича Дохтурова - 22 десятины, у однодворца из села Матвеевка Цибульского - 22 десятины и т. д.

О некогда влиятельных и богатых землевладельцах сегодня в селе почти ничего не напоминает, только среди старожилов бытуют старые названия, хранящие определённый исторический след: Костровка, Полянки, Выселки, Абудькова гора и т. д. Кстати, дворянин В. И. Абудьков имел здесь два участка земли, один с хутором у реки Майна в 635 десятин, а другой - в 15 километрах от первого, в размере 400 десятин, на котором также был хутор и ветряная мельница...

Административно село Никольское (Средняя Майна) относилось к Рождественской волости (4 версты) Ставропольского уезда (147 вёрст) Самарской губернии (203 версты).

К 1884 году в селе Никольском 245 дворов и 1426 жителей. У здешних крестьян было 364 лошадей, 362 коровы, 953 овцы, 26 хозяйств в селе занимались пчеловодством, имея 324 улья... Примечательно, что в селе, состоявшем полностью из деревянных изб, да ещё крытых соломой, за последние 10 лет не было ни одного пожара...

К сожалению, жители села продолжительно оставались сплошь неграмотными - только 1890 году в селе открыли школу грамоты...

По данным 1910 года село Никольское достигает наибольшей известной численности, когда в 360 дворах жило 2540 жителей. На этот период в селе были ветряная мельница, 3 водяные и одна обдирочная.

Из дореволюционных лет стоит отметить неблагоприятный 1892 год, когда в селе родилось 71, а умерло 206 человек. Тяжелым был и неурожайный 1911 год, когда голода удалось избежать, но смертность в селе была высокой. Для сравнения: в этот тяжёлый для селян год родилось 130 младенцев, а умерло 155 человек, из них 112 дети до 5 лет, в т. ч. 31 - от дизентерии, 58 - от дифтерита, 22 - от младенческой.

В 1913 году в местной земской школе училось 42 ученика, из них 18 девочек. Учительницей в школе была Ирина Анисимовна Коннова с окладом 360 рублей в год, а законоучителем был священник здешней церкви Константин Порфирович Бирюков с окладом 30 рублей в год. Примечательно, что уездное начальство рекомендовало Никольских мальчиков учить в церковно-приходской школе.

При Столыпинской реформе Никольские крестьяне вернулись к прежнему земельному делению, что было до реформы 1861 года, и шесть обществ распались на одиннадцать. Так возродились общины Костровых, в которой всего 5 дворов, Митьковых - 8 дворов, Саврасовых - 17 дворов и т. д. Часть дворян, видимо предвидя надвигавшиеся бурные революционные события, распродают свои земли. Так, по воспоминаниям старожилов, продал свои земли неслуживый дворянин Александр Васильевич Соколов, часть земель продаёт Абудьков. На смену дворянам выходят в люди способные и деловые крестьяне. Например, Фёдор Козюков преуспевал, закупая делянки леса и производя из него шпалы, срубы... На грани века Козюков построил себе просторный каменный одноэтажный дом с подвалом.

После революции в начале 1918 года в селе был создан сельский Совет. Новая власть организовала в селе и комбед. Старожилы вспоминали, как Игнатий Мохов со своими комбедовцами шупали, искали по дворам хлеб, а потом это рвение - выслужиться перед властью - обернулось для селян страшным голодом в засушливый двадцать первый год. И хотя о людских потерях от голода данных в селе не сохранилось, но вот число жителей в селе резко уменьшилось: даже к 1926 году в селе в 438 дворах осталось 1809 жителей... В этом же году в начальной Никольской школе училось 82 ученика, из них 19 были девочки, учительницей в ней была Антонина Васильевна Маврина.

Установленный Советской властью тотальный партийный диктат с его воинствующей идеологией, шантажом и репрессиями изъясил из устной народной памяти многие события и факты, и ныне, собирая разноречивые воспоминания, невольно приходится сомневаться в их достоверности...

В 1929 году в селе от пожара пострадала церковь. В том же 1929 году в селе был организован колхоз, названный именем героя гражданской войны Г. Д. Гая. Как и повсеместно, коллективизация в селе сопровождалась раскулачиванием, в это время торжествовала порочная мораль, и верховная власть взвалила на сельские Советы чёрную работу по раскулачиванию, или проще говоря, беззастенчивому грабежу крестьянских хозяйств. Власть не скрывала откровенной ненависти к крепким самостоятельным крестьянским хозяйствам, перекладывая налоги с бедноты и лодырей на работающих, поощряя тем бедноту и отнимая стимулы у работающих, рачительных крестьян, доводя этим отечественное сельское хозяйство до абсурда, когда одни ленятся сеять, а другим просто нет выгоды это делать... Спустя годы уместно вспомнить трагедию семей, чьи судьбы поломала партийная идеология и тотальный вандализм в виде «сельского активиста».

Козюков Сергей Фёдорович, крестьянин 28 лет, причислен к: кулакам, лишён свободы и выслан как сын крупного торговца и лесопромышленника за невыполнение хлебозаготовок в 1927 году. В селе осталась жена, двое детей шести и пяти лет, и мать Прасковья, 55 лет. В 1929 году семья была выставлена из дома, а имущество - дом каменный, корову, тёлку, 4 овцы изъяли, оставив семью без средств к существованию. Ныне в их доме детский сад. Идеологи часто говорили, что сын за отца не отвечает, но вот понадобился просторный дом - и сразу вспомнили, что отец Сергея Фёдор бежал с белогвардейцами, и семья была выставлена на улицу, а отвечать пришлось не только сыну, но и внукам... Моисеев Андрей Иванович - крестьянин, 85 лет. В его-то годы вполне заслуженно можно было отдыхать, а его причислили к кулакам и в 1927 году привлекли по статье 61 за невыполнение хлебозаготовок. У него был изъят каменный дом, корова, 5 овец, молотилка. У дряхлого старика отобрали всё нажитое за свою трудовую жизнь под тем предлогом, что до революции, будучи молодым и сильным, он мог обрабатывать до 50 десятин земли, имел лошадей, корову, овец, обдирочную и молотилку... Труженику надо бы памятник ставить да примером сделать для других, а его, уже немощного, из дома выгнали, показав всем, что в нашем Отечестве предпочтение отдавалось неспособным и лодырям. Из-за гиблой трясины идеологических извращений оказалось, что работать и хорошо жить было нельзя, вот почему лишённое элементарных стимулов, наше сельское хозяйство до сих пор не поднимается на ноги...

Ксенофонтов Иван Кузьмич - священник, отец шестерых детей, репрессирован 10 августа 1928 года, сослан в Сибирь на два года. Вернувшись, он без причин, лишь согласно тайной директиве, 28 июня 1931 года был репрессирован повторно, сослан на спецпоселение...

В 1937 году репрессированы на 10 лет концлагерей Мокеев Иван Егорович, Неклюдов Фёдор Иванович... Список можно продолжить, хотя и те, кого репрессии обошли, жили в постоянном страхе от возможного гнусного навета, потому каждый был практически унижен и закабален...

Колхозный строй с первых же шагов показал свою бесперспективность. В первое же половодье смыло обе переданные колхозу водяные мельницы, а летом тридцатого стали сгонять с крестьянских дворов коров. На будущей ферме сделали загон, туда и сгоняли отнятую скотину. Кто-то ударил в колокол. У церкви собралась стихийная сходка, слышались крики, слёзы. Женщины бросились отнимать своих коровёнок, разводя их по своим дворам. Активист Александр Болотнов верхом на лошади задами вдоль Казанской горы умчался в Рождественное за подмогой. Приехавшие выстрелами вверх разогнали толпу разгневанных женщин. Зачинщиков «сарафанного бунта» отправили на исправительные работы. Беззастенчивое добровольно-принудительное обобществление, или простое изъятие нажитого трудом крестьянского имущества вело самих крестьян в разряд рабов колхозного строя, что способствовало постепенному обезлюживанию села.

Начиная с 1930 года, в связи с новым административным делением село Никольское (Средняя Майна) стали называть Лесное Никольское. В этом же году в селе в 456 дворах было 2075 жителей.

Из воспоминаний старожилов: весной 1934-го в Лесное Никольское из Малокандалинской МТС пригнали два трактора СТС. Колхозники зарабатывали в то время 0,25-0,75 трудодня, а бригадир - полтора трудодня, на который приходилось до 200

граммов ржи. Правда, по рассказам старожил, в 1937 году зерно забраковали и колхозникам выдали по 6- 8 килограммов на трудодень...

Церковь с 1935 года переоборудовали под клуб. После ареста Гая колхоз в Лесном Никольском срочно переименовали в колхоз имени Кагановича. Большая идеология уничтожала своих преданных героев, а впереди был роковой 1941 год...

Известие о войне сельчане получили от Александра Буткеева. После мобилизации в селе остались подростки, женщины, старики и два бригадира: Михаил Поляков и Николай Чижевский... В войну женщинам приходилось пахать колхозные поля на своих истощенных коровах за символический трудодень, потому жили очень бедно, да ещё в тревожном ожидании вестей с фронта. В районную Книгу Памяти из Лесного Никольского занесены имена 151 человека, не вернувшегося в родное село. От Сталинграда до Берлина прошёл войну артиллерист Александр Филиппович Сидоров, кавалер трёх орденов Славы. Именем героя войны названа одна из улиц рабочего поселка Старая Майна. Возможно, в честь него назовут улицу и в его селе благодарные потомки...

Так уж случилось, что дореволюционные исторические названия улиц при колхозном строе постарались обезличить, заменив их на примитивное разделение села по районам, к чему послушные сельчане привыкли. Ныне новая администрация переименовала улицы на новый лад, но привыкнуть к новым названиям сельчанам будет не просто. По привычке чаще употребляются советские названия по районам, реже дореволюционные, и совсем редко современные. Так 1, 2 и 3 районы образовали улицу Советскую (прежде По-лянки, Костровку...), 4 район стал улицей

А.Ф. Сидоров Механизаторов (прежде Мышиновка), 5 район - улица Центральная (прежде Татарский конец), 6 район - улица Казанкова (прежде Улочка), 7 район - улица Гагарина (Выселки), 8 район - улица Полевая...

В 1953 году Лесоникольский сельский Совет был упразднен, а село переподчинилось Старорождественскому сельскому Совету.

Интересно, что в 1954 году в очередной раз местный колхоз был переименован, на этот раз никольцы были осмотрительнее и от имён временных кумиров воздержались, назвав колхоз "Дружбой"...

В 1959 году в селе Лесное Никольское 1275 жителей. В селе клуб, библиотека, медпункт, семилетняя школа. В этом году здешнему колхозу исполнилось 30 лет. В колхозе было 484 головы крупнорогатого скота, 289 свиней, 597 овец, 965 кур, 6 автомашин, 10 тракторов. В 1963 году в связи с присоединением Старомайнского района к Чердаклинскому, где оказался колхоз с аналогичным названием, лесоникольский колхоз был в очередной раз переименован в «Рассвет»...

Плохие дороги и низкий социальный уровень жизни, плохо оплачиваемый труд и постоянная зависимость от колхоза заставляли многих сельчан, а особенно молодёжь, покидать родные места, и численность села падает. В 1979 году, к 50-летию образования колхоза осталось 675 жителей.

За долгий и мучительный путь лесоникольский колхоз к своему 60-летию достигает наилучших показателей: в 1989 году в колхозе «Рассвет» было 1295 голов крупного

рогатого скота, из них 355 коров, 2373 свиньи, 952 овцы, здесь же 36 тракторов, 28 автомобилей, 11 комбайнов.

После Ельцинской демократической революции, или иначе после его реформ колхозное хозяйство села стало ухудшаться. В 1999 году колхоз имел 4375 гектаров земли, из них 2868 гектаров пашни, здесь 245 коров, 105 свиней, овцеводство ликвидировано, сократилось число годной техники. В этом же году в сельской средней школе 76 учеников.

Село Старое Рождественное

В 4 верстах к востоку от Лесного Никольского расположилось село Старое Рождественное, бывшее волостное село, ныне центр сельской администрации. В 50 км к востоку от Старой Майны. В селе школа, клуб, центральная усадьба колхоза имени Кирова. В 1999 году в селе 192 хозяйства и 531 житель.

Параллельно дороге, ведущей к Рождественному, с северной стороны на всём видимом протяжении тянется Казанская гора. Если подняться на гору, то с её края для любознательного взора откроется весьма привлекательный кусок лесостепного Заволжья. К югу, под горой, как на ладони село Старое Рождественное и небольшая, тихая в межень река Майна, разделяющая здешний ландшафт на две разные части. Правая, северная часть, гористая с ломанным овражистым краем, с участками мелкоколесья; левый, южный берег ближе к равнинному.

Стоя у края горы, как-то безмолвно и необъяснимо овладевает душу ощущение пространства, раздолья, а ровное течение мыслей невольно тревожит безотчётное состояние неожиданности, таинственности, словно где-то здесь, за очередным овражком или непролазной зеленью цепкого кустарника прячется заветная тропинка, что могла бы вернуть нас хотя бы на миг в далёкое, такое загадочное, романтическое прошлое.

С присоединением в 1552 году Казанского ханства к Российскому государству наше Заволжье из-за периодических набегов кочевников длительное время не заселялось. Ныне, находясь в глубинной огромной России, как-то не воспринимается всерьёз, что здесь, по нашим заволжским землям когда-то проходила граница Российского государства. Да и граница-то первоначально была условной, лишь в 1652 году для защиты юго-восточной окраины тогдашней Руси началась строиться здесь, в Заволжье, Закамская укрепленная линия, или как её ещё называли, Засечная черта, состоявшая из лесных завалов, глубокого рва с земляным валом на открытых местах и укрепленных небольших острогов.

Ближайшим таким острогом, прикрывавшим от нападений будущие Старорождественские земли, был Тиинский острог - типичный сторожевой форпост, о котором мало кто сегодня вспоминает. Впрочем, от прежней Закамской укрепленной линии до наших дней мало что сохранилось, остались местами незначительные участки земляного вала со рвом под уменьшительным названием "валок", от времени это старое укрепление значительно сгладилось и стало не таким уж непреодолимым, да и мало кто интересуется значением этого вала. Совершенно не сохранились прежние завалы, что создавались в лесной чаще засечной черты, сделанные по принципу "ежа" из подрубленных на высоте до двух метров от земли деревьев так, чтобы стволы их не отделялись от пней и ложились кронами в сторону возможных нападений, создавая тем самым труднопроходимые заграждения, от которых и линия называлась Засечной чертой.

Строили черту в основном инородцы под осень после уборки урожая по одному человеку от нескольких дворов.

Несмотря на свою внушительность и значительные трудовые затраты при строительстве, Закамская укрепленная линия не стала окончательным барьером для внезапных набегов кочевников, но тем не менее, она сыграла важную роль в освоении и охране рубежей Российского государства.

Стремясь быстрее освоить беспокойное Заволжье, царь Алексей Михайлович настойчиво привлекал на охранную службу по укрепленной линии не только своих ратных людей, но и иностранцев, хорошо знавших военное дело. После взятия у поляков в 1854 году города Смоленска оттуда были переведены в Тиинский острог 127 человек мелкой шляхты, относившейся к белому знамени, а вскоре к ним присоединились ещё 14. Так образовался отряд из 141 человека, которые были поселены в 123 дворах. Шляхтичам первоначально отвели землю только под дворы, огороды и гумна и на дворовое содержание выдали каждому по 6 рублей 26 алтын и 4 деньги государева жалования и подённого корма по алтыну, что они и получали до 1659 года, когда по настоятельной просьбе шляхтичей правительство распорядилось отвести им пашенную землю в верховьях рек Майна и Хмелевка.

Нынешние же Старорождественские земли, по утверждению известного исследователя Среднего Поволжья профессора Перетятковича, с дозволения Московского правительства изначально были отданы в пользование инородцам Свияжского уезда - служилым татарам, однако в начале 1680-ых годов позиция правительства несколько изменилась, и татар, по мнению исследователя, перевели в деревню Баран, а их земли были отданы очередной группе смоленских: казаков и шляхтичей, которые после освобождения Смоленска первоначально несли службу в Казани, а затем уже как казанских служивых иноземцев велено их было устроить "на вечное житьё и конную службу на Закамской черте". На том основании писец Волынский "учинил их землёю", а "приказной Бурцев" разделил эту землю между 106 переселенцами по реке Майна, где и возникли нынешние сёла Старое Рождественное и Лесное Никольское.

Ныне мало кто из старожилов знает, что село Старое Рождественное первоначально и продолжительно (почти до конца 19 века) называлось Верхняя Майна, а соседнее с ним село Лесное Никольское - Средней Майной. Топонимист В. Ф. Барашков объясняет, что название Верхняя Майна селение получило по верхнему течению реки Майна, а Средняя Майна - по среднему течению реки. Эта версия проста и логична, но невольно её смысл предполагает наличие Нижней Майны, если это не Майнский острог...

Не менее вероятна и другая версия, по которой селение, расположенное на верху гористого правого берега реки Майна, так и называлось Верхняя Майна, а расположенное на левом берегу, среднем по высоте - Средней Майной. Ниже считалась пойма реки или опять-таки напрашивающееся по смыслу селение, расположенное по уровню несколько ниже первых двух. Эта неясность, видимо, останется спорной не для одного поколения исследователей и старожилов.

Селение Верхняя Майна (Старорождественное) было основано поручиком Степаном Селифановским "со товарищи" в 1674 году с получением ими здесь жалованной земли. Однако остаётся не изученной роль служивых татар, которые тоже имели здесь земли; с которых их выдворили в начале 1680-ых годов. Вероятно, до своего выдворения, татары

жили совместно со шляхтичами, например, об этом напоминает старое название части соседнего села - Татарский конец.

Интересно, что после нескольких лет совместного проживания татары, как и шляхтичи, привыкли к названиям своих селений и будучи волею судьбы разделены, как те, так и другие по возможности сохраняли приверженность к сложившимся названиям. Так татары, будучи переведены на другие, необжитые места, вместе со своим скарбом перевезли на новые места и привычные для себя названия. Например, в 38 верстах по торговому тракту из Чистополя в Самару, у безымянного ключа, была основана татарами деревня Верхняя Майна (Служивая Майна), еще одну Служивую Верхнюю Майну образовали татары при реке Богане, что в 30 верстах от Чистополя. На этой же реке татарами образована деревня Нижняя Майна (Студёный Ключ). Нетрудно заметить, что эти названия к данной местности никакого отношения не имеют и были перенесены туда с наших мест. То, что татары не повторили название Средняя Майна, говорит о том, что эта часть татар была выдворена в деревню Баран, где были уже свои сложившиеся названия.

Осталось понять, почему же на искомом месте по реке Майне исчезло название Нижняя Майна - то ли на этом месте не были поселены шляхтичи, потому название после выдворения татар исчезло из обихода, то ли по другим причинам, но меня не покидает навязчивая мысль, что нынешнее село Старое Рождественное могло сложиться из двух небольших самостоятельных поселений, расположенных против друг друга. Одно на правом гористом берегу - Верхняя Майна, а другое на левом низменном берегу - Нижняя Майна. Это предположение основывается лишь на том, что ещё недавно сельские называли левобережную, низменную часть села у реки Майны Низом. К сожалению, исторически сложившиеся названия у нас довольно вольно и безосновательно склонны переименовывать в сельских Советах, тем самым, уничтожая последние отпечатки прошлого. Так необъяснимо легковесно прежнее, вообще-то прекрасное название - Низовая, официально изменили, переименовав её в улицу Механизаторов.

Но вернёмся к нашей повседневной, порой необъяснимой действительности и тем разрозненным документальным источникам, по которым первоначально шляхтичи получили здесь по 30, 40 и 50 четвертей в каждом из трех полей в зависимости от чина и продолжительное время пользовались землёй без каких-либо грамот, но в 1693 году основатель селения поручик Степан Селифановский "со товарищи" были вынуждены в челобитной на имя "Великого государя" просить дать выпись из жалованной грамоты на их помещную землю. В том же году от окольного воеводы князя Петра Лукича Львова был получен указ с подтверждением их права на жалованную им землю. В 1699 году на каждую дачу здешние шляхтичи получили ещё по 10 четвертей сенокосов по реке Майне. Примечательно, что четвертное земледелие, распространенное к границам нынешнего Старомайнского района, наиболее устойчиво было именно здесь, в верховьях реки Майны.

В отличие от общинных крестьян, у которых право наследия всецело переходит к сыновьям и братьям умершего домовладельца, а дочери получали лишь приданое из движимого имущества, у четвертных крестьян, по сложившемуся праву, земля и всё недвижимое имущество делилось поровну не только между сыновьями, но и дочерьми. Ибо имущество, которым пользовался крестьянин-домовладелец, не его личная собственность, а коллективная, семейная. Потому-то с каждым новым поколением наделы шляхтичей в случае раздела заметно дробились, что приводило к их неизбежному

расслоению. Крестьяне и однодворцы, пожалованные землей четвертями, могли на практике свободно распоряжаться своей землей без всякого ограничения: менять, закладывать, продавать, завещать, потому продажные записи на землю по селу Верхняя Майна имели место до 1850 года.

В 1765 году в селении Верхняя Майна была построена деревянная двухпрестольная церковь во имя Рождества Христова, в приделе - во имя святого Александра Свирского. Некоторое время меня удивляла необъяснимая приверженность рождественцев к празднику Николы. Объяснение этому виделось разве что в близости села Лесное Никольское, где Никола была престолом. Но оказалось, что в Верхней Майне (Старое Рождественное) в 1789 году была построена своя деревянная церковь во имя святителя чудотворца Николая Архиепископа Мерликийского, или проще – Николая Угодника.

Ныне каждый открытый след прошлого находит у селян свою логику, так у старожилов появилось мнение, что прежнее сельское кладбище находилось у реки. Это предположение возникло, когда в результате обвала берега на Низовой улице обнажились старые захоронения... Трудно спорить, но в своё время Мария Михайловна Старцева склонялась к тому, что здесь и была вторая церковь, около которой были захоронены священнослужители.

Надо отметить, что как первые основатели – шляхтичи, так и последующие за ними русские переселенцы были большей частью православные, возможно, этим объясняется их почтительное отношение к религии. В 1835 году в селе помещиком корнетом Михаилом Вислёновым была построена новая Христорождественская церковь. В большой деревянной церкви было три престола: в главном - во имя Рождества Христова, а в приделах - Введения во храм Пресвятой Богородицы и во имя Александра Свирского. Уже в это время село Верхняя Майна было сравнительно большим, только удобной земли за селом было 9186 десятин, но часто получалось так, что земли однодворцев и крестьян были расположены чересполосно с помещичьими. Потому в 1839 году указом правительственного сената велено было прекратить чересполосное владение, а в 1841-44 годах последовало размежевание земель. Межевание проводилось с учетом, что часть селян получала возможность выселиться из села с поселением на новых местах, а группе удельных крестьян переселиться в село Малая Кандаля.

Село, как принято повсеместно, делилось на концы и части с характерными для них названиями. Некоторые старые названия улиц бытуют и сегодня. Так в левобережной части села это Полянки, Паны (Табачный конец), Гусиха, Долина, Мазловка, Лутчина, Поповка, Низ; на правобережной части – Копыловка, Грачевка, Бутырки. Уже утеряно, забыто происхождение многих названий, первоначальный смысл и первопричина их появления. Так, например, соседние села Лесное Никольское и Старое Рождественное начинают-ся и заканчиваются кон-цами (улицами) с анало-гичными названиями – Полянки. Ныне уже не знают в обоих сёлах, что эти названия улицы получили из-за того, что здешние крестьяне обоих сел, входившие в одну окружную межу, имели свои наделы против деревни Даниловки на даче (участке) под названием Полянки, отсюда и название концов.

Название Гусиха старожилы объясняют упрощенно: будто здесь было много гусей, но на самом деле эта часть села принадлежала князю Якову Николаевичу Болховскому, дворянину Казанской губернии, у которого были владения в селе Гусиха, и откуда была переселена группа крестьян в село Верхняя Майна, потому и улицу прозвали Гусихой...

Паны (ляхи) - улица, где жили крестьяне, относившиеся к четвертному земледелию, в основном потомки польских поселенцев, потому и называли панами, хотя здесь это название приобрело и другой оттенок: пан - хозяин, сам себе господин. Действительно, паны были значительно лучше обеспечены землей, чем помещичьи крестьяне, и имели даже некоторые дворянские привилегии...

Лутчина (Луцчина) - здесь жила община крестьян помещика Луцкого, довольно известного древнего и благородного дворянского рода. Константин Дмитриевич Луцкий был в 1836-38 годах предводителем дворянства по Ставропольскому уезду. Большую известность получил и его сын, надворный советник Владимир Константинович (1818 - 1887 г.), который был самым богатым помещиком в селе. Так в 1857 году у Владимира Константиновича в 47 дворах насчитывалось более 160 душ крепостных людей мужского пола и 1036 десятин земли, из них 632 десятины пахотной. Владимир был хорошо образован, он получил образование в Симбирской гимназии, а потом в Казанском университете, затем он 9 лет прослужил в Сумском гусарском полку и в чине штабс-ротмистра вышел в отставку. В 1849 году Владимир Константинович вступил на службу по удельному ведомству, а в 1861 году был назначен мировым посредником по Ставропольскому уезду. В этот период жизни проявляется разносторонность его дарований: он, следуя моде, с успехом берётся за перо - пишет он в основном с натуры, из провинциальной уездной жизни в сложный переходный реформенный период, о взаимоотношениях крестьян с помещиками, об их нравах. Часть работ Луцкого была опубликована. В 1863 году Луцкий становится непременным членом губернского присутствия по делам крестьянства. В 1867 Владимир Константинович переезжает в Петербург, где в 1871 году был назначен вице-губернатором в город Екатеринослав (Днепропетровск).

Из других здешних людей того времени, менее известных, однако в своем селе приметных и чьи потомки ныне живут в селе, можно отметить помещиков Ольгу Дмитриевну Селифановскую, коллежского советника Павла Афанасьевича Горлова, подпоручика Якова Ивановича Саушкина, коллежского асессора Петра Кирилловича Сычугова, губернскую секретаршу Авдотью Даниловну Копылову, майора Степана Ивановича Патрежицкого, из однодворцев - подпоручика Федора Тимофеевича Грушевского и прапорщика Ивана Тимофеевича Грушевского...

Административно Верхняя Майна относилась к Ставропольскому уезду Самарской губернии. После отмены крепостного права село становится волостным. Интересно, что именно с созданием волости за селом официально закрепилось название Рождественное, видимо не последнюю роль в этом играло то, что волость удобнее было называть Рождественской, хотя за селом продолжительно встречалось название Верхняя Майна, особенно за правобережной частью села, ныне трансформированной в название Гора.

После реформы 1861 года бывшие помещичьи крестьяне по Ставропольскому уезду получили земли в среднем по 3,9 десятины на ревизскую душу. Например, 17 ревизских душ рождественского помещика Сычугова приняли надел только по 2 десятины, за что платили выкупных по 3 рубля 53 копейки с ревизской души. У самого же Сычугова осталось в собственности 77 десятин. Поскольку часть бывших помещичьих общин были малочисленны, то сразу после реформы они были объединены. В селе сформировалось 4 общества, в каждом из них был свой староста, свое стадо, своя сходка...

В лучшем положении были крестьяне с бывшим четвертным земледелием, зачисленные в разряд государственных и составлявших большую часть крестьян в селе. Они получили до 10,5 десятины земли на ревизскую душу, потому их хозяйства в большинстве были крепкими, да и село было относительно зажиточным, хотя при равном наделе крестьянские хозяйства довольно заметно отличались друг от друга, ибо мало было иметь одинаковые наделы или хорошо работать, надо было быть еще более толковым, удачливым и дальновидным.

После реформы многое для крестьян стало меняться, так в 1863 году в селе открылась приходская школа. Правда, грамота не сразу воспринималась с пониманием. Потому дети, как правило, учились непродолжительно, часто не успевая освоить даже часть программы обучения. Старый сложившийся сельский уклад требовал учить детей умению выжить, что у старшего поколения крестьян ценилось больше, чем обучение грамоте. Сложность и непредсказуемость крестьянской жизни при примитивном инвентаре требовала от них повседневного, кропотливого труда, усвоения разнообразных навыков и крепкого здоровья. Материальное положение крестьян во многом зависело от погодных условий. Ибо в благоприятный год крестьянская семья даже с небольшим наделом была относительно обеспечена. Но каждый неурожайный год очень болезненно сказывался на материальном положении семьи, которой приходилось терпеливо изворачиваться, как правило, за счет резкого сокращения потребления и увеличения трудовых затрат. Но особенно разорительным бедствием для крестьян было время, когда неурожай случались несколько лет подряд. Незавидные урожаи здесь отмечались в 1875 и 1876 и частью в 1877 годах, да и в следующих 1878 – 82 годах просо, например, на рождественских землях уродилось лишь один раз. Кроме непредвиденных погодных условий, большой бедой для крестьян были пожары, так с 1873 по 1883 год в селе сгорело 135 дворов. При всей сложности бытия любопытна статистика тех лет: в селе Рождественное было 348 дворов и 1946 жителей. У селян, не считая молодняка, было 550 лошадей, 422 коровы, около 2 тысяч овец, 76 крестьянских хозяйств занимались пчеловодством, имея в общей сложности 1050 ульев. У сельских крестьянских обществ оставалось 5069 десятин земли.

Отметим, что в селе Рождественное был лишь один кабак, и это на всю волость. И ещё Рождественская волость оставалась с низким уровнем грамотности. В 1887 году приходская школа в селе была преобразована в церковно-приходскую с помещением в отдельном деревянном здании. В советский период довольно пренебрежительно вспоминали о становлении сельских школ, подчеркивая, что в прежних школах только и учили будто бы закону Божьему. Эта нелепица - признак незнания или преднамеренного искажения, ибо закон Божий как предмет нравственного воспитания был, безусловно, важен, но он не преобладал над другими предметами. В школе учили славянскому и русскому чтению, счислению, чистописанию, церковному пению. Надо отметить, что учебная программа в то время была рассчитана на определенный уровень развития, информационности и состояния сельского быта.

В начале 20 века село Рождественное достигает наибольшего известного числа жителей. По данным 1910 года в селе в 491 дворе проживало 3373 человека. Экономика села базировалась в основном на самообеспечении, но хорошим стимулом в деятельности сельчан были оживленные рождественские базары, которые проходили в селе по субботам. Здесь можно было продать свои излишки или приобрести необходимый товар, что привозили на базар крестьяне и ремесленники других сёл и деревень, как своей Самарской губернии, так и соседней Казанской.

Кирпичных домов в селе Рождественное было сравнительно мало, в основном избы в селе были деревянные, с тесовой или соломенной крышами, что способствовало распространению пожара. Например, в 1912 году в селе произошло 8 пожаров, от которых сгорело 98 дворов на сумму 25060 рублей. Сумма по тем временам внушительная. Для сравнения: рабочую лошадь можно было купить за 40-60 рублей. В связи с ростом населения в селе кроме церковно-приходской школы была открыта земская школа, в которой, например, в 1913 году училось 62 мальчика и 3 девочки. Кстати сказать, девочки в основном учились в церковно-приходской школе.

Относительное материальное благополучие рождественских крестьян позволило им приступить к строительству новой каменной церкви. Селяне на свои средства успели возвести только стены нового храма, когда Октябрьская революция прервала строительство.

Великая Октябрьская... Трудно преодолеть барьер сложившихся аксиом, но я не нахожу величия революции, приведшей к такой гражданской войне и разрушениям. Людям с революционным настроем надо знать, что даже самая тихая революция неминуемо разделит общество, прибавит напряженности и противостояния. Октябрьская революция – печальный пример того, как одна часть общества захотела насильно навязать другой части свои идеи, свой диктат, свои интересы, не считаясь ни с чем. Это привело к потере более 13 миллионов жизней, к разрухе и духовному обнищанию. Естественно, что победившая сторона постаралась очиститься от совершенных действий, насилия, жестокости, безнравственности, свалив общий компромат на проигравших, а затем, продолжительно уничтожая каждого, кто мог засомневаться в верности, честности победителей или правильности выбранного пути.

Что же дала революция рождественцам? Трудно сказать. Те, кто пытается сравнить нынешнее положение рождественцев с тем, дореволюционным, вряд ли может объективно учесть, каких вершин могли они достичь при других путях развития. Нам же известен лишь социалистический путь, сложный, трудный, спорный, на определенных этапах с жесткой крепостной направленностью, с духовными и экономическими провалами. Тем не менее, это наше прошлое, наша история, которую не всегда приятно вспоминать, но знать необходимо, чтобы не повторять прошлых ошибок. Сами рождественцы с неохотой вспоминают комбеды, продрозверстку, гражданскую войну с ее жертвами и раздорами, а также голод и эпидемии, потому остановлюсь лишь на некоторых эпизодах из советского периода жизни селян.

Из рассказа М. М. Старцевой: «22 мая 1921 года был праздник Николы. День стоял погожий, и рождественцы по традиции отправились в соседнее село Никольское в церковь на престольный молебен. После обедни селяне неторопливо возвращались в село, когда вдруг с табачного конца над селом появились чёрные клубы дыма. Усиливающийся ветер быстро расширял пожарище. Подсушенные весенним теплом деревянные избы воспламенялись одна за другой. Рождественцы бросились спасать свои жилища, а подоспевшие на помощь жители села Никольское стали спасать церковь. Пламя охватило макушку, и мужики, что по смелее, сумели сбросить горевшую часть, тем самым отстояв церковь. Купол после так и не был отремонтирован.

Пожар опустошил значительную часть села, перекинувшись даже через реку. На тлеющем пепелище долго слышались плач и причитания»...

В том же году в Поволжье, ослабленном жесткой продразвёрсткой и непредвиденной засухой, начался невиданный голод. Тяжёлое положение складывалось и в Рождественном. Селяне собрали очень скудный урожай и поэтому перебивались, мешая горсть муки с лебедой, коновником. За долгую трудную зиму в селе резко сократилось поголовье скота. В памяти селян до сих пор сохранились тёплые воспоминания о своевременной помощи продуктами питания той загадочной, далёкой Америки. В селе были образованы три столовые для детей, где кормили фасолевым супом, рисовой кашей, давали какао, хлеб.

При НЭПе крестьянство несколько успокоилось, ожил сельский базар. В привычный ритм жизни рождественцев новая власть постепенно внедряла свежие идеи. Так примечательна история Лазаревского хутора, который находился менее чем в 4 верстах к юго-западу от села. Старожилы утверждали, что хутор еще до революции от Лазаревых перешел во владение к Немировичу-Данченко, у которого здесь была мельница. В начале НЭПа этот хутор и мельницу брал в аренду Кузнецов, однако в 1924 году здесь образовали сельхозартель под названием «Роща», именно под этим названием хутор оставался в устной памяти. Председателем артели был Фёдор Иванович Пекарский. В народе сельхозартель называли коммуной. Артель объединила 13 хозяйств, из них 8 бедняцких и 5 середняцких. За артелью на 60 едоков было 180 десятин земли и 12 голов взрослого рабочего скота. Сельхозартель как пример ведения хозяйства по-новому не оправдала себя, потому в памяти селян о ней мало что осталось. Впоследствии крепкие деревянные постройки хутора были перевезены в уездный город Мелекес.

В 1926 году в местной начальной школе училось 59 мальчиков и 14 девочек. Старожилы должны еще помнить учителей того времени Марию Фёдоровну Земскову и Евдокию Михайловну Камис.

Церковь в селе, из воспоминаний старожилов, закрыли в 1929 году, а в следующем сняли колокола. Вес большого колокола старожилы не помнят, хотя М. М. Старцева утверждала, что он весил 180 пудов. Часть вещей из церкви некоторое время хранились в сельском Совете в сундуке, дальнейшая их судьба неизвестна. Впрочем, в пору воинствующего разрушительного атеизма представители советской власти на селе довольно вольно распоряжались церковным имуществом: церковь Рождества Христова приспособили под склад, где хранили колхозный хлеб, а затем её просто сломали на дрова. Ныне на месте церкви в Поповке остались лишь заросли сирени. На разные нужды разобрали и недостроенную каменную церковь, где ныне построен дом культуры. Партийные идеологи последовательно преследовали церковные обычаи, тем не менее, основные обряды и: церковные праздники втайне почитались всегда. Одним из светлых праздников был Духов день, когда селяне ходили под гору на святой ключ. В истоке ключа стояла деревянная часовенка. Согласно преданию, здесь когда-то явилась икона, которая далась простому пастуху, с тех пор сюда на Духов день большим потоком шёл люд из Рождественного, Кандалы, Тиинска, Никольского и других селений. После службы пришедшие пили освящённую, чистую, прохладную воду из ключа, брали с собой, наливая в припасённую для этого случая посуду... Часовенку, конечно, сломали, но люди продолжали ходить на ключ, и пока жива была Евдокия Емельянова, тропа на чудодейственный источник не зарастала. Теперь святого ключа нет, Бог словно забрал святой дар за иудство, за грехи людские. Прежде людная обширная котловина, втиснутая между рекой и изгибом горы, как-то поскучнела, большей частью заросла мелколесьем. Осиротели две рябинки, между которыми и был святой источник, а напротив, у горы,

бывшие когда-то ориентиром две яблоньки высохли и разломались. Забытый ключ невольно заставляет задуматься над правильностью нашего жития, побуждает к покаянию, поиску путей и возрождению духовности.

Участливая к людским заботам, течёт река Майна. За долгие годы она не раз вымывала себе новое русло, оставляя после себя не просыхающие следы – старицы. Река на большом протяжении мелководна, но есть и глубокие места, как например, Чёртов омут. Последнее время реку запружают. Очень чувствительная гора, чье хилое песчаное тело слабо прикрыто небольшим слоем дерна. Люди, не задумываясь, прокладывают дороги, разбивая колеями склоны горы, глядишь, через два-три года на месте дорог образуются овражки, которые год от года становятся больше, вымывая песок в долину. Ещё недавно в Ливкиной яме под горой ловили карасей, вьюнов. Глубину измеряли, связывая пару вожжей. Теперь же она напоминает не озеро, а несколько заросших мелких болотцев.

В советский период начались поиски оптимального административного деления, и Рождественская волость была упразднена, а село Рождественное стало относиться к Малокандалинской волости. В 1928 году при новом административном делении и упразднении волости село вошло в Мелекесский район.

Интересно, что нынешние старожилы села уже не помнят, когда село стало называться Старое Рождественное. Между тем за селом было еще промежуточное название. Так в 1928 году при очередном административном изменении в Мелекесском районе оказались села Рождественное и Новорождественное бывшей Хмелевской волости. Такое сочетание названий двух селений было не совсем удобно. Поэтому село Рождественное стали официально называть Большое Рождественное, однако это название не прижилось. И в начале 30-ых годов село получило нынешнее название – Старое Рождественное. Впрочем, оба названия по отношению к названию Новорождественное вполне приемлемы, но последнее более естественно.

В 1930 году в селе Большое Рождественное 495 дворов и 2230 жителей. Эти данные примечательны, так как в этом же году в селе началась коллективизация. Как и везде, с большими перегибами, со злоупотреблениями и репрессиями, что привело к последующему резкому сокращению числа жителей села.

Этот сложный период характеризуется резким упадком материального и нравственного состояния селян. Наступили времена мрачного повального доносительства. Казалось, что период НЭПа подсказал, каким путем нужно идти, но реформаторы вернули крестьян к «крепостному праву» в худших его проявлениях. Для сравнения: при крепостном праве крестьянин за три дня барщины получал в пользование не менее 4-х десятин земли, имел свой скот, свою лошадь или две. При колхозном строе за полную рабочую неделю колхозник имел всего 30 соток земли, пустой трудодень, да и лошадь не мог держать. Её просто отобрали на колхозный двор. Хуже было тем, кто не хотел идти в колхозную общину, у них отбирали все, что было можно, не считаясь ни с чем. Это наиболее черная страница нашей истории, потому что власть сознательно разбудила злобу и ненависть у извечно завистливых неудачников, лодырей и краснобаев, направив их на искоренение самых трудолюбивых, крепких, самостоятельных крестьян. Провоцировали на такие действия и газеты тех лет.

Несмотря на экономические трудности в селе, Сталинский режим вёл очень жёсткую политику в отношении крестьян. Приведу выдержку из протокола №17 заседания

президиума Мелекесского РИКа от 13 февраля 1931 года, направленную в село: «Обязать сельский Совет, под личную ответственность председателя и уполномоченного РИКа, развернуть бешеную работу по сбору крестьянских платежей». И здесь же: «...последний раз предложить сельскому Совету в 24 часа ликвидировать полностью задолженность...». Вот так решительна и крута была советская власть, а идеологи высшего звена беззастенчиво поучали уничтожать неугодных, непонятливых, «как бешеных собак». Можно догадываться о том, что же творилось на местах. Против неуплаты налогов или задержки их была в действительности довольно жесткая 61 статья в уголовном кодексе, по которой налог взимался в судебном порядке, и плюс штраф, достигавший десятикратной суммы налога. К тому же эта статья практически оставалась «чёрной меткой» о неблагонадежности на всю жизнь.

В последнее время стали обнародовать имена несправедливо репрессированных. Среди них Петр Алексеевич Грушевский, Василий Андреевич Волков. Усердие активистов с нравственной стороны трудно объяснимо, но и с классовых позиций не всегда понятно. Можно понять ненависть к имущим. Так у Якова Заграднова была прососушка и 60 ульев пчёл, но вот что отобрали у «кулака» Ивана Тимофеевича Грушевского: дом с надворными постройками, оценённый в 150 рублей, муки 2 пуда на 1 рубль 60 копеек, картошки 30 пудов на 6 рублей, самовар – 5 рублей, банок 2 штуки на 2 рубля, кадушек 2 на 3 рубля, полушубок на 6 рублей, чапан - 7 рублей, тёплых сапог две пары – 12 рублей, галоши на 1 рубль 50 копеек, пуховых подушек 3 штуки на 3 рубля, шаль тёплая на 3 рубля. Вещи самые необходимые и не слишком шикарные, вот и всё богатство рождественского кулака. Ещё постыднее перечислять конфискованное добро Евдокии Матвеевны Грушевской: у неё с чулками, женскими кафтанами и детскими штанами забрали весь печёный хлеб.

Впрочем, у крестьян изымали не только испечённый хлеб или зерно, но и не обмолоченные снопы. Так у Алексея Волкова было изъято 250 снопов, у Петра Старикова – 700 снопов, Степана Пекарского – 600, Петра Толмачева – 500... Такого откровенного притеснения, унижения землепашцу ещё не приходилось испытывать. За лицемерной заботой в реальной жизни власть бесцеремонно распоряжалась всем, что производила крестьянская семья, не считаясь с её нуждами.

Под давлением в селе были образованы 2 колхоза: в левобережной части колхоз имени партизана Львова, в честь Арсения Максимовича Львова, расстрелянного белыми в 1918 году. На правобережной части и оставшейся части левобережья – колхоз имени Крупской. В 1933 году в колхозах состояло 264 двора с 588 трудоспособными членами, из которых более 60 были в отходе.

С 1935 года село Рождественное административно стало относиться к Малокандалинскому району. Из довоенных лет ветераны колхоза выделяют лишь один год, когда на трудодень было выдано по 8 килограммов хлеба. При обычно тощем трудодне это был единственный случай, позволивший колхозникам сдать часть полученного хлеба в обмен на промтовары.

Ныне трудно вспоминать былое, ибо многое безвозвратно ушло в прошлое и сегодня с трудом воспринимается. До 1950-ых годов практически повсеместно носили ещё лапти, ступни, причём в дальнюю дорогу приходилось брать запасную пару, ибо лапти довольно быстро изнашивались. Затем в моду вошли кирзовые сапоги, которые в отсутствии сапожного крема смазывали дёгтем, чтобы они были мягче и не промокали. Наконец

сменилась зимняя обувь, и вместо привычных валенок в обиход вошли утеплённые ботинки и сапожки.

Многое из жизни села могла рассказать Варвара Тихоновна Елизарова, женщина высокая, худая, по характеру любознательная, памятьвая и словоохотливая. Жизнь у неё не сложилась. Вопреки родителям из мелкопоместного рода Неструевых, вышла замуж за бедняка. В 25 лет овдовела. Тогда-то её голова и покрылась сединой, за что в селе прозвали Седухой. В колхоз не пошла, за что часть селян с молчаливого согласия руководителей относилась к ней весьма недоброжелательно. Жила Седуха в Грачевке в небольшом домике. Жила скромно, экономно. Была общительна и чистоплотна. К сожалению, мне не удалось послушать её рассказов. При жизни к ней относились как-то легковесно, а не стало её – село будто осиротело. Поди теперь, порасспрашивай старейших о былом. Невольно убедишься, что рассказать о прошлом не каждому по плечу.

В Великую Отечественную войну в село не вернулось 150 селян. В 1950 году колхозы села и деревень Сартоновка и Кологреевка объединились в колхоз имени партизана Львова, с марта 1952 года – колхоз имени Кирова.

В 1959 году в селе было 870 жителей. Некогда людное богатое село продолжало уменьшаться. В селе была лишь начальная школа, семилетку ребятишкам приходилось заканчивать в селе Лесное Никольское, а десятилетку – в селе Малая Кандаля.

Убогость быта, низкая оплата труда, разбитые дороги подталкивали людей покидать село. Из череды председателей здешнего колхоза, от которых во многом зависело положение рождественцев, стоит выделить Ивана Ильича Лямасова, который исподволь приступил к восстановлению села, построив школу, клуб. Однако приостановить отток людей не удалось. В 1978 году в селе оставалось 167 дворов и 484 жителя.

Осенью этого года колхоз возглавил Ш.З.Сингатулло. Новый председатель с большим энтузиазмом, оптимизмом *Ш.З. Сингатулло (второй слева в первом ряду) 1978 г.* взялся за восстановление села. Своим пламенным порывом он сумел убедить селян и районное руководство, и за счёт кредитов село значительно обновили. Своими планами он увлекал селян, чувствовалось, что у них наконец-то появилось чувство собственного достоинства. Несколько семей вернулись в село, получив благоустроенные колхозные квартиры. При Сингатулло были построены общественная баня, водопровод, здание колхозной конторы, магазин, детский комбинат, асфальтированы улицы...

К своему 60-летию здешний колхоз на 1 января 1990 года имел 300 коров, 489 свиней, 2291 овцу. Надой молока на одну фуражную корову за 1989 год в среднем составил 3143 килограммов – это один из лучших показателей в районе. Довольно широк был и машинно-тракторный парк, в котором было 38 тракторов, 31 грузовая машина, 20 комбайнов и другая техника. Сегодня у власти демократы, новые люди, новые идеи, очередные реформы, но повторяется пройденное: та же поспешность, та же непродуманность и безответственность. Заметно лишь большое желание экспериментировать по принципу – авось получится. Время покажет, сумеют ли селяне сохранить то, что создавалось несколькими поколениями, или разочаровавшись, не выдержат искушения всё бросить, растащить, разломать, а пока селяне живут в тревожном ожидании за своё будущее...

Деревня Чащик

Деревня Старорождественского сельского Совета, располагалась в 54 км к востоку от Старой Майны.

Если подняться на Казанскую гору и идти на север от села Рождественное, то через 4 версты упретесь в большой овраг под названием Чащик. Трудно поверить, что здесь когда-то была деревенька, и несколько поколений людей обживали каждый клочок здешней земли...

Предыстория деревни началась, когда по межеванию 1841 года дворянке, малолетней девице Евлампии Алексеевне Чуфаровой отвели 134 десятины земли у небольшого ключа. Ключ, овраг и созданная позже на отведенной земле частновладельческая деревенька носили одно название - Чащик, названные по здешнему густому мелкому лесу.

После реформы 1861 года крестьяне Евлампии Чуфаровой оставались временно обязанными, и лишь с 1872 года они перешли в разряд собственников. За крестьянской общиной деревеньки осталось 56 десятин, а у барыни - 78. Интересно, что к тому времени барыня вышла замуж за Николая Евлапьевича Мельницкого и носила уже фамилию мужа, потому в народной памяти сохранилось и другое название деревни – Мельничина - по фамилии Мельницких.

Община здешних крестьян жила дружно. Например, здесь сложилась традиция косить траву сообща, группами, наряжая с каждых двух ревизских душ одну косу. Однодушники косили по очереди: один - до обеда, другой - после. Также для грабления и уборки сена в копны наряжали с двух душ одну женщину, для перевозки - с двух душ одну лошадь, и затем по жребью делили на две души воз...

Административно деревня Чащик относилась к Рождественской волости Ставропольского уезда Самарской губернии.

К 1884 года в деревне на 17 хозяйств и 93 жителя приходились 31 лошадь, 18 коров, 107 овец... Нетрудно заметить, что, несмотря на небольшое количество надельной земли, хозяйства здесь справные, кроме того, в деревне занимались производством саней, дровней, полозьев, колес, бочек, а 4 хозяйства занимались пчеловодством.

По данным за 1910 год в деревне 18 хозяйств и 146 жителей. Мало что изменилось в деревне и при советской власти – только голод и тиф в 1921-22 годах резко сократили численность деревни. к 1926 году здесь 19 дворов и 88 жителей... В деревне жили семьи Егоровых, Дермугиных, Тихоновых и др.

При коллективизации деревня Чащик (Мельничина) распалась, её жители переселились - кто в Лесное Никольское, кто - в Старое Рождественное. Сегодня, в конце столетия, на месте деревушки не осталось никаких следов и более того, мало кто в округе вспоминает о её существовании...

Деревня Кологреевка

Деревня Старорождественской сельской администрации находится в 64 км к востоку от Старой Майны.

В 14 верстах севернее Рождественного расположилась деревня Кологреевка. Если кто интересовался дореволюционной картой Рождественской волости, то непременно обратил внимание на то, что земли Кологреевки и соседней с ней Сартоновки глубоко вдавались в территорию Казанской губернии и в плане напоминали форму перевернутого сосуда с узким горлышком. Такая странность землепользования накладывала особый отпечаток в жизни обоих селений.

Предыстория Кологреевки началась с того, что 31 августа 1844 года при межевании, согласно общему приговору однодворцев, группа однодворцев сёл Никольское и Рождественное получили землю в одном месте в части дачи под названием Полянки. Здесь получили землю Пётр Антонович Кологреев, Николай Иванович Кологреев, Ливан Петрович Кологреев, Матвей Гаврилович Москвитин и другие. А после аграрной реформы на этих землях, у ключа Чёрный исток, однодворцы основали деревню, названную Кологреевкой, ибо большинство жителей деревни имели фамилию Кологреевы. По вере кологреевцы сектанты - чашку свою не дадут, из своего колодца почерпнуть воды не позволят... Интересно, что фамилия Кологреевы состоит из слов «кол» и «греть», то есть «ударить колом». Сочетание такой фамилии с другой верой способствовало тому, что за деревней привязалась слава, что там живут неприветливые люди, способные и «колом огреть».

Кологреевцы как бывшие однодворцы причислялись к разряду государственных крестьян и после реформы 1866 года были хорошо обеспечены землёй. к 1884 году в деревне 14 дворов и 99 жителей. За крестьянами числилась 271 десятина земли, из них 206 - пашни. На этот период в деревне на 14 хозяйств приходилось 34 лошади, 29 коров, 168 овец.

Пять хозяйств в деревне занимались пчеловодством, имея 176 ульев. Нетрудно заметить, что кологреевцы жили довольно зажиточно, что позволяло им строить кирпичные дома.

После революции в 1918 году в Кологреевке был образован сельский Совет. При новой власти для кологреевцев начались черные дни: насильственное изъятие всех излишков продовольствия, а затем жёсткая продразвёрстка привели крепкую деревню к резкому обнищанию и голоду. Но даже после такого масштабного голодного потрясения власти после короткой НЭПовской передышки продолжали считать деревню зажиточной и независимой, потому здесь возобновилась борьба с кулачеством. В деревне бедняков были единицы, но именно от них исходила волна властных постановлений о выселении кулачества, об их политической ликвидации как класса...

Советская власть крепко ломала здешние обычаи, разобщила до того дружное население деревни, где все практически были родственниками.

В 1929 году были высланы в северный край братья Семен и Яков Кологреевы. В марте 1930-го тройкой ОГПУ были осуждены с конфискацией имущества Кологреев Иван Максимович, Кологреев Иван Степанович и его сын Степан Иванович, Матвеев Андрей Архипович. Этот трагический список достаточно велик, в нём много женщин, будто власть решила уничтожить деревню под корень. Естественно, для общественного мнения выносились обличительные приговоры, вспоминали, кто чего имел до революции, кто использовал наёмный труд, кто-то арендовал земли, что разрешалось, кто-то продал

несколько бревен и уже стал «лесопромышленником»... Главное было – за что уцепиться, обличить, выявить врага, наказать, отобрать, хотя отбирать иногда было уже нечего.

У владельца земли Матвеева (хотя вся земля давно была национализирована) конфисковали двух коров и 10 овец. У кулака Ивана Кологреева отобрали дом, оцененный на 80 рублей, железную кровать, оцененную в 2 рубля, суконные штаны ценою в три рубля... У кулака Андрея Матвеевича Кологреева имущества наскребли на 19 рублей, а у кулака Петра Алексеевича Кологреева - на 3 рубля 25 копеек... В конце 20 столетия эти факты иначе как позорными и смехотворными не назовёшь. Но тогда, в неистовую пору ненависти, доносительства любая мелочь, даже неосторожное слово могли стать основанием для репрессий, трагедией для любой семьи...

В 1930 году в Кологреевке было 39 дворов и 186 жителей, в этом же году в деревне был упразднён сельский Совет, а деревня стала относиться к Старорождественскому сельскому Совету.

Несмотря на сопротивление кологреевцев, колхоз здесь был создан. Колхоз имени Ворошилова объединил две деревни - Кологреевку и Сартоновку. к 1935 году колхоз объединял 49 хозяйств и имел 1159 гектаров земли.

После Великой Отечественной войны из кологреевцев домой не вернулись 11 человек. Репрессии и война нанесли деревушке значительные людские потери, именно по самой работоспособной её части. Возможно, потому объединение колхоза со Старорождественскими колхозами в 1950 году в один под названием партизана Львова выглядело логичным. Но на практике это стало замедленным приговором отдаленной деревушке, свидетельством ее бесперспективности...

В 1959 году в деревне было ещё 107 жителей, а через 20 лет осталось 59.

В 1999 году в деревне 10 дворов и 21 житель. Основное население здесь - пенсионеры, люди, исчерпавшие свой трудовой ресурс. Впрочем, есть здесь и фермерское хозяйство Голубева, но кто поручится за то, что завтра обнадеживающий росток не начнут изводить, как это было уже в тридцатые годы, не возродится ли этот неугасающий революционный дух уравниловки и перераспределения...

Деревня Сартоновка

Деревня Старорождественской сельской администрации, находилась в 65 км восточнее Старой Майны. На северо-западе следы болгарского селища.

Не более 2 вёрст к северо-востоку от Кологреевки располагается другая однодворческая деревня - Сартоновка. История обеих деревень довольно сходная. С 31 августа 1844 года при новом межевании группа однодворцев села Рождественное получила полюбовно, согласно общему приговору однодворцев, землю в одном месте дачи под названием "Полянки", а начало отделения было произведено от границы Спасского уезда от дачи села Даниловка, участка помещика Сергеева. Вот от конца помещицкой земли и отвели землю будущим переселенцам. Егору Белечеву к доставшимся по наследству жалованным 30 четвертям прибавили ещё покупных на торгах 30 четвертей. Ивану Дубровскому отвели 25 четвертей, из них 15 покупных; Феофану Голубеву - 50 четвертей, из них 30 покупных; Ивану Высокинскому - 40

четвертей, Константину Высокинскому - 20 четвертей, Никите Стрункову - 18 четвертей, Якову Дубровскому - 15 четвертей... Во второй половине 1860-ых годов владельцы этих земель у ключа под названием речки Чельня образовали деревню Сартоновку. Место расположения деревушки было подобрано удачно: буквально за дворами начинался лес с богатейшими грибными и

ягодными угодьями. На новом месте переселенцы были рядом со своей землёй, что было очень удобно: и меньше уходило время на дорогу, и поле было под присмотром.

К 1884 году в Сартоновке 25 дворов и 170 жителей. За деревней числилось 659 десятин земли, из них 501 - пашни. Сартоновцы жили довольно зажиточно: на 25 дворов здесь было 53 лошади, 42 коровы и 275 овец. Десять хозяйств занимались пчеловодством, имея 253 улья. В деревне из дореволюционных построек выделялся двухэтажный каменный дом Кочетковых, в котором при советской власти была школа. У Кочетковых были ветряная мельница, маслобойка, фруктовый сад. По рассказам старожилов, Кочетковы разбогатели на ростовщичестве, что позволяло им нанимать работников. Бытует легенда, будто один из молодых работников понравился дочери Кочеткова, от взаимной любви у них родился сын. Отец работника Сартон, узнав про рождении внука, пошел с поздравлениями к богатому свату. А тот, раздосадованный, велел убить бедного гостя. С тех пор деревня называется Сартоновой деревней, или Сартоновкой. Версия на первый взгляд простоватая, но отрицать её было бы нецелесообразно, ибо как объяснить другое забытое название деревни – Бахтеевка?

Кстати, бытует версия, по которой Кочетковы - это лишь уличное прозвище. Сегодня за давностью лет об этом трудно спорить, тем не менее, есть надежда, что последующие поколения исследователей сумеют разгадать старую деревенскую тайну.

Административно Сартоновка относилась к Рождественской волости Ставропольского уезда Самарской губернии.

Перебирая статистику разных лет, стоит остановиться на данных 1910 года, к огда в Сартоновке в 36 дворах было 273 жителя. Безусловно, дореволюционная Сартоновка - деревня довольно зажиточная.

После революции в 1918 году в деревне был образован сельский Совет. В гражданскую войну деревню занимали белочехи. Несколько сартоновских крестьян были отправлены в Мелекесс, там был расстрелян Иван Михайлович Белейчев, а вот Ивану Высокинскому, крепко избитому, удалось по дороге развязать зубами веревки и сбежать.

Разброд мнений, жесткая продразверстка, голод, эпидемии резко ухудшили материальное положение сартоновцев, но несмотря на трудности, сартоновцы не разбежались. к 1926 году в Сартоновке 51 двор и 256 жителей. В здешней школе занималось 33 ученика, правда, местных всего 19.

В 1930 году сельский Совет в деревне был упразднен, а деревня стала относиться к Старорождественскому сельскому Совету. В том же году в деревне был образован колхоз имени Ворошилова, в него же вошли крестьяне из деревни Кологреевка.

Сартоновцы с неохотой шли в колхоз, и потому подверглись жёсткому раскулачиванию. Вот, например, опись имущества кулака Андрея Никитича Дубровского,

1882 года рождения: подушки - 4 штуки, перина - 1, разного белья - 15 штук, дерюга - одна, ватола - одна, одеяло теплое - два, ведра - два, ухватов - два, пиджак - один, чапан - один, чугунов - три, кочерга - одна, хлеба печёного - 8 караваев, сухарей полпуда, пшеницы три пуда, муки 3,3 пуда, денег - 34 рубля.... Имущество некогда самого богатого крестьянина при Советской власти стало более чем скромное, даже если приплюсовать последний ржавый гвоздь, всё равно на кулацкое явно не тянуло. Примечательно, что Советской власти в селе более 12 лет, и казалось, что в её интересах крестьянин должен жить лучше, но власть держала крестьян в "чёрном теле" и оказалась такой мелочной, что описала у неугодного для неё крестьянина последнюю прогоревшую кочергу. Правда, на этом дело не закончилось, в 1931 году у Андрея Дубровского был изъят дом, кладовая, конюшня, сарай. Не простила Советская власть и другим, кто до революции крепко жил. 12 лет власть молчала и вдруг вспомнила, что Григорий Белейчев до революции имел 70 десятин земли, применял наёмный труд, а при Советской власти кроме положенного надела брал (что было разрешено) еще дополнительно в аренду 10 десятин. У него был изъят дом, конюшня, кладовая и два амбара. У Белейчева Якова Степановича изъят дом, конюшня, двор, амбар. У Голубева Егора - дом, конюшня. Те, кто рвался работать, не жалел ни себя, ни членов своей семьи для того, чтобы иметь возможность жить в достатке, становился объектом зависти неспособных и лодырей, переходящей в откровенную ненависть.

Читаем строки из учебника истории за 1965 год (стр. 191): «...колхозный строй уничтожил классовое расслоение среди крестьян, ликвидировал нищету и бедность. Вступив в колхоз, крестьянская беднота и малоимущие середняки получили возможность подняться до положения людей обеспеченных, приобрели уверенность в завтрашнем дне. Их материальное благополучие зависело теперь от количества и качества их труда». Это лишь красивое лицемерие ораторов, ибо в реальной жизни колхозников жили, как после тотального грабежа, у них отобрали землю, лошадей, семена, инвентарь, то есть все производственное имущество крестьянского двора, а колхозник практически превратился не в хозяина всего обобществлённого, а в подневольного батрака. Нетрудно сообразить, что учебник истории бессовестно лукавил.

Ещё один важный момент из жизни деревни: 7 августа 1932 года ВЦИК и Совнарком СССР приняли закон об охране социалистической собственности, в народе его окрестили «законом о пяти колосках», ибо теперь за пять колосков, подобранных на убранном поле, могли дать расстрел или минимум 10 лет с конфискацией имущества. Этот закон открыл неограниченные возможности для продолжения проведения неоправданно жестоких наказаний. Неудачи в сельском хозяйстве власти списали на происки врагов, на расхитителей. Так было проще, и многие с этим согласились. В неурожайный 1933 год люди пухли от голода, в то же время государство вывозило хлеб за границу, практически бросив своё крестьянство в трудную минуту.

В маленькой Сартоновке на собрании колхозников председатель колхоза резко выступал за то, чтобы исключить из колхоза Алексея Платонова за хищение 450 граммов зерна без оплаты трудодней и отдать его под суд; Дубровского Ивана за 80 граммов исключить и отдать под суд... Странно, что власть боролась не с голодом, а сурово расправлялась с голодающими, которых обстоятельства подталкивали на то, чтобы украдкой накормить своих детей. Вот так закончилось всеобщее обобществление - отобрали землю, скот, инвентарь и никакой доли от колхозного дохода не получили, только мизерный трудодень за тяжелую работу, за унижения...

Впрочем, та власть, у которой ничего не получается, непременно становится тоталитарной, то есть правящей за счёт грубой силы, шантажа и репрессий. Она исключает всякую критику в свой адрес, всякое недовольство.

За притеснениями 30-х годов пришли грозные сороковые с Великой Отечественной войной. На войне сартоновцы потеряли 15 человек. Маленькая деревня обезлюдела. Род Дубровских потерял 6 человек, столько же потеряли Белейчевы. В 1950 году колхоз имени Ворошилова влился в Старорождественский колхоз имени партизана Львова (с 1952 года - имени Кирова).

В 1959 году в Сартоновке 133 жителя. Тихим несогласием с колхозным строем объясняется то, что сартоновцы покидали глухую деревушку, находя для себя более приемлемые места. к 1979 году в деревне оставалось 60 жителей, но в последующие годы обезлюдение деревушки ускорилось. В 1995 году в деревне 5 дворов и 9 жителей, по данным 1999 года, на 1 января население не числится. Крестьянская мечта быть ближе к земле, самостоятельно распоряжаться результатами своего труда, жить достойно не состоялась, потому и деревня, как и несостоявшаяся мечта, распалась.

Деревня Большая Ивановка

В 8 верстах к югу от Рождественного располагалась деревня Большая Ивановка.

К созданию деревни побудила отдаленность части земель от села. После межевания 1844 года рождественский помещик, чиновник 9 класса Артамон Семенович Иванов и его жена Александра Петровна получили земли по магистральной линии у грани Малокандалинских земель. По Российскому законодательству, если место работы у работников было удалено от места жительства более 6 вёрст, то на переход туда и обратно каждой следующей версты полагалось сбрасывать полчаса зачётного времени и соизмеримо уменьшать норму дневного задания. Чтобы каждый раз не терять час рабочего времени, с западной стороны оврага Суходол был образован выселок из села Рождественное - деревня Ивановка. Нетрудно заметить, что свое название деревня получила по фамилии помещика.

К 1884 году в бывшей помещичьей деревне было 59 дворов и 405 жителей. У здешней крестьянской общины числилось 335 десятин пашни, 78 лошадей, 55 коров, 250 овец, а 4 двора занимались пчеловодством, имея 55 ульев. За последние 10 лет в деревне сгорело 25 дворов...

Административно Ивановка относилась к Рождественской волости Ставропольского уезда Самарской губернии. К концу 19 века в деревне была ветряная мельница, воду для своих нужд жители брали из колодцев, с юго-востока у деревни был пруд.

До революции крестьяне Ивановки жили довольно зажиточно, потому приобрели 1234 десятины купчей земли, из них 640 десятин пашни...

В истории деревни есть малоисследованная страничка. Так по переписи 1897 года число жителей в деревне значительно уменьшилось, и в 47 дворах осталось 293 жителя... В то же время обращает внимание, что в соседней Хмельёвской волости, всего в 3 верстах к востоку от Рождественного, в устье реки Тинарки при впадении её в реку Майну образовалась небольшая деревня с тем же названием - Ивановка. Можно предположить,

что именно здесь расторопные ивановцы прикупили земли, и часть ивановцев добровольно переселилась на новые земли, назвав своё новое селение так же - Ивановка, но оно уже находилось в другой волости.

Вернемся к оврагу Суходол. В неурожайном 1911 году царское правительство оказало ивановцам трудовую помощь, выделив на расчистку пруда близ деревни 484 рубля. Здесь в деревне была и школа, в которой преподавала Варвара Степановна Вавилова с окладом 540 рублей в год, а законоучителем был Сорокин с окладом 30 рублей. Интересно, что обе Ивановки по церковному приходу относились к церкви села Тинарка. Церковь здесь была построена в 1787 году, а в 1853 году она была реставрирована. Церковь двухпрестольная, главный - во имя Алексея, а в теплом приделе - во имя чудотворца Сергия Радонежского.

Примечательно, что село Тинарка имело другое название – Алексеевка - по главному церковному престолу, но ныне это название забыто. В 1897 году в Тинарке 233 двора и 1297 жителей, здесь есть земская школа, 3 ветряных мельницы. У крестьянской общины как бывшей удельной было 2033 десятины земли.

В Советский период в Тинарке многое изменилось, не стало церкви, а в коллективизацию здесь был образован колхоз "Верный путь", за которым числилось 4506 гектаров земли. Как и повсеместно, село постепенно обезлюживалось. Для сравнения: в 1930 году в Тинарке 220 дворов и 1078 жителей, а в 1996 году в селе осталось 332 жителя.

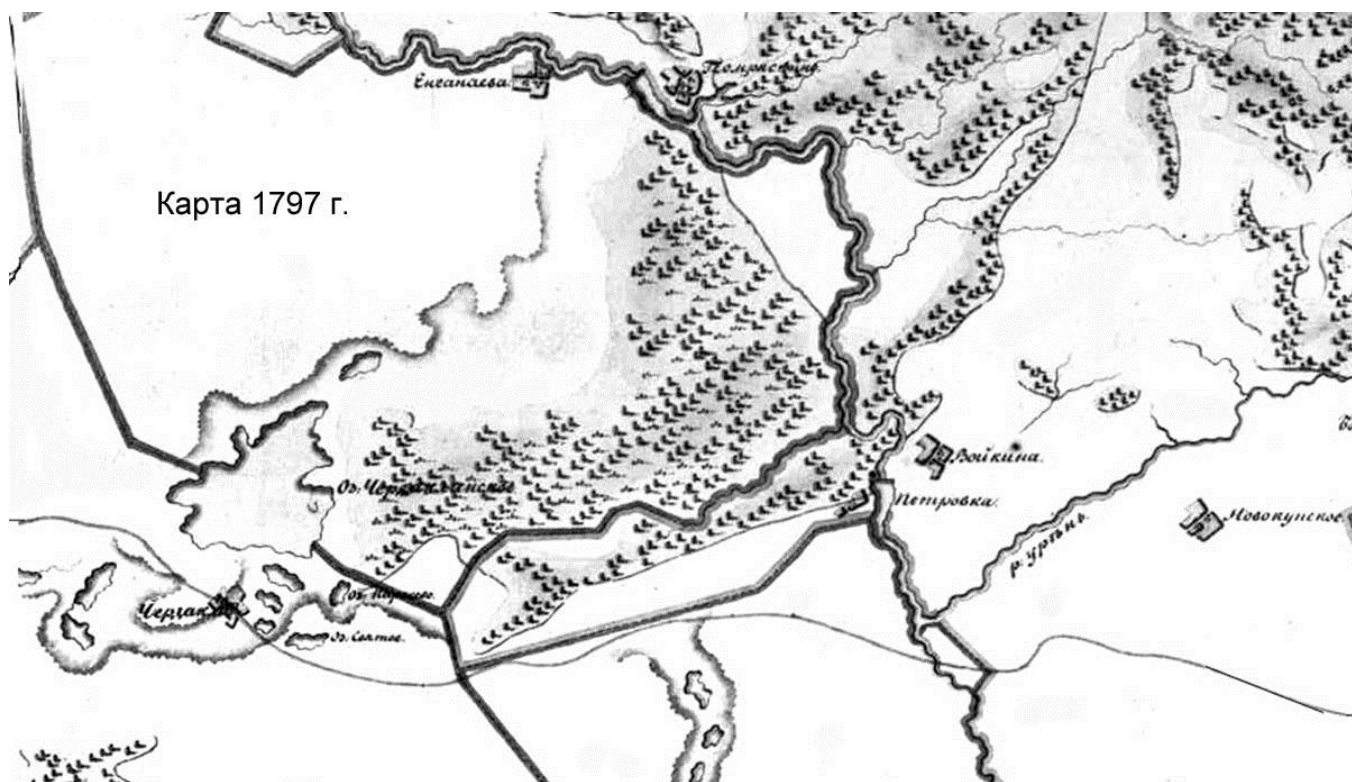
Впрочем, жители Малой Ивановки имели возможность посещать и Хмелёвскую церковь, до которой было не более 4 вёрст. Интересно, что Хмелёвка была образована в 1699 году, когда на реку Хмелёвку были переселены крестьяне из знакомых нам селений Кремёнки и Грязнуха. В 1832 году здесь была построена церковь, но в 1850 году она сгорела, а в 1860-ом на средства прихожан здесь была построена новая, каменная трёхпрестольная церковь с главным престолом в честь Архангела Михаила. Потому село иногда называли Архангельским. Сегодня это название уже не встречается. По данным 1859 года в Хмелёвке 257 дворов и 2930 жителей. С 1861 года Хмелёвка волостное село, а в 1863 году здесь открыта школа. Интересно, что к своему 200-летию в Хмелёвке было 774 двора и более 4 тысяч жителей. Здесь была земская школа, базар по вторникам, 4 водяные и 12 ветряных мельница, у бывшей крестьянской общины числилось 6416 десятин надельной земли. В советский период в Хмелёвке многое изменилось: здесь был образован колхоз имени Кирова, не стало церкви, население уменьшилось. В 1996 году здесь 1263 жителя, ныне село называется Лесная Хмелёвка. Но продолжу свой рассказ о прошлом Ивановок.

При советской власти с укрупнением волостей обе Ивановки оказались в Малокандалинской волости, потому к их названиям была добавлена поясняющая добавка: старая Ивановка, что при овраге, стала называться Большой Ивановкой, а та, что при речке Тинарке, Малой Ивановкой, а в народе просто Ивановочкой... Лес у этой деревушки назывался так же - Ивановский...

В 1918 году в Большой Ивановке был образован сельский Совет, но в 1930-м он был упразднён. В 1930 году в Большой Ивановке было 64 двора и 292 жителя, а в Малой Ивановке - 33 двора и 164 жителя. При коллективизации крестьяне обеих деревень вошли в один колхоз "Третий год пятилетки".

Административно обе деревни с 1930 года относились к Мелекесскому району, с 1935 года - к Малокандалинскому району, а с созданием в 1944 году Тиинского района обе деревни административно стали относиться к Тиинску. Ныне обеих деревень нет, из Ивановок дольше продержалась Малая Ивановка, где был приличный магазинчик, в который частенько ходили жители села Рождественное.

ЧЕРДАКЛЫ, ДМИТРИЕВО - ПОМРЯСКИНО



Карта 1797 г.

По маршруту Ульяновск - Старая Майна где-то на середине пути расположен **рабочий посёлок Чердаклы**. Дважды этот посёлок был районным центром для Старомайнской стороны, потому проезжая через посёлок, обратите внимание на его достопримечательности.

По основной версии, Чердаклы основаны в 1688 году служивым татаринном Сулейманом Янгаповым, впрочем, встречается и другая версия, по которой Чердаклы были основаны в 1679 году служивыми татарами из Саранского уезда и Синбирскими иноземцами в числе 134 человека и 4 недорослей. Возможно, что эти версии звенья одной цепи.

Любопытно и то, что селение изначально называлось Чердаки...

Известный в области топонимист В.Ф. Барашков предполагал, что название Чердаки перенесли сюда переселенцы из Саранского уезда из селений Большой и Малый Чердаки, позже вошедшие в Пензенскую губернию. По народной версии, на месте селения стояли навесы на столбах для сушки сена, где под крышами-чердаками прятались беглые.

Некоторая разбросанность мнений о прошлом села придает его прошлому определённую загадочность, интригу и повод для дальнейшего поиска истины.

К 1771 году в Чердаклах имели земли и крестьян Пелагея Матюнина, Иван Апраксин, Андрей Чернолуцкий, Андрей Языков, Александр Бабкин, Михаил Висленов, князь генерал-майор Василий Вяземский, Иван Попов и другие помещики. Безусловно, не все из них остались в устной памяти, но заставляют задуматься старые названия. Например, одна из улиц называлась по фамилии помещика Степана Маклашевского –

Маклашеевкой, или то, что многие старожилы ассоциируют название Попово озеро по церковному притчу - попу, но на самом деле у озера жила крестьянская община Ивана Тихоновича Попова. Лишь к 1855 году владения его сына, капитана А.И. Попова перешло во владение Александре Андреевне Луцкой, с тех пор место жительства общины получило новое название – Луцкова улица, а вот название озера так и осталось - Попово.

По данным 1859 года, в селе Чердаклы при озере Попово и Яик было 347 дворов и 2527 жителей. Здесь же церковь, почтовая станция, базар по воскресеньям. В селе казенная и помещичьи крестьянские общины...

Примечательно, что село имело и другое название по церковному престолу – Покровское.

Крупным помещиком в селе считался дворянин Черноруцкий, у которого в селе в 30 дворах было сто одна крепостная душа (мужского пола), а на 45 крестьянских тягл приходилась 391 десятина пашни.

С 1861 года Чердаклы – волостное село. В 1862 году в селе открыта общественная школа, преобразованная с 1864 в земскообщественную. В 1894 году в Чердаклах открыта дополнительно церковно-приходская школа. В 1895 году в селе закончилось строительство новой каменной трехпрестольной церкви с главным престолом во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Интересно, что церковь построена в память чудесного события, состоявшегося 17 октября 1888 года. В этот день на Курско-Харьковско - Азовской линии железной дороги произошла катастрофа, в императорском поезде сошел с рельсов второй локомотив и следующие вслед за ним 4 вагона. Место, где произошло крушение, представляло наивысшую степень опасности. По профилю железнодорожное полотно здесь рисовалось в виде крутого закругления, с другой – в виде высокого уклона. Таким образом, на этом месте фатально сочетались наиболее рискованные инженерные условия, к тому же по этому месту поезд мчался со скоростью 65 километров в час. Во время крушения погибло 19 человек, многие получили травмы, к счастью императорская семья не пострадала, и вот в честь этого чудесного спасения императора и его семьи и был по строен в Чердаклах новый храм. Строительству храма способствовало и то, что в селе закрепилась община бывших удельных крестьян, у которых царская семья было особо почитаема. К сожалению, в Советский период церковь снесли, а на ее месте построили дом культуры.

По переписи 1897 года в Чердаклах 661: двор из 3646 жителей. У бывших казенных, удельных и помещичьих крестьян числилось 6450 десятин надельной земли.

Храм в с. Чердаклы Сегодня Чердаклы в экономическом плане находятся в лучшем положении, чем Старая Майна, ибо здесь есть железнодорожная станция, мясокомбинат, комбикормовый завод, спиртзавод. В селе действует в приспособленном здании уютная каменная церковь, через Чердаклы идут важные пути Ульяновск – Димитровград, Ульяновск – Старая Майна-Татарстан, по которому мы продолжим свое путешествие.



Трехпрестольная церковь

К северу, за Чердаклами, у границы со Старомайнским районом на левом берегу Уреня расположилась татарская **деревня Енганаево**, через которую приходится проезжать. Деревня примечательна тем, что основана была в 1661 году служивым татаринном Янганайкой Кадышевым из Синбирского уезда, который выхлопотал пахотные земли с покосами, за что обязался нести государству службу по Казанскому уезду. Всего в образованной деревне поселилось 32 двора. Интересно, что по данным 1859 года в удельной деревне 96 дворов и 1061 житель, мечеть. А вот по данным 1897 года в Енганаево (Ентундино) 381 двор и 2025 жителей. В деревне 2 мечети, 2 магометанские школы, 2 ветряные мельницы, крупобирка. Однако наибольшей численности деревня достигает в 1930 году, когда здесь было 644 двора и 2895 жителей (для сравнения в 1996 году в деревне числилось 1061 житель).

К северу от Енганаева, за добротным железобетонным мостом через реку Урень, на горе стоит скромный знак, извещающий о начале Старомайнского района, от которого с полверсты к востоку виднеется село Дмитриево Помряскино. Это село из Чердаклинского района, но так получилось, что в новейшей истории село присоединили к

Старомайнскому району, потому приходится более подробно ознакомиться с его прошлым.

Село Дмитриево-Помряскино

Село-центр сельской администрации расположен в 20 километрах к югу от Старой Майны. Здесь: школа-лицей, Дом культуры, усадьба ОПХ «Заречное». В 1999 году в селе 412 хозяйств и 1255 жителей.

Село Дмитриево-Помряскино продолжительно считалось одним из значительных фольклорных мест Ульяновской области. И хотя со временем здесь многое преобразилось, и со сменой поколений как-то иссякла та прежняя самобытность, утратилась неповторимость устного наследия, но традиции и стремления к творчеству сохранились. Новые люди, собранные здесь разными жизненными обстоятельствами, нашли здесь благодатную почву для творчества и созидания.

Дмитриево - Помряскино основано в 1679 году на правом берегу Урени мордовскими поселенцами Казанского и Арзамасского уездов. Исследователи предполагают, что название Помряскино произошло от распространенного мордовского имени Помряско.

В конце 17 века в Помряскино по указу Петра Первого была переселена группа польских шляхтичей – панов, отчего Помряскино приобретает и другое название – Панское Помряскино, это название в народе употреблялось и в советский период, причем часто в коротком варианте – Панское...

Современное название села – Дмитриево-Помряскино тоже имеет старые корни – в 1736 году в селе была построена деревянная церковь с престолом во имя Дмитрия Солунского, отчего село и стало называться Дмитриево - Помряскино. Однако в 1840 году во время большого пожара эта церковь сгорела. Если бы сельчане взамен ее решились построить новую церковь, то по обычаю главным престолом в ней непременно был бы прежний – во имя Дмитрия Солунского. Но к тому времени в селе была уже вторая церковь, и необходимости в строительстве новой церкви после такого разорения не было, потому о престоле во имя Дмитрия Солунского со временем в селе стали забывать. Тем не менее, знаменательная для села приставка сохранилась и стала решающей в официальном названии села...

Интересно, что польские поселенцы были наделены землей четвертями на дворянских правах, то есть они могли свои наделы продать, обменять, заложить. Крестьян, наделенных четвертями, с 1714 года стали называть однодворцами. В селе и ныне одна из старейших улиц носит название Однодворки. Правда, к большому сожалению, это уже не официальное название, но оно по-прежнему остаётся визитной карточкой села, своеобразным и примечательным памятником истории. При одном лишь упоминании «Однодворки» пробуждается нескрываемый интерес к прошлому наших предков, к нашему бесценному наследию, что нельзя сказать о многих современных названиях, часто шаблонных, безликих и непродуманных.

Знакомясь с историей других селений, можно расширить своё представление об однодворцах и об их традициях. Обычно однодворцы, по сравнению с крепостными крестьянами, имели больше земли и жили более зажиточно. Помряскинские земли привлекали и многих помещиков, к 1770 году среди них были известные дворянские

роды. Здесь имели владения граф Петр Шереметьев, князь капитан Семен Вяземский, князь капитан Иван Бабичев, подполковник Петр Бекетов, полковник Алексей Григорьевич Языков и другие. Безусловно, время многое стирает из памяти, на смену одним людям приходят другие, оставляя для исследователей загадочный слой прожитого...

К 1795 году в селе Дмитриево-Помряскино (Панское) было 88 дворов и 656 жителей. Село состояло во владении однодворцев (панов) и нескольких помещиков: надворной советницы Анны Михайловны Наумовой, майора Платона Петровича Бекетова, статского советника Ивана Никитича Репьева, поручика Леонтия Петровича Тургенева, прапорщицы Екатерины Николаевны Наумовой, вдовы капитана Марии Петровны Наумовой, майора Алексея Анисимовича Лукина, секунд-майора Павла Михайловича Наумова...

Всего за селом числилось 5008 десятин земли.

В последующие 50 лет большинство здешних помещиков продали свои владения другим помещикам: статскому советнику Александру Михайловичу Быкову, коллежскому регистратору Евлампью Николаевичу Нечаеву, коллежскому регистратору Владимиру Николаевичу Лаврентьеву и подпоручице Василисе Даниловне Слепцовой.

Сегодня этих дворян никто не помнит, однако в селе еще бытуют старые названия улиц: Нечаевка, Быковщина... Нетрудно догадаться, что здесь были общины крестьян этих помещиков. Впрочем, о дворянах напоминает и главная достопримечательность села – церковь, к нынешнему моменту изрядно поруганная местными вандалами – атеистами...

Несмотря на откровенную заброшенность, храм и ныне притягивает к себе какой-то божественной непостижимостью, заставляет задуматься, сопереживать. Церковь построена в 1816 году стараниями дворянки Анны Михайловны Наумовой. Нетрудно угадать, что строительство храма было великим откликом и благодарностью воинам и всему российскому народу за победу над французами в Отечественной войне 1812 года. Церковь каменная, теплая. В 1840 году во время большого пожара здание церкви пострадало, но уже в следующем году церковь была обновлена помещиком гвардии прапорщиком Николаем Михайловичем Наумовым. Церковь трехпрестольная: главный – во имя Казанской Божьей Матери. В правом приделе, построенном в 1858 году, – во имя Святителя Мирликийского Чудотворца Николая; в левом – во имя Архистратига Божия Михаила и прочих Бесплотных сил. Ещё при церкви была выложена каменная часовня другим землевладельцем – Дмитрием Евлампиевичем Нечаевым. Эти добрые деяния стали для последующих поколений селян добрым примером прекрасных душевных порывов...

К 1859 году в селе Дмитриево-Помряскино было 124 двора и 1051 житель. После отмены крепостного права в селе сложились три крестьянские общины: две из них были бывшие помещичьи и одна из бывших государственных крестьян, в том числе и однодворцев.

Административно село относилось к Чердаклинской волости (10 верст), Ставропольского уезда (125 верст), Самарской губернии (208 верст).



Каменная церковь

В 1865 году в селе открылась земская школа площадью в 104 квадратных метра, для того времени это было достаточно просторное помещение.

К своему 200-летию село Дмитриево-Помряскино довольно зажиточное, в юбилейном 1879 году в селе родилось 152, а умерло 66 человек. О материальном положении здешних крестьян говорят сухие цифры статистики: к 1884 году в Дмитриево-Помряскино (Панское) 204 двора и 1179 жителей. За крестьянскими общинами было 2206 десятин земли, из них 1631 пашни. Но наделы между общинами были разными: в лучшем положении были бывшие государственные крестьяне. Так, если брать в среднем на едока (как было в советский период), то здесь приходилось по 1,7 десятины пашни. В то же время у бывших помещичьих приходилось около 0,9 десятины пашни. Нетрудно догадаться, кому на селе жилось лучше...

В целом положение селян выглядело неплохо. У помряскинцев на 204 двора было 290 коров, 423 лошади, 490 овец, а 12 хозяйств имели 197 ульев. И еще один важный показатель: за последние 10 лет в селе сгорело 219 дворов. Это свидетельство того, что некоторые горели не раз. Неудивительно, что в дальнейшем частые пожары вынуждали помряскинцев строить более надежные кирпичные дома.

Из трудных лет для селян стоит выделить 1892 год, когда в селе свирепствовала холера. В этот год по здешнему приходу родилось 143, а умерло 158 человек. Из них только в августе умерло 42 человека, в том числе 37 от холеры... Тяжелым был и следующий 1893 год. В этом году родилось 160, а умерло 164 человека: из них только в июле умерло 68 человек, в том числе 49 от холеры.

По переписи 1897 года в селе Дмитриево-Помряскино 256 дворов и 1375 жителей, здесь две школы: земская и церковно-приходская, здесь же водяная мельница и 5 ветряных.

О прошлом села известен лишь небольшой очерк бывшего директора школы А.А. Клыкова («Ленинская искра» за 1972 год), в котором автор высказывал мнение об отношении царского правительства к просвещению. Нетрудно догадаться, что он считал, что средств тогда выделялось на народное образование ничтожно мало: так на отопление в 1901 году было выделено 36 рублей, на учебные пособия – 15 рублей и на прочие расходы – 7 рублей. Однако автор не указал состояния курса рубля тех лет в сравнении к нашему времени, потому выводы автора требуют уточнения...

Клыков приводит документ «О постановке обучения в школах Ставропольского уезда», где говорится, что в апреле, мае 1901 года были проведены экзамены в школах, где отмечалось, что в Дмитриево-Помряскинской школе успешно сдали экзамены 20 учеников. Учительский Совет по рассмотрению экзаменационных списков и протоколов нашел необходимость выдать денежную награду за успешную подготовку учащихся учительнице Дмитриево-Помряскинской школы Патрижицкой Анне Фёдоровне.

Успехи выпускников школы постепенно убеждали крестьян в том, что их детям грамота нужна, потому постепенно количество учеников увеличилось. В 1912 году в здешней земской школе – 96 учеников, из них 2 девочки, это потому, что девочек рекомендовали учить в церковно-приходской школе. В земской школе хорошо оплачиваемой учительницей была Анна Фёдоровна Патрижицкая, получавшая 540 рублей в год (часть от земства, а часть от общества), другой учитель школы Иван Протасьевич Неструев получал 360 рублей, а законоучитель Павел Васильевич Сафотеров – 60 рублей. Для сравнения на этот период плотник зарабатывал за день от 70 копеек до 1.15 рубля.

В том же 1912 году в селе было 8 пожаров, от которых сгорело 67 дворов на сумму 25210 рублей. Безусловно, страшную беду нельзя оценить простым денежным эквивалентом, ибо для пострадавших утрачены не только материальные ценности, но и время, и пережитое несоизмеримое нервное потрясение.

По данным 1915 года село достигает наибольшей известной численности – 1631 житель. Из 237 крестьянских хозяйств лишь 21 считались безлошадными, но остальные были благополучными, из них 125 имели по две лошади, а 32 хозяйства имели по три и более лошадей.

Из трех сельских обществ значительное увеличение земельных наделов произошло во втором (бывшем помещичьем) обществе за счет 1482 десятин купчей земли. Следует напомнить, что в селе до революции было построено много каменных (кирпичных) домов, и на тот период село было довольно крепким.

Сегодня прошлое села люди воспринимают по-разному, ибо Великий Октябрь провел невидимую грань, за которой идеологи продолжительно и настойчиво твердили об убогости и неприглядности дореволюционного села. Тем самым затушевывали многое, что сами успели натворить после революции, доведя зажиточное село до крайней бедности...

В 1918 году в Дмитриево-Помряскино был образован сельский Совет. При новой власти селяне пережили жуткое время Военного коммунизма, тревоги гражданской войны, засуху, нещадный голод и эпидемии, все это привело селян к резкому обнищанию.

В 1930 году в селе Дмитриево-Помряскино было 333 хозяйства и 1546 жителей, в том же году в селе был образован колхоз имени Мичурина. С коллективизацией менялся и привычный уклад сельской жизни, в том же тридцатом со здешней церкви сняли колокола, где-то в тридцать втором ее закрыли, а здание церкви использовали под склад.

Словно Божье предупреждение за утерю духовности, от молнии сгорела ветряная мельница, что была несколько восточнее церкви, затем была тяжелая кровопролитная война. Может, это было масштабным наказанием человечеству за массовые нарушения Божьих заповедей, ибо всякая мутация разума приводит к катастрофическим катаклизмам.

Война стала для помряскинцев тяжелым испытанием.

В районную Книгу Памяти занесены имена 107 селян, не вернувшихся с войны, а спустя 49 лет с начала войны, в Дмитриево-Помряскино поставят красивый памятник не вернувшимся селянам в виде развернутой книги, у основания которой мемориальные плиты с именами погибших.

Коллективизация, репрессии и война оставили в памяти горькие воспоминания. Это годы беспросветного, практически бесплатного рабского труда, непосильных налогов, недоедания, невосполнимых потерь и тревожных ожиданий. Старожилы с горечью рассказывали о том, чтобы выжить и платить налоги, им приходилось на своем участке сажать вместо овощей махорку, а затем продавать её в городе Ульяновске.

В 1950 году в Дмитриево-Помряскинский колхоз *Памятник погибшим Дм.-Помряскинцам в ВОВ*

влились колхозы из селений Юрманки, Ботьма, Ерзовка, Ивановка, а с устройством Куйбышевского водохранилища в село переселилась часть жителей сносимых селений.

В 1959 году в Дмитриево-Помряскино 996 жителей.

В 1960 году колхоз вошел в состав совхоза «Старомайнский». В совхозе помряскинцы стали получать за свой труд зарплату, и жизнь в селе стала улучшаться.

В истории села были и другие эксперименты: помряскинцы входили в совхоз «Неверовский», и наконец, с 1976 года здесь образовалось Опытно-производственное хозяйство «Заречное».

Безусловно, в новое хозяйство были вложены большие средства. В эти годы в Дмитриево-Помряскино построено много новых домов, в том числе двухэтажных панельных, с удобствами. Здесь же новое здание школы (1985 год), Дом культуры (1988 год), детский сад на 90 мест, водопровод, газопровод, дороги с твердым покрытием, картофелехранилище на 500 тонн и многое другое.

Если сегодня идти в село с большака, то с левой стороны дороги новая более благоустроенная часть села, ее часто называют Площадкой (полнее Стройплощадкой), далее улица продолжается по старой части села, изгибаясь в виде подковы, северная часть которой называется Бухарой. Происхождение этого странного для здешних мест названия ведется, по рассказам старожилков, с голодного года, когда, спасаясь от голода, люди разъезжались в поисках сытых мест, где пережидали трудное время, вернувшись, они делились впечатлениями, и более всего селян покорила рассказ о Бухаре, с тех пор кусок улицы, где жил рассказчик, прозвали Бухарой.

Примечательно, что улицы в селе имеют и официальные названия: Советская, Рабочая, Первомайская... Названия до оскомины шаблонные, потому мало употребляются.

Основное богатство села – это люди от рядовых рабочих до руководителя, от работников культуры до школьного учителя. К сожалению, последнее десятилетие 20 века наше Отечество потрясли непродуманные реформы, от которых особенно пострадало сельское хозяйство. В этом тотальном обвале экономики было трудно сохранить прежние сельскохозяйственные предприятия, значительно снизились показатели и в ОПХ, многое достигнутое оказалось под угрозой, к 1999 году вдвое сократилось дойное стадо. Хочется верить, что выход из этого тупика найдется, и для селян наступит время очередного подъема. Главное - не падать духом, не искать виновных, а научиться жить по-новому.

Вместо эпилога

Заканчиваю свой рассказ о селениях нашего края, а на душе - словно прощальные аккорды в ритме старого доброго русского романса, когда в мыслях и голосе больше необъяснимой грусти и многое уже не вернуть и не всё сбылось, как хотелось и время безвозвратно уходит. И вроде что-то было хорошее, обнадеживающее, потому и прошлого не жаль. Вот так и с прошлым наших селений - много, много грусти, много близкого, родного, что заставляет возвращаться нас в суровое прошлое, грустить, печалиться, переживать, но порвать с ним у нас нет сил - это наша история, часто со слезами на глазах. Здесь наша горечь и наша гордость и наша радость.

P. S.

Время не стоит на месте. Пока книга готовилась к печати, в жизни района произошло много изменений. Уже нет колхозов, вместо них образованы СПК (сельскохозяйственные производственные кооперативы). Правда, от смены названий улучшений для селян не произошло. Попрежнему сельское хозяйство влачит своё плачевное существование. Произошло очередное административное деление, практически вернулись к волостям, правда, их назвали как-то странно – поселения. Менее доступно стало высшее образование, для многих категорий населения оно практически недоступно. Одно радует, что не стало дефицита товаров, люди стали одеваться значительно лучше, чувствуют себя более раскованно и свободно. Видимо, первое десятилетие 21 века пройдёт в постоянном сравнении жизни при прежней социалистической модели и нынешней...

Примечания: *Краткий табель о рангах в царской России*

Классы/ Гражданские чины/ Военные/

- 1 Канцлер Генерал- фельдмаршал
 - 2 Действительный тайный Генерал-кавалерии советник
 - 3 Тайный советник Генерал-лейтенант
 - 4 Действительный тайный Генерал-майор советник
 - 5 Статский советник Бригадир
 - 6 Коллежский советник Полковник
 - 7 Надворный советник Подполковник
 - 8 Коллежский асессор Майор
 - 9 Титулярный советник Капитан, ротмистр
 - 10 Коллежский секретарь Штабс-капитан,
 - 11 Корабельный секретарь Штабс-ротмистр
 - 12 Губернский секретарь Поручик
 - 13 Провинциальный секретарь Корнет
 - 14 Коллежский регистратор Прапорщик
- Алтын – 3 копейки
Полденьги, полушка – четверть копейки
Аршин=16 вершкам – 71,12 см
Вершок – 4,45 см
Фунт, гранец: аптекарский – 358 граммов, торговый – 409 граммов
Пуд=40 торговым фунтам – 16,38 кг
Верста – 1,066 км
Сажень – 2,13 метра

Квадратная сажень – 4,55 кв. м

Кубическая сажень – 9,71 куб. м

Четверть: мера сыпучих тел – от 8 до 9 пудов, мера поверхности – 0,5 десятины

Десятина: мера земли – 1,1 гектара

Сотка, ар: сотая часть гектара – 100 кв. м